ИСТОРИЯ NIRVANA

COME AS YOU ARE

18+

МАЙКЛ АЗЕРРАД

ПЕРВОЕ РУССКОЕ ИЗДАНИЕ КУЛЬТОВОЙ КНИГИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Казалось, что он не умел говорить „без комментариев“, и отвечал на все вопросы, что я ему задавал», – вспоминает свое общение с Куртом Кобейном автор этой книги. Биография, написанная Майклом Азеррадом, стала единственным повествованием о Nirvana, записанном и вышедшем до трагической смерти ее лидера. Первое издание появилось на свет в 1993 году, оно представляло собой монументальный труд, собранный из десятков эксклюзивных и подробных интервью с участниками группы: Куртом Кобейном, Кристом Новоселичем и Дейвом Гролом, с их друзьями и членами семей. Come As You Are – это крупный план, интимная история Nirvana, раскрывающая феномен взявшейся из ниоткуда группы, чьи альбомы сразу стали расходиться многомиллионными тиражами. Чей голос олицетворял всю растерянность, разочарование и страсть нового поколения. Так было в 90-х, таким это остается и в наши дни. Это книга о бунтарях, а не о легендах, о жизни, а не о фатальности. Свежая история, отличающаяся от всех посмертных исследований их творчества.В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

- Майкл Азеррад
  -
  - Команда проекта
  - Благодарности
  - Нулевая глава
  - Глава I
  - Глава II
  - Глава III
  - Глава IV
  - Глава V
  - Глава VI
  - Глава VII
  - Глава VIII
  - Глава VIII с половиной
  - Глава IX
  - Глава X
  - Глава XI
  - Глава XII
  - Глава XIII
  - Глава без номера
  - Глава XIV
  - Глава XV

- Последняя глава
- Американская дискография Nirvana
- Британская дискография Nirvana
-

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37
  - 38
  - 39

- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83

- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101

Майкл Азеррад
Come as you are: история Nirvana, рассказанная Куртом Кобейном и записанная Майклом Азеррадом

Посвящается Джули

COME AS YOU ARE
© 1993 by Michael Azerrad
© Gutchie Kojima / Shinko Music / HYPERLINK «http://gettyimages.ru/»
GettyImages.ru

Выражаем огромную благодарность за помощь в подготовке книги *Антону Зарицкому, Александру Беляеву,* редакции издания Rock Week magazine и сообществу https://vk.com/nirvanamusic.

В первом издании Come as you are были фотографии группы, но, к сожалению, спустя много лет иллюстрации не сохранились для печати. Однако текст по-прежнему актуален и хорош, надеемся, вы, как и мы, получите удовольствие от прочтения этой книги.

© Вершинина Н., перевод на русский язык, 2020
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Команда проекта

ПЕРЕВОДЧИК – НАДЕЖДА ВЕРШИНИНА

«Книга была одной из первых биографий Nirvana и входит в список “50 величайших рок-биографий всех времен”, поэтому мне, как человеку, любящему группу и более-менее знакомому с ее историей, было очень приятно над ней работать. Книга была для меня интересна прежде всего огромным количеством новых, неизвестных мне фактов и живым взглядом автора на события, так как писалась она в контакте со всеми участниками группы, а не стала компиляцией, собранной из общеизвестных источников. Книга может быть интересна не только поклонникам группы Nirvana, но и всем любителям современной рок-музыки, так как описывает множество процессов, происходивших в музыке конца 1980-х – начала 1990-х годов и повлиявших на формирование современной рок-сцены».

ЛИТЕРАТУРНЫЙ РЕДАКТОР – ЯНА МИХАЙЛОВА

«Эти строки захватывают с первых страниц. Захватывают и не отпускают. Удивительный мир удивительного человека, чувственный монолог «на кончиках пальцев». Череда уличных открытий и знакомств, страстные погружения в джаз, баскетбол, карате и панк, жажда приключений, бесконечное стремление познать себя, распахнуть свою душу. И любовь. Через боль, через нежность, через бытие».

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР – ЕЛЕНА РУМЯНЦЕВА

«Работа над книгой проходила на одном дыхании. Будучи давней поклонницей творчества Курта Кобейна, узнала много новых подробностей из его жизни: порой забавных, порой печальных. То, что книга частично построена на диалогах, дает возможность воспринимать текст со своей личной позиции, не опираясь на мнение автора. Такой подход заставляет больше погружаться в события, проживать и переживать их вместе с участниками».

КОРРЕКТОР – ОЛЬГА АМЕЛЮШКИНА

«Курт Кобейн и Nirvana – это неотъемлемая часть определенного периода моей жизни в школьные годы. Когда я впервые услышала о группе, Курта уже не было в живых, и почему-то это заставляло как-то по-особенному относиться к музыке, которую слушала. И спустя много лет это особенное отношение сохранилось, когда я читала эту книгу. Какая-то

возможность узнать человека, хотя бы попытаться понять его поступки. И уж совсем невероятные эмоции были от концовки. И вроде знаешь, чем все кончилось, и все равно переживания какие-то глубокие. Книга оказалась очень полезна и в эмоциональном плане».

«Одна из тех книг, которая в обязательном порядке должны быть у каждого поклонника гранжа. Да и вообще у любого человека, который интересуется рок-музыкой – ведь трио из Абердина перешагнуло все рамки жанров и стало достоянием человечества. Майкл Азеррад писал свою «Истори. группы Nirvana» тогда, когда Курт был еще жив – первое издание книги вышло и стало бестселлером еще в 1993 году. Через полгода Майклу пришлось дописывать послесловие о смерти своего героя – в этом переводе оно есть. Но основная часть книги – это Nirvana тех времен, когда люди и не представляли себе. что с группой может что-то случиться. Тем интереснее посмотреть, как группу воспринимали тогда».

ROCK FM 95.2

Благодарности

Я глубоко признателен за помощь и поддержку следующим людям:

Курту и Кортни
Кристу и Шелли
Дэйву
Чэду Ченнингу
Джону Сильве, Бетэнн Будденбаум и Майклу Мейзелу
Сьюзи Теннант и Кристу Свенсону
Рэнди Уэйджу
Марку Кейтсу
Рошелль Фокс, Люку Вуду, Дэннису Деннехи и Кристси Шэннон из Geffen
Чарльзу Питерсону
Трейси Марандер
Нилу Россу
Брюсу Трэйси
Скотту Мойерсу
Саре Лэйзин и Лоре Нолан
Миссис Бернис Ченнинг
Венди О'Коннор
Мэрисаре Квинн
Кэрри Фрид
Эми Финнерти
Нильсу Бернштейну
Марку Докторою
Бет Коэн
Мэтту Суини

Не благодарю: Lunatic Fringe[1] (рекорд 29,715, уровень 40)

Нулевая глава

Девятое апреля 1993 года, арена Cow Palace в Сан-Франциско. Одиннадцать тысяч человек – гранджеры, качки, металлисты, мейнстримеры, панки, родители с маленькими детьми, хиппи – все они приехали из такой дали, как Лос-Анджелес и Сиэтл, на первое за семь месяцев выступление Nirvana в Америке, организованное в пользу боснийских жертв насилия. Помимо семинедельного клубного тура в конце 1991 года, американские поклонники могли наблюдать за живым выступлением группы на телешоу «Saturday Night Live»[2] около года назад. За это время произошло многое: поползли слухи о наркотиках, о распаде группы, судебные дела и около пяти миллионов копий альбома *Nevermind*, проданных по всему миру. И многого *не* произошло – стадионный тур по США, новый альбом. Этот концерт был решающим.

Группа выходит на сцену. Курт Кобейн в светло-голубом кардигане, вывернутой наизнанку футболке группой Captain America и рваных синих джинсах, слегка нервничая машет толпе. Он специально осветлил волосы; они мочалкой падают ему на глаза и закрывают верхнюю часть лица.

После вступительных аккордов *Rape me* группа начинает играть со взрывной силой, звук залпами летит со сцены в толпу – *Breed, Blew, Sliver, Milk it*[3], *Heart Shaped Box*. Ближе к концу они играют «тот самый хит с большой буквы», и, стоит только Курту проиграть вступительные аккорды, как мошеры[4] в зале просто слетают с катушек. И, когда во время исполнения *Lithium* в воздух поднимаются горящие спички и зажигалки, каждый в этом огромном ангаре осознает, почему он так любит Nirvana.

Хотя Криста Новоселича и Курта разделяет по меньшей мере тридцать футов, они двигаются и взаимодействуют друг с другом так, будто стоят намного ближе; они общаются безо всяких усилий. В середине выступления Курт обращается к Кристу со словами: «Я в порядке! Я могу играть еще целый час!» И они играют, умудряясь уложиться в полтора часа с двадцатью четырьмя песнями, включая восемь песен из предстоящего альбома. Толпа воодушевленно аплодирует новинкам, особенно жесткому долбежу *Scentless Apprentice* и великолепной *All Apologies.*

Эдди Веддер из Pearl Jam заглядывает на сцену из-за кулис сбоку; рядом с ним – Дейл Кровер из The Melvins. Фрэнсис Бин Кобейн сидит наверху, в гримерной отца, в компании няни; спускаясь, Кортни ловко уворачивается от бутылки с

минеральной водой, которую Курт бросил, не глядя. Она саркастически помахала ему в ответ.

По окончании серии песен Курт, Крист и Дэйв исчезают за барабанной установкой и передают друг другу сигарету, обсуждая, какие песни сыграть дальше, а затем возвращаются еще на полчаса и играют семь песен. Кульминацией становится *Endless, Nameless* – загадочный трек, закрывающий альбом Nevermind. Группа играет основной рифф песни все быстрее и быстрее, пока он не становится трансовым. Курт поднимается на свою стойку с усилителями. Она не слишком высокая, но он ходит по ней, будто потенциальный самоубийца по карнизу. Музыка все ускоряется и ускоряется. Гитары беснуются, Крист отстегивает ремень и размахивает бас-гитарой перед своим усилителем; Дэйв Грол молотит с удивительной точностью. Музыка доходит до своего пика, и Курт падает на барабанную установку. Барабаны и стойки тарелок падают вслед за ним, напоминая хищный цветок, раскрывший лепестки и поглотивший жертву. Конец шоу.

Люди спрашивают друг друга, в порядке ли Курт. Вряд ли это был запланированный трюк. Если бы это было так, они наверняка подложили бы туда что-нибудь. Возможно, это была дурацкая выходка, словно школьника, нарочно разбившего нос и размазавшего кровь по лицу, чтобы от него отстали, что-то в духе I hurt myself before you can («Я причиню себе вред раньше, чем это успеешь сделать ты»). Выходка парня, начавшего концерт с песни под названием Rape me («Изнасилуй меня»). Возможно, это дань любимым «трюкачам» Курта – Ивелу Книвелу[5] и Игги Попу. Или же Курта настолько завела музыка, что ему стало плевать на физические увечья, и он стал словно увлеченный индийский йог, шагающий по раскаленным углям? Судя по реакции публики, возбужденной и радостной, последнее объяснение подходит больше всего.

После концерта вся команда отмечает триумфальное выступление во внутреннем дворе модного мотеля «Феникс» – за исключением Курта и Кортни, удалившихся в шикарный отель на другом конце города. По словам Кортни, «Феникс» вызывает у них плохие воспоминания. И кроме того, банные полотенца здесь слишком маленькие. Но даже без них это место превращается в маленькую деревеньку Nirvana. Тут Дэйв, его мать и сестра, Крист и Шелли, а также улыбчивый Эрни Бейли, гитарный техник, его жена Бренда, тур-менеджер Алекс Маклеод, светодизайнер Сюзанна Сасик, люди из Gold Mountain Management, Марк Кейтс[6] из Geffen/DGC[7] и даже члены сиэтлской группы Love Battery, которые случайно оказались в городе. Крист спускается в

продуктовый магазин, берет пару связок пива, и вечеринка продолжается до самого рассвета.

На следующий день Крист совершает паломничество в легендарный книжный магазин City Lights. Он выходит на улицу к банкомату, где бездомный провозглашает: «Добрые вести, люди! Мы будем рады принять в честь Пасхи двадцатидолларовые купюры!» – и Крист дает ему одну.

Концерт в Cow Palace стал победой. Он был похож на подтверждение того, что панк-рок-группа, сорвавшая главный джекпот мейнстрима, сделала это не случайно. Эта победа стала резонансной для группы, да и для всех подобных групп, и, возможно, даже для рок-культуры в целом. Как недавно сказала Ким Гордон[8] из Sonic Youth: «Когда такая самобытная группа, подобная Nirvana, выходит из андеграунда, она в действительности отображает то, что происходит в культуре, и это не коммодити»[9].

То, что происходило на тот момент в культуре, выражалось не только в звучании музыки, но и в том, как она становилась популярной, что не менее важно.

> Феномен панк-рока возник в тот момент, когда Джонни Рамон впервые поднес медиатор к струнам, вдохновляя на полуторавековую тяжелую работу бесчисленные группы, независимые звукозаписывающие лейблы, радиостанции, журналы и фэнзины[10], а также небольшие магазины с пластинками, которые изо всех сил пытались создать некую альтернативу безликому, снисходительному корпоративному року, навязываемому публике циничными крупными лейблами, обезличенными аренами, мегакрупными магазинами пластинок, никудышными радиостанциями и зазнавшимися национальными рок-журналами.

Вдохновленный революцией панк-рока, музыкальный андеграунд сформировал всемирную сеть, теневую музыкальную индустрию. Она продолжала расти до тех пор, пока даже самые упорные усилия музыкальной индустрии, контролируемой поколением беби-бумеров[11], не смогли сдержать ее. Первым взрывом были R.E.M., затем пришли Jane’s Addiction, а потом произошел Большой Взрыв: на сегодняшний день по всему миру продано больше восьми миллионов копий альбома *Nevermind*. Он бросил вызов лучшим работам таких знаменитостей, как Майкл Джексон, U2 и Guns n’ Roses, и попал на первое место в чарте Billboard.

После этого все разделилось на «до» и «после» Nirvana. Радио

и пресса начали всерьез воспринимать эту «альтернативу». Звукозаписывающие лейблы резко переосмыслили свою стратегию. Вместо того чтобы активно продвигать легкую поп-музыку, которая всегда хорошо продается и потом больше никогда не слушается, они решили начать подписывать договоры с долгосрочной перспективой. Лейблы продвигали их на местном уровне, вместо того чтобы вкладывать в них деньги до того, как они начнут приносить прибыль. Это было похоже на путь, который прошли Nirvana – начиная с небольшой группы СМИ и музыкальных фанатов, чье ценное сарафанное радио расширяло фан-базу группы сначала понемногу, а затем все стремительнее. Минимум рекламы, просто хорошая музыка[12].

Исследовательское рвение, необходимое для того, чтобы пробиться сквозь болото независимой музыки, по сути, было лишь критикой стадного потребительства. Это было нежелательным развитием событий для крупных лейблов, зависящих от денег, потраченных на рекламу, в попытках донести до публики свое видение. Независимая музыка требовала независимого мышления – от артистов, которые создавали ее, предпринимателей, продающих эту музыку, и людей, которые ее покупали. Отыскать новый сингл Calamity Jane[13] намного сложнее, чем последний компакт-диск C + C Music Factory[14].

В 1990 году на первое место в чартах не попал ни один рок-альбом, из-за чего некоторые эксперты отрасли прогнозировали смерть рок-культуры. Аудиторию этой музыки систематически делили на группы менеджеры радиостанций, которые ищут идеальную целевую аудиторию, и маловероятно, что поклонники рока могли бы объединиться вокруг одной записи в достаточном количестве, чтобы поднять ее на вершину чартов. Одновременно с тем, как рок перерос в высохший, хорошо обработанный искусственный бунт, такие жанры, как кантри и рэп, обращались напрямую к настроениям и заботам масс. Хотя в 1991 году хитами № 1 становились и другие рок-альбомы, Nevermind объединил аудиторию, которая никогда раньше не была единой, – людей за двадцать.

Двадцатилетняя молодежь устала от старикашек вроде Genesis, Эрика Клэптона и от искусственного творчества Полы Абдул и Milli Vanilli, которое стояло комом в горле, и просто хотела иметь свою собственную музыку. Что-то, что выражало бы их чувства. Количество детей из разведенных семей было ошеломляющим. Они твердо знали, что были первым американским поколением, у которого практически нет надежды добиться большего, чем их родители, поколением, которое будет страдать из-за финансовых крайностей рейгановских

восьмидесятых, поколением, сексуальный расцвет которого тонул в тени СПИДа, поколением, которое в детстве мучали кошмары о ядерной войне. Они чувствовали себя неспособными изменить опасную обстановку и провели большую ее часть либо с Рейганом, либо в Белом доме с Бушем, под воздействием репрессивного сексуального и культурного климата. И перед лицом всего этого они чувствовали себя беспомощными.

В восьмидесятые годы многие музыканты протестовали против различных политических и социальных неравенств, но большинство из них создавали ажиотаж, например Дон Хенли, Брюс Спрингстин и Стинг. И многие фанаты видели в этом протесте то, чем, по сути, он и был: позерство, стремление «подмазаться», самодовольная самореклама. И вообще, почему именно Duran Duran выступали на фестивале Live Aid? Реакция Курта Кобейна на трудные времена была настолько прямой, насколько это только возможно, и чертовски честной. Он кричал.

> Однако было бы ошибкой называть Курта Кобейна голосом целого поколения. Голосом всего поколения был Боб Дилан. Курт Кобейн не дает никаких ответов и даже почти не задает вопросов. Он издает истошный вопль, упиваясь негативным экстазом. И если это и есть современное звучание подросткового духа, то так тому и быть.

Песни на Nevermind, возможно, были об отчужденности и апатии, но об апатии к вещам, которые все равно ничего не значат. И напротив, группа выражала жесткие эмоции относительно феминизма, расизма, цензуры и особенно гомофобии. И любой намек на бездействие уничтожался потрясающей силой музыки (особенно взрывной барабанной дробью Дэйва Грола) и неоспоримым мастерством написания песен. Это была музыка, наполненная страстью, музыка, которая не притворялась. Погружение в Nirvana придавало сил поколению, у которого не было никакой силы.

Юные годы участников группы отражают жизнь всего их поколения. Все трое родом из разрушенных семей. Все трое (и даже их предыдущий барабанщик) вели болезненное, отчужденное детство; двое из них даже бросили школу в старших классах.

Несмотря на то, что Nirvana считается частью «Сиэтл-саунда», сами они – не сиэтлская группа. Курт Кобейн и Крист Новоселич родом из изолированного прибрежного лесозаготовительного городка Абердин, штат Вашингтон. Свое совершеннолетие группа встретила там и в соседней Олимпии, родине K Records и

«наивной поп-группы» Beat Happening[15], оказавших основное философское, или даже музыкальное, влияние на Nirvana. Когда Курт говорит о панк-роке, он не имеет в виду зеленые волосы и проколотые булавкой ноздри. Он имеет в виду самодельные, верные себе, простые идеалы K Records, Touch&Go, SST и других отчаянных независимых студий. Это попытка отобрать музыку у корпораций и вернуть ее людям, сделать электронной фолк-музыкой.

Члены Nirvana явно не были сотрудниками корпораций (они посетили штаб-квартиру своей студии в Лос-Анджелесе ровно один раз) – группа тщательно поставила себя находящейся вне идеализированного общего направления, придуманного Мэдисон-авеню, телевизионными верхушками, крупными студиями звукозаписи и Голливудом. Если использовать уже ставший привычным термин, то Nirvana представляла собой некую альтернативу. После того, как восемь миллионов человек сказали, что чувствуют одно и то же, пришлось пересмотреть основное направление.

> Многие группы из чартов делали достаточно хорошую музыку, но это было лишь развлечением. Эта же музыка имела резонанс. Она не была ни хитростью, ни расчетом. Она была волнующей, пугающей, прекрасной, порочной, неопределенной и ликующей. Эта музыка не просто «качала», ей можно было еще и подпевать.

Слава не была тем, чего добивалась группа или с чем была готова иметь дело. Она стала настоящим сюрпризом и смущала их. Было слишком рано. Крист и Дэйв восприняли славу достаточно тяжело, но Курту было еще тяжелее. Группа затаилась на большую часть 1992 года, и к началу весны следующего года Курт, Крист и Дэйв смогли оглянуться и оценить все, что произошло.

Дэйв рассказал свою версию этой истории в Laundry Room, скромненькой сиэтлской студии звукозаписи, которой он владеет вместе со своим старым другом и барабанщиком Барреттом Джонсом. Он сидит на полу среди приборов, усилителей и кабелей в застегнутой на все пуговицы рубашке со значком K Records и жадно поглощает вредную еду из соседнего 7-Eleven. Дэйв собран и очень уравновешен для своих двадцати четырех лет. Он чрезвычайно самонадеян; он не питает никаких иллюзий о величии и никогда не продаст себя дешево. «Он самый уравновешенный парень из всех, кого я знаю», – любит повторять Курт.

Из всех троих Дэйв был наименее заметен – в конце концов, у него не было такого выдающегося роста, как у Криста, и он не был вокалистом, как Курт. Так же как и Крист, он постоянно ходит на Сиэтлские концерты, и его можно найти стоящим в толпе наравне с другими. Его положение идеально, и он это знает – он играет в одной из самых успешных рок-групп на планете, и, несмотря на это, он может выйти вечером в город и на пальцах одной руки пересчитать тех, кто узнает его.

«У Криста золотое сердце, – говорит о нем друг семьи. – Он очень добрая душа». Крист говорит медленно, осторожно, и, даже не читая умных книг, он словно гений здравого смысла, всегда готов к откровениям, пробивающимся сквозь всю эту чушь. Самозваный «новостной наркоман», он глубоко обеспокоен и достаточно хорошо осведомлен о ситуации в бывшей Югославии, откуда родом его семья.

Он вместе со своей очаровательной и спокойной женой Шелли владеет скромным домом в тихом пригороде Сиэтла, университетском районе. Это своего рода общественное место – с ними живет его сестра Диана, и тур-менеджер Алекс Маклеод, яркий шотландец с «конским хвостом», настолько преданный, что он, вероятно, пойдет под пули за любого из членов группы. К ним постоянно заходит в гости брат Криста Роберт. С начала марта Ким Гордон и Терстон Мур из Sonic Youth тоже живут здесь, завершая свое мировое турне в этом городе. Гордон, Мур и Марк Арм из Mudhoney заходят в гости после скупки пластинок, одна из которых довольно старая, запись Бенни Гудмана 78-го года. Когда после треска и шипения старой Victorola начинает играть Royal Garden Blues, Крист говорит Муру: «Да, чувак, lo-fi. Вот как звучит наша новая пластинка!»

В гостиной, обставленной броской старой мебелью из комиссионного магазина, господствует огромный музыкальный автомат. Но в основном все тусуются на кухне, включая кошек Эйнштейна и Дорис. Холодильник заполнен всякой натуральной едой без консервантов. Везде, где только можно, валяется макулатура. Внизу, в подвале, где Крист устроил вечеринку накануне того, как группа уехала записывать *In Utero,* – винтажная барная стойка конца пятидесятых годов и три пинбольных автомата – Kiss, The Adams Family и Evel Knievel. Старые приятели – Мэтт Лукин из Mudhoney, Тэд Дойл из TAD и Ди Плакас из L7, новые приятели – Эдди Веддер, люди из огромной семьи Nirvana, такие как Эрни Бейли и Гэри Герш из Geffen/DGC, – все веселились до рассвета. Шелли приготовила несколько вегетарианских закусок.

Крист живет приземленно, тратит деньги с умом. Его жизнь

сложно назвать роскошной жизнью рок-звезды – с его старого магнитофона отваливается кассетная дека.

* * *

После краткого предварительного интервью, проведенного незадолго до Рождества 1992 года, в начале февраля состоялся первый раунд более чем двадцатипятичасовых бесед с Куртом. Они начинались очень поздно вечером, после того как Курт возвращался с репетиций для *In Utero*, и продолжались до четырех или пяти утра. В самый разгар переезда во временный дом в Сиэтле Курт расхаживал по их с Кортни гостиничному номеру в разномастных пижамах, выкуривая сигарету за сигаретой и приправляя свой рассказ чрезвычайно сухим и саркастическим остроумием. Однажды он включил виртуальную машину реальности – нечто среднее между плеером Walkman и частным психоделическим световым шоу, – с которой он экспериментировал, пытаясь контролировать хроническую боль в животе. Различные настройки должны были стимулировать память, способность к творчеству, энергию и расслабление.

> Курт и Кортни живут довольно простой для мировых звезд жизнью. У них нет ни охранников, ни мускулистых телохранителей. Курт ездит на такси по городу, заезжает в «Макдоналдс» съесть бургер и носит нелепую шляпу Элмера Фадда[16], иногда для маскировки надвигая ее на лицо.

Однажды вечером посетитель вошел в отель, поднялся на лифте на их этаж и вошел прямо в открытую дверь, где увидел Курта и Кортни, которые лежали на кровати в пижамах, прижавшись друг к другу, и смотрели дрянной телевизионный фильм Лейфа Гаррета в полной темноте. «О, привет», – сказала Кортни, даже не вздрогнув.

Курт кажется хрупким и тонким. Его речь похожа на бесстрастное пение, превратившееся из-за слишком большого количества выкуренных сигарет в низкое рычание. Это придавало ему грусти и опустошенности и делало похожим на человека, который только что рыдал. Но на самом деле он таким и был.

– Меня считают эмоциональной катастрофой, этакой абсолютно негативной черной дырой, – говорит Курт. – И спрашивают, в чем дело. А со мной все в порядке, мне вовсе не грустно. И в какой-то момент мне пришлось посмотреть на себя со стороны. Я подумал, что, возможно, мне стоит сбрить брови.

Это могло бы помочь.

Хотя харизма Курта практически осязаема, он был довольно сдержанным. Это вынуждало мысленно преувеличивать каждую его реакцию: задумчивое «хм» превращается в «Вау!»; легкий смешок – в хохот; косой взгляд – практически в убийственный.

Как на фотографиях, так и в жизни его лицо может выражать множество различных эмоций. Иногда он выглядит как ангелочек, иногда как рассеянный бродяга, а иногда как парень, который чинит тебе коробку передач. А порой, при определенном освещении, он жутко походил на Роуза. Его бледное лицо слегка прикрыто неряшливой щетиной. Ярко-красная повязка на голове просвечивает сквозь фирменную немытую шевелюру, на данный момент светло-рыжеватую. Обычно он ходит в пижаме и неопрятно выглядит. Хотя его расписание особо не связано с временем суток, он всегда носит часы с изображением Тома Питерсона, владельца сети магазинов бытовой техники в Орегоне.

Глаза у Курта необыкновенного синего цвета, и они придают его лицу испуганное выражение. В этой своей пижаме он производит впечатление молодого контуженного рядового, расхаживающего по дому ветеранов. Но он ничего не упускает.

В начале марта, после записи нового альбома группы, *In Utero*, Курт, Кортни и их маленькая дочь Фрэнсис переехали в большой арендованный дом с видом на озеро Вашингтон. За кухонным столом Курт играл в потрошение пластмассовой анатомической модельки, куря сигареты одна за одной.

– Мне нравится, что их можно разбирать на части и рассмотреть внутренности, – говорит он. – Органы меня завораживают. Они работают. И они могут лажать, но трудно поверить, что человек может ввести в свой организм что-то ядовитое, например алкоголь или наркотики, и все эти механизмы могут смириться с ними на некоторое время. Удивительно, что они вообще их принимают.

Дом очень скудно обставлен – бежевый ковер от стены до стены, голые стены, но это только временно. В конце года семья переедет в перестроенный дом в маленьком городке в нескольких десятках миль от Сиэтла. Они ищут место для отдыха на престижном Капитолийском холме Сиэтла. Наверху – спальня, детская и мастерская Курта, где на мольберте стоит портрет высохшего, несчастного существа со скелетообразными руками и безжизненными черными глазами. В ванной комнате на первом этаже стоит премия MTV «Лучший новый исполнитель», маленький серебряный космонавт, пристально наблюдающий за туалетом. У няни Фрэнсис, Джеки, есть своя комната в подвале. В столовой, расположенной рядом с кухней, установлена дорожка

для модели автомобиля.

Одна комната в доме обозначена как «кают-компания». Пол завален старыми письмами, записками, рабочими кассетами, пластинками, фотографиями и плакатами, относящимися к самым ранним временам творческой жизни Курта. У одной стены стоит буддистское святилище Кортни, которым она теперь почти не пользуется, вероятно, потому, что не может пробраться к нему из-за беспорядка. Коричневый бумажный пакет опрокинулся, и из него вывалилось около дюжины пластиковых кукол Полковника Сандерса и Пончика Пиллсбери.

Гитары здесь повсюду, даже в ванной. Звонкий старичок Martin стоит в гостиной около более скромного инструмента, выкрашенного в красный цвет и покрытого аппликацией из цветов.

> Семимесячная Фрэнсис Бин Кобейн – очаровательный ребенок с пронзительными голубыми глазами, доставшимися ей от отца, и линией подбородка от матери. Казалось, что ее родители по-настоящему много с ней возятся и очень сильно любят. Иногда кажется, что Курт умеет обращаться с детьми лучше, чем Кортни, но тем не менее они оба прекрасно справляются с обычными гугукающими звуками, которыми развлекают ребенка.

Судя по всему, Фрэнсис сотворила с Куртом чудо.

– Он смотрит на Фрэнсис и все время говорит: «Вот такой я был раньше! Вот именно такой!» – говорит Кортни. – Человека нельзя изменить, но я стараюсь опять сделать его счастливым. И это довольно трудно, потому что он всегда чем-то недоволен.

Как-то вечером Кортни тихонько бренчала на акустической гитаре в бумбокс в гостиной наверху, а внизу, в гараже рядом с их подержанным «Вольво», Курт колотил по ветхой барабанной установке, оставшейся после какого-то давно забытого тура. Гараж заполнен множеством коробок с бумагами, произведениями искусства, гитарными потрохами и многолетними покупками в комиссионных магазинах. Два ящика набиты прозрачными пластиковыми мужчинами, женщинами и даже лошадьми. Рядом находятся усилитель, бас-гитара и единственная вещь в доме, которую можно было бы назвать излишеством, – игровой автомат по типу Space Invaders, который Курт купил за пару сотен баксов. Высокие баллы на нем он подписывает сочетаниями букв типа «члн», «дрм» и «блд».

Наши беседы были чрезвычайно откровенны. У Курта есть простое объяснение его прямоты.

– Я попался, – говорит он, имея в виду свои широко освещенные проблемы с героином, – так что я могу открыто признаться и попытаться взглянуть на это немного более позитивно. Все думают, что я уже много лет сижу на игле. На самом деле я был наркоманом совсем недолго.

Более того, его не волнует то, что ужасающие мифы вокруг группы – и вокруг него самого – раскроются. Совсем наоборот.

– Я никогда не хотел, чтобы вокруг нас были какие-то тайны, – сказал он мне однажды. – Просто вначале мне было нечего сказать. Теперь, когда прошло достаточное количество времени, есть некая история. И все же каждый вечер после твоего ухода я думаю: Боже, моя жизнь чертовски скучна по сравнению со всеми остальными людьми, которых я знаю.

Курт горит желанием все исправить. О нем, его жене и даже маленькой дочери ходило много слухов, и чтобы минимизировать свои потери, он решил просто рассказать, как все было на самом деле. Его рассказы иногда эгоистичны, полны рационализма и противоречий, но даже эти искажения раскрывают его жизнь, его искусство и то, как они связаны.

Глава I
Маленький бунтарь с грязными волосами

Абердин, штат Вашингтон (население 16 660), находится в ста восьми милях к юго-западу от Сиэтла, по пути к далекому побережью штата Вашингтон. В Сиэтле часто идут дожди, но в Абердине их еще больше – до семи футов в год, из-за чего над городом постоянно висит тоскливая пелена. Он находится довольно далеко от ближайшего шоссе, туда никто не ездит и редко кто оттуда выезжает.

Искусство и культуру лучше оставить высокомерным типам из Сиэтла – среди «увлекательных занятий», перечисленных в брошюре Торговой палаты округа Грейс-Харбор, есть боулинг, соревнования по работе с бензопилой и игровые автоматы.

Край шоссе № 12, ведущего в Абердин, усыпан бесконечным рядом трейлерных парков; за ними простираются сотни тысяч акров лесных угодий, часто усыпанных обширными щетинистыми шрамами там, где лесорубы вырубали лес подчистую. Посетитель, въезжающий в Абердин с востока, в первую очередь видит уродливый лесозаготовительный склад Вейерхаузера, выходящий к реке Уишка, где безжизненные туши когда-то гордых деревьев лежат штабелями, словно жертвы резни. Рассматривая вид на другой стороне реки, мы наблюдаем длинную полосу пластиковых киосков фастфуда.

В городе доминируют лесозаготовки, вернее, когда-то доминировали. Бизнес рушится на протяжении уже многих лет, а бесконечные сокращения превращают Абердин в город-призрак. В наши дни улицы в центре города медленно заполняются пустыми или заколоченными витринами. Единственные места, где хорошо идут дела, – это таверны вроде «Серебряного доллара» и метко названного «Пурхауса» (Pourhouse – буквально «место, где наливают»), а также местный ломбард, который переполнен пистолетами, бензопилами и электрогитарами. Уровень самоубийств в графстве Грейс-Харбор – один из самых высоких в стране; алкоголизм свирепствует, и крэк пришел в город уже много лет назад.

Люди ненавидят пятнистых сов – рецепты приготовления исчезающего существа появляются на местных номерах на бамперах – даже несмотря на то, что люди лишаются работы из-за децентрализации лесной промышленности, роста затрат на

рабочую силу и растущей автоматизации. На одной из самых больших фабрик в городе раньше работали десятки рабочих, а теперь их всего пять: четыре человека и автоматизированная машина для резки с лазерным наведением.

Одна из самых стремительно растущих отраслей промышленности в округе – это выращивание марихуаны и психоделических грибов. Этим занимаются, чтобы хоть как-то увеличить скудные или вовсе несуществующие доходы.

Но так было не всегда. Когда-то Абердин был шумным морским портом, где моряки останавливались, чтобы отдохнуть, поесть и снять женщину. Дело в том, что город когда-то был одним большим публичным домом, центром которого была печально известная Хьюм-стрит (которую в пятидесятые годы отцы города переименовали в Стейт-стрит, пытаясь похоронить воспоминания). Позже город стал железнодорожным узлом и домом для десятков лесопилок и лесозаготовительных предприятий. Абердин кишел одинокими молодыми людьми, зарабатывавшими большие деньги на деревообрабатывающей промышленности, а проституция процветала, и в одном месте в центре города насчитывалось до пятидесяти борделей («женских пансионов», как их называли). Проституция процветала до конца пятидесятых годов XX века, но полицейские репрессии наконец положили ей конец. Некоторые говорят, что сомнительное прошлое Абердина вызывает у его жителей комплекс неполноценности.

Именно здесь 20 февраля 1967 года у домохозяйки Венди Кобейн и ее мужа Дональда, механика на станции Chevron, родился Курт Дональд Кобейн. Сначала молодая семья жила в арендованном доме в соседнем городишке Хокиаме, а когда Курту было шесть месяцев, переехала в Абердин.

> Курт вырос, не зная, откуда родом его семья. Его дед по материнской линии – немец, и это все, что ему было известно. Только недавно Курт выснил, что семья его отца – чистокровные ирландцы и Кобейн – это искажение фамилии Коберн.

Хотя семья Кобейнов была весьма скромного достатка, жизнь их золотоволосого сына начиналась очень хорошо.

– Моя мама всегда была нежна со мной, – говорит Курт. – Мы всегда целовались и обнимались на прощание. Это было действительно круто. Я удивился, когда узнал, что такие отношения в семьях – редкое явление. Это были очень счастливые времена.

Ким, сестра Курта, родилась тремя годами позже, но между

Куртом и его матерью уже установилась тесная связь.

– Нет ничего лучше, чем первенец, – говорит Венди, которая снова вышла замуж и все еще живет в доме в Абердине с мужем и дочерью. – Ни один из следующих детей даже близко не похож на первого. Я была совершенно выбита из колеи. Каждое утро я просыпалась только ради него.

Курт определенно был умным ребенком.

– Я помню, как позвонила маме, – вспоминает Венди, – и сказала ей, что меня немного пугает его восприятие. Я никогда не видела ничего подобного у маленьких детей.

Курт начал проявлять интерес к музыке, когда ему было два года. Это было неудивительно, поскольку по линии его матери семья была очень музыкальной – брат Венди Чак играл в рок-н-ролльной группе, ее сестра Мэри играла на гитаре, и каждый в семье обладал каким-либо музыкальным талантом. На Рождество все пели или разыгрывали сценки.

Дядя Венди сменил имя с Делберта Фраденбурга на Дейла Ардена и переехал в Калифорнию, где стал исполнителем оперных баллад и в конце сороковых – начале шестидесятых записал несколько пластинок. Он дружил с актерами Брайаном Китом (позже снимавшимся в ситкоме шестидесятых годов «Семейное дело») и Джеем Силверхилсом, игравшим Тонто в телесериале «Одинокий рейнджер». Так что, как шутит Венди, «в этой семье известность – обычное дело».

Когда Курту было около семи лет, тетя Мэри подарила ему пластинки The Beatles и Monkees. Она приглашала Курта в гости, посмотреть на репетиции своей группы. Мэри, исполнительница кантри, записавшая сингл, много лет играла с группами в барах по всему Абердину, иногда выступала сольно в стейк-хаусе «Ривьера» и однажды даже заняла второе место на местном телевизионном конкурсе талантов под названием «Ты можешь стать звездой».

> Мэри пыталась научить Курта играть на гитаре, но у него не хватало терпения – на самом деле ему было трудно усидеть спокойно на одном месте. У него диагностировали гиперактивность.

Как и многим детям того поколения, Курту давали лекарство риталин, один из видов амфетамина, противодействующий гиперактивности. Из-за него он не мог заснуть до четырех утра. От снотворного он засыпал в школе. Наконец из его рациона попытались убрать сахар и печально известный «Красный краситель № 2»[17], и это сработало. Гиперактивному ребенку было трудно воздерживаться от сахара, потому что, как говорит

Венди, «он вроде как пристрастился к нему».

Но отсутствие сладостей не особо портило настроение Курта.

– Он каждый день вставал, радуясь тому, что у него был впереди еще один день, – рассказывает Венди. – Он был полон энтузиазма. Он выбегал из спальни, радуясь новому дню, и хотел узнать, что произойдет на этот раз.

– Я был очень счастливым ребенком, – говорит Курт. – Я постоянно кричал и пел. Я не умел останавливаться. В итоге дети меня били, потому что одно желание играть уже вызывало у меня восторг. Я очень серьезно относился к игре. Я был просто очень счастлив.

У Курта, первого ребенка в своем поколении, было семь тетушек и дядюшек только по материнской линии, и все они спорили, кто будет нянчиться с ним. Привыкший быть в центре внимания, он развлекал всех, кто хотел за этим понаблюдать. «Он был такой артистичный, – говорит Венди. – Он мог упасть на пол в магазине ради старика, который был бы просто счастлив, если бы Курт спел для него». Одной из любимых пластинок Курта была *Alice's Restaurant Massacree*[18] Арло Гатри. Он часто пел *The Motorcycle Song* Гатри.

> Я не хочу огурчик
> Я просто хочу покататься на своем мотоцикле
> И я не хочу умирать!

Тетя Мэри подарила Курту басовый барабан, когда ему было семь. Он надевал его и ходил по округе в охотничьей шляпе и теннисных туфлях своего отца, стуча в барабан и распевая песни The Beatles, например *Hey Jude* и *Revolution*.

Курту не нравилось, когда мужчины смотрели на Венди, очень привлекательную женщину со светлыми волосами и красивыми голубыми глазами. Казалось, что Дон никогда не обращал на это внимания, но Курт всегда злился и ревновал. «Мамочка, этот мужчина смотрит на тебя!» – говорил он. Однажды он даже отчитал полицейского.

Уже в три года Курт не слишком любил полицейских. Когда он замечал полицейского, то начинал петь короткую песенку: «Язву копам, язву копам! Копы уже едут! Они тебя убьют!»

– Каждый раз, когда я видел копов, я начинал петь им эту песню, показывал на них пальцем и говорил, что они злые, – говорит Курт, ухмыляясь. – У меня был такой огромный пунктик насчет копов. Они мне совсем не нравились.

Став на пару лет старше, Курт насыпал гальку в бутылки от 7-Up и бросал их в полицейские машины, но так ни разу и не попал.

Примерно в это же время Курт каким-то образом научился вытягивать средний палец в освященной временем манере. Когда его мать ездила по городу с поручениями, он сидел на заднем сиденье машины и показывал палец всем, кто проходил мимо.

К тому времени, когда Курт перешел во второй класс, все уже заметили, как хорошо он рисует.

– Спустя время, – говорит Венди, – для него это стало комом в горле. Ему дарили только кисти или мольберты. Мы практически убили в нем страсть к рисованию.

Все считали, что рисунки и картины Курта прекрасны. Все, кроме него самого.

– Ему никогда не нравились его работы, – говорит Венди. – Он никогда не был доволен ими, как другие художники.

Однажды на Хэллоуин Курт вернулся домой с экземпляром школьной газеты. В ней был рисунок Курта – честь, обычно предназначавшаяся по меньшей мере для пятиклассников. Когда Курт вернулся домой, он был зол из-за этого, потому что и подумать не мог, что его картина настолько уж хороша.

– Его отношение к взрослым изменилось из-за этого, – говорит Венди. – Все говорили ему, как им нравятся его работы, а сам он никогда не был доволен ими.

До третьего класса Курт мечтал стать рок-звездой – он ставил пластинки «Битлз» и играл на маленькой пластмассовой гитаре. Затем в течение долгого времени ему хотелось быть каскадером.

– Я любил играть на улице, ловить змей, прыгать на велосипеде с крыши, – вспоминает Курт. – Ивел Книвел был моим единственным кумиром.

Однажды он вынес из дома все постельные принадлежности и подушки, положил на веранду и прыгнул на них с крыши; в другой раз он взял кусок металла, приклеил его скотчем к груди, положил на него охапку петард и поджег.

Иногда Курт навещал дядю Чака, брата Венди, который играл в группе. Чак соорудил для своей студии в подвале колонки, настолько большие, что не мог вынести их из комнаты. Он разрешал Курту спуститься вниз, давал ему микрофон и запускал ленту. У Венди до сих пор есть кассета, которую Чак записал, когда Курту было около четырех лет. Курт поет, а если ему кажется, что его никто не слушает, то начинает ругаться.

– Какашка, – говорит он. – КА-КА-ШКА!

Дон и Венди подарили Курту маленькую барабанную установку с Микки Маусом.

– Я подталкивала его к барабанам, потому что в детстве сама

хотела быть барабанщицей, – признается Венди. – Но моя мать считала это не женским делом и никогда не позволяла мне играть.

Курта не нужно было подталкивать – как только он научился сидеть и держать что-то в руках, то начал стучать по кастрюлям и сковородкам. Каждый день после школы он лупил свою барабанную установку с Микки Маусом, до тех пор, пока она не сломалась.

Кобейны жили не в самом лучшем районе Абердина, он был довольно запущен, а их дом всегда был самым красивым в квартале. Дон поддерживал его в идеальном состоянии: застелил коврами от стены до стены, сделал камин из искусственного кирпича и панели из искусственного дерева.

– Это белый мусор, выдававший себя за средний класс, – говорит Курт о своем происхождении.

> Венди была из небогатой семьи, но ее мать всегда заботилась о том, чтобы дети выглядели так, будто у них есть гораздо больше, чем было на самом деле. Венди была такой же. Каждое утро она старательно расчесывала Курту волосы, чтобы он выглядел как Шон Кэссиди[19], и следила, чтобы он почистил зубы, затем одевала его в самую красивую одежду, которую они могли себе позволить, и он тащился в школу в походных ботинках «ваффлстомпер». Она даже заставляла Курта надевать свитер, на который у него была аллергия, просто потому что он хорошо в нем выглядел.

– Наверное, оба моих ребенка были одеты лучше всех в Абердине, – говорит Венди. – Я заботилась об этом.

Венди старалась держать своих детей подальше от того, кого называла «друзьями из определенных слоев общества, которые жили в определенных условиях». Курт говорит, что она велела ему держаться подальше от бедных детей.

– Моя мама думала, что я лучше, чем они, поэтому время от времени я дразнил их – таких неопрятных, грязных, – говорит Курт. – Я просто помню, что там была пара детей, от которых постоянно воняло мочой, и я их запугивал и дрался с ними. К четвертому классу я понял, что эти дети, судя по всему, круче, чем дети из более высоких слоев, они более приземленные, более простые.

Позже немытые волосы Курта, его щетина и потрепанный гардероб станут его всемирно известным клеймом.

Курт начал брать уроки игры на барабанах в третьем классе.

– Сколько себя помню, с самого детства, – говорит Курт, – я

мечтал стать Ринго Старром. Ну или Джоном Ленноном, играющим на барабанах.

В начальной школе Курт играл в школьном оркестре, хотя так и не научился читать ноты – он просто ждал, пока ребенок на первом стуле выучит песню, а потом повторял за ним.

К Рождеству 1974 года, когда Курту было семь лет, он понял, что мама считает его трудным ребенком.

– Единственное, чего я действительно хотел в тот год, – это пистолет Старски и Хатча[20] за пять долларов, – говорит Курт. – Вместо этого я получил кусок угля.

Курт говорит, что он был амбидекстром, владел обеими руками одинаково, но отец пытался заставить его больше пользоваться правой рукой, опасаясь, что у Курта будут проблемы в будущем, если он станет левшой. Но он все равно стал левшой.

Большую часть своей жизни Курт страдал той или иной проблемой со здоровьем. Помимо гиперактивности, он всегда страдал хроническим бронхитом. В восьмом классе у Курта диагностировали легкий сколиоз, искривление позвоночника. Время шло, и его тяжелая гитара действительно усугубляла ситуацию. Курт говорит, что, если бы он был правшой, это решило бы проблему.

В 1975 году, когда Курту было восемь лет, его родители развелись. Венди говорит, что развелась с Доном, потому что его просто не было рядом – он постоянно играл в баскетбол или бейсбол, тренировал или судил команды. Оглядываясь назад, она задается вопросом, любила ли она его когда-нибудь по-настоящему. Дон яростно возражал против развода. Позже Дон и Венди признают, что использовали детей в своей войне друг с другом.

– Это разрушило его жизнь, – говорит Венди. – Он совершенно изменился. Мне кажется, он стыдился этого. И он стал очень замкнутым – просто держал все в себе. Он стал очень застенчивым.

– Я думаю, что он страдает до сих пор, – добавляет она.

Вместо солнечного, общительного ребенка, каким Курт был когда-то, «он стал очень замкнутым, – говорит Венди, – немного сумасшедшим и всегда хмурым и нелепым».

На стене в своей спальне Курт написал: «Я ненавижу маму, я ненавижу папу, папа ненавидит маму, мама ненавидит папу, и от этого становится грустно». В нескольких футах над этой надписью он нарисовал карикатуры на Венди и Дона со словами «Папа отстой» и «Мама отстой». Внизу он нарисовал мозг с большим вопросительным знаком. Эти рисунки сохранились и по сей день, вместе с некоторыми изящными логотипами Led Zeppelin и Iron

Maiden, которые он нарисовал (хотя Курт отрицает, что это его рук дело, но ведь сестры не лгут).

> Курт был похож на остальных детей своего поколения – фактически, все, кто когда-либо играл в Nirvana (кроме одного), были из разрушенных семей. В середине семидесятых число разводов резко возросло и за десять лет выросло более чем вдвое. Детям этих распавшихся браков не приходилось бороться ни с мировой войной, ни с депрессией. У них просто не было семьи. Следовательно, их сражения были личными.

Курт говорит, что в нем как будто погас свет, который с тех пор он пытается вернуть.

– Помню, как в один момент я просто перестал быть прежним человеком, чувствуя, что больше не достоин этого, – говорит он. – Я чувствовал, что не заслуживаю права тусоваться с другими детьми, потому что у них были родители, а у меня их больше не было. Я злился на своих родителей, потому что они не могут справиться со своими проблемами, – продолжает он. – Большую часть своего детства, после развода родителей, я стыдился их.

Но Курт начал чувствовать себя лишним еще до развода.

– В целом у меня не было ничего общего с отцом, – говорит Курт. – Он хотел, чтобы я занимался спортом, а я не любил спорт, я был художником, а он не ценил этого, поэтому я всегда испытывал чувство стыда. Я просто не мог понять, как можно было вырасти таким, ведь мои родители не были художниками. Мне нравилась музыка. В глубине души, мне казалось, что меня усыновили, – еще с того самого эпизода «Семьи Партридж»[21], когда Дэнни думал, что он приемный. Это все действительно было для меня чем-то близким.

Творческие способности и интеллект Курта, а также раннее осознание того, что он художник, усугубляли проблему.

– Пока мне не исполнилось десять или одиннадцать лет, я не осознавал того, что чем-то отличаюсь от других детей в школе, – говорит он. – Я начал понимать, что меня больше, чем других детей, интересует рисование и музыка. Все это потихоньку росло во мне, и я начал это осознавать. Так что к тому времени, когда мне исполнилось двенадцать, я полностью замкнулся.

Убежденный, что никогда не найдет себе подобных, он даже перестал пытаться завести друзей.

– Этот город… если бы Курт был где-нибудь в другом месте, он чувствовал бы себя лучше, – говорит Венди. – Но этот город в точности похож на Пейтон-Плейс[22]. Все смотрят друг на друга и осуждают, и у всех есть свои маленькие щели, где они

предпочитают оставаться. А он таким не был.

После развода Курт прожил с матерью год. Но ему не нравился ее новый бойфренд, которого он называл «подлым огромным женоедом». Сначала Венди объясняла неприязнь Курта к ее приятелю простой ревностью. Пять лет спустя она поняла, что ее новый молодой человек и вправду «немного чокнутый» – параноидальный шизофреник. Курт был крайне несчастен и вымещал свой гнев на всех, начиная с Венди и заканчивая своими нянями, которых он обычно даже не пускал в дом. Венди больше не могла с ним справляться, поэтому отправила его жить с Доном в трейлер в Монтесано, еще более маленьком лесозаготовительном поселке примерно в двадцати милях к востоку от Абердина.

Дом Дона не был домом на колесах, он был блочным, который секциями буксируется на стоянку трейлеров с помощью тягача.

– Он не был одним из тех роскошных сдвоенных трейлеров, в которых жили *богатые* белые отбросы, – говорит Курт.

Поначалу это было здорово. Дон купил Курту мини-байк, и по выходным они вместе ходили на пляж или в походы.

– У него было все, – говорит Дон. – Он добился этого. Весь дом был в его распоряжении, у него был мотоцикл, он мог делать все, что ему вздумается, и мы постоянно чем-то занимались. Но потом появляются новая мама и двое других детей…

Однажды Дон невзначай сказал Курту, что никогда больше не женится. Но вскоре, в феврале 1978 года, он все-таки женился. Его новая жена привезла с собой двух детей, и все они переехали в хороший дом в Монтесано. Курт не ладил с новой семьей, особенно с мачехой.

– И по сей день я не знаю более лживого человека, чем она, – говорит Курт.

– Она одна из самых милых людей, – протестует Дон. – Обращалась с Куртом идеально, пробовала разные подходы, нашла ему работу и пыталась со всем справляться, но это только портило их отношения, в частности, из-за его поведения.

Курт прогуливал школу и отказывался заниматься домашними делами. Дон говорит, что он даже не пришел на работу по уборке столов, на которую его устроил отец. Курт начал задирать младшего сводного брата и не особо любил сводную сестру – хотя она и была на четыре года младше Курта, ей поручили присматривать за ним, когда родители уходили. Потом он заметил, что отец начал покупать много игрушек для его сводной сестры и брата. Пока он прятался в своей комнате в подвале, они ходили в торговый центр и возвращались с

игрушечной лошадью или грузовиком «Тонка».

– Я старался сделать все, чтобы он чувствовал себя желанным, чтобы он был частью семьи и все такое, – говорит Дон, который утверждает, что получил юридическую опеку над Куртом только для того, чтобы тот чувствовал себя частью семьи. – Но на самом деле он просто не хотел жить с ними, он хотел быть со своей мамой, а она не хотела этого. И в итоге она – хорошая девочка, а я – плохой парень. Но, скорее всего, дело не только в этом. Временами я бываю эмоционален, а временами – наоборот, и я просто не знаю, как выражать чувства, – признает Дон. – Иногда от моего умничанья страдают чужие чувства. Я не пытаюсь обидеть других, но делаю это неосознанно.

Возможно, что-то подобное было и с Куртом.

– Возможно, – говорит Дон. – Скорее всего, так и было.

Странно, но похоже, что Дон совершенно ничего не помнит о жизни вместе с Куртом. Хотя сейчас он выглядит милым и простым человеком, но напряжение из-за развода могло показать его темную сторону.

– Был ли я грубым? – говорит он. – Ну, моя жена говорит, что это так. Возможно, я сначала делаю, а потом думаю. И раню чувства людей. Проходит время, и я забываю об этом, а вот другие – нет. Да, мой отец порол меня ремнем, мог подбить мне глаз, и тому подобное, но я не помню, порол ли я своего сына.

– Все, что Курт делал, полностью отражало Дона, – говорит Венди. – Если он проигрывал в бейсболе, то мог настолько разозлиться, что начинал унижать Курта. Дон не позволял ему быть ребенком. Он хотел, чтобы сын был маленьким взрослым, идеально себя вел и никогда не делал ничего плохого. Он мог бить Курта по рукам и обзывать его придурком. Он мгновенно выходил из себя. Мама вспоминает, что как-то раз он буквально швырнул Курта через всю комнату, когда тому было около шести лет.

Дон говорит, что не помнит ничего подобного.

– Это называется «отрицание», – отвечает Венди.

После развода Дон начал работать контролером в Mayer Brothers, лесозаготовительной компании.

– В основном, – говорит Курт, – он посто ходил туда-сюда и считал бревна.

Курт продолжает:

– Его представление о «дне отца и сына» заключалось в том, что он брал меня на работу по субботам и воскресеньям. Я сидел в его кабинете, пока он считал бревна. Действительно потрясающие выходные.

> В кабинете отца Курт рисовал и занимался телефонным хулиганством. Иногда он выходил в цех и залезал на стопки досок два на четыре. После этого веселья он мог забраться в микроавтобус отца и на повторе слушать восьмую песню альбома Queen News of the World. Иногда он слушал ее настолько долго, что аккумулятор машины садился, и им приходилось искать кого-то, чтобы им помогли запустить двигатель.

Дон крутился в кругу качков в старшей школе, но сам в спорте не преуспел, возможно, из-за того, что был слишком мелким для своего возраста. Дон ожидал от Курта большего, но тот не оправдывал его ожидаий. Некоторые считают, что Дон тянул его в спорт именно по этой причине.

Дон заставил Курта вступить в школьную команду по борьбе. Курт ненавидел жесткие тренировки и, что еще хуже, ненавидел общаться со спортсменами.

– Я ненавидел это, – говорит Курт. – Я просто, на хрен, терпеть этого не мог.

Он приходил домой вечером после тренировок, «а там была эта отвратительная, высушенная еда, которую мачеха готовила с любовью и старанием и которая стояла в теплой духовке еще с обеда, так что к вечеру все просто засыхало и было отвратительным на вкус. Она ужасно готовила».

Тем не менее Курт говорит, что делал успехи в борьбе, в частности из-за того, что на матах он мог выплеснуть свой гнев. Но в день большого чемпионата Курт решил отыграться на отце. Он и его соперник вышли на ринг и встали в позицию, а Дон сидел на трибуне, наблюдал за сыном.

– Я стоял, упершись руками в колени, смотрел на отца и улыбался, ожидая свистка, – рассказывает Курт, – глядя прямо ему в глаза, а затем я просто сдался – сложил руки и позволил тому парню меня уложить. Видели бы вы его лицо. Он просто вышел из зала прямо посреди матча, потому что я сдался четыре раза подряд.

Этого эпизода Дон тоже не помнит, но Курт говорит, что это привело к тому, что ему пришлось съехать от отца и жить с дядей и тетей.

Однажды Дон взял Курта на охоту, но, как только они вошли в лес, Курт отказался идти с группой охотников. Он провел весь день в грузовике.

– Сейчас, когда я это вспоминаю, – говорит Курт, – я знаю, что уже тогда чувствовал, что убивать животных плохо, особенно ради забавы. Но тогда я этого еще не понимал. Я лишь знал, что

не хочу быть там.

В это же время Курт начал открывать для себя новые направления рок-музыки, помимо The Beatles и Monkees. После того, как кто-то посоветовал Дону вступить в клуб звукозаписи «Columbia House», он стал собирать внушительную коллекцию записей. Каждый месяц по почте приходили пластинки таких групп, как Aerosmith, Led Zeppelin, Black Sabbath и Kiss. Дон так и не решился открыть их, но Курт добрался до них уже через несколько месяцев.

Курт начал общаться с парнями, носившими украшения из ракушек, растрепанные волосы и футболки с Kiss.

– Они были гораздо старше меня – учились в старших классах, – говорит Курт. – Они курили травку, и я считал их намного круче своих друзей-заучек из четвертого класса, смотрящих «Счастливые дни»[23] по телевизору. Я пускал их в дом и разрешал есть мою еду, ради того чтобы подружиться с ними.

Эти травокуры заметили потрясающую коллекцию пластинок Дона и убедили Курта включить их.

– И они пристрастили меня к этой музыке, – вспоминает Курт. – Я начал превращаться в такого же укурыша, как и они.

– Он никогда, даже в детстве, не приходил и не делился тем, что его беспокоит и чего ему хочется, – говорит Дон. – Он, как и я, придерживался принципа – молчи, и все само пройдет. И не объясняй. Держи все в себе, и однажды оно выйдет наружу.

– Он женился, и после этого я оказался на последнем месте в списке того, что было важно для него, – говорит Курт. – Он просто сдался, поскольку был убежден, что мама промыла мне мозги. Жалкое зрелище, не так ли? Не думаю, что мой отец и вправду такой придурок, – продолжает Курт. – Он и близко не похож на многих отцов, которых я видел.

Так в чем же была причина конфликта Курта с отцом?

– Я даже не знаю, – признается Курт. – Мне хотелось бы иметь побольше воспоминаний. Я никогда не чувствовал, что у меня есть отец. У меня не было того отца, с которым я мог бы чем-то поделиться.

Дону тоже не удалось поладить с сыном, и Курт начал скитаться по семье. Он жил у трех дядей и тетей, а также с бабушкой и дедушкой со стороны отца. Он переезжал из Монтесано в Абердин по меньшей мере дважды в год, заодно меняя и школу.

Венди понимала, что должна вернуть Курта домой, но ей приходилось разбираться с собственными травмами – она наконец избавилась от параноидального шизофреника, физически и морально издевавшегося над ней до такой степени, что

однажды даже пришлось вызвать скорую помощь. К тому же она потеряла работу и попросила своего брата Чака, музыканта, позаботиться о Курте.

> На четырнадцатый день рождения Чак спросил у Курта, что ему подарить, мотоцикл или гитару. Курт выбрал гитару – подержанную электрогитару, на которой практически невозможно было играть, и побитый маленький десятиваттный усилитель.

– Вряд ли это была Harmony, – говорит Курт о гитаре. – Скорее это была Sears.

Он забросил барабаны и около недели занимался на гитаре – этого было достаточно, чтобы выучить песню AC/DC Back in Black.

– Аккорды очень похожи на Louie, Louie[24], – говорит Курт, – и это все, что вам нужно знать.

После этого он начал писать собственные песни. Его преподаватель гитары, Уоррен Мэйсон (игравший в группе вместе с Чаком), вспоминает Курта как «тихого и очень милого ребенка». Мэйсон говорит, что Курт очень хотел научиться играть Stairway to Heaven, хотя сам Курт это отрицает.

Абердин пугал Курта. В отличие от Монтесано, он был похож на большой город.

– Я думал, что эти дети принадлежат к более высокому классу, и я недостоин находиться рядом с ними, – говорит он.

В классе он читал книги С. Э. Хинтон, такие как «Бойцовые рыбки» и «Изгои», и старался ни с кем не разговаривать. В тот год он ни с кем не подружился. Вместо этого он каждый день приходил домой и играл на гитаре до позднего вечера. Он уже умел играть Back in Black и к тому же выучил еще несколько песен – My Best Friend's Girl группы Cars, Louie, Louie и Another one Bites the Dust Queen.

В начале 1980 года, когда Курту было двенадцать, они с другом Бренданом увидели выступление группы B-52[25] на шоу Saturday Night Live. Это увлекло их, и Брендан уговорил родителей купить ему кеды в шахматную клетку. Отец Курта не мог этого себе позволить, и Курт просто нарисовал клетку на своих кроссовках.

Летом перед десятым классом Курт начал подражать группе Sex Pistols, которую увидел в журнале Creem. К несчастью, в музыкальном магазине Абердина не было пластинок с панк-роком, так что Курт даже не знал, как он звучит. Уединившись в комнате, Курт играл то, как представлял себе его звучание, «три аккорда и много криков», говорил он. И, как оказалось, это было близко к истине.

Несколько лет спустя он наконец достал запись «панка», огромный, эклектичный трехдисковый альбом Clash Sandinista, и был разочарован тем, что звучание было не таким, как он себе представлял.

Курт описывает свою раннюю музыку как «неряшливый рифф-рок».

– Это было похоже на Led Zeppelin, только очень грубо, и я старался сделать все как можно более агрессивным, – говорит он. – Я думал: «Каким может быть панк-рок? Что это? Насколько он отвратителен?» И я пытался играть так плохо, как только мог. Включал маленький десятиваттный усилитель на максимальную громкость. Я просто понятия не имел, что делаю.

– Это был хороший способ спустить пар, – продолжает Курт. – Я считал это своей работой, своей миссией. Я знал, что мне нужно практиковаться. Как только у меня появилась гитара, я стал одержим ею. Я всегда знал, что делаю что-то особенное. Я знал, что становлюсь лучше, хотя и не мог доказать этого. Я понимал, что мне есть что предложить публике, и позже я осознал, что у меня должна быть возможность показать, что я могу писать хорошие песни – что я могу внести свой музыкальный вклад в рок-н-ролл.

Курт отчаянно пытался сделать следующий шаг и создать собственную группу.

– Я хотел посмотреть, как это – написать песню и увидеть, как она звучит со всеми инструментами. Я хотел только этого. Просто попробовать в конце концов. Вот чего я хотел.

Группу он смог собрать только через четыре года, но не из-за того, что не прилагал усилий.

> В школе Курт познакомился с двумя подростками – Скоттом и Энди, которые играли на басу и гитаре и джемовали в заброшенном холодильном помещении в лесу. Курт однажды пошел туда, поиграл с ними один день, и было решено создать группу. Курт согласился оставить там гитару, ведь они должны были репетировать каждый день.

Но Скотт и Энди забросили репетиции, и дни ожидания превратились в недели, а недели – в месяцы. Курт не мог забрать инструмент, поскольку у него не было машины, а мама не могла его отвезти. Он освоил праворукую гитару, принадлежавшую мальчику, жившему в доме Кобейнов, мать которого умерла.

– Он был одним из тех тупых укурков, – вспоминает Курт. – Мне он нравился, потому что был по-настоящему депрессивным.

Позже Курт попросил друга отвезти его в лес за гитарой и

нашел ее рассыпавшейся на куски – остался один гриф и куча электронных потрохов. Курт скрупулезно вырезал новый корпус в мастерской, но понял только, что не знает пропорций, необходимых для звучания.

– Когда мне было лет семь, я думал, что непременно стану рок-звездой, – говорит Курт. – Я не видел в этом ничего сложного, потому что был настолько гиперактивным, что думал, будто весь мир в моих руках и я могу сделать абсолютно все. Я знал, что, если захочу, могу стать даже президентом, но это было глупо – лучше я стану рок-звездой. Я в этом даже не сомневался. Я очень любил The Beatles и не понимал, в каком окружении живу, что происходит вокруг и с каким отчуждением я столкнусь, когда стану подростком.

Курт продолжает:

– Я считал Абердин посредственным городом, ничем не отличающимся от любого другого в Америке. Я думал, что все они одинаковы – всюду мир и насилия намного меньше, чем было на самом деле, и что все будет просто. Я считал, что США размером примерно с мой задний двор, и все эти города можно запросто объехать, играя в рок-группе, попасть на обложки журналов и все такое.

Но когда к девяти годам у меня появились эти маниакально-депрессивные признаки, я начал смотреть на вещи по-другому. Это казалось мне нереальным.

В десятом классе Курт забросил все мечты о славе.

– В то время я стал очень застенчивым. Я оценивал себя настолько низко, что даже не думал о том, чтобы действительно стать рок-звездой, не говоря уже о том, чтобы вести себя так, как это делают звезды. Я не мог представить себя на телевидении или на интервью. Такие вещи в то время даже не приходили мне в голову.

Отец Курта заставил его вступить в бейсбольную команду лиги Бейба Рута. В основном Курт грел скамейку, и, если даже выходил на поле, то намеренно промахивался, чтобы не играть. На скамейке он сидел с парнем по имени Мэтт Лукин, и они говорили о Kiss и Cheap Trick. Ребята уже встречались раньше в Монтесано на занятиях по электронике, и Мэтт запомнил Курта как «маленького бунтаря с грязными волосами».

Лукин играл на бас-гитаре в местной группе под названием The Melvins, репетицию которой Курт видел однажды летним вечером перед началом девятого класса. Друг Курта Брендан знал кое-кого, кто был знаком с барабанщиком The Melvins, и они добыли приглашение на репетицию, которая проходила на чердаке чьего-то дома. The Melvins тогда еще не были панками и

играли каверы Хендрикса и The Who.

Тогда Курт впервые лично увидел рок-группу и был в абсолютном восторге.

– Я всю ночь пил вино, по-настоящему напился и был очень надоедлив. Я помню, что похвалил их, наверное, миллион раз, – вспоминает Курт. – Я был в восторге от того, что мои ровесники играют в настоящей группе. Это было круто. Я думал: «Ух ты, им так повезло».

Недовольные поведением маленького назойливого нахала, The Melvins выставили его. Спускаясь пьяным с чердака, он упал с лестницы.

В том году в художественном классе старшей школы Монтесано Курт снова встретил лидера The Melvins Базза Осборна, коренастого подростка с диким взглядом, на пару лет старше Курта. В то время Осборн был фанатом The Who, но вскоре переключился на панк-рок. У него был альбом с фотографиями Sex Pistols, который он на время дал Курту, и тот прикипел к нему. Впервые Курт увидел панк-рок не только на нескольких разворотах Creem.

– Это были Sex Pistols со всей своей необузданностью, – говорит Курт, – и я собирался прочитать о них все и даже больше. Это было действительно круто.

> Вскоре он уже рисовал лого Sex Pistols на партах в классе и на своих папках для бумаг. Затем Курт начал всем говорить, что соберет панк-рок-группу и она станет очень популярной, хотя все еще понятия не имел, как на самом деле звучит панк-рок.

– Он казался мне фриком, – говорит Курт об Осборне. – Кем-то, с кем я действительно хотел бы общаться.

Курт завидовал Осборну, поскольку у того уже была группа, иногда игравшая в Сиэтле и Олимпии.

– Это было все, чего мне так хотелось в то время, – рассказывает Курт. – От своей музыки я не ожидал многого. Я просто хотел получить возможность выступить перед людьми в Сиэтле. Мысль о том, чтобы играть в достаточно успешной группе и ездить в туры, в то время была для меня чем-то из ряда вон выходящим.

В состав The Melvins изначально входил барабанщик Майк Диллард, которого позже заменил Дейл Кровер. В своей первой панк-фазе они играли хардкор «быстрее скорости света». Затем, когда то же самое начали делать и все остальные музыкальные группы, The Melvins играли так медленно, как только могли, просто для того чтобы всех позлить. И чтобы разозлить их по-

настоящему, они добавили в звучание хэви-метал. Издав основополагающий альбом 1987 года Gluey Porch Treatments, The Melvins стали одними из отцов-основателей того, что в конечном итоге стало известно как «гранж» – новая, мутантная форма панк-рока, которая впитала тяжелый метал, а также пролетарские хард-рок-группы семидесятых, такие как Kiss и Aerosmith. Их звук произвел революцию на музыкальной сцене Сиэтла, где ранее доминировали арт-рок-группы.

> The Melvins уже играли в Сиэтле, когда Курт впервые увидел их, и к 1985 году появились в изменчивой коллекции Deep Six наряду с U-Men, Soundgarden, Green River, Malfunkshun и Skin Yard. За исключением арт-рока U-Men, все группы смешивали панк, хард-рок в стиле семидесятых и пролетарский хэви-метал в различных пропорциях в грубый, но эффективный музыкальный гибрид.

Курт иногда помогал The Melvins возить в Сиэтл оборудование для концертов. У Абердина не было большой музыкальной истории – хотя половина состава платиновых спид-металлистов Metal Church была родом именно оттуда – и группа, выступавшая в Сиэтле, была большой сенсацией.

Курт был очень недоволен тем, что ему приходилось переезжать от одного родственника к другому. В мае 1984 года Венди вышла замуж за портового грузчика Пэта О'Коннора. Пэт тогда сильно пил, и у Венди было полно хлопот – она боялась, что не сможет справиться еще и с Куртом, но он в конце концов убедил ее взять к себе.

– Мне понадобилось на протяжении нескольких месяцев плакать в телефонную трубку каждый вечер, чтобы уговорить мать позволить мне жить с ней, – говорит Курт.

Однажды вечером Пэт ушел и вернулся только в семь утра, пьяный и, как выразилась Венди, «воняющий девкой». Она была в ярости, но все равно пошла на работу в универмаг. Пара горожан пришла в магазин просто чтобы подразнить ее.

– Эй, а где был Пэт вчера вечером? – хихикали они. Венди так разозлилась, что пошла куда-то и напилась с подругой, а потом вернулась домой и набросилась на Пэта. На глазах у обоих детей она выхватила из шкафа один из его многочисленных пистолетов и пригрозила застрелить его, но никак не могла сообразить, как его зарядить. Затем она вытащила все его оружие – дробовики, пистолеты, винтовки, старинные ружья – и потащила их вниз по переулку. Ким тащила вслед за ней большую сумку с патронами. Они бросили все это в реку Уишка.

Курт наблюдал за ними из окна своей комнаты. Позже в тот же день он заплатил двум ребятам, чтобы они выловили из реки как можно больше ружей, а потом продал их. На вырученные деньги Курт купил свой первый усилитель. Затем он отвез парня, который продал ему усилитель, к своему дилеру, и тот спустил все деньги на травку.

Курт играл на гитаре очень громко. Соседи жаловались. Венди стучала в потолок ручкой от метлы. Курту нравилось, когда семья уезжала за покупками или еще куда-нибудь, потому что это означало, что он может оторваться по-полной.

– Мы возвращались домой в надежде, что у нас не вылетели окна, – говорит Венди. – Курт пытался уговорить друзей поиграть с ним, но ни у кого не было музыкального таланта. В своей критике он был очень властным и прямолинейным. Курт точно знал, чего хочет.

Никто не догадывался о том, что, закрываясь в своей комнате, он еще и пел.

– Однажды, – говорит Венди, – мы с Пэтом услышали, как Курт поет. Он пел очень тихо и не хотел, чтобы мы его слышали. Мы прижались к двери ушами, посмотрели друг на друга, сморщили носы и сказали: «Лучше уж гитара».

Глава II
Мы хотели только поиграть

Примерно тогда Курт впервые заметил в абердинской старшей школе Криста Новоселича.

– Я помню, как подумал, что определенно хотел бы познакомиться с ним, – говорит Курт. – Но мы так и не общались.

Парни учились не вместе – Курт иногда видел Криста на школьных вечерах, где тот изредка участвовал в сценках только для того, чтобы саботировать их, например, неожиданно запеть «Знамя, усыпанное звездами»[26].

– Он был смешным человеком с очевидно необычным чувством юмора, – говорит Курт. – Все смеялись *над* ним, но я смеялся *вместе* с ним, потому что в основном он выставлял дураками других. Он был умным, смешным, громким человеком. Он был выше всех в школе. Он был *большим*. Жаль, что тогда мы так и не подружились, потому что в старшей школе мне действительно нужен был друг.

Курт чувствовал себя изгоем, но даже изгои могут найти других изгоев для совместного провождения времени. Судя по всему, за исключением Абердина.

– Я хотел где-то вписаться, но не с обычными детьми, не с популярными детьми в школе, – говорит Курт. – Я хотел быть похожим на ботаников, но в Абердине не было даже настоящих ботаников. И это явно не те дети, которые станут слушать Devo. Обычно они попросту были идиотами.

Курт говорит, что в школе было только два парня, с которыми он даже подумывал подружиться. Оба были достаточно круты, чтобы слушать Oingo Boingo, маниакальную группу новой волны из Лос-Анджелеса.

– Но они были такими же задротами – полными идиотами, – говорит Курт. – Они были из тех ребят, которые красят лица на футбольных матчах.

Старшая школа была для Курта подростковой пустошью, состоящей из трех каст: социальных типов, любителей математики и торчков. Девочки из Абердинской средней школы заметили ямочки на щеках Курта и его голубые глаза и решили, что он симпатичный.

– Я им вроде как нравился, – говорит Курт, – но мне не нравилась ни одна из этих девочек – они были глупыми.

Поскольку Курт нравился девочкам, их бойфренды-

спортсмены пытались подружиться с ним, но Курт их отшивал. Курт подумывал о том, чтобы начать общаться с занудами, которые увлекались компьютерами и шахматами, но они не любили музыку. А значит, остались только торчки.

– Я их ненавидел, – говорит Курт, – но они, по крайней мере, увлекались рок-н-роллом.

Итак, Курт надел типичную куртку укурка – джинсовую куртку с флисовой подкладкой, которая до сих пор пользуется популярностью у испорченной молодежи, – и начал тусоваться в традиционном пристанище торчков, притоне курильщиков. Курт почти ни с кем не разговаривал; он был таким тихим, что иногда его спрашивали, не наркоман ли он.

После возвращения в Абердин Курт потерял связь с The Melvins. Но потом он встретил в притоне своего приятеля-меломана по имени Дейл Кровер. Крист знал Кровера, потому что тот обычно играл с младшим братом Криста Робертом. Когда The Melvins понадобился барабанщик, Крист предложил Кровера, и тот согласился. И поскольку Курт был знаком с Кровером, то снова начал общаться с The Melvins.

The Melvins начали практиковаться в гостевой комнате в доме родителей Кровера. Любое место, где репетировали The Melvins, быстро превращалось в постоянное пристанище для группы абердинских укурков, прозванных «прилипалами», и обиталище Кровера ничем не отличалось. Одевались они в расклешенные джинсы и залатанные куртки-пуловеры с карманами на молнии, чтобы травка была в безопасности.

– Эти парни были самыми классическими мультяшными укурками-металлистами, каких вы можете себе представить, – говорит Курт. – Они были такие смешные – прыщавые, беззубые, провонявшие травой.

Для прилипал пребывание на репетиционной точке The Melvins было едва ли не единственным способом развлечения.

– В Абердине можно было только пить пиво, курить травку и поклоняться Сатане, – шутит Кровер. – Там ничего нет. Мы много смотрели телевизор.

Само место для репетиций было увешано плакатами Kiss, Mötley Crue и Теда Ньюджента, страницами, вырванными из журнала Circus, и фотографиями обнаженных женщин с наклеенными на них разными лицами (похожее изображение однажды появится на футболке Nirvana). Посетители поднимались по лестнице на заднее крыльцо дома, проходили через крошечную комнату, а затем попадали в репетиционный

зал. Базз не любил, когда на репетиции было много народу, поэтому прилипалы довольствовались тем, что болтались на заднем крыльце, пока The Melvins репетировали. Ежедневные репетиции группы обычно длились три или более часов, но только потому, что им приходилось прерываться каждые двадцать минут, пока один из членов группы решал какие-то дела с прилипалами.

Курт пробовался на роль участника The Melvins, но из этого ничего не вышло.

– Я все испортил, – говорит Курт. – Я так нервничал, что забыл все песни. Я буквально не мог сыграть ни одной ноты, просто стоял там с гитарой и что-то играл с покрасневшим лицом.

Это было даже к лучшему, потому что Курт уже писал и записывал свой собственный материал. Мэтт Лукин вспоминает кассету, сделанную Куртом из его собственных песен, там были только гитара и вокал.

– Это были очень классные песни, – вспоминает Лукин, – особенно для тех, кто играл на гитаре в то время, а когда мы были в том возрасте – большинство парней просто хотели играть Judas Priest. Нам показалось странным, что какой-то подросток пишет свои собственные песни и предпочитает играть их, а не Mötley Crue.

А потом Базз Осборн познакомил Курта Кобейна с панк-роком. Осборн сделал несколько сборников, в основном групп из Южной Калифорнии, таких как Black Flag, Flipper и Millions of Dead Cops[27]. Первой песней первого сборника была песня Black Flag Damaged II, тотальная атака абразивных гитар и неуклюжих, но агрессивных барабанов, наполненных злобой циркулярной пилы.

Поврежденный тобой, поврежденный мной,
Я запутался, я запутался,
Не хочу быть запутанным, —

выкрикивал вокалист Генри Роллинс.

Курт был поражен.

– Это было похоже на музыку с другой планеты, – говорит он. – Чтобы принять это, мне потребовалось несколько дней.

Однако к концу недели он уже был сертифицированным, самопровозглашенным панк-рокером. «Я чувствовал, – говорит Курт, – что это звучит четче и реалистичнее, чем обычные рок-н-ролльные тексты».

Вскоре после этого, в августе 1984 года, Курт, Лукин, Осборн

и остальные приехали в Сиэтл на выступление Black Flag[28] в клубе Mountaineer во время тура Slip It In. Чтобы раздобыть денег на билет, Курт продал за двенадцать долларов свою коллекцию пластинок, которая в то время состояла из альбомов Journey, Foreigner и Pat Benatar.

– Это было действительно здорово, – говорит Курт о концерте. – Это моментально изменило меня. Становление панк-рокером подпитывало мою низкую самооценку, поскольку помогало мне понять, что мне вовсе не нужно становиться рок-звездой – *я не хочу* становиться рок-звездой, – говорит Курт. – Поэтому я боролся с этой тонкой гранью – я всегда был в подвешенном состоянии, не беспокоясь, не желая и не имея возможности, но в то же время мне все-таки этого хотелось. Хотелось показать себя людям. Это немного сбивает с толку. Я так рад, что попал в панк-рок именно в то время, потому что это подарило мне несколько лет, за которые я должен был вырасти и осознать свои ценности в перспективе и понять, что я за человек. Я просто очень рад, что смог найти в себе панк-рок. Он был настоящим даром свыше.

Осборн также показал ему, как разобраться со своим окружением.

– У него было действительно потрясное отношение к среднестатистическому быдлу, – говорит Курт. – И оно меня по-настоящему вдохновило. Принцип был такой: «Задирай их столько, сколько может тебе сойти с рук». Мы ходили на вечеринки спортсменов, преследовали больших мускулистых мужчин и плевали им в спину, писали оскорбления на стенах их домов и доставали яйца из холодильника, чтобы положить их в хозяйскую постель. Мы просто старались нанести максимальный ущерб.

В конце концов Курт познакомился с парнем по имени Джесси Рид, который «был единственным настоящим другом, которого я смог найти в Абердине». Не считая того обаятельного парня по имени Майер Лофтин.

> Курт познакомился с Лофтином в художественном кружке, и они поладили, обнаружив, что увлекаются одной и той же музыкой – от AC/DC, Aerosmith и Led Zeppelin до панк-рока. Лофтину Курт «казался обычным парнишкой в синих джинсах и с аккуратной стрижкой». Его действительно удивило, что Курт был музыкантом.

– Он был таким мягким и тихим, – говорит Лофтин. – Очень милым, очень искренним.

И они стали хорошими друзьями.

Поначалу Курт даже не догадывался, что Лофтин – гей. Лофтин проговорился об этом Курту вскоре после того, как они начали общаться.

– Он сказал: «Ну, все в порядке, ты по-прежнему мой друг, я все еще люблю тебя, это не помеха». И мы обнялись.

Лофтин иногда оставался ночевать у Курта, и Венди, «классная мама», позволяла им «веселиться» в доме, если у них до утра не было никаких дел. Однажды Венди пришла домой пьяная и застала их за курением травки. В тщетной попытке отучить Курта от этого, она съела его заначку, получила передозировку и вскоре после этого заболела. В более спокойные вечера они зависали в комнате Курта, и тот учил Лофтина гитарным приемам Led Zeppelin.

Но общаться с другом, имеющим гомосексуальные наклонности, было немного рискованнее, чем ожидал Курт.

– Вскоре, – говорит Курт, – я начал понимать, что люди смотрят на меня еще более странно, чем обычно.

Над ним начали издеваться. Чаще всего это происходило на уроках физкультуры. Когда все переодевались, кто-нибудь обязательно называл Курта педиком и прижимал его к шкафчику.

– Они чувствовали угрозу. Потому что они были голые, а я якобы гей, – говорит Курт. – Так что им нужно было либо прикрыть свои члены, либо ударить меня. Или и то, и другое.

Жизнь в старшей школе стала для Курта еще более сложной. Часто спортсмены преследовали его по дороге из школы домой. Иногда они даже ловили Курта.

– Каждый день после школы, – говорит Курт, – этот парень валил меня в снег и садился мне на голову. После этого я начал даже гордиться тем фактом, что я якобы гей, хотя на самом деле не был им. Это было захватывающе, потому что я практически нашел себя. Я был каким-то особым задротом. Я был не совсем тем панк-рокером, которым хотелось бы стать, но, по крайней мере, это было лучше, чем быть *обычным* задротом.

Но социальное давление в конце концов стало слишком сильным, и однажды Курт, явно расстроенный, подошел к Лофтину и сказал, что больше не может с ним общаться. Он получал слишком много оскорблений за то, что был другом педика. Лофтин все понял, и они перестали дружить.

Курт начал курить травку в девятом классе и накуривался каждый день вплоть до выпускного класса, но тогда он хотя бы ждал наступления ночи.

– Я стал параноиком и даже перестал быть таким невротиком, каким был от природы, и это состояние еще больше усиливала травка, – говорит Курт.

Он плохо учился в школе и в одиннадцатом классе начал пропускать занятия; смена школ из-за переездов была только частью проблемы.

– Основная причина, по которой я вылетал из некоторых классов, заключалась в том, что я сильно ненавидел учителей, – говорит Курт. – Был один парень, религиозный фанатик, апокалиптический расист. Он преподавал гуманитарные науки и занимался только тем, что тратил наше время на внедрение Откровений в историю. Он участвовал в холодной войне середины восьмидесятых – «Русские идут» и был одним из крестоносцев этого рейгановского менталитета. Сукин сын. Каждый день мне хотелось убить его. Я часто представлял себе, как убью его на глазах у всего класса. Потому что остальная часть класса полностью заглотила крючок, леску и грузило. Купилась на этот бред. Я не мог поверить, что так много людей так просто взяли и приняли его.

Курт бунтовал и дома.

– Он не хотел быть частью семьи, но хотел жить в семейном доме, – говорит Венди. – Курт жаловался на все, что я просила его сделать, и это было лишь малой частью проблемы.

Между тем Венди признает, что ее терпение по отношению к Курту иссякло, поскольку помимо этого она еще злилась на Пэта за его пьянство и часто выплескивала свой гнев на детей.

В течение нескольких месяцев Курт встречался с «девушкой-наркоманкой», очень красивой молодой девушкой по имени Джеки. По словам Курта, «она пользовалась мной, до тех пор, пока ее парень не вышел из тюрьмы».

Однажды ночью он тайком протащил Джеки в свою комнату. Курт был взволнован – он вот-вот потеряет девственность. Они только успели раздеться, как в комнату внезапно ворвалась Венди, включила свет и прошипела: «Убери отсюда эту шлюху!» Курт сбежал к другу и оставался там до тех пор, пока мать друга не позвонила и не сказала: «Венди, мне кажется, что твой сын поселился в моем доме».

Курт бросил курить травку «в попытке наладить свою жизнь». Потом позвонила мачеха Курта и попросила его снова переехать к ним. Дон сразу же сказал, что если Курт останется у них, то ему придется прекратить заниматься музыкой и начать заниматься чем-то более серьезным. Он каким-то образом уговорил Курта заложить гитару, а потом заставил его сдать вступительный экзамен в военно-морской флот. Курт получил очень высокий балл, и восторженный местный вербовщик приходил в дом два вечера подряд. Но на вторую ночь, как раз перед тем, как он уже готов был записаться туда, Курт спустился в свою подвальную

комнату, нашел травку, выкурил ее, вернулся наверх и сказал: «Нет, спасибо, я отказываюсь», а затем собрал свои вещи и ушел. Он пробыл в доме отца всего неделю. Курт не увидит его еще восемь лет.

По сей день Дон собирает все журнальные статьи о Курте, которые только удается найти. У него есть большой альбом для журнальных вырезок и шкаф с памятными вещами.

– Все, что я знаю о Курте, – говорит Дон Кобейн, – я прочел в газетах и журналах. Так я с ним и познакомился.

Венди отправила Курта жить к его приятелю Джесси Риду, родители которого были настоящими христианами.

Курт был на мели и предложил продать гитару местному наркодилеру, и даже готов был оставить ее у него дома по доброй воле. Через неделю Курт передумал, но гитара все равно осталась у дилера, и Курт несколько месяцев обходился без нее, пока они с Ридом не забрали гитару обратно.

Курт не был идеальным гостем в доме Ридов.

– Я плохо влиял на Джесси, – говорит Курт. – Я курил травку и не любил ходить в школу.

> Однажды Курт долго разговаривал по телефону, оскорбляя миссис Рид, а затем повесил трубку и понял, что она слышала весь разговор по внутреннему телефону. Последней каплей был случай, когда Курт, запертый в доме, сделал единственную логичную вещь – вышиб дверь.

Курт говорит, что отец Рида пришел в ярость и сказал ему: «Курт, мы очень старались превратить тебя в хорошего гражданина, но это безуспешно. Ты безнадежен. Так что я буду тебе очень признателен, если ты соберешь свои вещи и уйдешь». Миссис Рид объяснила Венди, что «Курт повел Джесси не по той дороге».

Специальная коррекционная программа в школе тоже не сработала. За полгода до выпуска Курт понял, что ему нужно наверстать упущенный материал за целых два года. Мистер Хантер, учитель рисования, записал его на несколько конкурсов на стипендию в колледже, и Курт выиграл два из них, но все равно решил бросить учебу в мае 1985 года, всего за несколько недель до выпуска.

Курт решил полностью посвятить себя музыке, но Венди казалось, что он зря тратит время.

– Я сказала Курту, что ему лучше жить самостоятельно, – говорит Венди. – Если ты не собираешься заканчивать школу, то

тебе лучше найти работу и жить отдельно, потому что ты не можешь больше оставаться здесь и жить за наш счет.

Но Курт продолжал сидеть на шее у матери, и однажды она установила свои правила.

– Я сказала ему: «Если ты не возьмешься за ум, не найдешь работу, то тебе придется отсюда уйти», – говорит Венди. – «Однажды ты придешь домой и найдешь свои вещи в коробке».

И действительно, однажды Курт вернулся домой после репетиции The Melvins и обнаружил, что все его вещи упакованы в картонные коробки, стоящие на полу в столовой.

– Я пробовала принцип «жесткой любви», – говорит Венди. – В то время понятие «жесткая любовь» впервые появилось на свет, и я подумала: «Ну, можно на нем это испробовать».

Используя в качестве депозита часть алиментов от Дона, Курт вместе с Джесси Ридом переехал в квартиру в Абердине, оплачивая аренду деньгами, заработанными в ресторане на одном из курортов на побережье Вашингтона. Он пытался уговорить Рида играть вместе с ним. Когда ребята познакомились, они все время говорили о гитарах, и отец Рида играл в группе серферов, которая даже выпустила несколько синглов. Когда Рид упомянул, что у него появилась бас-гитара, Курт очень распереживался.

– Однажды вечером мы начали играть вместе, и оказалось, что он один из самых музыкально отсталых людей, которых я когда-либо встречал, – говорит Курт, и в его голосе до сих пор ясно звучит разочарование. – Рид не мог сыграть даже Louie, Louie.

Вскоре Курт получил работу уборщика в Абердинской средней школе, где большую часть времени проводил, соскабливая жвачку с нижних частей парт. Это было последнее место на земле, где он хотел бы быть. Однажды Курт притащил домой образец крема для бритья и украсил им куклу, чтобы она выглядела как нечто из «*Экзорциста*», с зеленой скользкой слизью, свисающей изо рта. Он повесил куклу за шею на окно, выходившее на тротуар, просто для устрашения всякого быдла.

– Моя квартира была оформлена в типичном панк-роковом стиле, с куклами-младенцами, измазанными кровью и подвешенными за шею, – говорит Курт. – Ковер был заляпан пивом, блевотиной и кровью, мусор не выбрасывался месяцами. Я ни разу не мыл посуду. Мы с Джесси готовили примерно на неделю вперед, а потом складывали все наши жирные тарелки из-под гамбургеров в раковину и заливали водой, и они простояли там все пять месяцев, которые я там жил.

В квартире Курта постоянно были тусовки, и пик

веселья неизменно приходился на тотальную войну с использованием кремов для бритья.

Зависая на репетиционной базе The Melvins, Курт подружился с Кристом Новоселичем. Крист упомянул, что играет на гитаре, и они начали тусоваться вместе, слушать музыку, пить и снимать короткометражные фильмы на камеру Криста «Супер-8». Иногда девушка Криста, Шелли, тоже приходила на вечеринку. Они были изгоями и чудаками, но, по крайней мере, вместе.

– У нас было так много общего, – вспоминает Шелли. – Словно мы вместе объединились против всего мира. Было здорово иметь свой собственный круг общения, мы были действительно тесно связаны, и ничто нас не тревожило. Если кто-нибудь что-то вытворял, мы не держали зла, нас попросту это не интересовало, нас больше интересовали другие вещи. Было весело.

Через три месяца Джесси Рид ушел служить на флот.

Как-то Курт сидел на наркоте с приятелем, который приехал к нему в гости на своем мотороллере. Когда друг спустился вниз, чтобы взять что-то со своего скутера, конченый сосед Курта начал избивать его, потому что тот припарковал скутер на его территории.

Курт услышал шум и бросился вниз, а его друг убежал. Сосед переключился на Курта, и в конце концов затолкал его в квартиру, избивая и унижая в течение двух часов, словно кошка, играющая с мышью.

В конце концов он перестал бить Курта и сел отдохнуть. Затем он оглядел комнату и заметил изуродованных кукол Барби, картины с трехголовыми младенцами, граффити и мусор. На его лице промелькнули страх и замешательство.

– Он начал задавать мне вопросы, – говорит Курт. – Зачем я устроил в квартире все это?

Он снова начал толкать Курта, и Курт кричал до тех пор, пока хозяйка, которая жила этажом выше, не завопила, что собирается вызвать полицию. Хулиган убежал. В конце концов приехала полиция, но они посоветовали Курту не раздражать своего соседа, выдвигая встречные обвинения. Курт отомстил. В течение месяца после этого случая его друзья приходили и колотили по стенам соседей, выкрикивая непристойности и угрозы, в то время как хулиган прятался в своей квартире. Курт говорит, что он оставлял на пороге квартиры соседа маленькие подарки, например, упаковку пива с кислотой или рисунки с изображением соседа, повешенного на дереве. После ухода Рида Курт прожил в квартире еще пару месяцев. Поначалу ему удавалось уговорить хозяйку позволить ему заплатить за квартиру с опозданием, но

она начала обращать внимание на состояние квартиры. Друзья Курта исписали все стены на лестнице. Сама квартира была в полном беспорядке.

Курт не мог оплачивать аренду и в конце концов, поздней осенью 1985 года, съехал, задолжав арендную плату за несколько месяцев. Безработный и практически без гроша в кармане, он проводил зиму в библиотеке, читая книги и сочиняя стихи. В конце дня он покупал упаковку пива и приносил ее домой к другу, где они выпивали, и в конце концов Курт падал на диван. В других случаях он спал в картонной коробке на крыльце дома Дейла Кровера, в фургоне Криста и Шелли, или же прокрадывался в дом матери, пока она была на работе, и забирался на чердак, или же ночевал на веранде дома. А иногда он ночевал под Северным Абердинским мостом, который пересекает реку Уишка рядом с домом Венди.

Будучи холостяком, Курт получал талоны на питание на сорок долларов в месяц, но редко покупал на них еду. Вместо этого он и его друзья рассредоточивались по городу и на продовольственные талоны покупали конфеты «Джолли Ранчер», а на сдачу – ящик пива. Этот ритуал занимал целый день.

> Курт был очень горд собой за то, что смог выжить, не имея ни работы, ни дома. Его единственной заботой была возможность воровать еду, ловить рыбу в реке и получать талоны на продукты. И время от времени жрать макароны с сыром у своих друзей.

– Я просто жил в Абердинской фантастической версии жизни панк-рокера, – говорит Курт. – Это было легко. Это было ничто по сравнению с тем, с чем имеет дело большинство детей, сбежавших в большой город. Не было никакой угрозы или опасности, никогда.

Курт мог бы перебраться в Сиэтл, но он слишком боялся больших городов, чтобы сделать это в одиночку. Он практически не выезжал за пределы области Абердин-Монтесано, и ни у кого в Абердине не было достаточно храбрости, чтобы совершить этот поступок.

Иногда он заходил к Венди, и она готовила ему обед.

– Из-за мучившего меня чувства вины за то, что я позволила Курту уйти и жить с отцом, – говорит Венди, – я всегда баловала сына. Он приходил в гости. «Будешь обедать?» Загладить, загладить, загладить. Мне хотелось загладить свою вину, потому что я была виновата, я чувствовала себя ужасно виноватой перед Куртом.

Венди забеременела и была подавлена тем, во что

превратился Курт. Она помнит, как думала: «Я облажалась с первым ребенком, нужен ли мне еще один?»

– Курт пришел, когда я была уже на большом сроке и плакала из-за этого, – говорит она. – Он спросил меня, в чем дело, а я ответила, что ужасно себя чувствую, потому что один ребенок у меня внутри, а другой на улице, и он просто встал на колени, обнял меня и сказал, что у него все в порядке, и чтобы я не беспокоилась о нем, и что все будет хорошо.

Той зимой Курт объединился с Дейлом Кровером, игравшим на бас-гитаре, и Грегом Хокансоном, игравшим на барабанах, и начал репетировать кое-что из своего материала. Однажды эта троица, которую Курт окрестил Fecal Matter[29], открывала выступление The Melvins в таверне «Спот», пляжном баре в Моклипсе, отдаленном маленьком городке на побережье Вашингтона. Через некоторое время они избавились от Хокансона, которого все равно недолюбливали. Они начали интенсивно репетировать, готовясь к записи демокассеты. С Мэттом Лукином за рулем надежной голубой «Импалы» они отправились в Сиэтл, где жила тетя Курта Мэри, музыкант, у которой был магнитофон на четыре дорожки.

Мэри была поражена агрессивностью вокала Курта.

– Она понятия не имела, что я настолько агрессивный, – говорит Курт. Он записывал гитары непосредственно в магнитофон – классическая малобюджетная техника панк-рока, которой он воспользовался годы спустя на записи Territorial Pissing, трека для альбома *Nevermind*. Они записали семь треков с такими названиями, как Sound Of Dentage, Bambi Slaughter и Laminated Effect, которые звучат как нечто среднее между песней с *Nevermind* Stay Away и темой MTV, а также замедленную инструментальную версию Downer, которая позже появится в альбоме *Bleach*. Запись Fecal Matter содержала некоторые элементы, которые появлялись и в более поздней музыке Курта – в основном сверхтяжелый рифф, привлекающий слух, но в ней также были трэшевый темп и искаженное ощущение структуры песни, напоминающее как The Melvins, так и Metallica. Выразительных мелодий еще не было, и вокал Курта варьировался от грубого лая до леденящего кровь воя.

Позже Курт некоторое время репетировал песни Fecal Matter с Баззом Осборном на басу и бывшим барабанщиком The Melvins Майком Диллардом, но вскоре Диллард потерял к этому интерес, и проект полностью развалился, когда, как вспоминает Осборн, «Курта возмутило, что я не покупал басовую систему, и поэтому он решил, что я недостаточно увлечен этим».

В Абердинской средней школе Курт познакомился с закоренелым тусовщиком по имени Стив Шиллингер, чей отец Ламонт был (и до сих пор остается) учителем английского языка. Шиллингер впервые обратил внимание на Курта, потому что у того на папке для документов было написано Motörhead.

Шиллингер помнит кассеты, на которые Курт записывал музыку – «дрянные хэви-метал-песни», вспоминает он, с названиями вроде Suicide Samurai. В первый раз, когда Шиллингер и Курт планировали оторваться вместе – на концерте Metal Church, – Шиллингер кинул его, потому что «было слишком мало пойла, и я не настолько хорошо его знал».

Родители Шиллингера измучились, принимая у себя его друзей, так что, когда Курту понадобилось где-то осесть, он завел дружбу с Эриком, братом Шиллингера. У Шиллингеров было пятеро сыновей и одна дочь, так что прокормить еще один рот не составляло большого труда. Курт прожил у них около восьми месяцев, начиная с конца зимы 1985 года, и добросовестно выполнял свою работу, как и все остальные.

Эрик также играл на гитаре, и Стив Шиллингер клянется, что Эрик и Курт подключали свои гитары к семейному стерео и играли особенно яркую часть *Rhyme of the Ancient Mariner* Iron Maiden. И Эрик, и Курт полностью отрицают это, но, как говорит Шиллингер, «люди часто отрицают свое прошлое».

За много лет Шиллингеры приютили нескольких «бездомных» друзей Эрика, и обычно через день или два обеспокоенные родители звонили и спрашивали, не у них ли ребенок. Но не в этот раз.

– Мы не услышали ни слова от мамы Курта за все время, пока он был у нас, – говорит Ламонт Шиллингер.

В то лето Курт начал свою долгую карьеру граффитиста. Он был вандалом с тех пор, как начал напиваться в седьмом классе, но этим летом работа была, как говорит Курт, «целенаправленным заявлением». Днем он снова и снова играл альбом Bad Brains *Rock for Light*, а потом по ночам пил и ел кислоту все лето. Он, Осборн, Стив Шиллингер и другие начинали с маркеров, рыскали по переулкам за главными улицами Абердина, писали провокационные фразы вроде «АБОРТ ХРИСТА» и «БОГ – ГЕЙ» или рисовали аэрозолем «ПИДОР» на пикапах четыре на четыре (предпочтительно с оружейными стеллажами), чтобы позлить всякое быдло. В остальных случаях они писали всякую чепуху вроде «АКРОБАТЫ-АМПУТАНТЫ» или «ЛОДКА АКК», просто чтобы сбить людей с толку.

Однажды вечером они заметили огромную, сложную фреску Pink Floyd, которую кто-то старательно нарисовал в одном из переулков. Ее минуты были сочтены.

– Мы были новоиспеченными панками, – объясняет Шиллингер. – И у нас были баллончики с краской.

У Курта была серебряная краска, а у Шиллингера – черная, и прямо поверх «Pink» Шиллингер написал «Black», а Курт написал «Flag» поверх «Floyd».

– Хиппи мечтали надрать нам зад весь остаток лета, – говорит Шиллингер, все еще ликуя. – Мы были похожи на подпольных хулиганов, на которых охотились.

Курт был на граффити-рейде вместе с Осборном и Кристом, которые только что написали на стене банка «ГОМОСЕКС РУЛИТ», когда из ниоткуда появилась полицейская машина, и Курт попал под свет ее фар. Крист и Осборн убежали и спрятались в мусорном контейнере, но Курта притащили в полицейский участок, и он взял всю вину на себя. Полицейский отчет подробно описывает содержимое его карманов: один медиатор, один ключ, одна банка пива, одно кольцо настроения[30] и одна кассета воинствующей панк-группы Millions of Dead Cops. Он получил штраф в 180 долларов и тридцать дней условного срока.

Вандализм не был для Курта чем-то новым. Еще когда он учился в средней школе, вместе с друзьями они находили дом, заброшенный или пустующий, врывались в него и уничтожали все, что попадалось под руку. Курт всегда хотел снять один особенный домик, стоявший в поле, потому что это была идеальная площадка для репетиций группы, но владельцы постоянно отказывали ему в аренде, сдавая дом кому угодно, только не ему.

> Однажды поздно вечером Курт шел домой после вечеринки с другом, и они заметили, что дом снова пустует. Они ворвались в него и бесновались, разбрасывая приборы по всему дому, старательно разбивая все окна и разнося все в щепки с помощью набора гирь.
>
> – Это была месть, – говорит Курт.

В конце концов он устроился на работу техником в YMCA[31], примерно в квартале от дома Шиллингеров, в основном для того, чтобы иметь возможность купить музыкальное оборудование, если вдруг найдет группу. Утром он шел на работу, встречался с боссом, а вскоре возвращался домой, сидел, смотрел телевизор и пил до самого конца рабочего дня. Иногда ему приходилось

стирать граффити, которые он сам написал накануне вечером. Немного позже Курт получил единственную постоянную работу, которую он когда-либо действительно любил – работу инструктора по плаванию для детей от трех до семи лет.

На первом выступлении Дейл Кровер был на басовом барабане, малом барабане и тарелках, Базз Осборн на бас-гитаре, а Курт читал свои стихи под аккомпанемент импровизированного тяжелого рока в GESCCO Hall – похожем на амбар производственном помещении в Олимпии, принадлежащем Колледжу вечнозеленого штата. Первоначально трио называлось Brown Towel («коричневое полотенце»), но из-за ошибки в написании на плакате превратилось в Brown Cow («коричневая корова»). Курта это раздражало.

– Мне пришлось напиться, – говорит он. – Я накачался вином.

Людей было мало, и реакция была тухлой, но два человека в аудитории – житель Олимпии Слим Мун и его приятель Дилан Карлсон, интеллектуал-самоучка, игравший на гитаре в нескольких группах по всему городу, – были потрясены. Они оба знали Курта как члена свиты The Melvins, но теперь он был чем-то большим.

– Именно тогда наше восприятие Курта изменилось от обычного посредственного парня, тусовавшегося с The Melvins, – говорит Слим Мун, – до осознания: «Подождите, у этого парня определенно есть талант». Карлсон, ныне один из участников сверхтяжелого гитарного дуэта Earth, подошел к Курту и сказал, что шоу было одним из лучших, которые ему только приходилось видеть. Они начали встречать друг друга на разных крутых шоу в Олимпии, вскоре стали близкими друзьями и остаются ими по сей день. Тем временем Курт начал общаться с наркоторговцем по имени Грант (это не было его настоящим именем).

– Он был законченным наркоманом, – говорит Курт. – Он был Верховным Королем наркотиков.

Гранта презирали, но общались с ним, потому что он мог достать практически любой наркотик. В то время об этом никто не знал, но он добывал свой товар, грабя аптеки вместе со своим любовником, приятелем и мальчиком для битья. Грант начал приносить Курту пригоршни перкодана[32], термоядерного обезболивающего, каждая таблетка которого была в своем индивидуальном маленьком пакетике из фольги и пластика, и всего за один доллар в день. Курт считал, что перкодан помогал ему «расслабиться».

– Это было состояние, – говорит он, – похожее на сон, только для этого не нужно было засыпать.

Курт был настолько наивен в отношении наркотиков, что не

знал, что перкодан вызывает привыкание, и подсел на него, сам того не осознавая. В итоге его доза увеличилась до десяти таблеток перкодана в день и Курт «начал сильно чесаться». Примерно через два месяца запасы Гранта иссякли, и Курту пришлось резко бросить.

– Это было тяжело, – говорит он. – У меня был понос, и пару дней я пропотел в постели Эрика.

Однажды ночью тем летом Грант и Курт вместе попробовали героин. Грант сделал Курту укол.

– Это было страшно, – говорит Курт. – Я всегда хотел это сделать – и знал, что обязательно это сделаю.

Он не знает наверняка, почему был уверен, что в конце концов сделает это.

– Не знаю, – говорит Курт. – Я просто это знал.

К тому времени он пробовал почти все наркотики, кроме PCP («я постоянно слышал о людях, которые сходили с ума и прыгали с крыш после того, как закинулись им»). Героин был последним рубежом.

Еще одной привлекательной чертой был разлагающий, преступный гламур, который наркотики приобрели благодаря связи с такими рокерами, как Кит Ричардс и Игги Поп.

– Игги Поп был моим кумиром, – говорит Курт. – Я просто хотел попробовать.

Курт был уверен, что у него нет ни малейшего шанса подсесть на наркотик, потому что в Абердине его практически невозможно было достать.

> Героиновая иллюзия эйфории, возможно, тоже сыграла какую-то роль во всем этом. Эйфория любого рода была в дефиците в жизни Курта. Начиная со средней школы. Он так злился на свое окружение, что у него развился нервный тик, например хруст пальцами, царапанье лица и нервное смахивание волос, падавших на лицо. У него дергался глаз. Курту даже казалось, что у него может развиться шизофрения.

– Это была смесь из ненависти к людям, потому что они не оправдывали моих ожиданий, и из усталости от того, что приходилось все время быть среди все тех же идиотов, – говорит он. – По моему лицу и тому, как я реагировал на людей, было ясно, что я их терпеть не могу. Это была смесь безумной ненависти к людям, потому что они не оправдывали моих ожиданий, и я был сыт по горло нахождением среди них. Я начал осознавать, что люди замечают мою ненависть к ним.

Курт был уверен, что все знают о его чувствах, и от этого

становился еще более нервозным. Он становился все большим параноиком, потому что был уверен, что все знают, что он может сойти с ума в любой момент.

– Они считали меня перспективным ребенком, который однажды принесет в школу АК-47 и перестреляет всех на хрен, – говорит Курт. – Было такое ощущение, что однажды я взорвусь. В итоге люди стали держаться от меня подальше.

Опиаты, такие как, например, перкодан, дарили Курту чувство облегчения; под опиатами он не так сильно ненавидел людей.

– Я чувствовал к ним легкую привязанность или, по крайней мере, мог разглядеть их личности и думать о них как о настоящих людях, – говорит он. – Возможно, у них было паршивое детство, а может, это окружение сделало их такими. Это несколько ослабило мою враждебность к людям. Мне необходимо было это сделать, потому что я устал так сильно ненавидеть людей и так осуждающе относиться ко всем. Это просто позволило мне на несколько дней обрести душевный покой.

Тем временем дружба Курта и Эрика начала распадаться, возможно, из-за музыкального соперничества. Противостояние нарастало с каждым днем, пока однажды ночью, через восемь месяцев после того, как Курт переехал к Шиллингерам, Курт, Эрик и Стив Шиллингеры не вернулись домой с трех разных вечеринок жутко пьяными. Стив говорит, что это было из-за замороженной пиццы, а Курт считает, что это было потому, что он хотел спать, а Эрик хотел смотреть телевизор, и по какой-то причине между Куртом и Эриком вспыхнула драка. Курт объявил перекур, а затем драка возобновилась на заднем дворе.

– На стене была настоящая кровь, – говорит Стив. – Я не хочу говорить о том, кто победил, скажу только, что это была очень кровавая и ужасная битва.

По окончании потасовки Курт поспешно удалился. На следующий день он заплатил Стиву Шиллингеру десять долларов за то, чтобы тот сложил его вещи в мусорные мешки и отвез их в дом Дейла Кровера. Курт пробыл несколько дней в доме Базза Осборна, а потом ненадолго вернулся к Венди.

Мистер Шиллингер просил Курта вернуться, но тот отказался и вернулся под мост, где время от времени ловил рыбу и ел ее, пока однажды кто-то не сказал, что она ядовита. Иногда он спал в помещении над салоном красоты матери Криста. Приходилось просыпаться в семь утра, чтобы успеть уйти до того, как она придет на работу.

Осенью 1986 года Курт уговорил Венди вложить деньги в дом номер 1000 ½ по Ист— Секонд-стрит в Абердине, ветхую

маленькую лачугу в нескольких сотнях ярдов от ее дома. Дом сдавался всего за сотню долларов в месяц, возможно потому, что крыльцо дома обвалилось. «Это была полная хрень, а не дом», – вспоминает Курт, но, по крайней мере, это была его хрень. В доме были две маленькие спальни и две маленькие гостиные. Его соседом по дому стал басист The Melvins Мэтт Лукин, который к тому же был опытным плотником. Лукину пришлось немало потрудиться над домом, прежде чем он стал пригоден для жизни.

Как обычно, в этом доме чистота не была в приоритете. Если ты выпил пива, то мог просто бросить банку на пол. А когда в хижине случались вечеринки, пол покрывался праздничным мусором. Холодильника у них не было, поэтому всю еду они держали в старом, не включенном в сеть морозильнике на заднем крыльце. Готовили они в печи для тостов. Венди время от времени заглядывала к ним с пакетами еды.

Однажды Курт купил с полдюжины черепах и посадил их в ванну прямо посреди гостиной; большую часть комнаты занял террариум, пристроенный к ванне. Для отвода воды плотник Лукин просверлил дыру в полу, и вонючая, смешанная с мясом для гамбургеров и черепашьим пометом вода сливалась через пол прямо под дом. Но фундамент настолько прогнил, что вода поднималась до половиц.

– Естественно, там безумно воняло, – говорит Курт.

Курт испытывал особое влечение к черепахам.

– В них есть очарование, которое я не могу описать, – говорит он. – У черепах будто на лице написано «да пошел ты» – я застрял в аквариуме, я несчастен, я ненавижу тебя, и я не собираюсь выступать для тебя.

А еще у них есть защитные панцири.

– На самом деле эти панцири не так уж полезны, – говорит Курт. – Это часть их позвоночника, и она очень чувствительна – если постучать по панцирю, им будет больно, так что это вовсе не защитная оболочка, как все думают. Если черепаха упадет на спину, панцирь расколется, и она умрет. Это то же самое, как если бы человеческий позвоночник был снаружи.

> Курт устроился в Полинезийский отель на Оушен-Шорс, прибрежный курорт примерно в двадцати милях от Абердина, уборщиком, чистильщиком каминов и «подсобным рабочим». Опять же, он не стремился быть идеальным работником. Вместо того чтобы убирать или чинить вещи в гостиничных номерах, он просто входил в свободную комнату, включал телевизор и засыпал.

Курт постоянно искал новый дешевый кайф.

– Тогда мы все были на мели, так что тратить кучу денег на кокаин и тому подобное не хотелось, – вспоминает Лукин. – Многие принимали ради кайфа сироп от кашля. Я помню парня, с которым мы вместе учились в школе, он глотал аспирин и получал от этого кайф.

В то время многие дети в Абердине употребляли кислоту, не говоря уже о мощной местной марихуане, прозванной «чудо-травой». Лукин, Джесси Рид, Курт и еще несколько торчков сидели как-то вечером и жаловались, что им надоели все эти банальные вещества. Затем Рид вспомнил все эти баночки с кремом для бритья, которые Курт притаскивал с тех пор, как они поселились в одной квартире. Баллон крема для бритья был оснащен маленькой резиновой пробкой на дне банки, куда закачивался газ-пропеллент. Ощущения от вдыхания пропеллента были похожи на ощущения от вдыхания закиси азота. С тех пор производители крема для бритья изменили конструкцию банки, чтобы исключить подобное применение.

Проблема заключалась в том, что большая часть газа улетучивается, поэтому Рид показал им, как смастерить что-то вроде кальяна. Все помчались в «7-Eleven» и накупили еще крема для бритья. Последовала легкая паника, когда они обнаружили, что газ понизил их голоса, но это было временно.

– Мы все ругали Курта, ведь он не должен был тем летом тратить весь крем для бритья на украшение кукол, – говорит Лукин. – Мы могли бы получить от него кайф!

И вот однажды зимним утром, на рассвете, Курт пришел к дому Венди.

– Мама, – позвал ее Курт слабым от страха голосом, – я потерял руку. Я сжег руку, и она просто исчезла.

Он разрыдался. Курт готовил картошку фри, свою обычную еду, и сильно обжег руку о горячий жир.

– Это было ужасно, – говорит Венди. – Рука сильно обгорела – это была самая отвратительная вещь, которую я когда-либо видела, и мне приходилось перевязывать ожог дважды в день и менять повязки… это было ужасно.

Курт поехал в больницу, врач перевязал его ожог и сказал, что он больше никогда не будет играть на гитаре. Но потом Венди отвела его к специалисту, с которым познакомилась в колледже Грейс-Харбор, где проходила программу подготовки медсестер. Сейчас шрама совершенно не видно.

Во время лечения Курт сидел дома и пытался играть на гитаре. Не работая и не имея никаких доходов, он был вынужден в течение нескольких месяцев питаться одним рисом. Время от времени он разорялся на замороженный солсберийский стейк.

– Я умирал с голоду, живя в этом свинарнике, – говорит Курт, – без возможности играть на гитаре, в постоянном страхе, что хозяйка будет звонить каждый день и напоминать, что я должен ей деньги. И это лишь малая часть.

Он не знал, где будет жить в ближайшем будущем.

Курт очень хотел создать группу с Кристом, но Криста, похоже, не заинтересовала эта затея.

– Я всегда давал ему понять, что хочу играть с кем-то в группе, – говорит Курт, – но Крист не хотел этого.

Курт даже одолжил Кристу свой усилитель на полторы недели, пытаясь подмазать его. Но он не принял предложение Курта и даже заставил его прийти к нему домой, чтобы тот забрал свой усилитель.

– Он очень хорошо звучал, – говорит Крист, – но я решил вернуть его Курту.

Курт время от времени подсовывал Кристу копию записи Fecal Matter, пытаясь намекнуть, но Крист так и не сказал о ней ни слова.

> Через год после записи демо и через три года после их первой встречи Крист сказал Курту: «Я наконец-то прослушал запись, которую ты сделал. Она очень хорошая. Мы должны создать группу».

У Курта была гитара и усилитель Peavey. Раньше у Криста был усилитель, но ему пришлось отдать его Мэтту Лукину в обмен на то, что тот вызволил его из тюрьмы после драки с каким-то быдлом на парковке абердинского «7-Eleven». Для записи они использовали еще один гитарный усилитель и дешевый микрофон с диафрагмой, которая была приклеена изолентой. Это была развалюха, но она работала. Над салоном красоты миссис Новоселич было пустое помещение, и они играли там часами: Крист на басу, Курт на гитаре и парень по имени Боб Макфадден, которого Крист запомнил как «какого-то качка», у которого случайно оказалась ударная установка.

К сожалению, вскоре это место превратилось в притон, как и репетиционная база The Melvins, и Кристу в конце концов пришлось повесить табличку с надписью: «Это не ночлежка. Валите отсюда, нам нужно репетировать».

Андеграундная сцена Абердина была настолько мала, что вокруг репетиционной базы болтались даже фанаты The Cure с модными начесами и в готической одежде. Крист и Шелли называли их клубом «Стрижка 100»[33].

– Мы не были близки с ними, потому что их в основном волновала мода, – говорит Шелли. – Мы же хотели только

поиграть.

Группа немного поработала над материалом, но по какой-то причине проект развалился примерно через месяц, и все трое пошли разными путями. Крист и Шелли отправились в Аризону искать работу.

Курту не нравились ребята, зависавшие в хижине. Как правило, это были несовершеннолетние пьяницы, для которых дом был лишь местом, где можно напиться. Работа Лукина в качестве столяра-краснодеревщика была далеко не постоянной, поэтому чаще всего он и его собутыльники не ложились спать до самого утра, а Курту приходилось рано вставать, чтобы идти на работу в отель. Через пять месяцев Лукин понял, что ему пора съезжать.

Дилан Карлсон упомянул, что он безработный, и Курт рассказал ему о замечательной работе, которую они могли бы получить, – работе укладчиками ковров в отеле Оушен-Шорс. Карлсон собирался занять комнату Лукина в лачуге, но пробыл там всего две недели, потому что с работой по укладке ковров так и не сложилось. Однажды рано утром они отправились в Оушен-Шорс и обнаружили, что босс был настолько пьян, что не мог подняться с пола, чтобы отпереть дверь. Когда они приехали во второй раз, дверь была не заперта, но босс отключился прямо перед ней, преграждая путь.

Карлсон сдался, но Курт попробовал и в третий раз. Он попал внутрь, но босс ушел в бар и напился до бесчувствия. Они так и не смогли заполучить ту хваленую работу укладчиков ковров.

Курт все чаще и чаще ездил с The Melvins в Олимпию, город примерно в пятидесяти милях к востоку от Абердина. Олимпия, столица штата, служит домом Колледжу вечнозеленого штата, пристанищем для элиты и всевозможных неудачников и рассадником предприимчивой независимой музыки. Курт ездил туда почти каждый уик-энд, чтобы посмотреть на группы. Олимпия была маленьким городком, но у нее были связи с национальной инди-сценой, которые поддерживались за счет радиостанции Колледжа вечнозеленого штата KAOS, журнала Op (с тех пор превратившегося в Option), издателя фэнзинов Брюса Пэвитта и студии Кэлвина Джонсона K Records.

Молодежь там не фанатела от хард-рока, а предпочитала наивную музыку, так называемый love rock, которую исполняли Джед Фэйр[34] и группа Beat Happening, которую возглавлял Кэлвин Джонсон. Он доминировал на сцене и вдохновлял легион клонов – Курт называет их «кальвинистами» – людей, которые говорили и одевались точно так же, как он, стремясь к невинному

детскому состоянию.

Это было целое сообщество изгоев – их отвергали даже панк-рокеры. Кальвинисты не употребляли наркотики – по крайней мере, они так говорили – и коротко стриглись. Все играли друг у друга в группах, все со всеми спали. У них была своя кофейня, свой магазин грампластинок, и фактически KAOS стал их собственной радиостанцией.

– Они создали свою маленькую планету, – говорит Курт.

У них была даже своя собственная студия звукозаписи. Кэндис Питерсон и Джонсон управляли K Records, небольшим инди-лейблом с хорошими связями, который также продвигал зарубежные группы похожего стиля, например Young Marble Giants, Kleenex и The Vaselines.

Курт не полностью поддерживал идеалы K. Он любил носить длинные волосы и принимать наркотики. Но ему нравилась музыка и ее смысл.

– Они открыли для меня музыку, которую я никогда раньше не слышал, – говорит Курт. – Они заставили меня осознать, что в течение многих лет я не оглядывался на свое детство. Я пытался забыть о нем, просто выкинул его из памяти. А теперь мне пришлось вернуться в прошлое и с нежностью вспомнить о своем детстве. Это было приятное напоминание о невинности.

> «Чтобы помнить, что я всегда должен оставаться ребенком», Курт сделал на левом предплечье татуировку с логотипом K Records, буквой «K» внутри простого щита.

После отъезда Лукина Курт прожил в лачуге еще два месяца, задолжав хозяйке за аренду.

В это же время он начал встречаться с девушкой по имени Трейси Марандер. Она не была похожа ни на одну из других девушек, которых он знал. Она носила полосатое пальто, похожее на зебру, а ее волосы были выкрашены в огненно-красный цвет, и она жила в Олимпии. Трейси любила вечеринки и была несколько эксцентрична, но в то же время спокойна и заботлива. Через несколько недель она стала первой настоящей девушкой Курта.

Трейси и Курт познакомились примерно год назад, около клуба Gorilla Gardens, похожего на амбар панк-клуба для всех возрастов (ныне несуществующего) в китайском квартале Сиэтла. Познакомил их общий друг Базз Осборн. Трейси и ее парень сидели в машине, пили пиво и разговаривали с Баззом и Куртом, которые тоже пили пиво. Встреча прервалась, когда Трейси заметила пару полицейских, направлявшихся в их сторону, и уехала, оставив Курта и Базза отдуваться перед полицией.

Трейси считала, что Курт очень милый и выглядит слишком

молодо. Он был худощавый и коротко стриженный.

– Меня поразили его голубые глаза, – вспоминает она. – Я никогда раньше не видела таких голубых глаз.

Подружившись с Кристом и Шелли, она стала прилипалой и через год, на вечеринке в доме родителей Базза Осборна, снова встретила Курта, наблюдая, как Базз и Крист пьют «Бешеного Пса». Когда Курт ушел, Базз рассказал ей, что Курт был тем самым парнем, который так классно нарисовал Kiss на боку фургона The Melvins – известного как Мел-Вэн – при помощи маркеров «Magic Markers». Когда очередной маркер заканчивался, он шел в лавку Shop-Rite в Монтесано и крал еще один.

– Я подумала, что это вроде как круто, – говорит Трейси.

Глава III
Это мой брат Крист. Он слушает панк-рок

Крист Энтони Новоселич родился 16 мая 1965 года в Комптоне, штат Калифорния. Его родители, Кристт и Мария, были иммигрантами из Хорватии; мистер Новоселич (фамилия в переводе с хорватского означает «новый поселенец») переехал в США в 1963 году, его будущая жена – годом позже. Они поселились в Гардене, штат Калифорния, где мистер Новоселич работал водителем грузовика в компании по доставке питьевой воды Sparklets.

После нескольких переездов по разным квартирам с Кристом и его младшим братом Робертом они поселились в скромном доме, а после рождения сестры Криста Дианы в 1973 году – в другом, более симпатичном доме.

Хотя в Калифорнии было организовано автобусное сообщение между школами, в Гардене дети разных рас не смешивались – за исключением одной группы.

– У нас была своя тусовка из ребят, ничего не смыслящих в математике, – говорит Новоселич. – Те, кто не вписывался в общую картину, держались вместе, и в этом не было никаких расовых предрассудков. Так что интеграция сработала.

– Мы с Робертом были большими мальчиками и часто попадали во всякие неприятности, – вспоминает Крист свой пятнадцатилетний возраст. – Резали шины и тому подобное. Мой отец порол нас, потому что это было все, что он умел делать. И мы его боялись. Но я не считаю это насилием или оскорблением. Он даже не давал нам пощечин. Это был его ответ на наши действия. А Роберт носил очки, и в первый же день он их разбил, – продолжает Крист. – Вот такой вот Роберт. Мы могли творить всякое дерьмо. Бросали камни в дома, в машины. В то время вандализм казался крутым и престижным. Мы были настоящими вандалами. Бросались яйцами…

Крист говорит, что они с братом взялись за ум, когда пришло время переезжать в Абердин в 1979 году. Кристу тогда было четырнадцать. Цены на недвижимость в Южной Калифорнии стали для семьи Новоселич неподъемными, а в Абердине они могли найти хороший дом за небольшие деньги. Кроме того, там было много других хорватских семей. Новоселич-старший устроился машинистом на одну из многочисленных лесопильных

фабрик города.

После солнечной Калифорнии Абердин Кристу совсем не нравился.

– Здесь все было против меня, – говорит он. – Пасмурно и дождливо, на улицах вся эта грязь от грузовиков. Все здания какие-то грязные. Похоже на город в районе Восточной Германии. Там была настолько высокая влажность, что деревья становились мягкими и просто разваливались.

> Как и Курту, Кристу было тяжело в школе, потому что он не вписывался в коллектив. Стереотип о Калифорнии был правдив – там действительно все было более размеренным.

– Я был озадачен странной, искаженной общественной жизнью, которая была в Абердине, – говорит Новоселич. – Мне казалось, что люди там были гораздо более нервные и субъективные.

Абердинцы носили кожаные теннисные туфли и слоновьи клеши, в то время как Крист щеголял в топ-сайдерах и ливайсах с прямыми штанинами.

– Три года спустя, – говорит Крист, – все уже носили брюки с прямыми штанинами. Мои страдания были напрасны.

Он был очень высоким – больше двух метров к моменту окончания средней школы. Его родители надеялись, что он станет баскетболистом, но рост лишь делал Криста неуклюжим.

– По большей части я был просто странным и неприспособленным, – говорит Крист. – Я был очень подавлен, приехав в Абердин. Я ни с кем не мог ужиться. Возвращаясь домой, я спал весь остаток дня и в одиночестве слушал музыку. У меня не получалось ужиться с этими детьми. Они были придурками, и очень плохо ко мне относились. Я ничего не понимал. Они вовсе не были крутыми.

Крист слушал такие группы, как Led Zeppelin, Devo, Black Sabbath и Aerosmith, в то время как его сверстники отдавали предпочтение песням из чарта Top Forty[35], возможно потому, что на местном радио звучал только он. В школьном автобусе включали Top Forty, и Крист был вынужден терпеть Coward of the County Кенни Роджерса[36]. Снова и снова.

Кристу Новоселичу повезло с расположением дома. Он находился на Think of Me Hill[37], самом высоком холме Абердина (он носил такое название потому, что на рубеже веков на холме, возвышавшемся над городом, висела большая вывеска с рекламой табака Think of me), поэтому его радио тут отлично ловило – в ясные дни он мог увидеть Портленд, штат Орегон. Он лежал в

своей комнате в депрессии и часами слушал сиэтлские хип-хоп-радиостанции.

К июню 1980 года родители Криста были настолько обеспокоены его депрессией, что отправили его жить к родственникам в Хорватию. Крист выучил хорватский «во дворе» и до сих пор свободно владеет им. Ему нравилось там жить – он завел множество друзей, и там были прекрасные школы. Крист даже услышал там нечто под названием «панк-рок» и открыл для себя Sex Pistols, Ramones и даже некоторые югославские панк-группы. Тем не менее они не оказали на него особого влияния.

– Это была просто музыка, – вспоминает Крист. – Она ничего для меня не значила – просто нравилась.

Через год родители позвали его домой.

– Я был в странном подвешенном состоянии, – говорит Крист. – Начал много пить и курить травку. Я всегда был большим любителем выпить. Когда я пью, то просто не могу остановиться. Мне казалось, что, когда выпью, я оказываюсь в каком-то странном мультяшном мире, где все идет как надо. Зрение затуманено, у всего вокруг есть смысл. Это настоящее безумие. Это другая реальность и другой уровень сознания.

Крист стал популярен на вечеринках.

– Он ходил на вечеринки, и люди вокруг кричали: «Эй, Нови!», – говорит Мэтт Лукин. – Его всегда знали как большого чокнутого парня, потому что Крист всегда делал странные вещи. Его считали немного странным. Он ходил на вечеринки и просто скакал там.

У него было несколько знакомых, с которыми можно было пообщаться, но он не мог назвать их друзьями.

– Я тусовался с ними, потому что мне больше некуда было пойти, – говорит Крист. – Это было как-то странно и некомфортно.

В конце концов он нашел работу в местном «Тако Белл» и с головой погрузился в нее, работая каждый вечер, ни с кем не общаясь и таким образом экономя деньги. К выпускному классу средней школы он купил машину, несколько стереодинамиков и гитару. Вместе с братом Робертом он взял несколько уроков гитары и сказал своему преподавателю Уоррену Мейсону – тому самому парню, который учил Курта, – что хочет играть блюз. Крист уволился с работы через несколько месяцев, а затем усердно работал в своей спальне, вместе с братом терпеливо осваивая приемы со старых записей Би Би Кинга.

А потом он познакомился с Баззом Осборном.

Крист работал в «Тако Белл» вместе с парнем по имени Билл Халл, чья главная заслуга состояла в том, что он был исключен из

Абердинской средней школы за установку самодельной бомбы в теплице. Когда Халла перевели в школу Монтесано, он познакомился там с Баззом и Мэттом Лукином. Однажды Базз и Мэтт заглянули к нему в «Тако Белл».

– И еще там был такой большой, высокий, туповатый парень, он подпевал рождественским песням, которые играли на фоне, – вспоминает Лукин.

Крист упомянул, что играет на гитаре, а позже Осборн позвонил ему и пригласил потусить в Монтесано.

Они говорили о политике, и Осборн включил что-то зажигательное из The Vibrators, Sex Pistols, Flipper, Black Flag, Circle Jerks.

– Это было что-то вроде, *вау*, панк-рок, – говорит Новоселич, все еще удивляясь. – Я мгновенно и полностью отрекся от всего этого дурацкого метала – Ozzy Osborn, Judas Priest, Def Leppard, теперь это казалось жутким дерьмом, которое я больше не мог слушать. С тех пор эта музыка потеряла для меня всякую привлекательность. Сэмми Хагар[38], Iron Maiden, все это больше мне не нравилось. Но я все еще тащился от Led Zeppelin, Aerosmith и так далее.

Крист прошел через стадию прог-рока – Emerson, Lake & Palmer и им подобные, но, как он любит говорить, «за рычаг они меня не дергали».

Как и у Курта, реакция Криста на панк-рок была запоздалой.

– Он не впечатлил меня сразу, – говорит Крист. – Понадобилось около недели, чтобы меня наконец зацепило. Я слушал *Generic Flipper*, и эта пластинка тронула меня. Это было что-то вроде Искусства. Настоящее искусство. Оно было настолько содержательным. Люди доверяют *Led Zeppelin IV* или *White Album*, и здесь было так же. И это полностью перевернуло мою жизнь.

Крист начал читать панк-фэнзины, такие как Maximumrocknroll[39], открывал для себя политические хардкорные группы, такие как MDC, и читал обо всем, от анархизма до прав, которыми наделены животные. Затем он открыл для себя такие группы, как Butthole Surfers, Minor Threat и Hüsker Dü. Вместе с друзьями Крист садился в огромную синюю «импалу» Мэтта Лукина и ехал в Сиэтл смотреть панк-рок-шоу – целых два часа туда, и два часа обратно. Восхищаясь большим городом, компания держалась сама по себе.

Примерно в это же время брат Криста Роберт привел своего друга Курта Кобейна в дом Новоселичей. Когда Курт спросил, что за шум из стереосистемы доносится

сверху, Роберт ответил: «О, это мой брат Крист. Он слушает панк-рок». Курт подумал, что это очень круто, и взял себе на заметку.

Крист окончил среднюю школу в 1983 году. Вскоре его родители развелись. Это было достаточно тяжелое время. В этот же период ему сделали пластическую операцию на лице – врачи вырезали небольшой участок кости из челюсти Криста и выдвинули несколько зубов вперед, чтобы поправить сильно выступающую нижнюю челюсть («Я выглядел как Джей Лено[40]», – говорит Крист).

Лукин вспоминает, как вместе с Осборном заезжал к Кристу в день операции. Они звонили в дверь снова и снова, но никто не отвечал. Потом они бросили несколько камешков в окно.

– Когда мы уже были готовы сдаться, – рассказывает Лукин, – Крист открыл окно, и у него была такая огромная распухшая голова – Крист был похож на маленького толстого азиатского парня. Словно человек-слон подошел к окну.

Крист был зол на то, что его разбудили после наркоза. Его челюсти были плотно скреплены, но он все же сумел что-то произнести.

– Сволочи вы! – выкрикнул он.

Челюсть Криста была зафиксирована на шесть недель. Он по-прежнему ходил на вечеринки, только ему приходилось носить с собой кусачки на случай, если его стошнит или что-то застрянет в горле.

– Он ходил на вечеринки, надирался там, – вспоминает Лукин, – его рвало, и все это текло через его трубку.

Крист говорил, что ему нельзя было вынимать ее, и есть он мог только что-то вроде молочных коктейлей, и никакой твердой пищи. И все же это было довольно безответственно с его стороны.

– Вскоре отек спал, – говорит Крист, – и у меня появилось новое лицо.

Однажды, когда Крист учился в старших классах средней школы, он шел по коридору за двумя девочками помладше, которые восторженно обсуждали альбом *Never Mind the Bollocks, Here's the Sex Pistols*. Он поддержал беседу: «Да, они действительно замечательные!» Шелли помнила его как «парня, похожего на школьного клоуна, который вечно шутит». Они немного поболтали и подружились.

Шелли дружила и с Куртом и помнит его как «умника», которому доставляло удовольствие бесить одного болвана, сидевшего рядом с ним в художественном классе. Мама Курта какое-то время жила у его друга, и Шелли знала его сестру,

возраст которой уже позволял ей покупать пиво. Иногда она заходила к Курту домой и обнаруживала, что они с друзьями сильно накурились и тащатся под Led Zeppelin.

Шелли бросила учебу в выпускном классе, устроилась работать в «Макдоналдс» и сняла собственную квартиру за сто долларов в месяц на Маркет-стрит, напротив пожарной части. По дороге на работу она проходила мимо мастерской Фостера, где работал Крист, и могла поболтать с ним. Шелли записала номер его телефона, и они начали созваниваться. У них было много общего – Шелли тоже была той еще чудачкой в школе, – и к марту 1985 года они уже сидели в квартире Шелли как настоящие друзья, слушали пластинки с панк-роком и ходили вместе на концерты, и вскоре они начали встречаться.

Крист и Осборн некоторое время играли в группе с первым барабанщиком The Melvins Майком Диллардом, с Кристом на гитаре и Осборном на басу. Крист вместе с членами The Melvins играл панк-версию Sunshine Of Your Love[41] в качестве разогрева на концерте The Melvins/Metal Church в концертном зале D&R в Абердине. Крист стал солистом Stiff Woodies, стороннего проекта The Melvins, в составе которого в разное время играли Осборн, Кровер, Лукин, парень по имени Гэри Коул и другие, в том числе Курт Кобейн на барабанах («Мы звучали точно так же, как Butthole Surfers», – утверждает Курт). Крист был ярким вокалистом, вспоминает Дейл Кровер.

– Он носил этот большой длинный жилет с пурпурной бахромой, и делал высокие взмахи ногами, – говорит Кровер. – Это было забавно.

Stiff Woodies сыграли несколько раз, прежде чем встать на путь всяких сторонних проектов, вероятно потому, что вокальные таланты Криста были примерно на том же уровне, что и его эпизодическая роль в начале Territorial Pissings на *Nevermind*.

В еще одном стороннем проекте The Melvins, кавер-группе Mentors, Крист играл на басу. Его сценическое имя было Фил Ацио[42].

К тому времени Криста уволили с работы, где он трудился маляром, и он получал пособие по безработице – пятьдесят пять долларов в неделю. Обычно он долго спал по утрам, а потом болтался на репетиционной площадке The Melvins, где группа ежедневно репетировала. Вскоре Крист перебрался к Шелли. После этого он уже не так часто общался с прилипалами на репетиционной базе The Melvins, предпочитая проводить большую часть времени со своей девушкой.

У них не было ни телевизора, ни телефона, они покупали все в комиссионных магазинах. У них были разноцветные занавески,

и они слушали Cream и ранние пластинки Rolling Stones.

> – Это было едва ли не лучшее время в нашей жизни, – говорит Шелли. – Все было таким новым. Все казалось нам ярким. Мы впервые были далеко от родителей, и мир принадлежал только нам. Это было действительно круто.

В декабре Крист и Шелли переехали в более просторный, но более ветхий дом в Абердине. Дом продувался сквозняками, особенно в сырую северо-западную зиму, и сквозь трещины в стенах даже пробивались лучики солнечного света.

Заметив, что The Melvins получают за один вечер по восемьдесят долларов – поистине царская награда, – Крист и Курт основали группу, исполнявшую кавер-версии песен Creedence Clearwater Revival, метко названную Sellouts. Они полагали, что CCR – это кантри-рок, и он придется по вкусу жителям провинциального Абердина. Группа состояла из Курта, играющего на барабанах, Криста, играющего на гитаре, и парня по имени Стив Ньюман на басу (позже Ньюман потерял пальцы в результате несчастного случая на лесопилке). Они репетировали в доме Криста и Шелли, но их хватило всего на пять или шесть репетиций. Группа распалась после того, как в один прекрасный день Курт и Ньюман сильно поссорились. Они сидели и пили, когда Ньюман попытался напасть на Курта с пылесосом. Курт схватил доску два на четыре дюйма и ударом по голове вырубил своего куда более крупного противника.

Несмотря на то что средняя школа осталась позади, им все еще не удалось сбежать из Абердина и от своих провинциальных сверстников.

– Это был город на отшибе, а эти люди считали его центром Вселенной, – говорит Мэтт Лукин. – Были и воротилы, популярные в средней школе, у которых был свой определенный круг общения, и даже спустя время они поддерживали связь. Менталитет маленького городка – явная узколобость, люди воспринимают что-то непривычное для них как нечто плохое.

– Курт действительно был жертвой, – говорит Шелли. – Людям хотелось его избить. Курт отличался от них. Он не был занудой, и ему нравилась его собственная музыка, а люди в маленьком городке не любят этого – если ты другой, значит, ты урод. У нас в Абердине полно всякого дерьма. Крист как-то на вечеринке обмолвился о социализме, а эти парни уже заговорили о том, как бы перерезать ему горло, настоящие уроды, ведь они думали, что Крист коммунист. Атмосфера была жуткая, особенно в 1985 году.

В марте 1986 года Крист и Шелли переехали в Финикс, штат Аризона, в поисках работы. Но вскоре они устали от удушливой, изнурительной жары и всех этих республиканцев и вернулись в свою стодолларовую квартиру. Они оставались там еще в течение шести месяцев, прежде чем переехать в соседний Хокиам (слово из языка индейцев квинолт, означающее «потребность в дереве»), в квартиру над гаражом. Они стали вегетарианцами. Криста заразил этой идеей коллега по работе по имени Дуайт Кови, пожилой хиппи, который построил себе хижину в лесу и не пользовался ни электричеством, ни водопроводом. Крист перестал есть красное мясо, затем постепенно отказался от мяса птицы и от рыбы.

– Мне кажется, что я просто искал самый лучший образ жизни, – говорит он. – Я задумался обо всех этих убитых коровах. И нисколько не пожалел о своем решении.

Глава IV
Эти ребята были из Абердина

В конце зимы 1987 года Крист и Курт нашли нового барабанщика – усатого Аарона Буркхарда, который жил по улице ниже, недалеко от дома Курта. Буркхард курил травку и был одним из прилипал. Время от времени он садился за барабанную установку Дейла Кровера и играл.

– Буркхард очень жизнерадостный, счастливый человек, – говорит Курт. – Громкий, но не настолько невыносим, чтобы возненавидеть его до глубины души. И еще он ходячий магнит для неприятностей.

Буркхард был в некотором роде городским пройдохой. Он находился в машине, которой его друг протаранил витрину абердинского магазина Shop-Rite, причинив ущерба на пятнадцать тысяч долларов. Вскоре после этого его лицо появилось на первой полосе абердинской газеты Daily World, из-за того что еще одна машина, в которой он находился, перевернулась на разделительной полосе и загорелась, при этом погиб водитель.

У Буркхарда были свои недостатки, но он был единственным человеком в Абердине, который играл на барабанах и которого знал Крист. У него была постоянная работа в «Бургер Кинге», но почему-то не нашлось денег на приличную барабанную установку, поэтому ее пришлось собирать из нескольких барабанов, которые были у Буркхарда, деталей старой потрепанной установки Sears Дейла Кровера и даже подставки для нот, которая должна была держать одну из тарелок.

После того как родители Криста развелись, Мария Новоселич переехала в помещение над своим салоном красоты, так что молодая группа перенесла свои репетиции в небольшой домик Курта. Теперь у него был маленький Fender Champ, а у Криста – усилитель марки PMS и неуклюжий старый бас Hohner, который он позаимствовал у Грега Хокансона. Они начали репетировать всерьез, черпая вдохновение у трудолюбивых The Melvins.

Сначала Курт пел с английским акцентом.

– Когда я впервые услышал американский панк-рок, – говорит Курт, – он показался мне недостаточно панк-роковым, потому что в нем не было акцента.

Поначалу они выучили большую часть записи Fecal Matter, но почти сразу приступили к написанию нового материала. За три месяца у них появилось около дюжины новых песен. В то время

Крист был большим поклонником четок, благовоний и психоделического рока шестидесятых годов. «Полноценный хиппи», – говорил Курт. Крист был в восторге от найденной пластинки голландской группы Shocking Blue, наиболее известной своим классическим поп-хитом 1970 года Venus. Курту альбом не понравился, но, чтобы позабавить Криста, он согласился сделать кавер на одну из песен альбома, псевдопсиходеличный комок жевательной резинки под названием Love Buzz. Курт значительно повысил темп, отбросив все, кроме первого куплета, в основном из-за того, что ему было лень разбираться в остальных словах.

С самого начала между Буркхардом и остальной группой возникло недопонимание. Буркхард больше увлекался мейнстримом, чем тем, что он называл «панк-говном», и не совсем понимал музыку Курта, которая напоминала утонченные, противоречивые группы, такие как ранние Gang of Four, Scratch Acid и The Butthole Surfers.

– По большей части я слушал мейнстрим, а Курт был погружен в андеграунд, – говорит Буркхард. – Но мне нравилась их музыка.

> Оглядываясь назад, можно сказать, что это был первый признак будущей масштабной популярности музыки Курта – она, во многом вдохновленная панком и андеграундом, каким-то образом перешла в мейнстрим.

Больших усилий стоило заставить Буркхарда репетировать. Он сожительствовал с разведенной матерью двоих детей, которая была к тому же на шесть лет старше его. Она получала пособие по безработице, и, когда в начале месяца приходил чек, они с Буркхардом выходили на улицу и гудели вместе с другими безработными Абердина.

– Первого числа в этом городе всегда шумно, – говорит Буркхард.

– Когда приходил чек на пособие, – говорит Курт, – Буркхарда невозможно было затащить на репетицию.

Поначалу даже Кристу было трудно соответствовать рвению Курта – иногда он пропускал репетиции или говорил, что занят, возможно, из-за того, что мать Криста, гордая женщина, владевшая собственным успешным бизнесом, не слишком любила Курта.

– Черт, его мать меня ненавидела, – говорит Курт. – Она называла меня ничтожеством и терпеть меня не могла. Я всегда слышал, как она говорила Кристу, что он должен найти себе других друзей, всегда унижала его и называла неудачниками его и всех его друзей.

Курт несколько раз приводил Криста домой. Венди вспоминает, что Крист часто бился головой о потолочные балки.

– О, не волнуйтесь, – говорил он как ни в чем не бывало, – со мной постоянно это случается.

Крист был таким застенчивым, что готов был на все, чтобы избежать общества Венди, которая была известна своей разговорчивостью.

Буркхард вспоминает, что рваные джинсы и богемное поведение отличали Курта от обычного абердинского наркомана.

– Он просто держался так, словно ему было на все насрать, – говорит Буркхард. – Ему было все равно, что о нем думают другие.

Курта было не остановить.

– Я хотел записать пластинку или сыграть несколько концертов и не дать группе развалиться, как это произошло со всеми остальными в течении последних шести лет, – говорит Курт. – Мы отыгрывали сет, а потом я просто начинал снова играть песни, даже не поднимая глаз, чтобы понять, хотят ли эти ребята играть их снова. Мне нужно было привести их в форму.

В конце концов, рвение Курта победило Криста, и они оба стали настолько одержимы, что расстраивались из-за каждой неудачной репетиции.

– Мы могли сильно злиться, – говорит Курт. – Мы относились к этому очень серьезно.

Вскоре их целью стало настоящее выступление.

– Мы просто обязаны были сыграть, – говорит Курт. – Боже, если бы у нас была возможность выступить, это было бы здорово.

Наконец они попали на концерт – на вечеринку в Олимпии. Они загрузили «Фольксваген-Жук» Криста оборудованием и поехали на концерт. Взвинченные и возбужденные мыслью о своем первом шоу! Но, приехав, они обнаружили, что полиция уже прикрыла вечеринку, и они просто развернулись и целый час ехали обратно в Абердин.

Первым настоящим концертом стала домашняя вечеринка в соседнем Раймонде, городе еще более изолированном, чем Абердин. Это было выступление на разогреве одной металлической группы с участием гитарного гения Абердина («Этот парень знал *все* гитарные фишки Эдди Ван Халена», – говорит Крист, находящийся под впечатлением). Буркхард вспоминает, что хозяева были «мажорами из высшего класса, и у них был ящик Michelob – хорошего пива. Крист начал творить какую-то дичь, прыгнул в окно, оббежал вокруг дома до входной двери, зашел, а потом повторил это еще несколько раз. У него была искусственная вампирская кровь, и он просто валял дурака,

но это было чертовски весело.

– Мы так напугали народ, что все спрятались от нас на кухне, – говорит Курт. – Мы осмотрели всю гостиную и остальную часть дома.

Просто чтобы шокировать буржуазию, Шелли и Трейси начали целоваться при всех; Курт посреди гитарного соло забрался на стол, и они гладили его ноги.

> – Конечно, к концу вечера большинство девушек, присутствующих на вечеринке, уговаривали своих парней побить нас, – говорит Курт. – Нас, конечно, не побили, но дали понять, что нам здесь не рады. Собирайтесь и валите, ребята.

Большинство людей были в недоумении, ведь группа сыграла не так много каверов, как планировали.

– Они не знали, что и думать, – говорит Крист, который помнит, как несколько предприимчивых людей подошли к группе после концерта, выражая свой восторг. – Кто знает, что потом случилось с теми, кто считал, что это было круто, – добавляет он, с сожалением качая головой.

К тому времени в их репертуар входили Hairspray Queen, Spank Thru, Anorexorcist, Raunchola («Реально пошлая», – объясняет Крист.), Aero Zeppelin, Beeswax и Floyd the Barber, а также такие каверы, как, например, Love Buzz, White Lace and Strange малоизвестной группы шестидесятых годов *Thunder and Roses*, эпическая Sex Bomb Flipper и Gypsies, Tramps, and Thieves, где Крист исполнял основную вокальную партию.

Вскоре эти парни сыграли свой первый большой концерт – заключительный вечер в зале GESCCO Hall в Олимпии. Они снова сняли заднее сиденье «Фольксвагена-Жука», принадлежавшего Кристу, и по дороге из Абердина выпили галлонную бутылку вина.

На концерте присутствовало около десяти человек, они ободрали со стен несколько ярдов дорогущей полиэтиленовой пленки и обмотались ею, пока группа играла. Начало было хорошим.

Затем группа выступила в Community World Theater, переоборудованном порнотеатре в Такоме. Трейси дружила с его владельцем, Джимом Мэем, и помогла им организовать концерт. Мэй брал за вход всего пару баксов и не возражал, если несовершеннолетние пили там пиво. В театре выступали такие группы, как Dicks и Jack Shit, а также The Melvins и гастролирующие панк-группы, такие как Circle Jerks.

У группы еще не было названия, но Мэю хотелось как-то

обозначить себя на афише, и поэтому Курт придумал название Skid Row (термин, который родился в Сиэтле).

Никто из их друзей не ожидал чего-то сверхъестественного от их группы, но многие пришли посмотреть на их выступление. И вот он, приятный сюрприз – группа была действительно великолепна. У них были настоящие песни, а Курт и вправду мог петь. И они были не против небольшого представления – Курт ненадолго надевал ботинки на невероятной серебряной платформе во время исполнения Love Buzz, подпрыгивал на пять футов в воздух и приземлялся на шпагат. Вскоре у Skid Row появилась собственная группа поклонников.

В апреле 1987 года они выступили на радиостанции KAOS Колледжа вечнозеленого штата в Олимпии. Курт завел там друзей, с которыми познакомился на концертах The Melvins, и один из них был диджеем на радиостанции. Запись этого выступления – живого полуночного шоу – стала первой демозаписью группы. Они исполнили прекрасные полноценные версии Love Buzz, Floyd the Barber, Downer, Mexican Seafood, Spank Thru, Hairspray Queen и трех других песен, названия которых даже Курт уже не помнит. Буркхард оказался солидным, крепким ударником в духе Джона Бонэма – своего рода обьяснение хард-рокового происхождения группы (интересно, что однажды их лучшим барабанщиком станет фанатичный поклонник Бонэма). Курт пел несколькими голосами – в том числе отчаянным дэт-металлическим рычанием и сдавленным воплем мартовского кота – совсем не так, как он поет сегодня.

Позже они сменили много названий, в том числе Ted Ed Fred («Тед Эд Фред»), Bliss («Безмятежность» – «Я был под кислотой той ночью», – объясняет Курт), Throat Oyster («Устрица в горле»), Pen Cap Chew («Жевание колпачка ручки») и Windowpane («Оконное стекло»).

> И, наконец, группа остановилась на «Нирване», концепции в индуизме и буддизме, которую словарь Вебстера определяет как «угасание желания, страсти, иллюзии, эмпирического «Я» и обретение покоя, истины и неизменного бытия». Эта идея о рае – месте, где «никогда ничего не происходит», как однажды выразился Дэвид Бирн, – очень похожа на то, что Курт ощущал, принимая героин, но он говорит, что идея была не в этом.

– Мне нужно было красивое, милое и приятное слуху название, а не те злые, грубые панк-роковые названия типа Angry Samoans[43], – говорит Курт. – Я хотел чего-то другого.

Сейчас Курту уже не так нравится это название.

– Оно слишком сложное и серьезное, – говорит он.

А позже ему придется заплатить пятьдесят тысяч долларов другой группе за название, которое его даже не волновало.

Курт уже несколько месяцев не платил за свою маленькую лачугу, и в итоге его выселили. Трейси спросила, не хочет ли он переехать к ней в Олимпию, и Курт согласился. Это было удобно, потому что Крист и Шелли решили переехать в Такому, и, если Курт тоже переедет, то держаться вместе будет намного проще. О Такоме для Курта не могло быть и речи, поскольку она, по его словам, «была более жестоким Абердином». Кроме того, Олимпия была классным студенческим городком.

Осенью 1987 года Курт переехал в крошечную однокомнатную квартиру-студию Трейси на Норт-Пирс-стрит, 114, в Олимпии («коробка для обуви», так называл ее Курт), которую они снимали за 137 долларов в месяц с учетом электричества, горячей воды и платы за вывоз мусора. Курт и Трейси прожили там чуть больше года, а потом переехали в маленький домик с одной спальней.

Курт сбежал из Абердина. Трейси вспоминает, что вскоре после того, как Курт переехал к ней, он сказал, что, пока Трейси была на работе, он поел сливочного сыра и крабов и чувствовал себя очень интеллигентным, сидя в Олимпии на полу из настоящего дерева и поедая такую причудливую еду.

Тем летом Крист и Шелли примерно месяц жили у них в квартире в рабочие дни, чтобы избежать двухчасовой дороги до работы, а это означало, что теперь в маленькой студии приходилось тесниться вчетвером. Шелли и Трейси работали в ночную смену в кафетерии «Боинга», а Крист работал в Такоме, зарабатывая шесть долларов в час в качестве промышленного художника. Ночью Курт спал, а днем болтался по дому. На выходные Крист и Шелли возвращались к себе в Хокиам.

Все четверо проводили много времени вместе, развлекаясь или просто шатаясь по квартире, пялясь в телевизор или закидываясь наркотиками.

– Это была не та кислота, которую принимали The Beatles – вспоминает Крист. – Это была более быстрая, грязная кислота… Мы просто сходили с ума, бушевали всю ночь напролет.

Курт описывает квартиру как «лавку диковинок». Трейси каждый уик-энд ходила с Куртом по магазинам и возвращалась с целыми вагонами всяких безделушек.

– Там негде было развернуться, – говорит он.

Квартира была полностью обставлена вещицами из комиссионки, включая огромный плакат Aerosmith на стене в

гостиной и кучу прозрачных пластиковых анатомических моделек. Стены были увешаны картинами Курта, вырезками из Weekly World News и National Enquirer, а также дорисованными религиозными картинками. Рядом с ним всегда находилась одна из самых ценных вещей Курта – Чим-Чим, его пластмассовая обезьянка.

Повсюду были животные – три кошки, два кролика, несколько домашних крыс и черепах. В доме воняло так же, как в абердинской лачуге. «Ад с крысиной мочой», – коротко описывал Курт их дом. Как-то раз к нему случайно зашел известный панк-рок-музыкант по имени Брюс Пэвитт, и одна из домашних крыс укусила его за палец («Он кричал как девчонка», – хихикая, говорит Трейси). Позже Пэвитт создаст Sub Pop Records, первый лейбл Nirvana.

> Обычно Курт сидел дома, иногда неделями не выходя на улицу, предаваясь тому, что он называл «маленькой художественной фантазией». Он не особо уделял внимание культурной жизни Олимпии, но ему приятно было знать, что она есть. И не нужно было беспокоиться о том, что придется иметь дело с тупыми каменщиками и деревенщинами. Курт отрастил длинные волосы и сосредоточился на своем искусстве.

Курт начал коллекционировать и сам делать кукол. Это было началом долгой одержимости, которая продолжается и до сих пор. Он нашел вид глины, которая при обжиге приобретала самые странные цвета, и делал из нее кукол – вроде той, что изображена на обложке альбома Incesticide, но гораздо более сложных и причудливых. Курт находил кукол-младенцев, покрывал их глиной и запекал в духовке, делая их похожими на древние артефакты. Еще он коллекционировал старинных кукол-младенцев, особенно тех, что выглядели пугающе живыми.

Работая в курортном отеле, он однажды зашел в комнату, где остановился гинеколог, и позаимствовал книгу, полную фотографий влагалищ с различными болезнями. Курт вырезал их, собрал коллаж, перемешав фотографии с изображениями кусков мяса и иллюстрацией с Kiss, и повесил его на дверцу холодильника.

Курт прошел через короткую фазу дэт-рока (Black Sabbath, а не Bauhaus) и начал строить вертепы, полные разлагающихся тел, скелетов и демонов.

Он делал психоделические ленты, которые сочетали христианские записи, политические речи, рекламные ролики и музыку, которая замедлялась или ускорялась. Он делал коллажи,

но в основном писал картины. Они были наполнены странными раздутыми фигурами или зародышами, помещенными в пейзажи из шипов. Эти картины трудно воспринимать не как автобиографические, изображающие беспомощных детей, дрейфующих во враждебных мирах.

Занимался Курт и скульптурой.

– Он делал эти невероятно красивые, сложные скульптуры из всякой странной дряни, которую скупал в комиссионных магазинах, – говорит Слим Мун. – Маленькие статуэтки и фигурки людей-невидимок. Это была дикая смесь артефактов поп-культуры, добытых в магазинах распродаж, вперемешку с настоящими глиняными скульптурами – этими жуткими, замученными фигурами. Курт мог сделать огромную, размером четыре на четыре фута, диораму или собрать скульптуру в аквариуме и сидеть около нее неделями, и всякий, кто приходил к ним в гости, поражался тому, насколько он талантливый скульптор. Мы пытались уговорить его устроить выставку в «Смитфилде» (кафе), а Курт просто отвечал «нет» и все ломал. На следующий день все исчезало, и он начинал заново.

Необходимость – мать изобретательности, и именно так Курт придумал одно из своих любимых украшений.

– У меня странное магнетическое притяжение к мухам, – говорит Курт. – Ну, или же мухи сами притягиваются ко мне. Я просыпался утром, и они не давали мне спать часами, жужжа и ползая по моему лицу. Мухи просто нападали на меня, и это происходило постоянно.

Курт развесил по квартире десятки липких полосок от мух, и вскоре они собрали на себе все виды мертвых насекомых.

> Курт утверждал, что доход от деятельности группы позволял оплачивать скудную арендную плату, но иногда Трейси просила его все-таки найти работу, и тогда Курт предлагал съехать и жить в его машине, и этого было достаточно, чтобы она на некоторое время переставала его пилить. Похоже, что Трейси была не только любовницей Курта, но и покровительницей.

Курт настаивает, что работал наравне с другими, в том числе из-за того, что в Сиэтле происходило нечто необычное. За несколько лет до появления Nirvana антиматериалистические сиэтлские панк-группы позволяли местным клубам обдирать себя. Но к этому времени музыканты Сиэтла неофициально объединились и ясно дали понять, что больше не будут играть за гроши. Зарождающийся сиэтлский лейбл звукозаписи Sub Pop сыграл большую роль в обеспечении хороших гонораров за

выступления некоторых из своих музыкантов. Курт помнит один из ранних концертов в Vogue перед тремя сотнями зрителей, за который группе заплатили шестьсот долларов – приличная сумма даже в наши дни.

Но чтобы накопить достаточно денег для записи полноценного демо, той осенью Курт устроился на работу в клининговую компанию за четыре доллара в час. Он разъезжал по городу в тесном фургоне с двумя «адскими коллегами» – так он их называл, «они были хуже обычных тупоголовых абердинцев». Как правило, его товарищи по работе за ночь потребляли по паре упаковок пива, называли Курта педиком и гоняли его вокруг фургона. Некоторые из их клиентов были врачами и стоматологами, и коллеги могли показать Курту, как красть таблетки и вдыхать закись азота так, чтобы никто не узнал.

Позже Дилан Карлсон и Слим Мун переехали в соседний дом. Поскольку Курт работал по ночам, а Карлсон был безработным, они много общались, разделяя свое презрение к кальвинистам («Я думаю, что мы с Куртом были единственными людьми, которые не играли с йо-йо тем летом», – говорит Карлсон). Эти двое развешивали гирлянды с безвкусными лампами пятидесятых годов (еще одна покупка в благотворительном магазине) и устраивали барбекю на заднем дворе. Иногда приходил Крист, открывалась бутылка красного вина, и они начинали творить разные безобразия. Один раз, после того как они втроем с садовыми стульями напали на брошенный «Кадиллак», приехала полиция.

Тем не менее Курт по большей части был затворником и оставался таковым практически все четыре года, которые жил в Олимпии.

– Он был похож на отшельника в пещере, – говорит Слим Мун. – Так мы его и воспринимали – как безумного отшельника, который сидел и играл на гитаре по двенадцать часов в день и никогда не выходил из дома, разве что на гастроли.

Хотя Курт не отличался общительностью, он был довольно популярен в городе. Курт ходил на вечеринки, садился где-нибудь и просто тихо улыбался. Для большинства обитателей Олимпии он был чистым листом бумаги, таким, каким они хотели его видеть. Им нравился Курт, но они никак не могли понять почему, и эта тайна, казалось, проникла и в его музыку.

Через некоторое время Курт получил свой собственный маршрут уборщика, но он был далеко не образцовым работником. Курт ехал в фургоне до первого попавшегося здания, разбрасывал везде какие-то бумаги, а потом шел домой и дремал. Ближе к концу смены он посещал еще несколько мест и проделывал ту же

самую небрежную работу. Через восемь месяцев его уволили.

Курт признает, что всегда был ленив, но утверждает, что его мрачный послужной список связан не только с простой усталостью.

> – У меня всегда были ужасные отношения с коллегами, – говорит он. – Я не могу ужиться с обычными людьми. Они так действуют мне на нервы, что я просто не могу их игнорировать. Мне нужно смотреть им в глаза и говорить, что я ненавижу их до глубины души.

И все же Курт кое-чему научился у своих коллег: воровать наркотики. Его любимыми – если, конечно, удавалось достать – были кодеин и викодин, опиатное обезболивающее. Он курил марихуану и несколько раз принимал героин. Курт попробовал кокаин и метамфетамин, но они ему не понравились.

– Я чувствовал себя слишком уверенным в себе, – говорит Курт. – Слишком общительным.

Примерно в это же время он впервые почувствовал ужасную, пронзительную боль в животе.

– Жжет, тошнит, как от самого страшного желудочного гриппа, который только можно себе представить, – говорит Курт. – Ты чувствуешь, как боль пульсирует так, словно сердце находится у тебя в животе, и это очень больно. Я ощущаю ее – красную и сырую. Боль возникает по большей части во время еды. Примерно в середине приема пищи, как только еда попадает в определенную область желудка, где все воспаленное, появляется боль, потому что еда попадает на больное место, и оно начинает гореть. Наверное, эта боль – одна из самых сильных, какие я когда-либо испытывал в жизни.

С тех пор болезнь подчинила себе жизнь Курта и ставила в тупик даже самых выдающихся специалистов.

Тем временем Аарон Буркхард по-прежнему обещал купить новую пару барабанов, но так и не сделал этого и даже не всегда приходил на репетиции, предпочитая им походы на вечеринки с приятелями.

– Они хотели репетировать каждый вечер, – говорит Буркхард. – Каждый вечер. А я хотел немного передохнуть. Пару раз я не пришел на репетицию, и парни немного разозлились.

Для Буркхарда группа была просто забавой: «Мы не собираемся делать на ней никаких денег или чего-то подобного, понимаете?»

Возможно, здесь была и какая-то принципиальная несовместимость. Хотя сейчас Буркхард называет себя фанатом

панк-рока, но он не был настолько предан ему, как Курт и Крист.

– На самом деле я не очень люблю все это, – признается Буркхард, – разноцветные волосы и тому подобное.

К этому времени Крист и Шелли уже жили в Такоме, а Курт – в Олимпии, но Буркхард никуда не собирался переезжать – его подруга жила в Абердине, а сам он надеялся стать полноправным управляющим в «Бургер Кинг». По иронии судьбы его двоюродный брат женился на дочери владельца франшизы, и Буркхард так и не поднялся выше менеджера по производству. Связь с Буркхардом была на время потеряна.

В это время Курт и Крист решили порепетировать с Дейлом Кровером, намереваясь записать демо. Так они могли сохранить жизнедеятельность группы. С Кровером они репетировали три уик-энда подряд, а затем отправились на студию Reciprocal Recording в Сиэтл и 23 января 1988 года записали демо.

> – После записи демо, – вспоминает Курт, – мы поняли, что это действительно хорошая музыка, и в ней было что-то особенное, поэтому мы стали относиться к ней гораздо серьезнее.

Курт говорит, что он случайно выбрал самую популярную студию в Сиэтле, просто сравнив ее с другими в Seattle Rocket, бесплатной музыкальной газете, которая остается информационным центром сцены Сиэтла. Эта студия была самой дешевой в городе, и именно поэтому – самой популярной. Но другие утверждают, что Курт выбрал Reciprocal, потому что именно там была записана его новая любимая пластинка, The Screaming Life группы *Soundgarden*, изданная начинающим сиэтлским инди-лейблом Sub Pop.

– На самом деле Курт хотел записаться там, потому что ему очень нравилось звучание пластинки Soundgarden, – говорит Кровер, который договаривался о времени записи в студии. – Насколько я помню, в то лето он действительно увлекся этим делом.

Курт упорно отрицает это. В любом случае, они планировали работать с другим звукоинженером, но в последнюю минуту вмешался Джек Эндино, вероятно, потому, что он хотел работать с Кровером, который уже был известен как отличный барабанщик.

Эндино, бывший инженер военно-морского флота, уже стал крестным отцом сиэтлской сцены. Записывая (он никогда не «продюсировал» – это было не в духе панк-рока) бесчисленные группы за смешные деньги, он способствовал росту сцены и сделал реальное финансовое предложение лейблу Sub Pop. Легкий, добродушный стиль общения Эндино и ревущий звук

записей сделали его фаворитом среди молодых, «сырых» групп района. Он основал Reciprocal Recording, студию в районе Баллард в Сиэтле, вместе с Кристом Хансеком, который также продюсировал сборник *Deep Six*.

Студия была такой же посредственной, как и репетиционный зал группы, – облезлая краска на фанерных стенах, сигаретные отметины на всех горизонтальных поверхностях, и если кто-то проливал пиво на ковер, то этому не придавалось никакого значения. Мало кто из групп Сиэтла не видел Reciprocal (или его более позднее воплощение, Word of Mouth) изнутри.

Друг Криста Дуайт Кови отвез группу и их оборудование в Сиэтл на своем потрепанном «Шевроле-Кемпере» с работающей дровяной печью.

После того, как Крист записал свои партии, он решил повеселиться с Дуайтом и сыном Дуайта, Гаем.

– У него был этот «самолет» с травкой, и мы курили в туалете, – говорит Крист. – Я так накурился, что мне пришлось даже выйти на улицу.

Они сидели в фургоне и жгли костер, пока Курт пел.

Группа записала и свела десять песен за шесть часов (Эндино взял оплату только за пять). В основном все треки были записаны вживую, за один-два дубля. Курт записал весь вокал в один присест. К трем часам дня они закончили запись. Floyd the Barber, Paper Cuts и Downer позже вошли в состав альбома *Bleach*. Два других трека так и не были выпущены: If You Must и Pen Cap Chew[44], которая обрывалась, потому что лента закончилась. Версия Spank Thru была позже перезаписана с Чэдом Ченнингом на барабанах и выпущена на Sub Pop 200. Остальные четыре песни – Beeswax, Mexican Seafood, Hairspray Queen и Aero Zeppelin – можно найти на Incesticide. Криста уволили с работы, и Курт заплатил за запись 152,44 доллара, которые скопил, работая уборщиком.

Кровер организовал для них выступление вечером того же дня в Такоме, в Community World Theater. У группы опять не было названия, и Кровер предложил Ted Ed Fred – в то время он так называл друга своей мамы Грега Хокансона. Крист пришел в себя после выкуренной травки только перед самым началом выступления.

> Курт был очень доволен демозаписью. Трейси помнит, как он сидел в ее машине, держа в руках готовую запись, с широкой улыбкой на лице.

Эндино запись тоже понравилась, поэтому в тот вечер он сделал копию для себя и дал кассету Джонатану Поунману,

только что выпустившему пластинку Soundgarden на Sub Pop, который был основан его партнером Брюсом Пэвиттом несколькими месяцами ранее. Среди групп Сиэтла было не так много тех, о которых Поунман, бывший организатор клубных концертов, не знал, но, как говорит Эндино, «эти ребята были из Абердина».

Поунман искал новые группы для пополнения списка Sub Pop, и поэтому поинтересовался у Эндино, не слышал ли тот чего-нибудь стоящего в последнее время. Эндино ответил: «Ну, приходил тут один парень – по правде говоря, я не знаю, что с ним делать. У него действительно потрясающий голос, он пришел вместе с Дейлом Кровером. Я не знаю, что из этого можно слепить, но в его голосе столько могущества. И он очень похож на автомеханика».

Поунману понравилась запись.

– Голос этого парня меня просто ошарашил, – говорит он. – Было не так, как обычно бывает, – ты слушаешь одну песню, и она сносит тебе крышу, а все остальные кажутся на ее фоне не такими выразительными. Музыка была полна какой-то необузданной мощи. Я помню, что прослушал запись и просто сказал: «О боже».

Взволнованный, Поунман принес демо в Muzak, компанию по выпуску фоновой музыки, где почти все, кто что-то из себя представлял на сиэтлской сцене, работали на грязной работе, такой как чистка кассетных коробок или копирование записей. Марк Арм из Green River (ныне в Mudhoney), Рон Рудзитис из Room Nine (ныне в Love Battery), Тэд Дойл (переселенец из Айдахо, который вскоре возглавит группу TAD), Крист Пью из Swallow, Крис Экман из Walkabouts и Брюс Пэвитт – все они работали в Muzak, превращая его в то место, где рождались и обсуждались идеи и мнения о рок-н-ролле.

– Если кто-то вдруг хочет разбогатеть, – объявил Поунман, – имейте в виду, эта группа ищет барабанщика.

Но музыкальному жюри запись не понравилась. Аранжировка музыки была слишком страдальческой и сложной для компании из Muzak, которую привлекали более прямолинейные рокеры типа Wipers, Cosmic Psychos и The Stooges. Но у парня был отличный голос. С другой стороны, ребятам из Muzak он все равно мог не понравиться.

– Все хотели, чтобы их близкие друзья были самыми большими звездами, – говорит Пэвитт, – а Nirvana была из другого города, поэтому люди немного придерживали свои ставки.

Поунман помнит, как Марк Арм говорил, что звучание записи было чем-то похоже на Skin Yard, «но не настолько хорошо».

– В основном люди были сосредоточены на своих командах и их музыке, – говорит Пэвитт.

Пэвитт считал, что в этом слишком много «рока» – слишком много тяжелого метала и недостаточно андеграунда. Поунман и Пэвитт организовали концерт в Central Tavern – в восемь вечера воскресенья, – на котором было довольно мало людей, хотя некоторое время спустя многие стали утверждать, что были там. И хотя группа еще была сырой, часть материала определенно была стоящей. Пэвитт согласился, что у группы есть потенциал. Поунман вспоминает, как Курта вырвало за кулисами перед началом представления.

– Группа не слишком впечатлила меня, – признается Пэвитт. – Я не видел у Nirvana интересного музыкального ракурса.

Но Поунману музыка понравилась, и Пэвитт, бывший журналист, начал искать зацепку, с помощью которой можно было бы продать группу музыкальной прессе – продвижение небольших инди-лейблов по большей части зависит от средств массовой информации. И вскоре Пэвитт кое-что нащупал.

– Чем больше я размышлял о том, кто они такие и что происходит в Сиэтле, – говорит Пэвитт, тем больше это начинало оправдывать шутки Тэда – мясника из Айдахо, из настоящего рабочего класса (ненавижу выражение «белый мусор»), – это было что-то непридуманное, что-то более массовое, для простых людей.

До тех пор (и в общем-то после) независимая музыка на Восточном побережье подчинялась замкнутому кругу бюллетеней, фэнзинов, радиостанций и клубов. Вместо яйцеголовой шайки выпускников колледжей и школ искусств «мы старались работать с умными творческими людьми, не все из которых учились в колледже, – говорит Пэвитт. – И чем больше я узнавал Курта, тем больше мне казалось, что он вписывается в эту картину так же хорошо, как и Тэд».

Сразу после переезда к Трейси в Олимпию Курт жаловался, что его не принимают в Сиэтле, потому что он не является частью их общества. Через год Курт уже не хотел ходить на концерты, потому что многие хотели с ним пообщаться. Все слышали демозапись. Эндино записывал кассеты для своих друзей, которые в свою очередь копировали их для других своих знакомых.

Курт сделал несколько копий демозаписи и разослал их по всем инди-лейблам, какие только мог вспомнить, включая SST в Лондейле, Калифорния, и Alternative Tentacles в Сан-Франциско. Но больше всего ему хотелось попасть на чикагский лейбл Touch&Go – дом для некоторых любимых групп Курта, таких как

Scratch Acid, Big Black и Butthole Surfers. Он разослал по лейблам около двадцати экземпляров записи, которые всегда сопровождались письмами и «маленькими подарками», которые варьировались от маленьких игрушек и горстей конфетти до использованного презерватива, наполненного пластиковыми муравьями, или куска бумаги, измазанного козявками из носа (трюк, подозрительно похожий на тот, который Big Black проделали со своим EP Lungs). Но никто, в том числе Touch&Go, ему так и не ответил.

Курт не отправил кассету в Sub Pop, потому что едва знал об их существовании. Не теряя ни секунды, Поунман позвонил Курту и сказал, что запись ему понравилась. Курт считал Поунмана крутым, потому что он был связан с Soundgarden, его любимой группой в то время. Они договорились встретиться в кафе Roma на Бродвее в Сиэтле.

Первыми на место приехали Курт и Трейси. Трейси была полна подозрений и настороженно относилась ко всему этому – ей не нравилось, как Поунман держал руки в карманах своего длинного плаща или как нервно осматривал комнату. «Он выглядел так, будто скрывается от полиции», – вспоминает она.

Поунман вспоминает Курта как «очень робкого, очень уважаемого» и «очень милого, приятного парня». Крист, который появился вскоре после Курта и Трейси, – совсем другое дело. Он нервничал из-за предстоящей встречи и по дороге в Сиэтл прикончил несколько бутылок Olde English[45] в 40 унций. К моменту приезда он был уже совсем пьян и распивал еще одну бутылку, которую поставил под столик в кафе. На протяжении всей встречи Крист свирепо смотрел на Поунмана и оскорблял его, громко рыгая и время от времени оборачиваясь, чтобы рявкнуть на других посетителей: «На что, черт возьми, вы смотрите? Эй! *Эй!*» Курт вспоминает это как «одну из самых забавных вещей, которые я когда-либо видел».

Поунман изо всех сил старался не обращать внимания на Криста и объявил, что хочет в ближайшем будущем выпустить сингл Nirvana.

Начало 1988 года было для сцены Сиэтла периодом застоя. Ключевые группы, такие как The Melvins, Green River и Feast, либо взяли перерыв, либо вовсе распались. Такие группы, как Tad, Mudhoney и Mother Love Bone, только начинали свою деятельность. Так же, как и Sub Pop Records.

Поначалу Sub Pop был фэнзином, который издавал Брюс Пэвитт, переселенец из Чикаго, изучавший панк-рок в свободомыслящем Колледже вечнозеленого штата в Олимпии.

Пэвитт вскоре начал издавать компиляции[46], освещавшие региональные музыкальные сцены США, и в конечном итоге осветил Сиэтл в своем первом виниловом релизе Sub Pop 100. В 1987 году он выпустил запись *Dry as a Bone* сиэтлской группы Green River, которая осмелилась смешать противоречивые звуки метала и панка (позже группа разделилась на Mudhoney и Pearl Jam). Их общий друг Ким Тайил из Soundgarden познакомил Пэвитта с Джонатаном Поунманом, диджеем на радио и промоутером рок-шоу в Сиэтле. В 1988 году они выпустили пластинку Soundgarden *Screaming Life*.

Хитрые, красноречивые и наделенные хорошим слухом, Пэвитт и Поунман обладали талантом к саморекламе и, внимательно изучив успехи и неудачи предыдущих инди-лейблов, быстро сделали сиэтлскую сцену в целом и Sub Pop в частности самой крутой штукой в инди-роке. В городе были и другие лейблы, включая Popllama (издававший Young Fresh Fellows), но у Sub Pop был талант к рекламе. Для большинства обложек друг Пэвитта Майкл Лавин делал искусные, отшлифованные студийные фотографии, из-за которых складывалось впечатление, что лейбл выложил кругленькую сумму за модного фотографа. А на внутренней и задней обложке Чарльз Питерсон[47] определил характерные черты Sub Pop – нечеткие, размытые черно-белые кадры, которые часто отображали по большей части аудиторию, нежели саму группу. Питерсон бесстрашно пробирался в самую глубь слэма, ощущая все яростные движения, запах пота, волосы и обнаженные мужские торсы.

> Такая интересная новая группа, как Nirvana, была большой новостью. Гитарный стиль Курта был неровным, но в нем была несомненная металлическая жилка. Риффы были ловкими. Тот факт, что за такой короткий срок они уже звучали настолько круто, поразил Эндино, записавшего уже много групп.

Уже тогда Курт необычным образом направлял свои мелодии против ритмов и изменений аккордов. Вместо того чтобы просто следовать за гитарами, он изобрел практически контрапунктные[48] мелодические линии. Но на вершину группу возвел вокал Курта – каким-то образом он умел кричать *в тон*, а также петь очень доступным и привлекательным способом.

У них было дрянное оборудование и ужасные усилители. Долгое время им приходилось подкладывать двухдюймовую доску под басовый кабинет[49] Криста, потому что у него не было колеса (проблема была решена совсем недавно).

К этому моменту, в начале 1988 года, Кровер вместе с

Осборном уехал в Сан-Франциско, но перед этим порекомендовал в качестве своей замены абердинца Дэйва Фостера. Фостер играл на бас-гитаре вместе с Кровером в стороннем проекте The Melvins, а также был прекрасным барабанщиком.

Курт и Крист не хотели видеть Фостера членом группы на постоянной основе. Фостер со своим навороченным пикапом и усами был слишком мейнстримным, слишком пафосным в глазах Курта и Криста. Тем не менее они дали ему послушать демо Кровера, и казалось, что Фостеру оно понравилось.

– Они многому меня научили в плане игры, – говорит Фостер, который в средней школе изучал джазовые барабаны. – Они просто велели мне забыть все это дерьмо и бить как можно сильнее. И еще, размер моей барабанной установки уменьшился вдвое. Когда я пришел в эту группу, у меня было двенадцать предметов, а когда покинул ее, осталось шесть.

Группа репетировала в гостиной нового дома Криста и Шелли на Перл-авеню в Такоме, рядом с зоопарком.

Первая вечеринка, которую они устроили, была битком набита новичками, хиппи и панками. Курт был одет в свою обычную обрезанную джинсовую куртку с приклеенной к плечу пластмассовой обезьянкой Чим-Чим и вырезанным из гобелена Вулворта[50] фрагментом «Тайной вечери» на спине, а Фостер был одет в свою обычную одежду абердинского металлиста. Во время их выступления панк схватил микрофон и сказал: «Боже, барабанщики из Абердина всегда странно выглядят!»

– Я чувствовал себя не в своей тарелке, – говорит Фостер, – но мне нравилось то, что они делали. Мне нравилось играть их музыку.

Поунман устроил им первое выступление в Сиэтле в начале 1988 года в клубе Vogue. Это было «Воскресенье Sub Pop». Чарльз Питерсон, местный заводила Сиэтла, вспоминает, что там было около двадцати человек, даже несмотря на то что на KCMU регулярно звучала Floyd the Barber. Тем не менее к группе, которая, судя по отзывам, была похожа своим звучанием на Blue Cheer[51], был большой интерес.

Такие люди, как Марк Арм, внимательно наблюдали из засады за этой разрекламированной новой группой. Позже Курт заметил, что ему казалось, будто они должны были показывать таблички с оценками после каждой песни.

Группа играла расхлябанно, и неисправная акустическая система делу никак не помогала. Питерсона, к примеру, не слишком впечатлил непримечательный внешний вид группы на сцене.

– Они не особенно привлекали внимание, – соглашается

Поунман. И песни были слишком похожи на The Melvins.

Питерсон отвел Поунмана в сторону и спросил:

– Джонатан, ты уверен, что хочешь подписать с ними контракт?

– Мы полный отстой, – говорит Курт. – Мы все испортили.

Фостер продержался всего несколько месяцев.

> – Он был очень простым парнем, и я думаю, что мы просто испугали его, потому что были странными, – говорит Крист. – Фостер никогда раньше не видел никого, похожего на нас. Мы были полностью антикультурными людьми.

– Я думаю, что это *они* чувствовали себя неуютно рядом с тем, кого, вероятно, считали задротом или кем-то в этом роде, я не знаю. Мне кажется, что они чувствовали себя неловко, когда приходили мои друзья. Потому что они были не похожи на тех людей, с которыми общались эти парни, – говорит Фостер. – Думаю, у каждого есть своя маленькая коалиция.

– У него была еще одна проблема, – рассказывает Крист. – Ему пришлось пойти на курсы управления гневом. Фостер ввязывался в драки и избивал людей до полусмерти. Однажды мы видели, как он ехал с другом за рулем своего грузовика, и какой-то парень плюнул на его грузовик, а Фостер вышел и ударил парня по голове.

Последней каплей в жизни Дэйва Фостера стало известие об измене подруги. Поэтому он поступил по-мужски, пошел и избил до полусмерти парня, с которым она ему изменяла. К несчастью для Фостера, его жертвой оказался сын мэра соседнего Космополиса. Фостера приговорили к одному году лишения свободы, но в итоге провел в тюрьме всего две недели и лишился водительских прав, а это означало, что он больше не сможет ездить из Абердина в Такому на репетиции с Куртом и Кристом.

Его дни в группе тоже были сочтены. Однажды вечером после репетиции Курт и Буркхард пили в трейлере отца Буркхарда в Спанавэе. Он сказал Курту, что пойдет за пивом, и взял его машину.

Но вместо того чтобы пойти в магазин, Буркхард пошел по питейным заведениям. Проведя два часа за стаканом со своими приятелями, он решил вернуться в трейлер, и его остановил чернокожий полицейский, фамилия которого была Спрингстин. Пьяный Буркхард начал кричать: «Эй, Брюс! В чем дело, Брюс?» и в общем наговорил полицейскому «всякого дерьма». Офицер Спрингстин наказал его по всей строгости закона. Автомобиль Курта был изъят.

Поскольку в трейлере Буркхарда не было телефона, звонить в участок, чтобы вызволить Буркхарда из тюрьмы, пришлось Кристу. Он говорит, что Буркхард назвал полицейского «гребаным ниггером», и именно поэтому его задержали.

– Мне было очень неловко идти за ним, – говорит Крист.

– Мне есть что сказать, – признает Буркхард, – но я имею право хранить молчание.

Курт говорит, что на следующий день он позвонил Буркхарду и попросил его прийти на репетицию. Тот ответил, что у него слишком сильное похмелье, чтобы играть, и тогда Курт просто повесил трубку. После этого Буркхард покинул группу навсегда.

– Мне нравилось играть с этими ребятами, – говорит Буркхард. – Но я был молод, глуп и немного увлекся, понимаете?

Если бы Буркхард не пошел в тот вечер по кабакам, сейчас он мог бы быть миллионером.

– Да, – говорит Буркхард. – Но это все равно что играть в лотерею – можно угадать пять чисел и пролететь с шестым. Но я ни о чем не жалею. Я буду как… как там звали того парня из The Beatles?

В наши дни Пит Бест утеплял дома, но был уволен и теперь получает пособие по безработице. Еще он играет в спид-метал-группе под названием Attica, которая может похвастаться такими песнями, как Fuck Blister и Drunken Hell Thrash. Буркхард недавно провел три дня в тюрьме, потому что не оплатил штраф за вождение с отозванными правами – очевидно, он так и не получил назад свои права после того рокового инцидента с офицером Спрингстином.

Фостер по-прежнему считал, что состоит в группе. И вот однажды в начале лета он взял в руки номер Seattle Rocket, чтобы посмотреть, не предвидится ли хороших концертов. В номере говорилось, что Nirvana играет в Сиэтле в заведении под названием Squid Row этим вечером. Фостер позвонил Курту домой, и Трейси что-то ему наговорила. Потом он позвонил Кристу, и его сосед по комнате случайно проболтался. У них уже был другой барабанщик.

– Я был чертовски зол, – говорит Фостер. – Ощущение было такое, словно ты застал свою девушку в постели с другим.

Помните, что случилось в прошлый раз, когда Фостер так себя чувствовал? Он долго расстраивался, особенно когда услышал, что Nirvana открывала концерт Butthole Surfers.

– Теперь, со всем этим дерьмом, состояние стало еще хуже, – говорит Фостер. Но он относится к этому философски.

– Наверное, у них были на то причины, – говорит он. – Мне бы очень хотелось, чтобы все было иначе, ведь я всегда хотел

заниматься именно этим, зарабатывать на жизнь игрой на барабанах.

– Он был таким мейнстримным парнем, – говорит Крист. – Я думаю, что мы просто пугали его. Из-за нас он нервничал, и это негативно сказывалось на его игре.

– Мне вовсе не было неловко, нет, – говорит Фостер. – Мне казалось, что это скорее им было неудобно. Меня это нисколько не беспокоило.

– И его семья была полной, в отличии от наших, – шутит Крист.

Барабанщиком в Squid Row в тот вечер был Чэд Ченнинг, маленький, похожий на эльфа парень, напоминающий Элроя из мультсериала «Джетсоны».

– Он эльф, – говорит Курт. – Он должен быть символом фабрики Киблера[52]. К тому же он один из самых приятных людей, которых я когда-либо встречал.

Ченнинг жил на острове Бейнбридж, в одном богатом пригороде, в нескольких минутах езды на пароме от Сиэтла, через Пьюджет-Саунд. Как и Курт, Чэд страдал гиперактивностью и принимал риталин. И так же, как у Курта и Криста, его родители разъехались, хоть и не были разведены.

Чэд Ченнинг родился 31 января 1967 года в Санта-Розе, штат Калифорния, в семье Бернис и Уэйна Ченнингов. Уэйн был диджеем на радио и постоянно менял работу, разъезжая по всей стране – от Калифорнии до Миннесоты, от Гавайев до Аляски, в Айдахо и обратно.

> – Нашим правилом было «переезжать каждые шесть месяцев», – говорит Чэд. – Поэтому, каких бы друзей я ни завел, куда бы ни пошел, я знал, что это все лишь на время. Все было временным. И это было довольно странно. На самом деле нет смысла с кем-то общаться, заводить друзей, ведь все равно рано или поздно ты просто возьмешь и уедешь.

Чэд мечтал стать футболистом, но в тринадцать лет сломал бедренную кость в результате несчастного случая в спортзале. Ему потребовалось почти семь лет реабилитации и операция для полного восстановления. За это время он открыл для себя музыку и научился играть на барабанах, гитаре и еще на нескольких инструментах.

Как и Курт, Чэд бросил школу в выпускном классе. Он так много пропустил в школе из-за того, что лежал в больнице, что ему пришлось бы пройти через месяцы летней и вечерней школы, чтобы все-таки получить диплом. Он хотел стать музыкантом и не

видел в этом смысла. Чэд работал поваром в рыбном ресторане на острове Бейнбридж, когда познакомился с Куртом и Кристом. По ночам Чэд развлекался с друзьями, курил травку, пил и употреблял сильнодействующую местную кислоту, которая, как многие клянутся, поджарила мозги целому поколению жителей Бейнбриджа.

Когда Чэд впервые услышал о группе Курта и Криста, они назывались Bliss. Bliss делили сцену с группой Чэда Tick-Dolly-Row (down and out – термин моряков, означающий безработный, беспомощный, потерявший средства к существованию), в которой участвовал вокалист Бен Шепард, который позже стал играть на гитаре в Soundgarden. Курт и Крист обратили внимание на барабанную установку Чэда North, сделанную из стекловолокна и имевшую уникальные конусообразные корпуса.

– Парни заметили мою установку North, – говорит Чэд. – Она была довольно громкой и именно этим привлекла их внимание. Я помню, как давным-давно, когда они впервые нас увидели, Курт сказал: «Боже, как бы я хотел заполучить этого парня! Только посмотри на эти барабаны! Это самая странная хрень, какую я когда-либо видел!»

Курт и Крист некоторое время думали, не пригласить ли на барабаны Тэда Дойла, а затем дали объявление в «Rocket»: «Тяжелая, с небольшим уклоном в панк-рок группа типа: Aerosmith, Led Zeppelin, Black Sabbath, Black Flag, Scratch Acid, Butthole Surfers, ищет барабанщика». Курт получил кучу скучных ответов, но в это же время их общий друг Деймон Ромеро познакомил Курта и Криста с Чэдом на прощальном шоу Malfunkshun в Community World Theater. Они немного пообщались и договорились вскоре поиграть вместе в доме Криста. Чэду понравилась группа, но он не был готов дать окончательный ответ. Потом Чэд увидел выступление группы в Колледже вечнозеленого штата, они еще немного пообщались и снова договорились вместе поиграть.

– Я просто приходил и играл, – говорит Чэд. – На самом деле мне никогда и не говорили: «ладно, ты в деле» или чего-то подобного.

Курт и Крист построили в подвале у Криста репетиционную студию из старых матрасов, ковров из магазина «Гудвилл», упаковок от яиц, которые Шелли и Трейси приносили домой с работы, и обрезков дерева, стащенных со строительных площадок. Было по-прежнему довольно шумно, и соседи продолжали жаловаться, поэтому они не могли репетировать допоздна. Однажды домашний кролик Криста и Шелли выбрался из клетки и перегрыз удлинитель, спускавшийся в подвал. Группе пришлось

прервать репетиции на неделю, пока они не накопили достаточное количество денег на новый шнур.

После того, как Чэд разобрал свою гигантскую установку, как это до него сделал Дэйв Фостер, они репетировали материал с записи Кровера, а также новые песни, такие как Big Cheese и School. Песни писались совместно – Курт играл рифф, а двое других присоединялись к нему. Они начали репетировать минимум два-три раза в неделю, и очень быстро у них появилась целая серия новых песен.

В начале мая они сыграли свое первое шоу с Чэдом в Vogue. Крист щеголял с огромными бакенбардами, а волосы Чэда и Курта свисали на глаза длинными засаленными прядями. В субботу днем Поунман устроил им выступление в Central Tavern в Сиэтле на каком-то благотворительном концерте. В назначенные шесть часов в клуб никто не пришел, поэтому ребята собрали вещи и поехали обратно в Такому. Вскоре они отыграли еще один концерт в Central, открывая выступление Chemistry Set и Leaving Trains. Но и там людей было совсем немного.

В самой первой статье о группе Доун Андерсон, редактор бесплатной сиэтлской музыкальной газеты *Backlash*, отмечает, что группа немного нервничала, играя вживую.

> В статье Курт признавался: «поначалу мы больше всего боялись того, что люди сочтут нас последователями The Melvins», но Андерсон храбро заявляет, что «набравшись опыта, Nirvana может стать даже лучше, чем The Melvins!».

Сиэтлская сцена действительно начала расцветать – появились такие группы, как Skin Yard, The Fluid, Blood Circus, Swallow, TAD и Mudhoney, играющие в Vogue, The Underground, The Central, The Alamo. Набирала популярность группа Mother Love Bone, но королями сцены были парни из Soundgarden – чудесным образом они только что подписали контракт с A&M, полноценным крупным лейблом.

11 июня 1988 года, всего через месяц или два после того, как Чэд присоединился к группе, они провели основную студийную сессию для первого сингла Love Buzz.

Кавер-версия Love Buzz была не единственным вариантом, который Курт выбрал в качестве первого сингла, но в итоге записана была именно она. Эта доступная, легкая для восприятия поп-песня стала фаворитом на концертах как у публики, так и у Курта, который носился по сцене во время расширенного гитарного соло песни. У них возникла идея записать новый трек вместо того, чтобы переписывать что-то из демозаписи с

Кровером. Кроме того, Курт начал увлекаться примитивно звучащими гаражными группами, такими как Sonics, легендарная северо-западная группа начала шестидесятых, и Mudhoney, и начал отказываться от изощренных аранжировок, которые он предпочитал использовать при записи с Кровером. Love Buzz, откровенно попсовая песня, которая идеально соответствовала направлению, в котором хотел двигаться Курт, несмотря на то, что он не был ее автором.

Примерно в это же время Курт собственноручно написал биографию группы, предположительно предназначенную для будущих лейблов звукозаписи, исказив несколько фактов, чтобы группа казалась немного более солидной, чем была на самом деле.

«NIRVANA – это трое из пригорода Сиэтла, штат Вашингтон. Курт – гитара/голос и Крист – бас в течение последних 3 лет перебрали много неподходящих барабанщиков. В течение последних 9 месяцев мы рады иметь у себя под крылом барабанщика Чэда и заявляем, что отныне мы будем NIRVANA.

Готовы пойти на компромисс в отношении материала (кое-что из этого дерьма довольно старое), – заключала биография. – Всегда и в любое время готовы к турам. Надеемся, что музыка сама за себя все скажет».

Понимая, что Sub Pop отдает предпочтение прямолинейному року в духе Stooges/Aerosmith, они записали то немногое из своего материала, что соответствовало этому стилю, вместо более причудливых песен из своего репертуара, типа Scratch Acid. Сейчас Курт сожалеет о своем решении.

> – Жаль, что мы не включили в этот список Hairspray Queen или что-то в этом роде, – говорит он. – Но снова пойти в студию, вместо того чтобы использовать то, что у нас уже было на демо, было достаточно сложной задачей.

Все были очень взволнованы выпуском первой пластинки. Тем не менее уже наметилась определенная закономерность.

– Для меня процесс записи всегда был чем-то необычным, – говорит Чэд. – Я присутствовал там, делал свою работу, и все. На самом деле у меня не было никакого мнения о том, как это должно звучать. С тем же успехом я мог бы пойти туда, сделать свое дело, а потом пойти и купить шоколадку. Я бил в барабаны, выстраивал звук, а потом просто откидывался в кресле и ждал, пока ребята запишут звуки баса и гитары, и потом мы лепили из этого песню, все было примерно так. Все остальное время я следил за тем, что они делают. Курт и Крист были как

заведенные: «давайте сделаем то, давайте сделаем это». Я, конечно, мог бы что-то сказать, но мне просто казалось, что это неправильно. Мне действительно нечего было сказать или сделать.

В то время Sub Pop не подписывал контракты со своими группами. Это было не принято. Поунман просто сказал Nirvana, что ему нравится эта кавер-версия песни Shocking Blue, и спросил, не хотели бы они сделать сингл? Сначала парни хотели записать свою собственную песню, но в конце концов уступили. Для записи потребовалось около пяти часов, и в итоге получилось несколько готовых песен, в том числе Love Buzz, Big Cheese, еще одна версия Spank Thru и Blandest. Для Чэда это была его первая запись. Он бил не очень сильно, но потом исправился.

Трек Blandest должен был попасть на обратную сторону пластинки. Эта песня на самом деле была не настолько примечательна, как те, что были выбраны для сингла, но в ней есть довольно неловкий фальцет, характерный для Роберта Планта, – крик Курта в конце. Как вспоминает Эндино, он убедил Курта использовать Big Cheese, потому что название песни казалось вполне подходящим. Они продолжили трудиться 30 июня и свели запись к 16 июля. Поунману не понравился вокал на первом миксе, и поэтому Курт записал его заново, хотя Эндино говорит, что практически не услышал разницы.

Курт вспоминает, что считал Love Buzz слишком легкой. Они винили в этом Чэда, который, по их мнению, был недостаточно хорошим и сильным барабанщиком, как Дейл Кровер.

> – Мы не смогли сделать из этого хороший звук, – говорит Курт. – Запись звучала очень чисто, без всяких низких тонов. Мне кажется, это самая слабая запись из всех, какие мы делали.

Вступление к Love Buzz, сорокапятисекундный звуковой коллаж, собранный Куртом из различных детских пластинок, по просьбе Пэвитта сократили до десяти секунд. Его можно услышать только на оригинальном семидюймовом сингле.

– Они постоянно держали ситуацию под контролем, – говорит Курт. – Делали именно то, что сделал бы любой другой крупный лейбл, но называли себя при этом независимым лейблом.

В сентябре Шелли рассталась с Кристом. Напряжение из-за работы Шелли в ночную смену в кафетерии «Боинга» и от игры Криста с группой было слишком сильным. Ей только что исполнился двадцать один год, и Шелли никогда не была одинока. Они решили жить отдельно. Шелли и Крист расстались, но довольно часто виделись. Они скучали друг по другу и были

подавлены.

Будучи заядлыми поклонниками инди-рока, Пэвитт и Поунман знали, что американские артисты от Джими Хендрикса до Blondie успели создать шумиху в Великобритании раньше, чем на них обратили внимание в родной стране. Они ввязались в огромную финансовую авантюру и привезли из самой Англии музыкального журналиста Эверетта Тру из Melody Maker, чтобы показать ему несколько групп Sub Pop. Тру написал о сиэтлской сцене серию восторженных статей, и вскоре и у американской прессы и лейблов от восторга пошла пена изо рта.

Альбом группы Mudhoney Superfuzz Bigmuff держался в британских инди-чартах около года, вполне неплохо для американского релиза. Три месяца спустя ультравлиятельный диджей Radio One[53] Джон Пил бредил бокс-сетом Sub Pop 200 и говорил, что это одно из свидетельств существования региональной музыки, невиданной с тех пор, как детройтский лейбл Motown в середине шестидесятых завоевал мир.

Британцы помешались на сцене Сиэтла.

– Их это так увлекло из-за того, что в том, что мы делали, была региональная идентичность и вкус, – говорит Брюс Пэвитт. – Таким образом разбивается история рок-музыки – она сводится к лейблам или сценам. Мы поняли это с самого начала. Посмотрите на список персонажей – словно вы создаете мыльную оперу, в которую люди снова возвращаются. Внезапно все узнают, кто такие Марк Арм, Курт, Тэд, я и Джон, Джек Эндино, Питерсон. Мы постарались представить этих знаменитостей по-своему, в нашем стиле. Как и наши синглы, на обороте которых написано только «Записано Джеком Эндино» и «Фото Чарльза Питерсона». И, получив десять таких синглов, на которых нет никакой другой информации, вы спросите: *«Кто такой Чарльз Питерсон? Кто такой Джек Эндино?»*

27 сентября Nirvana и Эндино свели Spank Thru для компиляции Sub Pop 200. В этом знаковом звуковом документе также были представлены треки Soundgarden, TAD, Mudhoney, Beat Happening и Screaming Trees. Треки легко поместились бы на двух пластинках, но Пэвитт и Поунман решили выпустить его в виде трехдискового альбома с большим шестнадцатистраничным буклетом с фотографиями Чарльза Питерсона и тиражом, ограниченным пятью тысячами экземпляров.

Тем временем Курт и Поунман обменивались бесчисленными телефонными звонками, пытаясь обсудить разные подробности сингла. С того момента, как Поунман согласился его сделать, и до того момента, когда он действительно вышел, прошло так много времени, что Курт и Крист начали очень подозрительно

относиться к этой сделке. Курт звонил и спрашивал о сингле, а Поунман обещал, что пластинка уже вот-вот выйдет. Пять месяцев спустя Пэвитт позвонил и спросил, не одолжат ли они Sub Pop двести долларов на выпуск сингла. Курт повесил трубку и разослал по разным лейблам очередную партию демокассет. В ноябре 1988 года сингл все-таки вышел.

Ранний каталог Sub Pop рекламировал сингл Love Buzz/Big Cheese как «тяжелый поп-сладж от этих необузданных гостей из Олимпии». Это был первый сингл месяца Sub Pop, хитрый план, в котором Sub Pop устанавливал бешеные цены на лимитированные синглы, причем подписчики платили деньги вперед. «Мы обдираем вас по-крупному», – хвастался каталог лейбла. У сингла была всего тысяча копий, и все они были пронумерованы вручную.

– Мы очень переживали из-за этого, – вспоминает Крист. – Мы выпустили сингл, но никто не мог его купить.

На самом деле тираж всего в тысячу экземпляров был обдуманным шагом – как и многие другие лимитированные релизы Sub Pop, сингл был быстро распродан, мгновенно сделав запись предметом для коллекционирования (сейчас он стоит до пятидесяти долларов).

> – Это был очень эффективный способ продвижения группы, – говорит Пэвитт. – Я нисколько об этом не жалею. Слухи о сингле разлетались со скоростью света.

И что немаловажно, он покорил даже всех сомневающихся сотрудников Muzak. Пэвитт понял, что все получилось, когда Чарльз Питерсон сказал ему, что он снова и снова включает этот сингл на своей вечеринке.

За исключением того, что песни были написаны Куртом, в Love Buzz уже были все элементы классической Nirvana: смесь пассивности и агрессии в переходе песни от почти гипнотического состояния к кричащему, тотальному безумию; грязные, грохочущие барабаны; гранжевый поп; и крик. В Big Cheese, с его медленными, раскачивающимися ритмами и грубым, лающим вокалом, чувствовался определенный отпечаток The Melvins. Главный персонаж песни – не кто иной, как Джонатан Поунман.

– Я в точности сумел передать то, как он давил на нас в те времена, ведь он критиковал все, что мы записывали, – говорит Курт. Несмотря на то что песни были написаны не в самое лучшее время, в текстах отразилась способность Курта брать за основу свою конкретную ситуацию и превращать ее в универсальную – ведь кого не обижает тот факт, что ему кто-то указывает?

Во время визита в Сиэтл Курт услышал, что на местной радиостанции KCMU звучит их сингл. Возвращаясь из Сиэтла в Олимпию, Курт и Трейси слушали эфир, в ожидании услышать Love Buzz, но она так и не прозвучала. Курт заставил Трейси остановить машину у телефонной будки, откуда позвонил на радио и заказал песню. Они не могли ехать дальше, потому что потеряли бы сигнал, так что они стояли и ждали двадцать минут, пока не услышали заказанный сингл. Курт был взволнован.

> – Это было потрясающе, – говорит Курт. – Я никогда не думал, что это произойдет. Я предполагал, что буду в группе и, возможно, даже сделаю демо, но то, что его поставят на радио, в то время было уже чем-то невероятным. Это было действительно здорово. Мгновенный успех и слава, превосходящие мои самые смелые мечты.

Это нечто большее, чем я когда-либо хотел. Но, познав эти эмоции, я решил, что это круто, и понял, что определенно хотел бы услышать по радио и другие свои будущие записи. И здорово, что можно было оплачивать аренду жилья с доходов от группы. Мы поднялись на другой уровень, где этим можно было зарабатывать на жизнь. Я не думал, что когда-нибудь смогу позволить себе что-то большее, чем квартира за сто долларов. Всю оставшуюся жизнь я буду играть в группе, гастролировать, играть в клубах и время от времени слушать свои песни по радио. Вот так. Я не думал, что когда-нибудь буду надеяться на что-то большее.

В это время так называемая альтернативная рок-сцена потерпела одну из своих периодических перемен. Люди, которые еще год назад пытались отрицать, теперь соглашались, что динозавры семидесятых, такие как Aerosmith и Led Zeppelin, Kiss и Alice Cooper, действительно зажигали. Но и панк-рок внес свою лепту в это видение. Новая волна музыкантов начала смешивать хард-рок, на котором они выросли в семидесятых, и американский инди-панк-рок, который они познали в восьмидесятых.

Некоторые догматичные барьеры внутри инди-рок-сцены на какое-то время разрушились. Между записью демо и появлением *Bleach* Курт и Крист переживали кризис музыкальной личности. Демозапись отличалась хорошим звучанием, сходным с Butthole Surfers и Scratch Acid, но им был близок и «кок-рок»[54], о чем свидетельствуют такие песни, как Aero Zeppelin.

> – У нас в голове было множество спутанных

мыслей, – говорит Курт. – Мы просто не могли определиться, чем хотим заниматься. У нас не было собственного звучания. Как и все остальные, мы только подходили к осознанию того, что нам нравятся все виды музыки. Быть панк-рокером, побывать на концерте Black Flag и сказать, что тебе нравится R.E.M. Это было просто невозможно.

Глава V
Дела пошли радикально

Nirvana начали интенсивно репетировать, готовя новый альбом, хотя Sub Pop ждал от них только мини-альбом, как это было принято у молодых групп. Репетиции переместились из подвала Криста в помещение над салоном Марии Новоселич. Он был открыт до восьми вечера, поэтому репетиции начинались только после закрытия и заканчивались на рассвете, часто прерываясь на китайскую еду в районе полуночи. Чэд выезжал с острова Бейнбридж, забирал Криста в Такоме, а потом Курта в Олимпии. Это продолжалось в течении двух или трех недель.

– Мы часами репетировали, а потом отправлялись в какое-нибудь путешествие, – говорит Крист. – Однажды мы вышли на пляж, погуляли, а ночью пошли к этой водонапорной башне.

Иногда они просто ездили в фургоне Криста и слушали Celtic Frost[55] и Smithereens.

21 декабря 1989 года, примерно за полторы недели до записи, они дали концерт в Eagles Lodge в Хокиаме. Крист играл в одних трусах, а Курт выкрасил шею в красный цвет.

Незадолго до разрыва с Шелли Крист уволился с работы, чтобы посвящать больше времени группе. Он скопил четыреста долларов и спустил их за две недели.

– Я ходил на вечеринки, покупал четыре ящика пива и просто раздавал его направо и налево, – говорит Крист. – Однажды я раздал ящик пива всего за две минуты. А затем понял, что остался без копейки.

– Безделье, – так называет Крист свои холостяцкие дни. – Это было потрясающе.

Он вернулся в Абердин к матери и две недели, пока шел снег, сидел дома и читал «Один день из жизни Ивана Денисовича».

– Я чувствовал себя как в ГУЛАГе[56], – говорит он.

Nirvana снова хотела записаться, но у Sub Pop, как и у большинства инди-лейблов, были проблемы с финансированием, отчасти из-за непомерных затрат на обложку для мини-альбома *Rehab Doll* от Green River, которые к тому времени уже не существовали. Но Nirvana все равно записались в студию для работы над альбомом. Работа над Bleach началась 24 декабря 1988 года, и в этот день было записано около пяти часов базовых дорожек.

Двадцать восьмого числа они выступили на вечеринке в честь выхода сборника *Sub Pop 200* в клубе Underground. Легендарный

сиэтлский поэт Стивен Джесси Бернстайн представил их как «группу с сублимированным вокалом». На следующий день они записали еще пять треков и продолжили работу 24 января 1989 года. Когда все закончилось, Эндино выставил им счет в общей сложности за тридцать часов. По дороге в студию Курт садился на переднее пассажирское сиденье, клал лист бумаги на приборную доску и второпях заканчивал тексты песен, которые они собирались записать.

Чэд был в группе уже шесть месяцев, и они много играли. Чэд был более открытым барабанщиком, чем Дейл Кровер, и мелодии звучали соответствующим образом. Парни снова попробовали играть Floyd the Barber и Paper Cuts, но они не соответствовали версиям Дейла Кровера. Его записи были переделаны и включены в альбом. Пока еще не имевший названия альбом был отсортирован и отредактирован, но Брюс Пэвитт велел изменить последовательность треков. Выход альбома был отложен еще на пару месяцев, но в конце концов Sub Pop одолжили немного денег для релиза.

Курт был требователен к своему вокалу и очень злился, если не мог издавать звуки, которые хотел.

– Он мог начать бить себя в грудь и тому подобное, – говорит Чэд. – Ему это не нравилось.

Возможно, микширование Bleach кажется немного странным, но у этого есть свои причины.

– В то время мы все болели, – вспоминает Крист, – и у нас был этот кодеиновый сироп от Департамента здравоохранения округа Пирс. Мы постоянно его пили, вроде как из-за болезни, но на самом деле мы сидели на кодеине, работали над пластинкой и нам это нравилось.

Запись альбома обошлась в 606,17 долларов. Ни у кого в группе не было такой суммы, поэтому с деньгами нам помог парень по имени Джейсон Эверман.

Дилан Карлсон познакомил его с Куртом, и вскоре выяснилось, что Джейсон с пятого класса знаком с Чэдом. Они даже вместе играли в нескольких группах в старших классах. Последние несколько лет Джейсон был коммерческим рыбаком на Аляске и накопил кучу денег, так что одолжить своему старому другу шестьсот долларов не составляло большого труда. Кроме того, он слышал демозапись с Кровером и знал, что у группы большое будущее.

Он начал общаться с группой.

У Курта не было большого опыта в игре на гитаре и пении (в частности, в запоминании слов) одновременно

– в конце концов, он играл в группе всего полтора года. И вдруг перед ними возникла перспектива поездки в тур. И однажды Курт сказал Джейсону, что они думают над тем, чтобы найти второго гитариста, для усиления звука.

– В принципе, мы были готовы взять любого, кто умел хорошо играть на гитаре, – говорит Курт.

Джейсон обмолвился, что умеет играть, его прослушали и приняли решение взять в команду.

– Он показался мне довольно приятным парнем, – говорит Курт. – И у него были длинные волосы, как раз по концепции Sub Pop.

Помимо этого, Джейсон, как и Курт, Крист и Чэд, происходил из неблагополучной семьи. В детстве он даже некоторое время жил в Абердине.

На обложке Bleach Джейсон обозначен как гитарист, но на самом деле в записи он не участвовал.

– Мы просто хотели, чтобы он чувствовал себя частью группы, – говорит Крист.

Первый концерт Джейсона с Nirvana был пьяной вечеринкой в общежитии Колледжа вечнозеленого штата. Когда на сцене появился еще один гитарист, у Курта пропала необходимость так усердно трудиться, и он стал играть гораздо лучше. Звукорежиссер Крейг Монтгомери вспоминает, что он делал громкость гитары Курта намного выше, чем у Джейсона. Вскоре они начали понимать, во что ввязались. Хотя Джейсон и говорил, что увлекается панк-роком уже много лет, изучение Куртом его коллекции пластинок показало, что панк-рока в ней было немногим больше, чем спид-метала.

Крист нашел место для репетиций в Сиэтле, но в том городе им негде было жить, поэтому они часто покупали несколько бутылок пива по сорок унций и пили в фургоне до тех пор, пока не уснут.

В феврале 1989 года, после завершения работы над альбомом, они провели короткий двухнедельный тур по западному побережью. Не по дням, а по часам группа вела себя все увереннее и увереннее на живых выступлениях. Брюс Пэвитт вспоминает, как гитарист Mudhoney Стив Тернер вернулся после совместного выступления с Nirvana в Сан-Хосе и уверял, что Курт Кобейн играл на гитаре, стоя на голове!

Они столкнулись с ужасным гриппом, и им пришлось обратиться в бесплатную клинику Хейт-Эшбери в Сан-Франциско.

Перемещаясь в своем фургоне по Сан-Франциско, группа

вместе с Поунманом и Пэвиттом заметили, что в городе идет масштабная кампания по борьбе со СПИДом, с развешанными по всему городу плакатами, призывающими наркоманов «отбеливать свои инструменты», то есть промывать иглы отбеливателем, чтобы убить вирус СПИДа. По центру города даже ходил человек в костюме бутылки отбеливателя, раздававший хлорку.

– Мы размышляли о том, что вскоре отбеливатель может стать самым ценным веществом на земле, – говорит Пэвитт.

Так первый, еще не изданный альбом Nirvana получил название Bleach, «Отбеливатель».

18 марта 1989 года в журнале Melody Maker, посвященном сцене Сиэтла, появилась краткая рекламная заметка о Nirvana. Она начиналась со слов: «Они настоящие. Ни звездных уловок, ни интеллектуальной перспективы, ни генерального плана мирового господства. Мы говорим о четырех парнях двадцати с небольшим лет из сельской местности штата Вашингтон, которые хотят зажигать, и если бы не это, то, скорее всего, они работали бы в супермаркете, на лесопилке или ремонтировали машины». Заметка была позитивной, но можно было сделать ее менее снисходительной.

Вернувшись из турне, группа отыграла множество концертов в разных местах – в Vogue, в танцевальном зале HUB в Университете Вашингтона и в Annex Theater, где публика выразила Курту признательность, пронеся его над головами во время исполнения Blew. Джонатан Поунман вспоминает об этом концерте как о важном событии – такой чести до этого удостаивался только ультракрутой Марк Арм.

Они отыграли концерт в Общественном центре Элленсбурга, трущобного пастушьего городка в сельской части Вашингтона. В зале присутствовал Стив Фиск, уже известный как продюсер Soundgarden, Beat Happening и первых четырех пластинок The Screaming Trees.

– Я их возненавидел, – говорит Фиск. – Спортсмен из Якимы очень плохо настроил акустическую систему. Курт порвал струну, очень расстроился и стоял в углу, пытаясь ее заменить. Они просто паясничали, и нервничали – все, кроме Криста, – а играли они в *Элленсбурге*. Даже когда стало ясно, что гитара Курта уже не сможет звучать нормально, они все равно продолжали играть. Джейсон начал махать волосами, но совсем не в такт музыке. Извините, но я видел Black Flag, и волосами махать следует либо в такт песне, либо не махать ими вовсе.

Фиск ушел во время исполнения первой песни.

Bleach вышел в июне 1989 года. Курт отрицает какую-либо личную вовлеченность в тексты альбома.

– Я не особо вдумывался в тексты, – говорит он с явным скептицизмом в голосе. – Это совершенно очевидно.

Но, по правде говоря, значительная часть песен многое говорит о Курте и различных событиях и ситуациях из его жизни.

В ночь перед записью группа остановилась в доме Джейсона Эвермана в Сиэтле. Курт так и не написал тексты для своих новых песен.

> – В то время меня вообще не волновали тексты песен, – говорит он. – Я не считал их чем-то важным и не думал о них.

Но Курту нужно было что-то спеть, поэтому он сел и писал до самого рассвета. Одна из интересных особенностей Bleach – то, что в песнях зачастую есть только один куплет, который повторяется два, три или более раз (в тексте School всего пятнадцать слов). Но это практически не заметно из-за широкого спектра вокальных стилей и фраз Курта, а также из-за врезающихся в память риффов, из которых состоят песни. Курт списывает лаконичность своей лирики на проблемы с кратковременной памятью.

– Я решил писать песни, которые смогу легко запомнить, чтобы не облажаться во время концерта, – говорит он.

Swap Meet родом из Абердина. Феномен выживающей американской глубинки сельской Америки, стихийные блошиные рынки появляются на территории автокинотеатров или на парковках. Люди приезжают издалека, чтобы продать выпечку, изделия ручной работы, безделушки и многое другое, что смогли найти в самых темных закоулках своих гаражей и чердаков. Одни продают свои вещи, чтобы оплатить аренду жилья, другие становятся полноценными торговцами. По словам Курта, последние, как правило, «предприниматели из белого мусора, которые не видят ничего дальше торговли мусором, потому что живут в нем. Он окружает их, и весь их менталитет основан на мусоре – жир, грязь и нищета».

Mr. Moustache установил тенденцию в альтернативном роке – в тексте песни нигде не звучит ее название.

> – У меня никогда не было причин давать песням определенные названия, – говорит Курт. – Это единственное, чем альтернативные группы отличаются от групп, играющих «кок-рок». Альтернативные рок-группы дают своим песням названия, не имеющие ничего общего с песней или припевом.

– В старших классах, – объясняет Мэтт Лукин, – носить усы считалось чем-то реально «металлическим». У подростков, которым лет по восемнадцать, усы – на самом деле мягкий персиковый пушок. Эти усы означали, что ты торчок-металлист. Они носили джинсовые куртки с флисовой подкладкой, усы и длинные волосы, перья и, возможно, серьги, и чаще всего они приторговывали травкой. Достаточно было сказать: «У него усы», и сразу становилось понятно, что это за парень.

Усы также носили мачо, которых Курт так ненавидел. Но песня с припевом «Yes, I eat cow/ I am not proud» («Да, я ем корову/Я не гордый») – это удар по самодовольным вегетарианцам («какашки тверды, как камень»), которых в Олимпии было в изобилии. Конечно, Крист тоже был вегетарианцем, но песня больше ориентирована на резко политкорректных типов из Олимпии, тех, кто мог подойти к парню с голой грудью и попросить его надеть рубашку в знак солидарности с женщинами. На такие вещи Курт реагировал яростным сарказмом.

– Расскажи мне о своем новом видении, – рычит он в первом куплете. – Помоги мне поверить в твою великую мудрость.

Для записи Blew Курт настроился на drop-строй, но перед записью песни парни не сообразили, что они уже и так были в этой настройке, и опустились еще на ступень ниже, чем планировали, и этим объясняется необычайно тяжелое звучание трека. Свинцовые, искаженные гитары стучат в пьяном ритме, производя иной вид напряжения. Густой, серый тон трека ассоциируется с тематикой провокации и борьбы: «If you wouldn't care I would like to leave/ If you wouldn't mind I would like to breathe»[57].

Текст песни About a Girl родился тогда, когда Трейси спросила Курта, почему он не написал о ней песню. И он написал. Фраза «I can't see you every night for free» («Я не могу свободно видеть тебя каждую ночь») напоминает о том, что Трейси в то время угрожала выгнать Курта из дома, если он не найдет работу. Песня символизировала поп-направление, в котором хотел двигаться Курт. Это было отклонением от их стиля и в целом от формата Sub Pop – никто еще не написал для лейбла ничего столь откровенно мелодичного и битловского (к тому времени Курт написал еще и Polly, но она еще меньше подходила под формат Sub Pop).

С течением ночи Курт начал делать свои тексты все проще и проще.

Поначалу Курту и Кристу не нравилась эта сплоченная, моногамная сцена в Сиэтле; на первый взгляд она напоминала те

эксклюзивные группировки, которые они презирали в старших классах.

– Я считал Сиэтл таким тесным, маленьким и закрытым, все в нем знали друг друга, и казались такими заносчивыми, будто успели уже многое повидать, – говорит Курт.

> Он наконец сбежал из ужасного Абердина и приехал на сиэтлскую землю обетованную, лишь бы снова оказаться в своей тарелке. Неудивительно, что припев School: «You're in high school again»[58]– звучит так отчаянно.

Когда Курт придумал основной рифф для песни, он показался им настолько похожим на типичный гранж-роковый рифф Sub Pop, что они подумывали назвать песню The Seattle Scene. Но благодаря способности Курта брать конкретную ситуацию и превращать ее в обобщенную, песня получила более абстрактное название School.

– Мы написали ее о Sub Pop, – говорит Курт. – Если бы мы могли добавить к ее названию Soundgarden, мы бы обязательно это сделали.

И все же это похоже на одну из тех песен конца семидесятых, типа «диско отстой», в которой, несмотря ни на что, использовался диско-бит.

– Сначала это было забавой, – говорит Курт, – а потом оказалось, что это действительно хорошая песня.

Negative Creep – это рассказ от первого лица от антисоциальной личности. «I'm a negative creep and I'm stoned» («Я ужасный урод и я под кайфом») – гласит припев. Это тот тип в черной футболке с символикой сомнительной металлической группы, который под кайфом болтается на крыльце, хмурясь и щеголяя длинными сальными волосами. По словам Курта, этот человек – он сам. «Я просто думал о себе как о негативном человеке» – вот его простое объяснение. Курт подхватил кое-что от музыкального сообщества Сиэтла в строчке «Daddy's little girl ain't a girl no more» («Папина маленькая девочка больше не девочка»), потому что она была дико близка к строчке Mudhoney «Daddy's little girl ain't a girl no more» («Милая молодая штучка больше не милая»). Курт утверждает, что это была неосознанная кража.

Под конец было уже очень поздно, и Курт начал перегорать. В этот момент он написал Scoff и Sifting. В Scoff Курт вяло причитает: «In my eyes, I'm not lazy», «In your eyes, I'm not worth it» («На мой взгляд я вовсе не ленив», «на твой взгляд я этого не стою»). С некоторой долей вероятности эти строки можно

адресовать Дону или Венди, которые никогда не считали музыкальные стремления Курта чем-то стоящим. Может показаться, что Sifting, в которой упоминаются учителя и проповедники, обращается к авторитетным фигурам всех мастей, но о чем песня на самом деле – даже сам Курт может только догадываться.

Два трека (три на CD-версии *Bleach*) были взяты напрямую из демозаписи с Кровером. Жуткая Paper Cuts с ее медленным, покачивающимся ритмом, ревущим вокалом и тяжелой последовательностью аккордов, сильнее всего отражала влияние The Melvins. Часть текста основана на реальной истории об абердинской семье, которая держала детей взаперти в комнате с закрашенными окнами, где дверь открывалась только для того, чтобы дать им еды или убрать кучу газет, служившую им туалетом. Курт на самом деле знал одного из этих детей – это был приятель его старого дилера Гранта.

Но, судя по всему, песня вполне автобиографична – когда Курт поет: «The lady whom I feel a maternal love for/ cannot look me in the eyes/ but I see hers and they are blue/ and they cock and twitch and masturbate» («Женщина, к которой я испытываю материнскую любовь/ Не может смотреть мне в глаза/ Но я вижу ее глаза, и они синие/ И они косят, дергаются и мастурбируют»), то он может описывать только свое отчуждение от Венди. И хотя это сравнение довольно драматично, и кажется, что Курт проводит аналогию между отчуждением, которое испытывали заточенные дети, и отчуждением, которое он испытывал к Венди. «И очень поздно я научился принимать насмешки друзей» («And very later I have learned to accept some friends of ridicule»), – поет Курт в последнем куплете, который, описывает отверженных людей, с которыми он в конце концов подружился в Олимпии. «Нирвана», – пять раз стонет Курт в припеве.

Floyd the Barber – это еще один номер в стиле The Melvins с демо Кровера. Флойд-парикмахер – это, конечно же, персонаж ситкома начала шестидесятых «Шоу Энди Гриффита». В нем легко считывается клаустрофобная провинциальная тема.

– Это просто маленький городишко, который пошел вразнос, – говорит Курт. – Каждый превращается в серийного убийцу, и все они в сговоре друг с другом.

Более того, присутствует фрейдистский страх кастрации, ведь рассказчика привязывают к парикмахерскому креслу и режут бритвой. «I was shaved/ I was shamed» («Меня побрили/я был опозорен»), – причитает Курт. Энди, Барни, тетя Би и Опи – все присоединяются к резне.

Downer была включена в CD-версию альбома и также была

одной из тех записей с Кровером. Эту старую песню Курт написал после того, как столкнулся с политическим подтекстом в репертуаре у некоторых из наиболее социально ориентированных панк-рок— групп.

– Я пытался быть Мистером Политическим Панк-роковым Парнем с Черным флагом, – говорит Курт. – На самом деле я не знал, о чем говорю. Я просто пытался подобрать слова.

> Альбом оказался не таким мощным и тяжелым, как ожидала группа. У него есть странное клаустрофобное, по большей части внутреннее ощущение, которое, по-видимому, непреднамеренно соответствует общей роли лирики. Курт первым заметил, что альбом довольно простой – в основном медленный, свинцовый, с небольшим количеством мелодий.

– Мы намеренно сделали эту запись легкой, более «роковой», чем она должна была быть, – говорит он.

Курт намеренно подавил как склонность к мелодичности, так и свою более художественную черту «новой волны», потому что знал, что аудитория Sub Pop не примет ни того, ни другого. Он полагал, что Nirvana должна будет сделать гранжевую пластинку в стиле Sub Pop, чтобы обрести своих фанатов, и только потом он сможет сделать то, что ему хотелось.

– Sub Pop и окружение давили на нас, требуя играть «рок-музыку», – говорит Курт. – ободрать ее и заставить звучать, как Aerosmith. Мы знали, что так и нужно было сделать. И мы так и сделали, и теперь, когда это стало популярным, мы можем еще и заработать на этом много денег и стать популярными, ведь в итоге мы сможем делать все, что угодно. Для начала мы хотели угодить людям и посмотреть, что будет дальше.

Под влиянием Vaselines Курт написал песню под названием Beans, взяв за основу книгу Джека Керуака «*Бродяги Дхармы*». «Beans, beans, beans/ Jackie ate some beans/ And he was happy and naked in the woods» («Бобы, бобы, бобы/Джеки съел немного бобов/ и был таким счастливым и голым в лесу») – гласил припев. Курт хотел включить ее в состав готовящегося альбома, но Поунман был против. «Он думал, что это глупо», – говорит Курт и добавляет, что группа хотела сделать дебютный альбом более разнообразным и экспериментальным, но столкнулась с сильным сопротивлением Sub Pop, как озвученным, так и неозвученным. Поскольку у Nirvana не было контракта, они просто не знали, могут ли игнорировать предпочтения Поунмана и все же выпустить запись.

Beans была частью демо из четырех «странных, дурацких»

песен, которые группа хотела включить в альбом. По словам Курта, «Поунман думал, что мы умственно отсталые».

По иронии судьбы, ограничения Sub Pop помогли группе найти свою музыкальную принадлежность. Звучание «новой волны» Nirvana, так же, как и Scratch Acid, Butthole Surfers и тому подобного, было производным. И только когда они признали тот факт, что выросли на Aerosmith и Black Sabbath, их музыка обрела свой голос.

– Мы осознали, что за несколько месяцев полностью переосмыслили написание песен, – говорит Курт. – Это был отличный опыт обучения, потому что в любом случае мои корни по большей части исходят из рока, а не из странных причудливых вещиц новой волны, которые мы пытались делать.

Это стоило больших усилий, особенно в обстановке, где даже Sex Pistols считались устаревшими.

Признание в любви к пролетарскому хард-року было актом необычайной честности в мире, где нормой было художественное позерство, но высказать это признание было необходимо. Когда панк-рок впервые вышел на свет, нужно было играть панк-рок и только панк-рок – вот в чем был смысл. И как только он достиг этой точки, то созрел для ассимиляции, как и любая другая исходная музыка.

Курт видел только одну загвоздку.

– В тот момент я не думал, что наше звучание уникально, – говорит он. – Мне казалось, что мы недостаточно оригинальны для этого.

К альбому Bleach тоже есть свои вопросы, но нет никаких сомнений в том, что песни Курта погрязли в гранже. Это привлекло несколько иную аудиторию, нежели ожидала группа, – относительно мейнстримную аудиторию хард-рока, и эта проблема преследует их и по сей день.

– Мы никогда не были альтернативой, – оглядываясь назад, говорит Крист. – Bleach, все эти волосы на обложке пластинки и гребаные рок-риффы – люди всегда знали, у нас довольно доступная привлекательность. Мы были просто рок-группой.

Как на многие другие сиэтлские группы, серьезное влияние на Nirvana оказали Black Sabbath. Курт изучал Black Sabbath, в равной степени ее поп-направление и тяжелую сторону их музыки. Классика Sabbath – например, Paranoid и Looking for Today – обладает яркой структурой куплета-припева, и в них даже есть бриджи.

– Я помню, как много лет назад спросил Эрика Шиллингера: «Как думаешь, насколько успешной могла бы быть группа, если бы смешивали реально тяжелый Black Sabbath с The Beatles? Что

из этого могло выйти?» – говорит Курт. – Мне хотелось сначала быть похожим на Led Zeppelin, а потом играть совершенно экстремальный панк-рок, а после этого писать медленные поп-песни.

Для этого ему нужно было подождать четыре года.

Курт впервые услышал типичный альбом Pixies *Surfer Rosa* 1988 года после записи *Bleach*. Смесь леденящих кровь криков, отшлифованных гитар и приглушенных, но отчетливых поп-мелодий – все это звучало в точности так, как он всегда хотел сделать, но очень боялся попробовать. До этого момента для панк-рок-группы играть поп-музыку было вовсе не круто.

– Я слышал в песнях с *Surfer Rosa* кое-что такое, что я написал, но потом выбросил, потому что я боялся играть их для кого-либо, – говорит Курт.

Популярность Pixies как в Великобритании, так и за ее пределами, а также то, что они звучали на американском студенческом радио, помогали Курту, вдохновляя его следовать за своими инстинктами.

Брюс Пэвитт неделями спорил с группой из-за снимка для обложки. Группа хотела, чтобы Трейси сфотографировала их на выставке в Reko/Muse, крошечном клубе/художественной галерее в Олимпии. Это была очень насыщенная ночь. Бен Шепард убедил аудиторию исполнить «червяка», это панк-«танец», исполнитель которого катается по полу, пытаясь сбить с ног всех остальных. На том же концерте Крист подбросил бас в воздух, и тот упал прямо на голову Чэда.

– Я просто сидел, – говорит Чэд, – и тут «бамс», и я уже в отключке валяюсь на полу. Я ничего не помню. Я пришел в себя и подумал: «Ого, вот это поворот».

Этот вечер стал важным и для Криста и Шелли. Все то время, что они были врозь, Шелли ужасно скучала по Кристу. Она поняла, что любит его. Крист завел новую подругу, но по-прежнему не мог выбросить Шелли из головы. Поэтому, когда Шелли услышала, что подруга Криста поступила в колледж в Монтане и уехала, то тут же примчалась к нему. Она позвонила Кристу, поинтересовалась, как у него дела, а он ответил, что они выступают этим вечером, и предложил ей прийти. После концерта они снова сошлись и с тех пор больше не расставались.

Пэвитт, повелитель имиджа Sub Pop, хотел сделать серию «домашних» необработанных снимков. Фотограф Элис Уилер сняла участников группы после концерта, за кулисами под флуоресцентными лампами. Пэвитту понравились снимки, потому что они соответствовали теориям популярности Sub Pop.

– Действительно была видна щетина и прыщи, они были

такими настоящими, – говорит Пэвитт. – Эти парни не были красавцами. Это был самый не-лос-анджелесский образ, какой только можно придумать. Я хотел с помощью таких фото подчеркнуть реальность этих ребят.

– Мы были похожи на мутантов, – возражает Курт.

– Но для меня это было частью истории, – отвечает Пэвитт. – Если посмотреть с более широкой точки зрения— кругом был спандекс и лак для волос, а мы пытались создать что-то, полностью противоположное, что-то, с чем люди могут себя ассоциировать. Большие лейблы шли прямо противоположным путем. Для меня это народная музыка – музыка, которую делают простые люди.

> На заднюю обложку диска Пэвитт хотел поместить сделанную Чарльзом Питерсоном фотографию Джейсона с распущенными волосами, в стиле Sub Pop.Курту эта идея не понравилась, пришлось искать компромисс, и снимок Джейсона появился на плакате, который напечатали ограниченным тиражом, вложенном в первые две тысячи экземпляров Bleach и выпущенную после первой партии тысячу белых виниловых изданий.

На внутренней стороне CD – Курт, распластавшийся по барабанной установке Чэда. Фото было сделано в лос-анджелесском клубе Raji's в феврале 1990 года. Снимок был частью серии фото, в которую входила фотография с обратной стороны сингла Sliver. Bleach также ознаменовал дебют логотипа Nirvana, набранного шрифтом Bodoni Extra Bold Condensed type. Из-за того, что наборщик текста сильно спешил, межбуквенные интервалы вышли некорректными – к примеру, по обе стороны от V получились слишком большие пробелы, что в итоге так и не было исправлено.

В списке музыкантов на обложке *Bleach* было написано «Kurdt Kobain», вокал и гитара. Это был первый из нескольких вариантов имени, которые придумывал Курт.

– Вначале мне казалось, что я хочу анонимности, – объясняет он. – Я действительно подумывал о том, чтобы сменить имя для альбома Nevermind. Но в итоге я просто решил написать его правильно. Я хотел, чтобы это попросту сбивало с толку. Хотел бы я сделать то же самое, что и Блэк Фрэнсис[59]. Он настолько часто менял имя, что никто толком не знает, кто он такой на самом деле. Лучше бы никто никогда не знал, как меня зовут по-настоящему, и чтобы я когда-нибудь мог снова стать простым гражданином. Реальной и обоснованной причины нет, я просто не потрудился правильно написать свое имя. Но мне было все равно.

Я хотел, чтобы его все время произносили по-разному.

Написанная для Sub Pop биография в то время указывала на такие источники вдохновения, как «H. R. Puffnstuff[60], Speed Racer, разводы, наркотики, запись звуковых эффектов, The Beatles, всякое быдло, хард-рок, панк-рок, Ледбелли[61], Slayer и, конечно же, The Stooges[62]».

«Nirvana видит, что на андеграундной сцене начинается застой, и она становится более доступной для капиталистических свиней большой лиги крупных звукозаписывающих лейблов, – продолжала биография. – Но чувствовала ли Nirvana своим долгом бороться с этим злом?? НИ ЗА ЧТО! Мы хотим нажиться и подлизаться к большим шишкам в надежде, что тоже сможем НАКУРИТЬСЯ и ТРАХАТЬСЯ. НАКУРИТЬСЯ И ТРАХАТЬСЯ. НАКУРИТЬСЯ И ТРАХАТЬСЯ».

9 июня Nirvana играла на Lamefest'89 в театре Мура, открывая выступление TAD и Mudhoney. Это было знаковое событие – местные группы никогда раньше не собирали столько народа. Сцена в Сиэтле начала взрываться. Критик из Backlash оплакивал плохую звуковую обработку группы, потому что «они используют в своем гранже множество разных мелодий». «Что касается их исполнения – оно потрясающе, – гласил обзор. – Размахивание волосами, дурацкие падения, прыжки, извивающиеся тела и раздолбайский финал, с инструментами и телами, валяющимися на сцене».

В статье, опубликованной в газете Вашингтонского университета, Курт сказал, что музыка группы обладала «мрачными, мстительными элементами, основанными на ненависти». В статье говорилось, что в последнее время взгляды Курта стали более лояльными, что привело к появлению того, что Курт назвал «фазой гей-поп-песен, которая в конечном итоге умрет», хотя, вероятно, что в следующем альбоме будет больше таких мелодий. «Я бы хотел зарабатывать на жизнь музыкой, – добавил Курт. – Работать я не могу».

Они провели студийную сессию в Колледже вечнозеленого штата, в результате чего появилась ранняя версия песни Dive и кавер-версия песни Kiss Do You Love Me, которая попала в выпущенный сиэтлским инди-лейблом C/Z Records трибьют-альбом под названием Hard to Believe.

> Примерно в это же время Nirvana решила, что им все-таки нужен контракт с Sub Pop. Они хотели быть уверены, что будут получать точные и своевременные бухгалтерские отчеты.

– Мы думали, что если подпишем его, – говорит Курт, – то в

будущем сможем им противостоять, если захотим расторгнуть этот контракт.

По иронии судьбы, контракт в конечном счете обрел обратный эффект.

Так получилось, что у Sub Pop было такое же мнение, а вот Поунман читал «Этот музыкальный бизнес» в поисках советов по составлению стандартного контракта для всех групп лейбла (на тот момент контракт был только у Soundgarden). Поунман еще ничего не набросал, когда однажды летним вечером Пэвитт устроил «дикую диско-вечеринку» для приехавших Babes in Toyland[63]. Как вспоминает Пэвитт, вечеринка немного вышла из-под контроля, поэтому он всех выгнал, и они ушли в соседний дом, где остановились Babes. Тем временем нетрезвый Крист Новоселич пришел к дому Пэвитта, постучал в окно и заорал: «Эй, ублюдок, нам нужен контракт!», а потом завалился в кусты. Он встал, уже собирался уйти и по чистой случайности столкнулся с Пэвиттом, который возвращался домой.

– Я часто думаю, – говорит Пэвитт, – а что, если бы я остался в соседнем доме еще на одну минуту?

Они поговорили минут сорок пять, после чего Пэвитт позвонил Поунману и сказал, что Nirvana хочет заключить контракт. Поунман не спал всю ночь, печатая какой-то документ. С юридической точки зрения, это было какой-то фигней, но скоро она сослужит лейблу хорошую службу. Вскоре Курт, Крист, Чэд и Джейсон приехали в офис Sub Pop, подписали контракт и стали первой группой, подписавшей расширенный контракт с лейблом.

– Я помню, как подумал: «Это может быть важно», – говорит Пэвитт.

Поначалу альбом не стал потрясением как для инди-сцены в целом, так и для самого Sub Pop, если уж на то пошло.

– Звучание Bleach было очень хорошим, но для меня все наши произведения звучали отлично, – говорит Поунман.

– Многое из того, что мы выпускали, меня по-настоящему захватывало, – добавляет Пэвитт. – Мы выпускали много действительно классных пластинок.

Но потом люди начали его покупать.

> – Мы выпустили Bleach, – говорит Пэвитт, – и, черт возьми, его продажи не прекращались. Я еще никогда не видел, чтобы пластинка просто продавалась, продавалась и продавалась. Да, они гастролировали, но многие другие группы также гастролировали. О них расползались слухи. Тут было что-то особенное.

После выпуска Bleach в июне 1989 года они отправились в

свой первый американский тур, по словам Криста, «абсолютно голодный панк-рок-тур», состоявший из двадцати шести выступлений, начиная с 22 июня в Covered Wagon в Сан-Франциско. Это был первый пробег их верного белого микроавтобуса Dodge, вскоре получившего прозвище «Фургон». За три тура по США и за семьдесят тысяч проеханных миль он ни разу не сломался. Когда становилось слишком жарко, они останавливались на крытой парковке и просто сидели в фургоне до заката.

Курт, Крист, Чэд и Джейсон были тур-менеджерами – они сами решали, где остановиться и когда уехать. Конечно, жилье было не самым лучшим – и большую часть времени они спали в фургоне или рядом с ним, или, если повезет, какой-нибудь фанат пускал их переночевать. Через несколько дней после начала тура группа оказалась в самом сердце Техаса. Припарковавшись возле Национального парка, который, как вспоминает Крист, по сути был болотом. Рядом с их парковочным местом висела табличка «Осторожно: аллигаторы», поэтому они припрятали в задней части фургона бейсбольную биту и несколько двухдюймовых досок, которые должны были им помочь в случае нападения рептилий. Но в конце концов все проголодались и решили поесть консервированного супа. Облив биту и доски моторным маслом, подожгли их и приготовили на этом костре суп.

Парни были в восторге от гастролей и посещения таких мест, как Нью-Мексико, Иллинойс и Пенсильвания, а также от игры для новых людей. Они играли в основном в барах; в качестве платы музыканты получали ящик пива и не больше ста долларов за вечер.

– Каждый раз, когда мы выступали, – рассказывает Чэд, – казалось, что денег у нас хватит только на то, чтобы заправиться, машину – бензином, а желудок – едой, и на то, чтобы добраться до следующего гребаного концерта.

Несмотря на марафонные гонки, низкую оплату и зачастую скудную аудиторию, боевой дух группы был на высоте. И примерно на середине тура посещаемость начала расти – тогда студенческое радио начало ставить треки из Bleach, такие как School, About a Girl или Blew. Добравшись до Среднего Запада, они уже чувствовали себя знаменитыми.

Живые выступления также помогали завоевывать сердца аудитории.

– Всегда были те, кто потом подходил и говорил: да, ребята, вы действительно крутые, – говорит Чэд, – но это не значит, что абсолютно все отрывались на полную катушку. Были и те, кто делал это только потому, что был пьян.

Крист отвечал за гонорары и ведение бухгалтерии. Тогда все было намного проще.

– Мы шли в музыкальный магазин и покупали пластинки, – говорит Крист. – Я мог купить примерно шесть пластинок, Курт – четыре, Чэд – три, и это было прекрасно. Это было что-то вроде «все вместе, братья». А по окончанию тура мы делили все деньги поровну, ровно по трети каждому.

Крист никогда не транжирил деньги группы. Он стал таким скрягой, что никому не позволял даже включать кондиционер в фургоне – даже в Техасе в июле, – потому что он расходовал слишком много топлива.

Дома, в Вашингтоне, Курт и Крист часто отдалялись от Чэда в социальном плане – Чэд предпочитал общаться со компанией хиппи с острова Бейнбридж, но на гастролях было иначе.

> – В том фургоне мы становились намного ближе, – говорит Чэд. – Мы были не столько друг против друга, сколько против того, что было снаружи фургона.

В фургоне они слушали мелодичную, но отбитую шотландскую группу под названием Vaselines, а также все подряд, начиная подростковой английской поп-группой Talulah Gosh, заканчивая пожилыми башкотрясами Motörhead. И еще они слушали The Beatles. Крист и Курт записывали сборники музыки. Даже Шелли сделала несколько штук.

Крист довольно сильно пристрастился к спиртному.

– У него сносило крышу, он крушил все вокруг, – вспоминает Чэд. – Когда он напился впервые, то говорил: «Вы все такие классные! Я всех так люблю!», а потом он заладил: «Вы ничего не знаете о любви! Вам просто все равно! Вы ничего не понимаете!» И он брал в руки попавшийся под руку стул и швырял его, наверное, на полмили. А потом он просыпался и говорил мне: «Не разговаривай со мной, Мистер Солнечный, я не хочу с тобой общаться». Он выглядел как дерьмо и чувствовал себя так же.

Проблемы Криста с алкоголем скорее позабавили Курта, чем встревожили.

– Мне это никогда не казалось чем-то важным, – говорит он. – Крист напивался не каждую ночь, а всего лишь через одну. Если он пьет, то до беспамятства – и моментально превращается в умственно отсталого. Крист не может говорить, все, что он может, – это жестикулировать и крушить все вокруг. Я никогда не думал об этом как о проблеме, хотя, возможно, последние несколько лет я отношусь к этому с большим сожалением. Вокруг пьет столько моих знакомых, что мне это не кажется чем-то необычным.

На гастролях в Миннеаполисе группа остановилась у барабанщицы Babes in Toyland Лори Барберо, которая всегда могла приютить инди-группы, проезжающие через Города-близнецы[64]. Судя по всему Кристу показалось, что Барберо на него пялится, и он закричал: «Хватит таращиться!», замахал руками и плашмя упал на шкаф, полный тарелок, которые с грохотом завалились на пол.

– Крист никогда не хотел сделать ничего плохого, – говорит Чэд. – Но если бы он был в здравом уме, то никогда бы не наделал такого дерьма. Я думаю, что из-за выпивки вырывалось наружу то, о чем он даже не задумывался, и то, что он никогда бы не произнес вслух, если бы был трезвым.

На просьбу вспомнить какие-то конкретные происшествия, Чэд отвечает, – сейчас все слилось в одно целое. Если подумать, то, по сути, он просто напивается, а затем вокруг постоянно что-то ломается.

Курт тоже вытворял довольно странные вещи. В Чикаго он купил на гаражной распродаже большое распятие. На дороге он опускал стекло фургона, показывал распятие какой-нибудь ничего не подозревающей жертве и фотографировал ее выражение лица. Да, в дороге они развлекались, как могли.

> – Мы были совершенно нищими, – говорит Курт, – Боже, мы впервые увидели Соединенные Штаты. И у нас была своя группа, мы зарабатывали достаточно денег, чтобы выжить. Это было потрясающе. Это было реально здорово. И если бы Джейсон не был таким придурком, все было бы еще лучше.

Крист заметил недовольство Джейсона еще в начале тура и рассказал об этом Чэду и Курту.

– Мы пытались поговорить с ним, но Джейсон не захотел это обсуждать, – говорит Крист. – Он полностью замкнулся в себе.

Крист и Курт часто подолгу гуляли и болтали. Во время прогулки у озера Мендота в Мэдисоне, штат Висконсин, Крист спросил:

– Тебе не кажется, что группа стала слегка странной с тех пор, как появился Джейсон? Это уже не та группа, что была раньше.

Группа выглядела и звучала более «роково», как сказал бы Брюс Пэвитт. Они обвинили в этом Джейсона. Сценический стиль Джейсона был похож на шоу-бизнес больше, чем у остальной части группы, – он позировал, размахивая волосами в классическом стиле Sub Pop, изображая на своей стороне сцены рокерскую походку петуха.

– Джейсон был похож на павлина под амфетамином, – говорит Курт. – Он был таким позером, что я не мог в это поверить. Это даже немного смущало. Все было так наигранно и *сексуально*. И да, это было отвратительно. На самом деле то, что Джейсон нам не подходит, было очевидно с самого начала.

– Странно, но он даже не хотел репетировать новые номера, – говорит Крист. – Джейсон репетировал сет, но не хотел джема или чего-то еще. Он откладывал гитару. (Джейсон отрицает это, обьясняя, что, в связи с тем, что группа стремилась к славе, они репетировали всего несколько раз перед гастролями, и что о джеме не могло быть и речи, поскольку все свое время они посвящали изучению песен, написанных Куртом.)

– Мы заметили, что Джейсон действительно немного странный, – говорит Крист, который тоже рано почувствовал склонность Джейсона к рок-музыке. – В первый же день, когда мы репетировали, он привел девушек, чтобы немного потусоваться. Это уже о чем-то говорит.

Ни Курт, ни Крист не проводили много времени в обществе Джейсона, и из-за сложностей, которые они встречали на своем пути, они лишь все больше и больше отдалялись друг от друга.

– Все пошло не так, – говорит Крист. – И вскоре он стал вести себя странно.

> Группа отыграла потрясающее шоу в Sonic Temple в Питтсбурге, настолько великолепное, что Курт разбил одну из своих любимых гитар, Fender Mustang. Джейсон очень разозлился из-за этого.

– Мы спросили: «Что такое? Это же рок-н-ролл!», – говорит Крист, который утверждает, что «у нас не было денег, и он вроде как финансировал шоу».

Группа начала ломать инструменты несколько месяцев назад. Если концерт был неудачным, они ломали их от злости. Если же выступление было действительно хорошим, инструменты бились от радости. Простых, размеренных выступлений было мало, поэтому оборудование ломалось довольно часто. Все началось 30 октября 1988 года на выступлении в общежитии Колледжа вечнозеленого штата.

– *Началось*, – говорит Крист. – Было весело. Казалось, что нельзя закончить концерт, не сделав чего-то эффектного или необычного. Неважно, насколько хорошо мы играли, всегда казалось, что этого недостаточно. Так что, если разбить инструменты и эффектно закончить этот концерт, то смело можно было заявить: «Выступление удалось». Мы не могли просто так взять и уйти со сцены.

На гастролях они находили дешевые гитары в ломбардах – и даже иногда поклонники просто так давали им гитару или в крайнем случае Джонатан Поунман отправлял инструменты службой доставки Fed Ex – ребята перетягивали на них струны под левую руку и разбивали в тот же вечер.

– Это было весело, и даже если концерт получался дерьмовым, это добавляло ему зрелищности, – говорит Крист. – Потом это вошло в привычку.

* * *

Крист недавно выцарапал на стене фразу «NIRVANA: ОБМАНЩИКИ, КУРИЛЬЩИКИ КРЭКА, УБЛЮДКИ-САТАНИСТЫ» и был так доволен этим лозунгом, что рассказал об этом Курту. Курт поместил его на заднюю часть своей футболки, которую делал сам. Спереди была репродукция гравюры с изображением одного из кругов ада из дантового «Ада», книги, на которую наткнулся Курт, зависая в библиотеке Абердина. Джейсон отпечатал все футболки, заплатил за них, а потом продавал после концертов. Они быстро стали иконой моды инди-рока. Вероятно, Джейсон срубил на этом кучу денег.

Они планировали отправиться в Канаду, но добрались только до Нью-Йорка, где 18 июля, во время семинара по новой музыке в клубе Pyramid в Ист-Виллидж, сыграли дрянное шоу. Это было последнее выступление Джейсона в составе Nirvana

– Мне кажется, что Джейсон не справился с трудностями гастролей и не смирился с тем, что пришлось долгое время находиться взаперти вместе с нами, – говорит Крист. – И мне кажется, что он был недоволен нашей группой, потому что ему хотелось, чтобы мы были больше похожи на рок, а мы были в большей степени панком.

– Мы выдвинулись в сторону Нью-Йорка, и именно тогда Джейсон затих, – продолжает Крист. – Он даже не разговаривал с нами. Когда мы впервые встретились с Антоном Бруксом, нашим пиарщиком в Великобритании, он спросил: «Кто такой этот Джейсон? Почему он такой тихий?» Ребята из Mudhoney в Нью-Йорке спрашивали: «Почему этот Джейсон такой тихий?» Мы играли шоу в клубе Maxwells в соседнем Хобокене, штат Нью-Джерси. Это был хороший концерт. А Джейсон так и продолжал молчать. Мы провели в Нью-Йорке около четырех дней. Семинар новой музыки. Мы смотрели выступления Sonic Youth, Mudhoney и Laughing Hyenas в «Ритце». А Джейсон пошел на спид-метал-группу Prong в CBGB's. Понимаете, о чем я? Это уже говорило о

многом.

– Именно тогда мы с Чэдом и Куртом по-настоящему сблизились, – продолжает Крист. – Вместе обедали, все втроем, и платили за обед общими деньгами группы. Без Джейсона. Он не хотел с нами общаться.

Они остановились на несколько дней в квартире Джанет Биллиг, помощницы из Caroline Records, которая знала Пэвитта и Поунмана и так же, как и Лори Барберо из Babes in Toyland в Миннеаполисе, сделала свою квартиру перевалочным пунктом для нуждающихся групп, проезжающих через ее город. Однажды вечером Крист и Курт пошли на улицу и купили немного кокаина. Они вдвоем выпили и употребили по дозе кокаина с сиденья унитаза Биллиг. И решили, что поедут домой, а Джейсон покидает группу.

– Мы были счастливы, – говорит Крист. – Это было неким облегчением для нас.

– Мы подходили к нему и спрашивали: «Джейсон, что случилось? У тебя какие-то проблемы?» А он отвечал: «Нет, нет. Ничего. Я с этим покончил». А мы такие: «С чем? В чем дело?»

Курт не стал спорить с Джейсоном по этому поводу.

– Он никогда не показывал своих эмоций, – говорит Чэд. – Джейсон держал все внутри, и в конце концов говорил: «Чувак, я больше не могу этого терпеть». Наконец выяснилось, что же происходит с Джейсоном, ведь нам всем было интересно, что с ним, но Курт молчал об этом. А потом ни с того ни с сего сказал: «Парни, я больше так не могу». Это было что-то типа: «Ого, Курт собирается что-то сказать!» Я думаю, что это все из-за того, что он боится говорить с людьми, не хочет кидать их, не хочет быть одним из тех, кто скажет: «Ничего не вышло, и тебе нужно уйти из группы». Он терпеть не может такого рода конфронтации и не хочет быть палачом или подлецом.

> – Я всегда был кем-то второстепенным, – говорит Джейсон. – Я не помню, чтобы в этой группе меня когда-либо просили написать песни, поэтому я и ушел.

Курт допускает, что также Джейсон мог быть настроен против «изменчивой личности» Курта, подпитываемой алкоголем. Курт считает, что Джейсон ошибочно принял металлические нотки Bleach за истинное направление группы, а не за компромисс, чем это и было на самом деле. Даже Джейсон признает, что предпочитал тяжелые песни вроде Paper Cuts, Sifting и Big Long Now более мелодичному материалу, который создавал Курт. Джейсон никогда не боялся заявить о том, что ему нравится метал.

– Для Курта и Криста это было настоящей занозой в заднице, потому что это было вовсе не круто, – говорит Джейсон. – Но если у группы есть классные песни и классные гитарные риффы, то я ее слушаю.

Джейсон, который к тому же еще и писал песни, хотел вносить больший вклад в их музыку.

– То, что я хотел делать, видимо, было недостаточно простым, и мои идеи были полностью противоположны идеям Курта, – говорит Джейсон. – Видимой музыкальной разницы не было – возможно, это просто было желание все контролировать. В принципе, можно было заменить кого угодно, кроме Курта или Криста, – продолжает Джейсон. – В конце концов, Курт мог бы встать перед любым басистом и барабанщиком и играть свои песни, и звучание не особо отличалось бы.

Они резко отменили оставшиеся семь концертов из своего тура – в основном на Среднем Западе – и целых пятьдесят часов ехали домой в Вашингтон, останавливаясь только чтобы заправиться, съесть пончик или же сходить в туалет. За все это время никто не произнес ни слова, и даже не обмолвился об уходе Джейсона. Сам Джейсон утверждает, что это было его решением.

– Нет, мы не были готовы сказать ему это в лицо, – говорит Крист. – Мы не хотели никого обидеть, и это только усугубляло проблему. Сейчас у нас это получается гораздо лучше, более прямолинейно, и более осознанно, чем тогда.

– Если бы я был в составе группы на тот момент, когда они уже прославились, то скорее всего, взял бы свои деньги и сказал: «До встречи!», – говорит Джейсон. – Я бы сделал все, что хотел. Просто сбежал и делал все, что захочу. Я думаю, что с творческой точки зрения это решение для меня было абсолютно правильным, – говорит Джейсон о своем уходе из группы. – С экономической, возможно, что и нет.

Через две недели Джейсону позвонил Крис Корнелл из Soundgarden и позвал его играть с ними в группе на басу. Он продержался там несколько месяцев, прежде чем его заменил Бен Шепард, и теперь Джейсон играет на гитаре в Mindfunk[65], группе на Megaforce Records. Он говорит, что у него нет никаких обид касательно своего ухода из Nirvana.

– Каждая группа – это странная, извращенная семья, – говорит Джейсон. – Я думаю, что был дважды изгнан умственно отсталым пасынком.

Группа так и не вернула Джейсону шестьсот долларов, которые он одолжил им на запись Bleach.

– Это моральный ущерб, – заявляет Курт.

Курт был одержим великим Ледбелли, чернокожим народным трубадуром тридцатых и сороковых годов, чье прочное музыкальное наследие включает в себя Rock Island Line, Midnight Special и Good Night, Irene. Курт заинтересовался Ледбелли после прочтения статьи Уильяма Берроуза, в которой говорилось что-то вроде: «К черту современный рок-н-ролл. Если вы хотите услышать настоящую страсть, слушайте Ледбелли». У соседа Курта, Слима Муна, была пластинка Ледбелли Last Sessions, и он поставил ее для Курта. Курт был в восторге. Вскоре он начал скупать все пластинки Ледбелли, какие только мог найти.

– Это так сыро и так искренне, – говорит он. – Это действительно священно для меня. Ледбелли – одна из самых важных вещей в моей жизни. Я просто одержим им.

Курт купил все пластинки Ледбелли, которые только смог найти, научился играть его музыку и даже украсил все стены квартиры его картинами. Нетрудно догадаться, почему Курта так влекло к блюзу – экзорцизму психической боли, но также легко понять, почему больше всего его привлекал сам Ледбелли, чья работа выходила за все рамки, элегантный композитор, создавший крепкую, но мелодичную музыку, сочетавшую несколько различных жанров, чья страстная музыка много рассказывала о человеческом опыте. Из Ледбелли и блюза Курт почерпнул идею использовать узнаваемые образы для создания оригинального, почти мистического видения.

Курт подружился с Марком Ланеганом, чья группа Screaming Trees часто выступала в Олимпии. В августе 1989 года Курт и Ланеган решили поработать вместе над некоторыми песнями для сольного альбома Ланегана.

> К сожалению, Курту не особо удавалось писать совместно с кем-то – он все время беспокоился, что придумает что-то, что в итоге захочет использовать для Nirvana, поэтому они решили записать несколько песен Ледбелли с Кристом на басу и Марком Пикерелем из Screaming Trees на барабанах.

Группа записала всего две песни Ледбелли – Where Did you Sleep Last Night? вошла в великолепный сольный альбом Ланегана The Winding Sheet. Курт спел песню Ледбелли Ain't It a Shame. Обе песни должны были быть изданы на студии, но этого не случилось, и Ain't It a Shame так и не вышла в свет. Джонатан Поунман называет ее «одним из лучших вокальных исполнений Курта».

Позже четверка превратилась в неформальную блюзовую

группу. Пикерель хотел назвать ее Jury, а Курт – Lithium. У Поунмана были большие планы на альбом, но по каким-то причинам до записи дело так и не дошло. Курт сосредоточился на гитаре, оставив Ланегану большую часть вокальных партий.

Дилан Карлсон вспоминает, что их лучшей песней была Grey Goose, которую они исполнили в тяжелом, грубом блюзовом стиле.

– Это было почти как наблюдать за тем, как одна из великих английских блюз-рок-групп встает на ноги, – говорит Карлсон. – Это было просто невероятно.

Курт говорит, что хотел бы как-нибудь еще поиграть в блюзовой группе.

> Тем летом Nirvana отрепетировала и отыграла несколько концертов в Сиэтле, потихоньку набирая популярность – исключительно благодаря слухам, поскольку Sub Pop уже давно перестал напрямую продвигать альбом. Они регулярно распродавались в Vogue, и в конце сентября отправились в двухнедельный тур по Среднему Западу, чтобы наверстать упущенные концерты за то время, когда они преждевременно вернулись домой с Джейсоном. С ними поехал помощник Бен Шепард, который вместе с Чэдом играл в парочке групп (Mind Circus и Tick Dolly Row).

Nirvana подумывали о том, чтобы взять Шепарда в состав группы, но, как только разнесся слух о том, что они подумывают взять второго гитариста, члены Screaming Trees, TAD и Mudhoney настойчиво порекомендовали им остаться втроем – еще один гитарист будет попросту засорять звук.

– Я до сих пор сожалею об этом, потому что мне очень нравится этот парень – он бы определенно был хорошим дополнением к нашей группе, – говорит Курт о Шеперде. – Временами он был немного сумасшедшим, но это нормально – я бы предпочел его какому-нибудь угрюмому металлисту.

Вскоре Шепард заменил Джейсона в Soundgarden.

Чем больше город, тем больше толпа зрителей. Самое лучшее шоу было в Blind Pig в Энн-Арборе, штат Мичиган.

– Все были в полном восторге, – говорит Чэд. – Они бесновались, и это было круто.

Группа по-прежнему очень любит играть в этом месте. В Энн-Арборе они взяли интервью у комика Бобкэта Голдтуэйта на местном радиошоу. Курту достаточно было просто упомянуть Сильвестра Сталлоне, как Голдтуэйт пускался в полуторачасовой монолог о том, почему человек, игравший Рэмбо, бежал в

Швейцарию, чтобы избежать призыва на Вьетнамскую войну.

В Миннеаполисе, в самом начале тура, Курт потерял сознание от боли в животе. Крист испугался.

– Его желудок – Боже, Курту уже нечем было блевать, а его все равно рвало, – говорит он. – Как же сильно у него болел живот. Курта отвезли в больницу, но там ему не смогли ничем помочь.

Сразу после возвращения с гастролей Крист и Шелли решили пожениться, и группа начала готовиться к записи материала для нового альбома.

Глава VI
Эти парни станут круче, чем The Beatles!

Группа записала свой мини-альбом Blew в конце лета 1989 года в довольно неплохой студии Music Source на Капитолийском холме Сиэтла, двадцатичетырехтрековой студии, которая специализировалась на рекламных джинглах и саундтреках к фильмам. Продюсером был Стив Фиск. Несмотря на довольно гнусные воспоминаня о концерте в Элленсбурге, Фиск изменил свое мнение о Nirvana после того, как Брюс Пэвитт прислал ему экземпляр Bleach.

– Было очевидно, – говорит Фиск, – что группа довольно хороша.

Группа приехала со своими побитыми инструментами. Фиск вспоминает Чада и его гигантскую установку North.

– У самого маленького парня в группе была самая большая и нелепая ударная установка на Северо-Западе, – говорит Фиск. – Басовый барабан был обмотан целыми милями клейкой ленты, потому что его рубили бас-гитарой, словно топором.

Запись Blew была последним творением, созданным при участии установки North.

Остальное оборудование группы тоже было в плачевном состоянии. Бас Криста слишком часто бывал в воздухе и, очевидно, перенес слишком много аварийных посадок. Датчики были в плачевном состоянии, один из двух динамиков практически полностью разбит, а другой полностью уничтожен. На то, чтобы заставить все это хорошо звучать, ушло очень много времени и понадобилось утроить гитары. (Курт в целом был недоволен записью и позже даже попытался переписать некоторые треки со звукорежиссером Крейгом Монтгомери, но и это не помогло).

– Эти парни хотели, чтобы барабаны звучали как в песнях из Топ-40, – говорит Фиск. – Они говорили это вслух, и знали, что исполняют песню не из Топ-40, но им очень нравилась идея того, что малый барабан будет на переднем плане.

Были записаны Even in His Youth, неизданная Token Eastern Song, электрическая версия Polly и так и оставшиеся незаконченными Stain и Been a Son. Только последние две попали в альбом, в который также входили заглавный трек и Love Buzz, обе взятые из *Bleach*.

Мгновенно запоминающееся двухминутное чудо Been a Son описывает бедственное положение девочки, чьи родители всегда хотели иметь сына. «She should have died when she was born» («Она должна была умереть, когда родилась»), – поет Курт, и его вокал полон совсем не саб-поповских гармоний («Это абсолютно ленноновские гармонии, прямиком из Rubber Soul», – восторгается Фиск). Гранж, поп и чувство неполноценности также сливаются в Stain. Ненависть к себе никогда не звучала так явно, и легко было упустить тот факт, что вся песня – это просто один и тот же куплет, повторяющийся три раза. Другая, более энергичная версия Been a Son (из которой вычеркнули яркое басовое соло Криста) появилась на Incesticide, но версия Stain была родом из сессий Фиска.

Завораживающая Token Eastern Song была ответом на многочисленную критику и замечания о том, что группа зачастую предпочитала восточные стили, как например в Love Buzz. Снимок на задней обложке альбома, странный и выделяющийся снимок смотрового стола врача, был сделан Трейси в кабинете гинеколога вскоре после осмотра.

За записью последовало европейское турне с TAD. Обе группы покинули Сиэтл, чтобы сыграть первый концерт в Ньюкасле, Англия, 20 октября 1989 года. Одиннадцать парней – включая трехсотфунтового гиганта Теда Дойла и все шесть футов и семь дюймов Криста, – сидели в крошечном фургончике «Фиат». Поначалу это вызывало только смех и улыбки, но потом любые мелочи начали раздражать – некоторые курили прямо в автобусе, не всегда спрашивая разрешения у некурящих. В фургоне витал какой-то сумасшедший дух. Один из парней купил на знаменитой гамбургской улице Репербан несколько непристойных журналов. Один из этих журналов оказался копрофилийским[66], и его передавали по всему автобусу. «Обосраться!» – вопил парень снова и снова, падая от смеха. Но для Курта и некоторых других эти шутки были уже не актуальными.

> За сорок два дня они отыграли тридцать шесть концертов. Им не удавалось нормально поесть, и темп был изнурительным. На чертовски неудобных сиденьях было чертовски неудобно спать. Nirvana были недовольны отвратительным оборудованием, состояние которого ухудшалось после каждого выступления, ведь они каждый вечер разбивали его вдребезги, а затем, на следующее утро, ремонтировали в автобусе.

Еще одна трудность заключалась в том, что тур-менеджер всегда настаивал на том, чтобы сразу после прибытия

выдвигаться к месту проведения концерта, и это означало, что у групп не будет возможности хоть немного поспать в гостиничном номере, ожидая своей очереди на настройку. Вместо этого они часами сидели в клубе – замерзшие, голодные и уставшие, собирая акустическую систему.

А у Дойла были хронические проблемы с желудком. По крайней мере раз в день он просил водителя остановиться на шоссе, пока его тошнило. Все в автобусе наблюдали за этим и передразнивали Дойла.

– Он определенно был машиной для рвоты, – вспоминает Чэд. – Нескончаемый тошнотрон.

Курт, который, в отличие от других обитателей автобуса, не курил гашиш, стал очень замкнутым и реагировал на гнусные ситуации либо прикладыванием к алкоголю, либо погружением в мир сна.

– Раньше я действительно наслаждался сном, потому что таким образом мог просто спрятаться от боли, – говорит Курт. – Раньше я постоянно спал. На гастролях, каждый раз, когда мы садились в фургон, я засыпал. Каждый раз, когда мы приходили в клуб и ждали саундчека, мы засыпали. Либо я возвращался в гостиницу и спал, либо же оставался в клубе и спал до тех пор, пока не приходил момент выходить на сцену и возвращаться к реальности.

Крист постоянно был пьян и/или под кайфом, в то время как Чэд, по словам Криста, был немного не в своем уме. Он говорил странными голосами и тому подобное. В свою очередь, Чэд говорит, что *всегда* разговаривал сам с собой – однажды официантка в ресторане, где он работал, застукала его беседующим с лимоном в холодильнике. И он настаивает на том, что из всех людей, участвовавших в турне, он проводил время лучше всех – его кочевое детство было идеальной подготовкой к подобным гастролям.

Группа оказалась не готова к тому, как их встретят в Европе. Британская пресса бредила Nirvana, но группа даже не подозревала, насколько много у нее поклонников – ведь они не получали от британского издателя никаких отчетов о продажах. Практически на все концерты билеты были полностью распроданы, очереди растягивались на целый квартал.

– Это был сумасшедший тур, – говорит Крист, несколько преуменьшая.

Во время первого концерта Крист ударил своим новым басом по сцене от разочарования в своем неисправном усилителе. Шейка грифа отломилась и прошла прямо сквозь один из арендованных Куртом усилителей Twin Reverb. Именно тогда все

пошло под откос.

Они играли в Берлине на следующий день после того, как рухнула стена. Курт разбил свою гитару на шестой песне и ушел.

– Я даже рад, что он это сделал, – говорит Крист. – Я был очень, очень, просто безумно обдолбан.

Курт посылал Трейси много открыток. В одной из них он нарисовал типичный итальянский туалет.

– Там не было воды, – говорит Трейси, – только унитаз с большой вонючей кучей дерьма.

В другой открытке он множество раз написал «я люблю тебя» и подписался своим именем.

По мнению Поунмана, этот тур стал началом конца отношений обеих групп с Sub Pop (позже, в 1992 году TAD подписали контракт с Mechanic Records). В разгар одного из своих печально знаменитых рекламных туров Поунман и Пэвитт появились на шоу в Риме ближе к концу тура. Оглядываясь назад, Поунман понял, что означало их появление.

– Вот TAD и Nirvana разъезжают в этом жалком фургончике, – говорит Поунман, – а вот и магнаты летят в Рим. Мы думали, что оказываем эмоциональную поддержку, а они думали, как мне кажется, что-то вроде: «Эти высокомерные сукины дети… У нас нет денег, нам почти нечего есть, мы катаемся в этом тесном фургоне, у нас жирный вокалист, которого то и дело рвет, у нас тут сумасшедший пьяный басист, и вот идут магнаты».

Неслучайно римское шоу стало негативной кульминацией тура. Акустика была ужасной, как и арендованное оборудование. Полный отвращения к звуку, плохой еде, тесному автобусу, низкой зарплате и бешеному графику, Курт разбил свою гитару на четвертой или пятой песне сета (Spank Thru), ушел со сцены и забрался на колонку.

– У него был нервный срыв прямо на сцене, – говорит Пэвитт. – Он даже собирался спрыгнуть. Вышибалы были в ужасе, и все умоляли его спуститься. А он: «Нет, нет, я хочу прыгнуть». Курт реально дошел до предела… Люди буквально видели перед собой парня, который пошел вразнос и может сломать шею, если не возьмет себя в руки.

Когда ряд колонок закачался, Курт начал карабкаться по стропилам, по пути крича на публику, пока не достиг балкона, где угрожал швырнуть стулом, пока кто-то не отобрал его у Курта. Он оказался за кулисами, где кто-то из сотрудников площадки спорил с их тур-менеджером о том, не сломал ли Курт несколько микрофонов. Курт схватил оба микрофона, швырнул их на землю и начал топтать ногами.

– Теперь они точно сломаны, – сказал он и пошел прочь.

Затем Курт сказал всей команде, что уходит из группы и едет домой, накинул на голову капюшон и разрыдался. Поунман вывел его проветриться.

– Я гулял с ним вокруг клуба, – вспоминает Поунман, – и он говорил: «Я просто хочу домой, я не хочу играть для них, они – гребаные идиоты, они глупы, они хотят, чтобы я выступал перед ними, как цирковое животное. Я их не уважаю. Я хочу быть со своей девушкой и хочу бросить музыку. Это не то, чего я хотел».

Поунман убеждал его, что в следующий раз, когда группа приедет в Европу, условия будут намного лучше.

По словам Курта, первыми словами Поунмана были: «Ну, хорошо, даже если ты уйдешь из Nirvana, мы все равно будем нуждаться в тебе как в сольном исполнителе».

Крист и Чэд тоже на какое-то время покинули группу, но все же решили отыграть последние две недели тура.

На следующий день они сели на поезд до Швейцарии, и, пока Курт спал, у него украли ботинки, бумажник и, самое главное, паспорт.

> – Мне кажется, я никогда не видел человека более несчастного, чем Курт в тот момент, – говорит Поунман. Он каким-то образом попал в Швейцарию и получил новый паспорт через американское посольство. Затем они отправились в музыкальный магазин в Женеве, и Поунман купил Курту новую гитару.

А потом Курт так заболел, что им даже пришлось отменить шоу.

– Ему просто нужно было немного отдохнуть, – говорит Крист. – У меня была поддержка – бухло и гашиш, но он был непреклонным.

Тем временем Чэд демонстрировал спокойствие, подобное буддийскому. Непонятно было, открылось ли ему какое-то духовное просвещение или же он просто на все забил.

Nirvana и TAD объединились с Mudhoney, чтобы 3 декабря в Astoria в Лондоне сыграть последний концерт тура, получивший название Lame Festival. У Nirvana осталась одна паршивая гитара, которая все время отключалась, и Курту приходилось брать паузу, чтобы починить ее.

– Сет Nirvana был довольно хреновым, – говорит барабанщик Mudhoney Дэнни Питерс. Крист был настолько зол, что, держа бас за ремень, крутил им вокруг головы; в конце концов ремень лопнул, гитара полетела прямо в голову Питерсу, и он едва успел отбить ее рукой в сторону.

– Оно было отвратительным, – вспоминает Крист о

выступлении. – По шкале от одного до десяти это был ноль.

Журналист из Melody Maker, писавший об этом концерте, полностью с ним согласился. «Все идет прахом, когда долговязый, похожий на лягушку басист с резиновыми ногами начинает вести себя как придурок, – говорилось в обзоре. – Он *должен* уйти».

«Концерт меня не впечатлил», – говорится в обзоре.

У других остались более теплые воспоминания о выступлении. Брюс Пэвитт оценивает это выступление как одно из лучших в истории Nirvana, а Джонатан Поунман утверждает: «На данный момент это один из тех моментов моей жизни, которыми я больше всего горжусь». Журналист Кит Камерон, работавший тогда с ныне несуществующим британским музыкальным еженедельником Sounds, вспоминает: «Это был один из тех случаев, когда зал был заполнен примерно наполовину к началу выступления, но к концу группа увлекла уже всех присутствующих. Я просто рванул в первые ряды и безумствовал. Это была самая удивительная группа, которую я когда-либо видел».

Камерон продолжает:

– Что меня поразило, так это полная и абсолютная связь, присутствующая между тремя людьми на сцене. Они *жили* на сцене. Порой было даже неуютно за ними наблюдать. Это было потрясающе и волнующе, потому что такова была природа музыки, но присутствовало почти осязаемое чувство опасности, что все это может просто развалиться в любую секунду, но это было не так. И так было на протяжении всего сета – никакого расслабления от первой и до последней ноты.

В самом конце выступления Курт швырнул гитару в Криста, а тот разбил ее своим басом, как бейсбольный мяч. Гитара Курта разлетелась на куски.

– Группы разбивают инструменты, и это не новость, – говорит Камерон, – но почему-то раньше я никогда не видел, чтобы это делалось с какой-то целью. Казалось, что это был идеальный способ закончить это шоу. Возникал вопрос, намеревался ли Курт ударить Криста своей гитарой или так и было запланировано. Создалось впечатление, что это было спонтанно. Здорово было то, что создавалось впечатление, будто они делают это впервые, и это было просто идеально.

Во время визита в Лондон Nirvana сделала сейшн для диджея Радио One DJ Джона Пила, записав Love Buzz, About a Girl, Polly и Spank Thru.

К этому времени британская пресса уже вовсю трубила о том, что группа приехала из сельской, населенной белым мусором Америки. «Они слегка отвратительные и слегка потрясающие, –

гласил один обзор. – Кем еще они могли стать, учитывая то, что эти парни выросли в захолустной деревенской глуши Абердина?» Sub Pop поставил на карту все.

– У нас есть трехсотфунтовый мясник, болтающийся с Куртом-мусорщиком, и у нас есть магнаты – мы будем позировать в костюмах и галстуках, добавляя немного театральности, – говорит Брюс Пэвитт. – Людям это понравилось.

Курту ни капельки не нравилось, когда его изображали этаким умным идиотом-мужланом.

> – Думать обо мне, как о каком-то тупоголовом рокере из Абердина, который слепо нашел путь в Сиэтл и этот хип-лейбл, – говорит Курт, – просто унизительно, особенно если это то, с чем я всю жизнь боролся.

– Они манипулировали людьми, пытаясь собрать это все воедино, – говорит Курт о Пэвитте и Поунмане. – Эти двое получили столько похвалы за то, что были гениями, вдохновителями всего этого, а ведь на самом деле это была совсем не их заслуга. По большей части это было благодаря громким фото Чарльза Питерсона, а не из-за их попыток сделать все возможное, чтобы мы выглядели глупо в интервью. Я всегда обижался на них за это.

Курт считал исповедающий популизм Пэвитта скорее высокомерным, чем выдающимся.

– Было очевидно, что он считал себя образованным белым панк-рокером из высшего среднего класса, который знает все, а я просто идиот из Абердина, – говорит Курт. – Мы всегда это ощущали и ненавидели его за это.

Точно так же они относились и к Поунману.

Честно говоря, Пэвитт и Поунман ухватились за блестящую идею о том, что искусство и культура не должны рождаться и передаваться исключительно через СМИ Нью-Йорка и Лос-Анджелеса. Инди-лейблы доказали, что людям в таких городах, как Миннеаполис, Чикаго и Сиэтл, есть что сказать, как и любому нью-йоркскому журналисту. Для Поунмана и Пэвитта найти кого-то из таких глубин, как Абердин, творящих настоящее искусство, было все равно что сорвать огромный куш.

– Они процветали благодаря этому, – говорит Курт. – И были в восторге от происходящего. Поунман и Пэвитт нашли этих болванов из прибрежного городка, которых могли эксплуатировать или, по крайней мере, использовать в своих интересах. На самом деле они не хотели выяснять, насколько мы умнее, чем кажемся, иначе бы это все испортило.

Курт может поворчать на Sub Pop, но с удовольствием

признает, что лейбл и в частности Джонатан Поунман сыграли в их карьере решающую роль.

– С самого начала поддержка Джонатана была очень и очень ощутима, – говорит Курт. – Он хотел, чтобы мы правили миром.

После гастролей Курт и Чэд отправились домой, а Крист и Шелли полетели в страну, которая до сих пор называлась Югославией, чтобы повидаться с отцом Криста.

Вскоре после возвращения домой в Такому, 30 декабря 1989 года, Крист и Шелли поженились. Церемония, которую проводила знакомая Шелли по работе, проходила в квартире пары в Такоме. Это была маленькая квартира, и в ней было полно народу. Кроме мамы Криста, мамы и отчима Шелли, здесь были Курт и Трейси, Дэн Питерс, большинство парней из TAD, старые друзья и некоторые соседи. Мэтт Лукин был шафером Криста.

– Они поженились, – говорит Лукин, – а потом все напились.

Мероприятие запомнилось тем, что Крист, Курт Дэниелсон и Тэд устроили пьяный поединок по борьбе втроем.

После короткого тура по Калифорнии и нескольких местных концертов группа отправилась в американский тур, который был последним для Чэда. Они взяли игрушечные видеокамеры Pixelvision и снимали видео в фургоне, чтобы скоротать время. Группа наняла трейлер U-Haul – «это был абсолютный прогресс в технологии проведения гастролей», по словам Криста. А еще поставили вместо задних сидений диванчик. Это был важный шаг для группы – теперь весь фургон был в их полном распоряжении. У них также была футболка, на которой была изображена печально известная обложка альбома Джона Леннона и Йоко Оно Two Virgins, только к телам были приклеены лица Брюса Пэвитта и Джонатана Поунмана. Они выступали в клубах, рассчитанных на несколько сотен мест, зарабатывая за концерт по несколько сотен долларов. Группа играла во все тех же клубах, что и раньше, только теперь у них был тур-менеджер, техник и звукорежиссер Крейг Монтгомери, работающий на них полный рабочий день. Поначалу добродушный Монтгомери был немного ошарашен грохотом гитар, но вскоре понял, в чем дело.

> – Это часть определенного кайфа Nirvana, это непредсказуемость, – говорит он. – Если бы у них в то время не было этой ярости, то в другие времена у них не было бы и этой красоты.

К этому времени многие важные люди уже начали говорить о Nirvana. Полубоги инди-сцены Sonic Youth видели группу в туре с Джейсоном и стали их большими поклонниками, горячо

поддерживая ребят в прессе. Басистка Ким Гордон и гитарист Терстон Мур появились на концерте в Нью-Йорке в клубе Pyramid, вместе с человеком из Geffen Гэри Гершем. Кроме них, никому из зрителей группа не понравилась, за исключением Игги Попа, которого привел на концерт фотограф Майкл Лавин. Поп свистел и выкрикивал слова ободрения на весь клуб, хотя на самом деле группа играла плохо. В качестве расплаты за неудачный концерт Крист налысо побрил голову в дешевом мотеле Джерси-Сити, где остановилась группа, но до этого ребята уже начали снимать видео для In Bloom, которое можно найти в подборке Sub Pop, в сборнике под названием Sub Pop Video Network Program One. В некоторых сценах у Криста еще есть волосы, а в некоторых уже нет.

27 апреля, в день рождения Трейси, Курт позвонил ей из Амхерста, штат Массачусетс, чтобы сказать, что не хочет жить вместе, но по-прежнему хочет, чтобы они были парнем и девушкой. Трейси была готова к тому, что случится что-то подобное.

– Последнее время мы начали все чаще и чаще ссориться, – говорит она. – Курт хотел, чтобы я посвятила себя искусству, а у меня попросту не было на это времени. Я ездила час до работы и час обратно. Я всегда поддерживала его, а он не занимался никакой домашней работой. Ему проще было сказать: «Да ладно, оставь это», а я отвечала: «Я не могу это так оставить». Я не могу оставить это на неделю или даже на несколько дней, иначе я просто не выдержу. Я должна убрать, потому что ты этого точно не сделаешь.

Через несколько дней во Флориде они познакомились с парнем, который хотел попасть на Sub Pop и который позволил им провести ночь в роскошной квартире своего отца. В ту ночь они приняли много кислоты и выпили много коктейлей «Том Коллинз».

Помимо прочих невообразимо странных и причудливых поступков Крист поджарил майонез на сковороде. На следующее утро он обнаружил, что идет по подъездной дорожке совершенно голый, лысый и кричит: «Сбросьте свои вещи, как я! Вы недостойны их!» Курт затолкал его обратно в дом, одел, и они выскочили оттуда, прежде чем хозяин квартиры, который все еще был в отключке, не проснется и не увидит весь ущерб, который они нанесли.

Хотя Sub Pop не продвигал Bleach так же усердно, как другие альбомы в то время, он по-прежнему продавался. Альбом рекламировался в течение двух месяцев, а затем, несмотря на

просьбу Курта к лейблу продолжать продавать запись, Sub Pop перешел к новым проектам. Относительно слабое распространение и реклама лейбла стало настоящей проблемой – записи было трудно найти.

– Это типичная история, когда на концертах десять-двадцать детей выходят на сцену и говорят, что они нигде не могут найти нашу пластинку, – говорит Курт. – Это стало очень утомительно. Мы не давали никаких интервью. Мы чувствовали, что заслуживаем немного больше, чем то, что получаем. Мне было бы комфортно играть перед тысячей людей. Это была наша основная цель – вырасти до клуба такого размера, чтобы стать одной из самых популярных альтернативных рок-групп, такие как Sonic Youth.

Курту кажется, что они дали около трех интервью, будучи на студии.

Sub Pop был на грани провала. Лейбл потерпел крах и прогорел из-за плохого управления, а рекламный стиль Поунмана и Пэвитт а высасывал из компании все соки, участники групп совершали набеги на склад и уходили с охапками винилов; лейбл выпускал одну пластинку в неделю, пытаясь удержать у себя под крылом слишком много групп, и теперь, когда крупные лейблы предлагали сиэтлским группам все преимущества крупных лейблов, Sub Pop чувствовал необходимость соответствовать им. Лейбл был на грани банкротства. К лету 1990 года они уже выписывали чеки на сто долларов и были должны деньги всему городу.

– Sub Pop упал на самое дно, – вспоминает Крист. – Это был полный беспорядок. Они очень старались платить нам, поскольку действительно ценили нашу группу, и это здорово, но это было для них слишком обременительно.

Еще сильнее истощили казну лейбла предполагаемые юридические переговоры (ни Пэвитт, ни Поунман не комментируют их по сей день) о дистрибуционных сделках с Columbia Records и Hollywood Records. В какой-то момент Nirvana встретилась с адвокатом Sub Pop, который попытался убедить их, что это хорошая договоренность, но, по мнению Курта и Криста, им просто было разумнее самим выбрать себе собственный лейбл, а не отдавать право выбора кому-то другому.

– Мы решили исключить посредников, – говорит Курт.

Ни один инди-лейбл не мог позволить себе выкупить Nirvana у Sub Pop, а вот Sonic Youth и Dinosaur Jr. – авторитетные группы с безупречной репутацией – решили заключить сделку с другим крупным лейблом. Когда Поунман и Пэвитт узнали об этом, они были серьезно обеспокоены.

– Я могу припомнить всего несколько вещей, которые так же сильно смогли ранить мои чувства, – говорит Пэвитт. – Какое-то время у меня от этого голова шла кругом.

Пэвитт говорит, что они с Поунманом узнали о планах группы только благодаря слухам.

– Это было очевидно, – отвечает Курт. – Мы неделями не отвечали на их телефонные звонки. Каждый раз, когда я разговаривал с Джонатаном, мне казалось, что я ясно дал понять, что в наших отношениях явно была некая неопределенность. Я просто не понимаю, как ты можешь вот так сразу прийти и сказать кому-то нечто подобное. Считаю, что это поступок взрослого человека – сказать кому-то, что ты больше не хочешь иметь с ним ничего общего. Это действительно трудно сделать. Я всегда увольняюсь без предупреждения. Я просто все бросаю и больше уже не прихожу.

Курт восхищался Пэвиттом, потому что у него был настоящий дар находить новую обалденную андеграундную музыку. Взяв альбомы Дэниела Джонстона и The Shags в качестве примирительного жеста, Пэвитт отправился в квартиру Курта в Олимпии, чтобы попытаться уговорить его заключить новый, более серьезный контракт.

– Впервые Брюс показался мне настоящим человеком, – говорит Курт. – Каждый раз, когда я встречался с ним, наш разговор был очень ограниченным, и мы никогда не разговаривали друг с другом просто по-человечески. Кроме того, я почувствовал некоторую обиду, почему именно в тот момент он решил обращаться со мной как с человеком, а не как с жертвой, как обычно было каждый раз, когда я приходил в его офис?

Разговор длился пять напряженных часов. «У меня на лбу даже выступили капельки пота и все такое», – вспоминает Пэвитт. Но Курт так и не смог заставить себя сказать Пэвитту, что он твердо уверен, что больше не хочет работать с Sub Pop. Через несколько дней Крист дал Sub Pop окончательный ответ. Они уходили.

> – Мне было очень плохо, – говорит Курт. – Я чувствовал себя виноватым, потому что все еще хотел работать с ними и знал, что эти люди думают так же. В то время я чувствовал себя врагом. Но тем не менее Пэвитт не собирался делать ничего, чтобы заставить меня передумать. Было слишком рискованно.

К августу менеджер Soundgarden Сьюзан Сильвер познакомила их с адвокатом Аланом Минцем из влиятельной фирмы Ziffren, Brittenham & Branca. Минц уже организовал

выдающиеся сделки для Jane's Addiction и Faith No More. Charisma, Slash и Capitol – все они очень хотели заполучить группу. MCA отправила ее в Лос-Анджелес, а своего представителя – в Сиэтл. Стив Просс из отдела A&R лейбла Island уже гонялся за Nirvana, но группа была совершенно не заинтересована в Island.

Лейблы были в восторге от кассеты, которую группа записала в начале апреля 1990 года на студии Smart Studios в Мэдисоне, штат Висконсин, где жил ветеран андеграунда Бутч Виг, необычайно приятный человек, получивший высокую оценку за свою жесткую, но производительную работу над альбомами Killdozer, The Laughing Hyenas, The Fluid и Smashing Pumpkins, а также выпускавший пластинки для таких лейблов, как Touch & Go, Mammoth, Twin/Tone и Amphetamine Reptile. Он также продюсировал прекрасный альбом TAD *8 Way Santa*. Виг начинал с более попсовых записей, но блестяще адаптировался к середине восьмидесятых годов к инди-буму с его резкими звуками и урезанными бюджетами для записи. Перед Вигом Джонатан Поунман разрекламировал Nirvana: «Эти парни будут круче, чем The Beatles!»

Курт был очень спокоен и предоставил право вести диалог Кристу. Тот дал понять, что группа хочет иметь тяжелое звучание. Виг заметил явное напряжение между Куртом и Чэдом, который не мог сделать то, что хотел Курт.

Они потратили неделю, записывая семь песен для того, что должно было стать их вторым альбомом для Sub Pop, но, по сути, стало демолентой, которой они собирались подкупить крупные лейблы. Аранжировки практически идентичны с версиями *Nevermind* — по сути, версия Polly схожа с той, которая появляется на Nevermind, хотя и ремиксована. Breed тогда называлась Imodium (в честь лекарства от диареи, которое Тэд принимал во время европейского тура). Stay Away изначально называлась Pay to Play, и ее текст немного отличался, в нем была впечатляющая отдача и истошный крик. Также на Smart были записаны In Bloom, Dive и Lithium, которая начиналась с игры Курта на такой же расстроенной акустической гитаре, что и в Polly, которая медленно затихает к концу песни. Они также попытались еще раз исполнить Sappy, очень запоминающуюся мелодию о романтической ловушке.

Виг был идеальным продюсером для этого проекта. Он мог издавать отвратительные звуки, но в тоже время он был самопровозглашенным «поп-занудой». На инди-сцене такая мелодичная и легко запоминающаяся музыка, как эта, была под запретом. Почти по определению андеграундная музыка не

должна была вот так просто взять и понравиться. Запись на Smart была смелым шагом, таким же смелым и экспериментальным, как и любой шумный ANGST-фестиваль.

– Я думаю, что это скорее поп-песни, – сказал Курт одному британскому журналу. – В новом альбоме нет таких диких и тяжелых песен, как Paper Cuts или Sifting. Это слишком скучно. Я бы предпочел что-то действительно цепляющее.

И написание песен, и их запись происходило не так стремительно, как для Bleach, поэтому у Курта было много времени, чтобы отточить и отполировать все песни.

> – Я наконец-то пришел к правильной пропорции смешивания поп-музыки и нашей тяжелой составляющей, – говорит Курт. – Получалось довольно неплохо, судя по отзывам наших друзей и других групп. Все говорили, что это действительно круто. Я могу сказать, что новые песни были более продвинутыми, чем Bleach.

Но Курт и Крист были все больше недовольны игрой Чэда. На этот раз у Курта было достаточно времени, чтобы убедиться, что Чэд играет те партии, которым он его научил во время малобюджетных студийных сессий Bleach. Чэд уже был замечен за тем, что менял партии втихую, но не было времени спорить или делать еще один дубль.

– Я действительно надеялся, что смогу стать частью происходящего, – говорит Чэд, – по крайней мере, я хотел иметь возможность решать, как должны звучать мои собственные барабаны. Я хотел немного больше принимать участия в работе и чувствовать, что я действительно что-то делаю. Я все еще был рад работать над альбомом, но мне хотелось быть его частью. В тот момент я понял, что это действительно шоу Курта, и все, что он говорит, выполняется без всяких вопросов.

Чэд, помимо игры на гитаре, басу и скрипке, также писал песни и хотел внести свой вклад в деятельность группы. Но даже несмотря на то, что он увлекался по большей части той же музыкой, что и Крист и Курт, – Young Marble Giants, Beatles, Scratch Acid и Butthole Surfers, – его стиль написания песен был определен звучанием острова Бейнбридж (который он помогал создать до прихода в Nirvana) – ультрачудной, сельский, смутно прогрессивный рок.

– Эльфийская музыка, – говорит Курт. – Ты просто вздрагиваешь от того, насколько это нелепо и глупо.

Курт говорит, что они были открыты для нового материала, но музыка Чэда не подходила группе.

– Она не подходила, – говорит Курт, – и о ней больше нечего сказать. Это было очень грустно, потому что Чэд не чувствовал, что он – часть группы, поскольку не мог ничего привнести в нее.

И вот Чэд стал жить в соответствии с освященной веками шуткой рок-биза. Вопрос: «Что было последним, что сказал барабанщик перед тем, как его уволили?» Ответ: «Эй, ребята, я написал несколько песен и хочу, чтобы мы их сыграли!»

К концу мая, когда тур по США подошел к концу, Nirvana начала привлекать внимание крупных лейблов. Бутлеги[67] демоверсий распространялись по музыкальной индустрии, и даже несмотря на то что они не были так же отшлифованы, как готовые записи *Nevermind*, было очень мощно. По иронии судьбы, Sub Pop, вероятно, помог распространить шумиху о Nirvana, рекламируя группу как ценный экземпляр для лейблов, с которыми они хотели заключить дистрибуторское соглашение.

И тогда Курт и Крист решили исключить из группы Чэда Ченнинга. Нервные и грустные, они тридцать пять минут ехали на пароме из Сиэтла в дом Чэда на острове Бейнбридж, чтобы сообщить ему эту новость.

Они поговорили с ним – в основном говорил Крист, – обняли его на прощание и ушли.

– У меня было такое чувство, будто я только что кого-то убил, – говорит Курт.

Чэд считает, что его не исключили, а он ушел сам.

– Мы немного поговорили, и я просто сказал им, что это то, что я чувствую, и они это знали, – говорит он. – Не то чтобы мы не ладили – чисто по-человечески мы всегда находили общий язык. Проблема была в музыкальных разногласиях, вот что дало трещину. Тут и настал конец. Я никогда не ощущал себя полноценной частью группы, я чувствовал себя просто барабанщиком. Я подумал, почему бы им не обзавестись драм-машиной и не покончить с этим. Ее можно будет запрограммировать и делать все, что им захочется.

– Иногда я просто жалел Чэда, – говорит Брюс Пэвитт. – Это сразу видно… Мне казалось, что они не слишком уважают его.

Хотя Курт и считал Чэда очень хорошим парнем, он никогда не ладил с ним. Курт подозревает, что Чэд не ладил с ним по тем же причинам, что и Джейсон. Курт все еще был склонен к «изменчивости» – напивался и превращался в того самого «негативного слизняка».

– Я просто пытался быть панк-рокером или кем-то в этом роде, – признается Курт. – У меня был ужасный комплекс Джонни Роттена.

Чэд, привыкший к мягкой, квазихипповской сцене на острове

Бейнбридж, не мог положительно относиться к такому саркастичному пессимисту.

Курт по-прежнему был откровенно осуждающим, быстро указывал на недостатки людей, что вызывало недовольство Чэда. Курт знал, что у него есть проблема, и изо всех сил старался сдерживать себя, но у него не всегда это получалось, особенно когда речь заходила об их bete noire[68], грубой сиэтлской сладж-рок-группе Bloody Circus, чей ранний успех сбил с толку Курта и Криста.

> – Я не мог поладить с Чэдом, потому что практически ничего не мог сказать, не обидев его, – говорит Курт. – Мне казалось, что он осуждает меня за то, что я осуждаю других людей.

Их взаимная неприязнь росла, хотя они никогда не говорили о ней вслух. «Вот засранец», – думал про себя Чэд. «Ну и хиппи», – думал Курт.

Курт много лет играл на барабанах, и поэтому был очень разборчив в игре. Он был невысокого мнения об уровне игры Чэда, и это еще больше разжигало его враждебность.

– Чэд не очень хорошо держал темп, да и в целом был не очень сильным барабанщиком, – говорит Курт.

Чэд ему нравился гораздо больше, чем любой другой барабанщик, поэтому он советовал ему брать уроки игры, чтобы тот мог совершенствоваться. Курт также говорит, что Чэд быстро уставал и делал все больше и больше ошибок, если сет затягивался; часто случались бесконечные задержки, пока Чэд перенастраивал свои барабаны, хотя Курт настаивает, что на самом деле в это время он отдыхал.

– Иногда случались странные вещи, – говорит Крист. – Он будто погружался в другое измерение – и барабанов больше не было. Помню, как я посмотрел на Курта, а Курт посмотрел на меня: «И что это за херня?»

– С этого и началось разбивание инструментов, – говорит Курт. – Я так разозлился на Чэда, что прыгнул в барабанную установку, а потом разбил свою гитару.

Ранние видеозаписи группы показывают, что выступления часто заканчивались тем, что кто-то бросал в Чэда гитару или гитарный футляр, а вскоре после этого Курт и/или Крист ныряли в барабанную установку.

Крист все еще с неохотой объясняет, почему Чэда исключили. Сначала он списывает это на старые добрые музыкальные разногласия.

– Он вроде как хотел заниматься своим делом, – говорит

Крист и добавляет, что Чэд по своей натуре был «легким, джазовым» барабанщиком и ему пришлось изменить свой стиль, чтобы играть в Nirvana. А им нужен был настоящий громила. Но на демо Вига Чэд бил очень мощно, и, по правде говоря, Дэйв Грол на Nevermind фактически продублировал все его партии.

– Мы прошли через многое вместе со всем этим успехом, давлением и всем остальным, – продолжает Крист. – Я рад, что Чэду не пришлось проходить через это, потому что… – и он замолкает. – С Чэдом всегда было как-то неловко. Это было странно. Но я нисколько об этом не жалею. Он просто хотел заниматься своими делами. У него была другая точка зрения. Во многих случаях она была лучше. Гораздо более объективная, невинная и по-настоящему хорошая. Мы собирались сделать большой шаг – подписать контракт с крупным лейблом, – и он не подходил нам. Это было бы просто неправильно.

> – Даже сейчас, когда я это вижу, – говорит Чэд, – я ни о чем не жалею. Возможно, я был бы чертовски богат, но был бы я счастлив?

Вот это и есть главный вопрос.

– Это немного странно, – продолжает он. – Я имею в виду, что я мог бы быть там, но меня там нет. Но в то же время я рад за них. Я бы расстроился, если бы все закончилось и группа распалась. Я надеюсь, что они получают удовольствие и что давление на них будет не слишком велико.

Кажется, что негатива почти нет.

– В целом, я очень люблю этого парня, – говорит Курт. – Я восхищаюсь им, потому что он действительно доволен тем, какой он есть. Он кажется по-настоящему счастливым человеком, и он всегда им был.

Сейчас Чэд играет в прекрасной группе под названием Fire Ants и даже заработал кругленькую сумму на гонорарах за Bleach и Incesticide.

Лишившись барабанщика, они отменили намеченный на март 1990 года тур по Великобритании и попросили Дейла Кровера принять участие в семидневном туре по западному побережью с Sonic Youth в середине августа. Кровер согласился играть, но при одном условии.

– Я сказал им: что бы вы ни делали, не прыгайте в мою барабанную установку. Они не только выполнили эту просьбу, но даже не разбили ни одной гитары во время тура. Я рад, что все обошлось, – говорит Кровер. – Я уже видел, как они ломают инструменты, и думал, что это не очень приятно. Когда Курт пытается сломать гитару – это занимает у него примерно

пятнадцать минут. А когда он заканчивает, это становится вроде как большим делом. Я думаю, что это убийство гитары. Мне кажется, что у гитар есть душа. Я вообще не считаю, что это круто. У инструментов есть душа – зачем вам убивать гитару? По-моему, это бессмысленно. Вы что, никогда не видели The Who, ребята?

* * *

Курт и Трейси продолжали жить вместе больше месяца, пока Трейси не смогла заработать достаточно денег, чтобы купить квартиру в Такоме, ближе к работе. Но Курт редко бывал там. Обычно он останавливался в доме Тоби Вейл, одной из немногих своих подруг.

Курт говорит, что за все гастроли Nirvana спал в общей сложности с двумя женщинами. Возможно, он извлек урок из инцидента, произошедшего во время второго тура группы по США. Поняв, что их аудитория на пикнике в Айове была в основном «братишками-спортсменами», Курт выпил большой кувшин Лонг-Айленд-айс-ти во время довольно неорганизованного выступления. Потом все они, спотыкаясь, добрались до чьего-то дома и провели там ночь. Курт познакомился с девушкой.

– Мы занимались сексом в фургоне перед домом, и я проснулся утром от звука бьющегося стекла, – говорит Курт. – Оказалось, это ее бойфренд молотком выбивал стекла фургона. Мы были совершенно голые, засыпанные стеклом и думали о том, что же нам делать. Он ходил вокруг фургона и кричал: «Сука, сука! Убью!» Но потом убежал.

Курт искал такую же энергичную и артистичную девушку, как Тоби. У нее был свой собственный фэнзин, и она вместе со своей подругой Кэтлин Ханна помогла основать движение Riot Grrrl, группу молодых женщин, посвятивших себя расширению прав и возможностей женщин через музыку, фэнзины и, в конце концов, национальные СМИ. С подачи Тоби Курт начал исследовать феминизм и другие социальные и политические явления.

> – Я думал, что снова влюбился, – говорит Курт, – но это было просто принятие желаемого за действительное.

Через пару месяцев после сессий на Smart Крист позвонил Бутчу Вигу и спросил его, не хотелось бы ему когда-нибудь выпустить с ними альбом для крупного лейбла. Виг согласился.

Тем временем, вернувшись в Sub Pop, Джонатан Поунман

захотел выпустить еще один сингл Nirvana. Dive, предназначенный для Б-стороны пластинки, отобранный из записей Вига. Dive воспроизводил лучшие элементы Bleach – скрежещущий гитарный звук, высокий, отчаянно рычащий вокал, восхитительно свинцовый рифф. Это была поп-музыка, но очень, очень тяжелая поп-музыка. «Dive in me!» («Нырни в меня!») – кричал Курт. Что касается стороны А, Курт хотел воспользоваться тем, что TAD писались у Джека Эндино, и записать песню, пока Тэд был на обеде. Тэду Дойлу идея совершенно не понравилась, но Эндино удалось уговорить его. За один час 11 июля 1990 года они сделали основу для Sliver, используя барабаны, бас и гитару Тэда.

В записи Sliver участвовал барабанщик Mudhoney Дэн Питерс, который был в отпуске, в то время как гитарист Стив Тернер решал, хочет ли он получить степень магистра. Группа прослушала пару барабанщиков до Питерса, уже ветерана многих сиэтлских групп, приветливого парня, известного своим полетом и мощными ударами. Он слышал, что Nirvana ищет барабанщика, столкнулся с Шелли в баре и попросил ее передать группе, что он свободен.

Вскоре они начали играть с Питерсом.

– Определенно было приятно играть с кем-то ритмически компетентным, – говорит Курт. – Но это было не совсем то, что нам нужно.

Для репетиции Курт приехал в Сиэтл из Олимпии, а Крист из Такомы, и они репетировали в очень грязной репетиционной комнате Питерса в промышленном здании в Южном Сиэтле (первая Авеню Саут и Спокан-стрит), известном как The Dutchman, «Голландец», в той самой комнате, где до и после них репетировали бесчисленные группы, и среди них ранние группы, такие как Bundle of Hiss, Feast и Room Nine, а также Screaming Trees, TAD, Love Battery и Seven Year Bitch.

Если у гранжа и было место рождения, то оно определенно было именно здесь. Репетиции были короткими и продуктивными, разговоров было мало.

Если говорить о барабанах, Курт и Крист принадлежали к школе «чем больше, тем лучше», а у Питерса была великолепно звучащая, но маленькая ударная установка, которая не справлялась со звуковым натиском.

– Я репетировал с ними, и усилитель был выкручен на десятку, – говорит Питерс. – Они всегда возмущались: «Я не слышу эти барабаны». О'кей, какого хрена ты не слышишь барабаны? «Я не слышу даже барабанной дроби!»

Однажды Курт и Крист принесли Питерсу огромную, но

ветхую барабанную установку. Исходя из того, что именно нужно было играть, Питерс взял только бас-барабан.

– Если бы я знал, что они настолько серьезно к этому относятся, я бы как-нибудь раздобыл другую ударную установку, – говорит Питерс. – Но на этом большом куске дерьма я не стал бы играть.

Питерс начал понимать, к чему все идет.

Тем не менее он играл Sliver, ключевой трек в репертуаре Nirvana. Как и многие песни Курта, Sliver кажется автобиографичной. Песня рассказывает о мальчике, который остается с бабушкой и дедушкой на вечер, пока его мать уходит по своим делам. Он не может есть, он не хочет играть, он просто хочет домой. Мальчик засыпает и просыпается в объятиях матери. Даже обложка сингла представляет собой изображение прозрачного человека, как бы говоря о том, что песня позволила слушателю видеть Курта насквозь.

Песня была написана на репетиции вместе с Питерсом. Они собрались всего за несколько минут, и Курт придумал текст в характерном для него стиле, а затем песню сразу же записали.

– Между Дэнни, Кристом и мной определенно была химия, – говорит Курт. – Вместе мы могли бы написать несколько действительно хороших песен.

Это был своего рода эксперимент.

> – Я решил, что хочу написать самую смешную поп-песню, которую когда-либо писал, – говорит Курт. – В каком-то смысле это было похоже на заявление. Я должен был написать настоящую поп-песню и выпустить ее на сингле, чтобы подготовить людей к следующей записи. Я хотел написать больше таких песен.

В тот момент Курт слушал много поп-ориентированной музыки, в том числе легендарную сиэтлскую гаражную группу The Sonics и The Smithereens; он также погрузился в музыку R.E.M.

Это была самая лирическая песня из всех, написанных Куртом.

– Это одна из самых простых для понимания песен, потому что она такая, какая есть, – говорит он, подразумевая, что недоумевает, почему люди не понимают его более абстрактные песни так же легко. – Вот почему я предпочитаю такое не писать. Мне не нравятся вещи, которые настолько очевидны.

Единственным неуловимым аспектом песни является название, которое, по словам Курта, он выбрал, потому что «у меня было чувство, что, если я назову ее Sliver (щепка), большинство будут называть ее Silver (серебро)». Курт по-

прежнему очень доволен всем, что связано с этим треком.

– Он полон наивности, – говорит он. – Этот трек был создан так быстро, грубо и идеально, что я не думаю, что мы смогли бы это повторить, если бы решили перезаписать его. Это одна из тех записей, которые случились спонтанно, и даже не стоит пытаться их повторить.

Трек обладал той инфантильностью, которую Курт любил в группах, услышанных на K Records, таких как Beat Happening и Young Marble Giants.

Многие, в том числе и Венди, считают песню автобиографичной, но Курт говорит, что не помнит, чтобы боялся идти в дом своих бабушки и дедушки. Здесь он может лукавить, потому что истинный смысл песни – это страдальческий крик ребенка, воссоединяющегося со своей матерью.

Песня также указывала на новое направление написания песен. Она была достаточно гранжевой, но в то же время песня была очень сильно противопоставлена той рок-музыке, которую группа играла до сих пор. (К концу семидюймового издания Sliver прикреплен веселый обрывок разговора между Джонатаном Поунманом и только что проснувшимся и очень похмельным Кристом Новоселичем. Однажды днем Крист случайно записал этот разговор на автоответчик.)

Питерс сыграл один концерт с Nirvana, шоу 22 сентября в гараже Motor Sports International – бывшем паркинге (теперь разрушенном) на улицах Минор и Хауэлл. Nirvana были хедлайнерами после Dwarves[69] и после своих бывших наставников, The Melvins. В зале было пятнадцать сотен человек, и на тот момент это было их самое большое шоу в Сиэтле. Группа дебютировала несколькими песнями с демозаписи Вига, включая Pay to Play, Imodium и In Bloom. В зале не было вообще никакой охраны, поэтому люди поднимались на сцену и ныряли с нее в толпу, успевая перед этим случайно испортить почти каждую песню, опрокинуть микрофон или толкнуть музыканта. Это было просто безумие.

В зале присутствовал Дэйв Грол.

Глава VII
– Есть хочешь? – Да

Дэвид Эрик Грол родился 14 января 1969 года в Уоррене, штат Огайо, в семье Джеймса и Вирджинии Грол. В то время его отец работал журналистом в газете «Скриппс-Говард», а мать преподавала английский в старших классах. У Дэйва есть сестра Лиза, на три года старше его. Гролы покинули Колумбус, штат Огайо, и переехали в Спрингфилд, штат Вирджиния, когда Дэйву было три года. Когда ему было шесть лет, они развелись.

> – Мои мать и отец по большей части были полной противоположностью друг друга – он настоящий консерватор, аккуратный, этакий настоящий вашингтонец, а мать больше либеральная, свободомыслящая, творческая личность, – говорит Дэйв. Развод не сильно повлиял на Дэйва, возможно потому, что он в то время был еще слишком мал.

Дэйва вырастила мама, которую он обожает.

– Она самая невероятная женщина в мире, – говорит он, явно преисполненный гордости. – Она такая замечательная. Сильная, независимая, милая, умная, забавная, она просто самая лучшая.

Растить двух детей на алименты и скромную зарплату школьного учителя было нелегко.

– Были трудные времена, когда мы ели на ужин сэндвичи с арахисовым маслом и маринованными огурцами, – вспоминает Дэйв.

В детстве Дэйв профессионально выступал в вашингтонской театральной труппе, но его главной любовью была музыка. Когда Дэйву было десять лет, он вместе со своим приятелем Ларри создал небольшой дуэт под названием H. G. Hancock Band. Они сочиняли песни, и Дэйв играл на гитаре с одной струной, а Ларри колотил по кастрюлям и сковородкам.

Дэйв начал играть на гитаре, когда ему было двенадцать, и брал уроки на протяжении нескольких лет. Он писал песни о своих друзьях или собаке и записывал на бумбокс, а затем снова ставил кассету, с помощью стереозвука записывая на бумбоксе барабанные партии.

В конце концов ему надоело учиться, и он просто играл в местных группах, делая типичные каверы Rolling Stones и The Beatles. Дэйв еще не открыл для себя панк-рок, хотя уже

почувствовал вкус новой волны от того же появления B-52 в Saturday Night Live[70], которое видел Курт. Он пошел и купил знаменитые клетчатые кеды Vans, а также пластинки B-52 и Devo, но это не подготовило Дэйва к тому моменту, когда он приехал к своей кузине Трейси, которая жила в Эванстоне, штат Иллинойс, летом 1982 года, когда Дэйву было тринадцать.

Когда Дэйв и его сестра Лиза вошли в дверь, его тетя позвала Трейси вниз.

– Трейси начинает спускаться по лестнице, и я замечаю, что она абсолютный панк, – говорит Дэйв. – Штаны с ремнями, цепи и разрезы, и мы такие – вау! Трейси теперь панк!

Все лето Трейси водила Дэйва и Лизу на панк-концерты, где выступали такие группы, как Naked Raygun, Rights of the Accused, Channel Three и Violent Apathy.

– С этого момента мы и стали панками, – говорит Дэйв. – Мы пошли домой, купили Maximumrocknroll и попытались разобраться во всем этом.

> Панк согласился с Дэйвом. Ему нравилось быть «просто маленьким панком, болтающимся по городу и немного брошенным». Наверное, в этом и была одна из причин привлекательности панка – возможность быть бездельником. Еще одна причина – это энергичность музыки.

– Я был сверхгиперактивным, – говорит Дэйв (хотя и не настолько гиперактивным, чтобы принимать риталин).

Представители среднего класса Спрингфилда были более терпимы к панк-року, чем жители Абердина. У Дэйва всегда были «хорошие, крутые» друзья. Он был достаточно популярен, чтобы его избрали главой класса в первый год обучения в средней школе Томаса Джефферсона в Александрии, штат Вирджиния. Перед тем как делать утренние объявления по школьному интеркому, он угощал всех небольшим взрывом Circle Jerks[71] или Bad Brains[72].

Так же, как Крист и Курт, Дэйв в старших классах принимал наркотики.

– Я курил слишком много травки, – печально говорит Дэйв. – Это единственное, за что я себя по-настоящему виню, потому что я серьезно обжегся – очень сильно. В период с пятнадцати до двадцати лет я курил четыре-пять раз в день, и в довольно больших дозах. Каждый день моей жизни. Ты постепенно сгораешь. Ты не ощущаешь себя выжженным, пока куришь, но как только прекращаешь, то понимаешь, что что-то потерял.

Травка начала влиять на его успеваемость, поэтому они с

матерью решили, что он будет посещать католическую школу Епископа Иритона. В это же время он пришел к выводу, что барабанщик его «плохой панк-группы» Freak Baby настолько плох, что он и сам сможет отыграть гораздо лучше. Он мог сесть за барабаны и немного постучать после тренировки, но большая часть его самообразования на барабанах проходила классическим способом. В своей спальне Дэйв использовал стул в качестве хай-хета[73], книгу вместо малого барабана, а кровать – вместо том-томов и играл под музыку таких хардкор-групп, как Minor Threat, DRI и Bad Brains.

Выгнав из Freak Baby басиста, барабанщик переключился на бас, а Дэйв – на барабаны. Они сменили название на Mission Impossible и играли быстрый хардкор-панк, настолько быстрый, что в конце концов они поменяли название на Fast. Эта группа распалась в 1986 году.

Для Дэйва, пригородного торчка, было нормальным увлечься Led Zeppelin. Еще более нормальным было начать копировать классические приемы барабанщиика Led Zeppelin Джона Бонэма.

– Я подражал ему как сумасшедший, а потом разобрался в этом странном заикающемся звуке бас-бочки в Kashmir, и это открыло передо мной миллион новых дверей, – говорит Дэйв. – Когда пытаешься что-то позаимствовать у разных барабанщиков – от Bad Brains до Джона Бонэма и барабанщика Devo, то в итоге в голове образуется каша, а я превращаюсь в одного большого плагиатора!

После Fast Дэйв играл в группе под названием Dain Bramage, которая смешивала хардкор-панк со звуками авантюрных пре— и пост-панк-групп, таких как Television и Mission of Burma.

– Все нас просто ненавидели, – говорит Дэйв.

Догматическая хардкорная сцена не слишком хорошо воспринимала внешние влияния (за исключением регги), и Dain Bramage выступали нечасто, поскольку не сотрудничали с базирующемся в округе Колумбия инди-лейблом Dischord, соучредителем которого был Иэн Маккей из Minor Threat (а позже Fugazi), который был в то время единственной площадкой города для хардкорных групп.

В шутку Дэйв поначалу разместил логотип Бонэма с тремя кругами на передней части своего бас-барабана; позже он сделал татуировку логотипа на своей руке, затем его разные вариации на запястье, а затем на другой руке. У него также есть самодельная татуировка на предплечье с логотипом Black Flag, которую он сделал, когда ему было тринадцать.

Дэйв долго восхищался местной вашингтонской хардкорной группой Scream, которая уже выпустила несколько пластинок на

Dischord, а потом он увидел в местной музыкальной газете объявление о том, что Scream ищет барабанщика.

– Я думал, что стоит попробовать, хотя бы ради того, чтобы потом рассказать своим друзьям, что я джемовал со Scream, – говорит Дэйв.

Он позвонил им, но из группы ему так и не перезвонили, потому что Дэйв был слишком молод, хоть он и сказал им, что ему девятнадцать, а на самом деле ему было всего шестнадцать. Наконец Дэйв попал на прослушивание, и после нескольких джемов Scream позвали Дэйва в группу. Дэйв сказал, что предан Dain Bramage, но через пару месяцев снова связался с ними и убедил их взять его на работу.

Дэйв бросил старшую школу в конце первого года.

– Мне было семнадцать, и я очень хотел посмотреть мир и поиграть, и именно это я и сделал, – говорит Дэйв. – Я очень рад, что сделал такой выбор.

Но все-таки он собирается когда-нибудь поступить в колледж.

Немного позже, когда Венди Кобейн встретилась с Вирджинией Грол в Нью-Йорке перед выступлением Nirvana на Saturday Night Live, они сопоставили заметки о своих сыновьях.

> – Мы поразились тому, насколько они похожи, – говорит Венди. – Они словно близнецы, которых каким-то образом разлучили.

– Я вообще этого не замечаю, – говорит Дэйв, а потом добавляет, – хотя, возможно, в этом есть доля правды, ведь я помню, как в первый раз вошел в дом, где вырос Курт, и мы поднялись наверх, в его комнату, и там на стене был нарисован мозг с маленьким вопросительным знаком, а ведь я когда-то накурился и нарисовал такой же маленький мозг с вопросительным знаком. Примерно в седьмом или восьмом классе. Когда я увидел этот рисунок, то подумал, что это немного странно. И мы оба те еще неряхи.

Дэйв должен был пойти в вечернюю школу, но вместо этого спустил все учебные деньги на травку. Он репетировал со Scream в течение шести месяцев, а затем в октябре 1987 года группа отправилась в двухмесячный тур по США.

– Гастроли со Scream были такими забавными – это был своего рода урок жизни, – говорит Дэйв. – Учишься планировать свой бюджет, состоящий из семи долларов в день. Было три приема пищи или даже два, и если хотелось купить травку, то нужно было как-то экономить или же попросить суточные за следующие три дня вперед. Не получалось покупать сигареты чаще, чем три раза в неделю, а если была необходимсть, то нужно

было торговаться. Я никогда раньше не видел страну. Все было чертовски панково.

Дэйв стал большим поклонником The Melvins после того, как увидел их выступление, открывающее концерт хардкорных групп в Вашингтоне. Scream были на гастролях в Мемфисе, когда он прочитал в Maximumrocknroll, что The Melvins снова собрались после короткого расставания. Дэйв купил открытку с Элвисом, и ему удалось добыть автограф Вестера, дяди Элвиса. Он послал эту открытку The Melvins в Сан-Франциско и спросил, не приедут ли они туда на концерт Scream. В ночь перед концертом Дэйв узнал, что Scream и The Melvins будут играть на одной площадке. Дэйв подружился с The Melvins, они обменялись адресами и стали переписываться.

Вернувшись в Сан-Франциско во время очередного тура, после выступления The Melvins Дэйв отправился за кулисы, где болтались Курт и Крист. Они приехали в город, чтобы порепетировать с Дейлом Кровером перед туром 1990 года с Sonic Youth по Западному побережью.

– Я помню, как Курт сидел в этом кресле и выглядел злым, – вспоминает Дэйв, – в то время как Крист был громким и возбужденным. «Кто этот парень?» – спросил Дэйв у Осборна. Он так и не заговорил ни с кем из них.

Во время одной из своих вылазок в Лос-Анджелес для встреч с лейблами Курт и Крист остановились в Сан-Франциско, чтобы пообщаться с The Melvins, которые сказали им, что в I-Beam играет отличная хардкор-группа под названием Scream. Они пошли на концерт, и барабанщик их мгновенно поразил. «Боже, какой крутой ударник, – подумал Крист. – Жаль, что он не в нашей группе».

Дэйв записал один студийный и два концертных альбома со Scream, которые превратились в одну из самых взрывных хардкорных групп Америки, и гастролировал по США и Европе до середины сентября 1990 года, когда басист Скитер внезапно покинул группу из-за «проблем с девушкой». Застряв в Лос-Анджелесе без денег, Дэйв позвонил своему другу Баззу Осборну.

Осборн знал, что Курту и Кристу нравится игра Дэйва на барабанах, и позвонил Кристу, чтобы сообщить, что тот дал ему свой номер телефона. Когда Дэйв позвонил, Крист был в восторге, но чувствовал, что обязан задать Дэйву по крайней мере несколько вопросов, прежде чем продолжить. Дэйв слушал правильные группы, и Крист пригласил его в Сиэтл.

Дэйв впервые услышал Nirvana во время одного из частых европейских туров Scream.

– Смотришь на обложку Bleach, – говорит он, – и думаешь,

что это здоровенные небритые пьющие лесорубы. На обложке они выглядят довольно мерзко, почти как металлическая группа, но с какой-то странной отсталостью.

Он подумал, что в их звучании есть что-то общее с The Melvins, что его вполне устраивало.

Дэйв разобрал свои барабаны, сложил в одну большую картонную коробку и полетел в Сиэтл с одной лишь сумкой одежды. Курт и Крист встретили его в аэропорту Сиэтл/Такома и отправились в Такому. Чтобы разрядить обстановку, Дэйв предложил Курту яблоко.

– Нет, спасибо, – ответил Курт. – У меня от него зубы будут кровоточить.

Это был не первый неловкий момент в их жизни. Перед тем как отправиться в Сиэтл, Дэйв в телефонном разговоре с Куртом упомянул о вечеринке, на которую он отправился после концерта Scream в Олимпии. Группа купила кучу пива, и великолепная льющаяся диско-музыка предвещала хорошую тусовку. Приехав в квартиру, они обнаружили около двадцати человек, причем все парни были на одной стороне комнаты, а все девушки – на другой.

– Это было похоже на вечеринку горячего шоколада Hello Kitty, – вспоминает Дэйв. – Группа стояла, пила пиво и чувствовала себя неловко, пока кто-то внезапно не выключил стерео.

– Приходит эта девушка, садится, подключает гитару и начинает играть ужасную музыку для подростков-самоубийц, «Boys, boys/Bad/Die» (мальчики, мальчики/плохие/умирают), – говорит Дэйв. – И после каждой песни все хлопали в ладоши, а мы кричали: «Пошли отсюда!» Дэйв начал оскорблять «грустную маленькую девочку с плохими гребаными песнями», и тут Курт сказал: «Ох, да, это моя девушка Тоби».

Курт был на той вечеринке и помнит, что члены Scream высмеивали всех присутствующих.

– Они были настоящими рокерами, – говорит Курт. – Я ненавидел их, я думал, что они придурки.

Курт помнит и Дэйва.

– Он принес из машины кассету с Primus и попытался ее поставить, но все на него рассердились.

Концерт в Motor-Sports состоялся на следующий день после приезда Дэйва. Он был ошеломлен размерами и энтузиазмом толпы – единственным столь же большим концертом местной группы, который он видел, было шоу Fugazi в Вашингтоне. В Сиэтле панк-рок стал большим бизнесом.

– Мне показалось, что местная панк-сцена в каком-то смысле пошла вразнос, – говорит Дэйв. – Я видел прилавок с футболками Nirvana – каждый чертов подросток и его старший брат покупали футболки с надписями «crack smokin» и «fudge packin»[74]. В тот вечер было продано, наверное, около двухсот футболок – для местного панк-концерта это *безумие*. Я вообще не понимал, во что ввязываюсь.

На Дэйва Nirvana не произвели особого впечатления.

– Я думал, что ничего особенного в них нет, – говорит он. – Эти парни не слишком впечатлили меня. Перед ними играли The Melvins, и я так ими увлекся, что к началу сета Nirvana уже устал.

Тем не менее материал казался интересным, и, помимо этого, хоть Дэйв и думал, что Дэнни Питерс был «чертовски невероятным ударником», ему казалось, что Nirvana с Питерсом звучит не совсем правильно. Вероятно, он был прав: Питерс – превосходный, энергичный барабанщик, но не играет в том тяжелом, напоминающем Бонэма стиле, которого требует Nirvana. На концерте в Motor-Sports Питерс играл хорошо, но не слишком вписывался – словно человек в очень красивой шляпе, которая тем не менее не подходит к его костюму.

Поначалу Дэйв поселился у Криста и Шелли. На следующий день после выступления в Motor-Sports-шоу Крист и Шелли устроили барбекю, во время которого Крист, Курт и Дэнни Питерс дали интервью для обложки ныне несуществующего английского музыкального еженедельника Sounds. Никто не должен был знать, что они прослушивают нового барабанщика.

Через несколько дней Курт и Крист прослушали Дэйва в «Голландце».

– Нам понадобилось две минуты, чтобы понять, что он тот самый барабанщик, – говорит Крист. – Он был жестким ударником, очень динамичным. Он был таким ярким, таким горячим, таким жизнерадостным. Он зажигал.

Дэйв был ровным, уверенным, обладал вкусом и определенно был мощным ударником. Дробь на малом барабане звучала как мощный рокот вращающегося вертолетного винта; когда он стучал по своим гигантским том-томам, они не столько издавали звук, сколько грохотали, словно выстрелы из дробовика; огромные тарелки под его атакой трепетали, как боксерские груши. К тому же Дэйв умел петь, что впервые дало группе возможность живой гармонии.

Теперь возник деликатный вопрос – как сообщить Дэнни Питерсу, что он должен покинуть группу, отыграв всего несколько недель.

Несколько дней спустя во время акустического выступления

на радио-шоу Кэлвина Джонсона на радиостанции KAOS Курт рассказал, что у них появился новый барабанщик и что он еще даже не сообщил Питерсу эту новость.

– Кто этот новый барабанщик? – спросил Джонсон.

– Его зовут Дэйв, и он маленький Дейл Кровер, – ответил Курт. – Он играет почти так же хорошо, как Дейл. И через несколько лет практики он может даже составить ему конкуренцию.

Курт признал неловкость ситуации с Питерсом.

– Дэн – прекрасный человек и прекрасный барабанщик, – сказал он, – но мы не можем упустить возможность поиграть с барабанщиком нашей мечты, которым оказался Дэйв. Мы мечтали о таком ударнике около двух лет. Это облом, большой облом.

Планировался тур по Англии.

– Курт позвонил мне, – говорит Питерс, – и сказал, что они собираются идти к Geffen, а я такой – «круто». И продолжаю: «Так что насчет этого тура?» И он продолжает: «Эээээ, ну… Ну, хорошо, хорошо… У нас теперь другой барабанщик». И я совсем не расстроился. Я даже ожидал чего-то подобного и произнес что-то вроде: «О, это круто». Я не был уверен в том, что именно они чувствовали, потому что коммуникативные навыки у них в то время почти отсутствовали. Я совсем не расстроился. И не расстроен до сих пор.

И как отмечает Крист: «Если бы он присоединился к нам, Mudhoney настал бы конец. А мы так любили Mudhoney, что не хотели нести за это ответственность».

> – Дэйв подходит им гораздо больше, чем я, – признается Питерс. – Это действительно так. Для меня это тоже важно. У него есть все, что нужно, он выбивает из барабанов все дерьмо. Они определенно нашли того, кто подошел им лучше.

Питерс некоторое время играл со Screaming Trees, а затем Mudhoney снова собрались и позже, в 1992 году, подписали контракт с Warners. Питерс говорит, что отлично проводит время с Mudhoney, одной из величайших рок-н-ролльных групп Америки. «Только вот Nirvana выпустила гребаную убойную пластинку, и я уверен, что мне бы понравилось играть на ней», – говорит он.

Тем временем Scream растворился, и гитарист и певец, братья Франц и Пит Шталь, позже образовали Wool. Летом 1993 года Дэйв присоединился к Скитеру и братьям Сталь для триумфального тура в честь воссоединения Scream.

Курт и Крист нашли репетиционное помещение в Такоме, в

переоборудованном сарае – там был коричневый ворсистый ковер и массивная акустическая система, издававшая громкий шипящий звук. Они делили точку с симпатичной барной группой – студентами из Института гитарной технологии, по предположению Криста.

Дэйв прожил с Кристом и Шелли месяц, а потом переехал к Курту в Олимпию. Дом Кобейна и Грола был по колено завален палочками от корн-догов[75]. «Это был самый грязный свинарник, в каком я когда-либо жил», – говорит Курт (и это говорит о многом). Они коротали время, стреляя из пневматического ружья, иногда попадая прямо в окна здания государственной лотереи на другой стороне улицы.

Дэйв описывает квартиру как «маленькую, захламленную, грязную и вонючую». Шестифутовый Дэйв спал на пятифутовой кушетке. Он спал в той же комнате, где стоял аквариум Курта, и стук о стекло панцирей черепах, пытающихся сбежать, не давал ему спать по ночам.

– Это было так странно, – говорит Дэйв. – Последние два с половиной года были очень странными.

– Заняться было особенно нечем, – продолжает Дэйв. – Большую часть времени я проводил, сидя в комнате, молча читая или просто ничего не делая в полной тишине, уставившись на стены. Или же я шел в центр города и смотрел девяностодевятицентовый фильм или стрелял из пневматического оружия на заднем дворе.

Курт и Дэйв начали ложиться спать в шесть утра, когда вставало солнце, и просыпаться на закате, не видя дневного света.

Эти двое почти не разговаривали. Разговор редко заходил дальше чем «есть хочешь?» – «да».

Тем не менее после переезда к нему Дэйва Курт стал более общительным.

– Курт вроде как вылез из своей скорлупы, – говорит Слим Мун. – Он больше бывал рядом и, казалось, был доволен своей жизнью. Курт общался с обыкновенными жителями Олимпии.

Присутствие такого количества творческих людей, казалось, оказывало на Курта бодрящее, вдохновляющее воздействие; в Олимпии он мог самовыражаться без стеснения или страха быть отвергнутым. Как очень творческий человек, Курт стремился быть рядом с другими творческими людьми. В Олимпии он ценил то, что его ценили.

Курт встречался с Тоби Вэйл еще до приезда Дэйва. Она была на пару лет моложе Курта и не собиралась заводить длительные отношения.

– Мне нужен был кто-то, с кем я мог бы провести несколько

лет, – говорит Курт, хотя ему тогда было всего двадцать три года. – Мне нужна была эта уверенность, и я знал, что с ней такого не будет. Так что я просто зря тратил время, и мне было стыдно за это.

К концу 1990 года этот факт стал болезненно очевиден, и именно тогда Курт сказал, что порвал с Тоби.

– Он был просто развалиной, – говорит Дэйв, – в полном беспорядке.

Но Курт настаивает, что это произошло не только из-за Тоби.

– По большей части я просто устал от своей жизни, – говорит он. – Мне надоело жить в Олимпии и ничего не делать. Все то время, пока мы с Трейси были в разрыве, я мечтал переехать в Сиэтл. Я знал, что мне давно пора что-то менять. Я не мог сделать ничего экстремального, чтобы просто выбраться из этого. Это не было похоже на все другие случаи, когда я мог поссориться с кем-то и меня вышвыривали из их дома, а у меня не оставалось выбора, кроме как сделать что-то еще. Я просто устал от того, что так и не могу найти подходящего партнера, – говорит Курт. – Я искал всю свою жизнь, и просто устал от попыток завести подругу, с которой, как я знал, в конечном итоге проведу не больше двух месяцев. Я всегда был старомоден в этом плане. Мне всегда хотелось иметь девушку, с которой у меня были бы хорошие долгие отношения. Жаль, что я не могу просто играть на этом поле, но мне всегда хотелось большего.

Поездки в фургоне в Такому на репетиции и без того были тихими, но потом Курт совсем перестал говорить. В конце концов, спустя несколько недель, однажды вечером они возвращались с репетиции домой и Курт нарушил молчание, сказав: «Знаешь, я не всегда такой» и добавив, что он в конце концов оправится от разрыва.

– Я ответил просто: «О, это круто», – говорит Дэйв. – Но про себя подумал: «Ну слава богу!»

Они репетировали с десяти вечера до часу ночи почти ежедневно в течение четырех или пяти месяцев. Химия группы быстро расставляла все по местам.

– Мы чувствовали, что можем делать все, что хотим, – говорит Дэйв. – Не было никаких ограничений, все было странным и легким, и мы экспериментировали. Мы всегда начинали репетицию с джема. Мы настраивались, подключались и джемовали минут по двадцать.

Из джемов рождалось бесчисленное количество песен, но они быстро забывали их или теряли записи.

– Мы написали, наверное, тридцать или сорок песен, и они

просто исчезли, – говорит Дэйв.

Через несколько недель Дэйв сыграл свое первое шоу с Nirvana в Клубе серфинга Норт-Шор в Олимпии. Билеты были полностью проданы за один день, и Дэйв был так поражен, что позвонил матери и сестре. Выступление началось с кавер-версии песни Vaselines Son of a Gun. Ну, по крайней мере, они пытались – у них дважды закоротило цепь, прежде чем кто-то понял, что все усилители были на одной линии. Это было безумное шоу – Дэйв лупил с такой силой, что сломал малый барабан.

– Я поднял его и продемонстрировал аудитории, чтобы показать им, что у нас есть новый барабанщик и он чертовски хорош, – говорит Курт.

– Курт и Крист знали – как и все остальные, кто видел их игру, – что они были лишь тенью того, кем могли бы быть, пока к группе не присоединился Дэйв, – говорит Слим Мун. – Он просто умел играть на барабанах и понимал их музыку. Чэд ее не понимал, и те, кто был до Чэда, тоже. Дэнни был отличным барабанщиком, но он просто не подошел.

Затем они отправились в Европу на гастроли с лос-анджелесскими рокерами L7, якобы для продвижения сингла Sliver/Dive, который на самом деле вышел только через месяц после их отъезда. В лондонском аэропорту Хитроу они встретились с тур-менеджером Алексом Маклеодом. Маклеод и Дэйв познакомились во время тура Scream и не слишком хорошо поладили. В рабочих документах для тура барабанщиком Nirvana значился Дэнни Питерс, поэтому Маклеод был удивлен, увидев, как таможню в аэропорту проходит Дэйв. «Вот черт», – подумал Дэйв. «Вот черт», – подумал Маклеод.

> Но они быстро поладили, отчасти по необходимости, а отчасти потому, что оба владели тем, что Маклеод называет «бестолковым, бессмысленным юмором».

Вместе с ними ехали звукорежиссер Крейг Монтгомери, оператор Ян Беверидж и много оборудования. У них также был видеомагнитофон и две кассеты – эпизод шоу Монти Пайтон и Spinal Tap[76], которые давно стали стандартным оборудованием в любом туристическом автобусе.

Они играли в клубах, битком забитых людьми, – по тысяче человек каждый вечер, получая восторженные отзывы от самых важных музыкальных еженедельников Великобритании. Курт полунасмешливо заявил в выпуске Sounds от 27 октября журналисту Киту Камерону: «Мне не нужна никакая другая работа, я не могу работать среди людей. Я могу попытаться сделать карьеру вот так. Всю свою жизнь я мечтал стать большой

рок-звездой – так что лучше не пренебрегать этим, пока есть такая возможность». Он добавил, что группа изучает более попсовый стиль написания песен: «Мы решили, что мы можем также выйти на радио и попытаться немного на этом заработать».

Британский пиарщик Nirvana Антон Брукс вспоминает, что Курт был уверен в том, что скоро осуществит свою мечту.

– Я помню, как Курт говорил, что альбом войдет в десятку лучших и что в нем есть треки, которые будут успешными синглами, – говорит Брукс. – По его лицу было видно, что Курт полностью в это верит. Он *знал* это.

В это же время Джон Сильва из Gold Mountain Management в Лос-Анджелесе недавно начал звонить группе и предлагать свои услуги; Крист стал неофициально консультироваться с ним по деловым вопросам. В числе клиентов Gold Mountain, основанной ветераном индустрии Дэнни Голдбергом, были такие персоны, как Бонни Райт и Белинда Карлайл, но у них были также и Sonic Youth. И поскольку все, что делали Sonic Youth, было по своей природе крутым, Gold Mountain тоже были для Nirvana крутыми. И, поскольку Терстон Мур восторженно сообщил Gold Mountain о Nirvana, это чувство было взаимным. Голдберг все еще ругал себя за то, что отказался от Dinosaur Jr., даже несмотря на то что Мур был от них в восторге, и он не собирался повторять одну и ту же ошибку дважды.

В ноябре Gold Mountain привезли группу в Лос-Анджелес, на встречу с Голдбергом и Сильвой, модным, ярким и агрессивным молодым менеджером, который работал с несколькими представителями жанра альтернативы, включая Redd Kross и House of Freaks. Сильва был достаточно тесно связан с андеграундом, и хотел собрать гигантскую коллекцию семидюймовых синглов инди-рока; он даже делил квартиру с Джелло Биафрой из Dead Kennedys. Кристу понравилось, что Голдберг был также главой отделения ACLU (Американский союз защиты гражданских свобод) в Южной Калифорнии. Дэйв выяснил, что Голдберг в середине семидесятых писал о Led Zeppelin. После встречи с Голдбергом и Сильвой Курт и Крист ушли из вестибюля здания и позвонили Сильве, чтобы сказать, что они согласны работать с Gold Mountain. Они сказали бы ему об этом лично, но опаздывают на встречу с другим крупным лейблом.

Сон стал любимым занятием Курта – он часто называл себя нарколептиком и по сей день ходит в основном в пижаме, вероятно, чтобы быть подобающе одетым, если вдруг Мистер Дрема решит его навестить.

– Я спал, чтобы избавиться от боли, – объясняет Курт. – Когда я сплю, мой желудок не болит. Потом я просыпался и проклинал себя за то, что все еще жив.

Однажды Курт сидел в офисе Gold Mountain и хандрил.

– Какого хрена ты хандришь? – спросил Джон Сильва.

Он ответил:

– Я ведь *не сплю*, правда?

– Я просто люблю поспать, – говорит Курт. – Я ловлю себя на том, что засыпаю, когда мне надоедают люди или мне скучно. Если я не хочу общаться или хочу замкнуться в себе, например за кулисами или на гастролях в целом, то я просто целый день сплю. Я предпочел бы лежать в коме, чтобы меня просто разбудили, вывезли на сцену и поставили играть, а потом вернули в мой собственный маленький мир, вместо того чтобы иметь дело со всем этим… В течение стольких лет я чувствовал, что темы для разговоров исчерпаны и мне больше не на что рассчитывать. Повседневные простые удовольствия, которые люди находят в беседах или в разговорах о всяких бессмысленных вещах, мне кажутся попросту очень скучными, поэтому я предпочел бы просто спать.

При помощи адвоката Алана Минца, который пытался продать группу всем крупным лейблам, и Gold Mountain, которые были на их стороне, а также колоссального шума, который только рос вокруг группы, Nirvana стала объектом желания охотников за талантами каждого крупного лейбла на всем побережье. Группа остерегалась фирменных лейблов большого города. В модных ресторанах, куда их водили, Курт просто ел дорогую еду и не произносил ни слова, а Крист обычно сильно напивался. По сути, это была более легкая версия их первой встречи с Джонатаном Поунманом. Но на этот раз они старались быть с представителями лейблов достаточно любезными, чтобы их еще несколько раз пригласили на ужин, в чем, в конце концов, и был смысл всего этого.

– Мы чувствовали себя маленькими сопливыми испорченными детьми, – говорит Дэйв. – Мы ощущали себя так, будто нам сходят с рук всякие шалости.

Поначалу группа была в замешательстве. Почему всех так заинтересовала панк-рок-группа из Абердина? Во-первых, пластинки таких групп, как U2, R.E.M. и Jane’s Addiction, пользовались большим спросом. Milli Vanilli стал модным словом новой индустрии. В чартах в то время доминировала легкая попса – Пола Абдул, Милли Ванилли и так далее. Это приносило крупным лейблам легкие деньги, но они знали, что пренебрегают

развитием исполнителей с долгосрочным потенциалом. Под это определение прекрасно подходили альтернативные группы, и у лучших из них была одна важная вещь – большая и преданная фанатская база. Совсем как у Nirvana.

Другие инди-группы, например Dinosaur Jr., FireHouse и Teenage Fanclub, тоже принимали с радостью.

Через некоторое время Курт, Крист и Дэйв начали понимать все это и стали думать, что они действительно могут добиться определенного финансового успеха – достаточногого для того, чтобы как минимум зарабатывать на жизнь.

Группа прилетела в Нью-Йорк, чтобы пообщаться с Charisma Records и Columbia Records. Дэйв тосковал по дому, поэтому полетел в Нью-Йорк за счет лейбла, а затем сел на шаттл до Вашингтона в Колумбийском университете, где они встретились с президентом лейбла Донни Айннером, который сказал им: «Послушайте, ребята, я не собираюсь вас обманывать. Мы хотим превратить вас в звезд». На самом деле именно это они и хотели услышать – Курт и Крист боялись, что к ним будут относиться как к маргинальной группе, на которую никто из крупных лейблов не обратит внимания.

Но «Коламбия» казалась «слишком мафиозной, слишком навороченной», – говорит Курт. Им нравилась Charisma, даже несмотря на то что лейбл посчитал нужным сделать специальное видео «Welcome Nirvana», которое запустилось, когда они вошли в конференц-зал.

В Нью-Йорке Дэйв на той же неделе догнал группу, и они продолжили свой стремительный тур по различным лейблам. Курт был таким тихим, а Крист таким разговорчивым, что многие руководители лейблов считали Криста лидером группы. Это оказалось отличным способом отделения зерен от шелухи.

Дэйв думал, что все это довольно глупо.

– В основном я был занят тем, что пытался понять, как можно стать «охотником за талантами», – говорит он. – Кого бы я ни спросил, чем он занимался раньше, оказывалось, что все они работали в Tower Records.

Группа посетила один крупный лейбл, где громкоголосый исполнительный директор проревел через свой огромный стол:

> – Парни, чего вы хотите?
>
> – Мы хотим быть величайшей гребаной группой в мире, – невозмутимо заявил Курт.
>
> – Вот, это я и хотел услышать! – прогремел костюм. – Без хождений вокруг да около! Без этих выстраиваний отношений по кирпичику! К черту! Это здорово!

– Самое лучшее в охоте на крупный лейбл – это коллекция визитных карточек A&R— представителей лейблов, которую вы собираете, – говорит Дэйв. – Поэтому, когда вы заходите в дерьмовые маленькие бары или таверны, вы бросаете их человеку, который там выступает, и создаете впечатление, будто вы представитель крупного лейбла и вас заинтересовало их выступление. Вы как бы подсовываете им визитку и говорите: «Позвоните мне». Все эти люди, с которыми мы имели дело, вероятно, до сих пор получают звонки от лаунж-групп из всей Такомы.

С Аланом Минцем в качестве юриста-поводыря они посетили несколько других лейблов, и в каждом офисе по странному совпадению звучала их музыка. В Capitol в Лос-Анджелесе они познакомились с рекламщиком.

– Он был такой славный старина из Техаса и выглядел так, словно мог поколотить мою маму, – говорит Курт. – Мне захотелось танцевать на его столе, надев платье, и обоссать там все. Он спросил меня: «Так что, в той песне, Polly, ты бьешь эту сучку?» «Да», – ответил я. А потом в его кабинет вошли еще двое здоровых качков с радио и сказали: «Эй, у нас два билета на игру «Лейкерс»! И все встали и начали аплодировать. Мы поняли, что этот лейбл не для нас.

Тем не менее в тот вечер они пошли ужинать с другим руководителем Capitol.

– Просто принесите нам еду, несите все, что у вас есть, – нетерпеливо приказал он официантке. – Несите сюда на стол. Мне все равно, что там будет.

Он начал говорить о том, что готов потратить миллион долларов, чтобы вытащить Nirvana из контракта Sub Pop.

Миллион долларов. Неделю Курт всерьез подумывал о том, чтобы провернуть грандиозную рок-н-ролльную аферу – подписать контракт, получить миллион долларов, а затем расстаться. Sex Pistols успешно провернули подобное даже дважды. Курт поделился этой идеей с Кристом.

– Это было бы здорово, – говорил Курт. – Это был бы такой рок-н-ролл.

Курт был не уверен, что это вообще возможно, и заговорил на эту тему с Минцем, который подумал, что он шутит.

По мнению Gold Mountain, все сводилось к двум лейблам: Geffen и Charisma. По мнению Nirvana, это также сводилось к двум лейблам: Geffen и K.

– Мы были очень близки к подписанию контракта с K Records, – рассказывает Курт. – Мы выбирали из этих двух.

Идея состояла в том, чтобы они провернули финансовую

аферу, расстались, сменили название и перешли к К.

> – Я думал, что миллион долларов – это больше, чем у кого-либо из нас когда-то было, – говорит Курт. – Я думал, что миллиона долларов хватит нам и звукозаписывающему лейблу до конца наших дней, но это совсем не так, особенно теперь, когда я заработал за год миллион долларов и миллион долларов потратил.

В конце концов идея о Великом рок-н-ролльном мошенничестве утихла. Поскольку в Nirvana были заинтересованы так много лейблов, их предложения были довольно выгодными, когда дело доходило до заключения контракта. Geffen не предлагал больших денег ни одной из групп-претендентов, но ведь у Geffen уже были Sonic Youth, и Ким Гордон убеждала их подписать с ними контракт. И все это время Gold Mountain подталкивала группу к Geffen, потому что они знали, что лейбл будет упорно трудиться над, несомненно, долгой, трудной задачей прорыва Nirvana – лейбл уже хорошо поработал с Sonic Youth, продав 250 000 копий их дебютного альбома Goo. У Geffen также было два ключевых игрока: директор по продвижению альтернативной музыки Марк Кейтс и менеджер по маркетингу Рэй Фаррелл, которые провели много лет в мире инди-музыки, прежде чем перейти на крупный лейбл.

И они отправились к Geffen.

– Мы решили, что в любом случае это усложнит нам жизнь, – говорит Крист.

Агент Sonic Youth, Гэри Герш, подписал контракт с группой. Впервые Герш увидел эту группу вместе с Ким Гордон и Терстоном Муром на концерте в Pyramid в Нью-Йорке в апреле 1990 года. Он был достаточно впечатлен, чтобы позвонить им позже. После разговора с ними и прослушивания записи со студии Smart Герш впечатлился еще сильнее. В Nirvana он услышал «энергию, простоту и агрессивность The Who». В Курте он увидел одаренного композитора с безупречным чутьем относительно направления, в котором должна идти его группа. Герш был достаточно смекалистым, чтобы представить лейблу группу, и, что не менее важно, достаточно хипповым, чтобы представить группе лейбл.

Группа получила аванс в размере 287 000 долларов, который быстро разошелся на уплату налогов, юридические пошлины, оплату менеджмента и на погашение долгов. Большим деньгам они предпочли прочный контракт, который предусматривал выплату роялти в случае, если альбом получит золотой статус. В то время об этом никто не задумывался, но, оглядываясь назад,

отказ от большего аванса в пользу более высокой ставки роялти был правильным выбором, обеспечившим группу миллионами долларов, которые они не получили бы в противном случае.

А потом еще этот проклятый контракт с Sub Pop. С горем пополам выживающий в тот момент инди-лейбл получил первоначальный взнос в размере 75 000 долларов (половина которого была взята из аванса Nirvana), сообщил о двух моментах (2 процента продаж) со следующих двух пластинок и размещение логотипа Sub Pop на задней обложке каждого экземпляра Nevermind. Эта договоренность украла часть доходов группы, но в то же время она помогла реанимировать Sub Pop.

– Я нисколько не жалею, потому что мне приятно осознавать, что я помог Sub Pop выпустить действительно хорошую музыку, – говорит Курт.

– Я ни минуты не сомневаюсь в этом, – говорит Поунман, – если бы не это соглашение, то мы с Брюсом, вероятно, сейчас мыли бы посуду.

Sub Pop выпустила последнюю пластинку Nirvana, сплит-сингл с участием Nirvana и The Fluid. Курт почувствовал, что версия песни Vaselines Molly's Lips у Nirvana была оборванная, и позвонил Джонатану Поунману с просьбой не выпускать ее, но это было частью сделки. В выводной канавке пластинки было выгравировано одно-единственное слово: «позже».

В то время как музыканты ждали, когда им выдадут аванс, Gold Mountain платили по тысяче долларов в месяц на каждого музыканта, что едва дотягивало до суммы минимальной зарплаты. Им все еще приходилось закладывать инструменты, чтобы прожить. Иногда они ходили в музыкальный магазин на 4-й улице в Олимпии и продавали футболки.

– Ты получаешь тридцать пять баксов и так счастлив, – говорит Дэйв, – потому что тебе сегодня не нужно есть корн-доги – ты можешь себе позволить Hungry Man Dinner[77]!

Группа не подписывала контракт официально до момента записи Nevermind.

В ноябре 1990 года Дэйв был в Лос-Анджелесе, сидел с L7 на благотворительном мероприятии Rock for Choice. Он позвонил Кристу, чтобы попросить его перевести немного денег, и они уже собирались повесить трубку, когда Крист вдруг сказал:

– Я должен тебе кое-что сказать. Курт принимал героин.

– Что? – сказал потрясенный Дэйв. – Как ты узнал?

– Он сам мне сказал, – ответил Крист. – Не говори ему, что я тебе сказал.

Когда Дэйв вернулся домой, Курт упомянул, что употреблял героин, и Дэйв постарался сохранить хладнокровие и просто спросил, на что это похоже.

– Это отстой, это глупо, – ответил Курт. – Чувствуешь себя мерзко и плохо. Я просто хотел попробовать.

– Курт сказал, что больше так не будет, и я ему поверил, – говорит Дэйв. – Это выглядело так невинно. Как будто ребенок втыкает кошке в зад петарду и поджигает ее, черт возьми. Это вообще ни на что не похоже.

– Зима, которую мы с Дэйвом провели вместе в этой маленькой квартирке, была самым унылым временем за последние годы, – вспоминает Курт. – Она была такой грязной, холодной и серой, каждый гребаный день. В какой-то момент я чуть не сошел с ума. Я просто не мог с этим справиться. Мне было скучно, и я был на мели. Уже несколько месяцев прошло с тех пор, как мы заключили контракт с Geffen, но денег у нас так и не было. В конце концов нам пришлось заложить наши усилители, телевизор и другие вещи, лишь бы только достать немного денег и поесть корн-догов. Было очень странно подписывать контракт с такой многомиллионной корпорацией и быть абсолютно нищим. Мы только и делали, что репетировали. Это было единственное, что нас спасало. И это постоянно повторялось.

И поэтому Курт искал успокоения в героине. Он хотел сделать это снова и, наконец, нашел дилера в Олимпии. Он делал это примерно раз в неделю, не настолько часто, чтобы это вошло в привычку. Даже Дэйв не знал, что он это делает.

– Да, это довольно странно, но трудно это было заметить за таким ленивым человеком, как Курт, – говорит он.

Никто в группе не знал до той ночи, когда Курт позвонил Кристу.

Крист очень разволновался и повесил трубку. Через некоторое время они с Шелли перезвонили Курту и сказали, что любят его и не хотят, чтобы он принимал наркотики.

– Это было так мило, – говорит Курт.

Тон его голоса подразумевал, что он оценил этот жест, но этого было недостаточно, чтобы заставить его остановиться.

– Я сказал ему, что он играет с огнем, – говорит Крист. – Это выбило меня из колеи. Это было ужасно. Мне это совсем не понравилось. Я просто не вижу в этом дерьме ничего хорошего. Я сказал ему, что меня это чертовски расстраивает.

После этого Курт пытался скрыть свое пристрастие к наркотикам, но Крист всегда знал об этом.

– Я знал, что он будет болтаться с этими людьми и принимать наркотики, – говорит Крист.

К тому времени Курт и Трейси снова вышли на связь друг с другом и вместе отправились на вечеринку в Олимпию, чтобы посмотреть на группу Тоби Вэйл Bikini Kill.

– По дороге в Олимпию Курт постоянно отключался, – говорит Трейси, – а раньше он никогда не засыпал так быстро.

В тот вечер по дороге на очередную вечеринку Курт спросил, не могут ли они заехать к нему домой, чтобы он мог сходить в туалет. Через некоторое время Трейси тоже решила сходить. Через пятнадцать минут она услышала сильный грохот в ванной.

– Так вот, я иду в ванную, а он отключился прямо на унитазе с закатанным рукавом, и я поднимаю его, а он начинает смеяться, а потом сразу же отключается, а потом снова смеется. Я спросила: «Курт, какого черта ты делаешь?»

– Откуда ты знаешь, что я сделал?

– Посмотри на себя, Курт, – сказала Трейси. – У тебя закатан рукав, в раковине лежит ложка, ты вырубился на унитазе, а на полу стоит бутылка отбеливателя. Ты никогда ничего не чистишь – зачем бы тебе еще могла понадобиться бутылка отбеливателя, если не для того, чтобы обдолбаться?

– В то время, – говорит Трейси, – я не знала, что все зайдет так далеко. Насколько мне известно, он не делал этого, когда мы встречались.

Курт сказал Трейси, что героин делает его очень общительным.

– Он чувствовал, что может куда-то пойти, хорошо провести время, поговорить с людьми и не чувствовать дискомфорта, – говорит она. – Самое смешное, что, когда Курт сдавал анализы из-за больного желудка, он однажды пришел домой из больницы и сказал: «Они пытались взять у меня еще один анализ крови, но ведь они уже сделали мне четыре теста». Курт ушел оттуда, потому что, по его словам, он чуть не упал в обморок, когда они попытались взять у него кровь, потому что не переносит уколов в вену.

В день Нового, 1991 года группа вернулась в Music Source, где записала альбом Blew и еще несколько треков со звукорежиссером Крейгом Монтгомери, завершив два, Aneurysm и Even in His Youth, которые позже появились на Б-стороне сингла и на Incesticide.

Герш считал, что группа должна переписать семь песен, записанных на Smart, и предложил несколько относительно

модных продюсеров, в том числе Скотта Литта, который работал над успешными записями R.E.M., давнего продюсера Нила Янга Дэвида Бриггса и Дона Диксона, работавшего с R.E.M., Reivers, Smithereens и многими другими.

В какой-то момент Курт сказал сиэтлской музыкальной газете Backlash, что основным продюсером будет Виг, но они будут прибегать к помощи других продюсеров для песен, которые группа считает «коммерческими».

Бриггс и Диксон действительно прилетели в Сиэтл, чтобы встретиться с группой. Диксон сделал окончательный монтаж, и предварительно планировалось, что он будет продюсером, а Виг – инженером. Но потом что-то пошло не так. Некоторые говорят, что ходят слухи о том, что группа получила космический аванс и обманула нескольких продюсеров, заставив их отказаться от работы, но ведь группа действительно держалась за Вига все это время. Виг, бесконечно славный парень, просто знал, откуда они родом, музыкально и философски, лучше, чем кто-либо другой.

Виг никогда не работал с проектами крупных лейблов, и Герш поначалу не одобрял его кандидатуру, но согласился после того, как понял, что даже если у Вига не получится добиться правильного звучания во время записи, они всегда могут прибегнуть к проверенному временем способу и исправить запись при сведении. Итак, на этот раз Nirvana добилась своего. Вигу позвонили всего за пару недель до начала записи.

Музыканты прислали ему несколько записей с репетиций, сделанных на бумбоксе. Группа играла настолько громко, что звук получился ужасно искаженным, но Вигу удалось разобрать несколько отличных мелодий. Он уже знал большинство песен, записанных на Smart, но было и несколько новых, например Come as You Are и Smells Like Teen Spirit, которые звучали достаточно многообещающе.

– Мы знали, что материал, который мы придумали, был запоминающимся и крутым, и это были хорошие, сильные песни, – говорит Дэйв. – Можно смело сказать, что они действительно великолепны. Мы не ожидали того, что произошло в итоге, но мы знали, что запись будет действительно хорошей.

Глава VIII
Куплет, припев, куплет, припев, соло, плохое соло

Группа официально подписала контракт с Geffen 30 апреля 1991 года. Вскоре после этого Курт неожиданно позвонил своему отцу и рассказал ему большую новость. Он сказал, что через несколько дней поедет в Лос-Анджелес записывать альбом и что он очень доволен всем происходящим. Они говорили около часа, наверстывая упущенное. Наконец Дон попросил Курта не пропадать, они попрощались и повесили трубку. А затем Дон Кобейн заплакал.

Крист и Шелли вели фургон «Фольксваген» со всем их музыкальным оборудованием в направлении Лос-Анджелеса. Курт и Дэйв решили, что им тоже стоит сесть за руль, чтобы прочувствовать романтику большой дороги. Они выехали на несколько дней раньше в побитом старом Datsun, предвкушая приключения. Но машина перегревалась примерно каждые пятнадцать минут, из-за чего удалось проехать всего сто миль за три часа. Поэтому парни похромали обратно в Такому, остановили машину в карьере, полтора часа швыряли в нее камнями, а затем вернулись к дому Криста и сели в верный гастрольный микроавтобус Dodge. В Сан-Франциско они на несколько дней остановились в квартире Дейла Кровера, а затем направились в Лос-Анджелес и по прибытии сразу поехали на экскурсию на студию Universal.

Перед записью Виг и группа оттачивали в репетиционной студии новые аранжировки. Весь новый материал был довольно перспективным, но, когда они играли Smells Like Teen Spirit, обычно спокойный Виг начал прыгать по комнате от восторга.

Как-то вечером Крист немного набрался и завладел системой громкой связи студии, передавая искренние слова поддержки своим коллегам-музыкантам по всему репетиционному комплексу, включая таких людей, как Ленни Кравиц и Белинда Карлайл.

– О'кей, ублюдки! – крикнул Крист. – Шевелите булками!

Затем они отправились в пункт проката барабанов и выбрали латунный малый барабан для Дэйва. Он был самым громким из всех, что у них были. Сотрудники прозвали его «Терминатор».

Они поселились в меблированных апартаментах в соседнем здании под названием Оквуд.

– Этот лиловый и светло-голубой цвет так раздражал, – фыркает Крист.

И, естественно, они разгромили это место, разбив кофейный столик и картину с цветами в рамке.

– Мы только что прибыли в Лос-Анджелес, и нам нечего было делать, – объясняет Крист. – Вечеринка – это весело, не должно быть никаких причин для беспокойства или чего-то еще. Сходить с ума – это весело.

Вскоре девушка с невероятным именем Кортни Лав начала захаживать в Оквуд, чтобы повидаться с Куртом.

Кортни видела Nirvana на разогреве у Dharma Bums в клубе Satyricon в Портленде, штат Орегон, в 1989 году. Наблюдая за Куртом на сцене, она подумала: «У него повадки Дэйва Пирнера[78], но он гораздо симпатичнее». Кортни думала, что он был «горяч, что-то типа рок-бога по версии Sub Pop». После выступления Курт, по своему обыкновению, отошел от сцены, чтобы не мешать собирать вещи. Он прошел мимо столика Кортни, сел, налил себе пива из ее кувшина и сердито посмотрел на нее. Она посмотрела на него в ответ.

– Мне казалось, что она похожа на Нэнси Спанджен[79], – говорит Курт, посмеиваясь. – Кортни выглядела как классическая панк-рок-цыпочка. Я действительно чувствовал к ней какое-то влечение. Вероятно, я хотел трахнуть ее той ночью, но она ушла.

Они немного поговорили, и он дал ей несколько самодельных наклеек с логотипом «Чим-Чим» и Nirvana.

– Я наклеила их все на свой чемодан, – говорит Кортни, – а ведь мне даже не понравилась его группа.

С тех пор Кортни влюбилась в Курта. Когда ее просят описать ее влечение к Курту, случается нечто странное – Кортни Лав не находит слов.

– Я не знаю, – говорит она вдруг неожиданно по-девичьи, почти краснея. – Я чувствую себя неловко. Я просто подумала, что он очень красивый. Он был очень крут, и у него были очень красивые руки. Он был действительно привлекательным. Я не могу этого объяснить.

Кортни была на пару лет старше Курта и тоже была ребенком из разрушенной семьи. У нее было такое же бродячее детство, хотя в то время, как Курт скакал по крошечному округу Грейс-Харбор, путешествия Кортни охватили несколько континентов. Мать увезла ее из Лос-Анджелеса в Новую Зеландию работать на ферме, потом они переехали в Австралию и вернулись в Штаты, где Кортни в конце концов оказалась в исправительной школе Орегона. Будучи подростком, она подрабатывала стриптизершей, путешествуя из Портленда в Японию и Ирландию; в 1981 году

Кортни уже тусовалась на взорвавшейся тогда ливерпульской сцене с такими корифеями пост-панка, как Джулиан Коуп из The Teardrop Explodes и членами Echo and the Bunnymen.

Она пела в раннем составе Faith No More в Сан-Франциско, а позже переехала в Миннеаполис и вместе с Дженнифер Финч и Кэт Бьелланд создала недолго просуществовавшую группу Sugar Baby Dolls (Финч перешла в группу L7, Белланд нынче возглавляет Babes in Toyland).

Кортни получила небольшую роль в фильме «Сид и Нэнси», а позже снялась в ужасном пост-панковском спагетти-вестерне 1987 года «Прямиком в Ад», в котором участвовали Pogues, Джо Страммер и Элвис Костелло. В марте 1990 года она основала группу Hole. Кортни уже была хорошо известна – некоторые сказали бы, печально известна – в инди-кругах.

Примерно в декабре 1990 года Кортни и Дэйв подружились благодаря его бывшей подруге, Дженнифер Финч.

> – С ней было очень весело, и легко можно было вместе зависнуть часа на три, если тебе вдруг становилось скучно, – говорит Дэйв о Кортни. – Это было забавно, потому что я никогда не говорил ни с кем, кто бы так же разбирался в индустрии развлечений или в Лос-Анджелесе, как Кортни. Это было довольно мило – беседовать с кем-то, кого можно было представить сидящим за столом в журнале US или что-то в этом роде.

Когда Кортни призналась Дэйву, что влюблена в Курта, он сказал, что Кортни тоже ему симпатична. Но она не поверила в это. Тем не менее Кортни дала Дэйву подарок, чтобы он передал его Курту – маленькие морские раковины, сосновые шишки, миниатюрные чайные чашки и крошечную куклу, упакованную в маленькую коробочку в форме сердца. Кортни клянется, что если бы она не забыла про то, что Курт ей так и не ответил, то больше бы не беспокоила его.

Курт и Кортни снова встретились на концерте Butthole Surfers/Redd Kross/L7 в Palladium в Лос-Анджелесе в мае 1991 года, незадолго до того, как группа начала записывать Nevermind. Их сразу же потянуло друг к другу. Кортни решила выразить свою симпатию, ударив Курта в живот. Он ударил ее в ответ, затем прыгнул на нее, и они начали бороться. Через некоторое время Кортни встала, пнула Курта и ушла.

– Это были брачные игры неблагополучных людей, – хмыкает Кортни.

Через три месяца Hole выпустит свой дебютный альбом Pretty on the Inside. Мучительный, конфронтационный и бесстрашный

анализ детских травм и женской ненависти к себе, запись началась с рычания Кортни: «Когда я была малолетней шлюхой…» Английская музыкальная пресса уже вовсю восторгалась группой, и, в частности Кортни; журналисты буквально из кожи вон лезли, чтобы взять интервью у этой дерзкой, откровенной и убийственно остроумной американки. После своего дебюта в августе 1991 года альбом долгое время входил в британский инди-чарт.

Вскоре многим начнет казаться и кажется до сих пор, что Кортни искала выгоду в отношениях с Куртом, но она уверяет, что когда только начинала преследовать его, то даже подумать не могла, что когда-нибудь Курт станет чем-то большим, нежели просто почитаемой культовой фигурой.

– Я думала, что стану более знаменитой, чем он, – говорит Кортни. – Для меня это было совершенно очевидно.

Судя по тому, как она смотрит на это сейчас, брак с Куртом Кобейном явно не пошел на пользу ее карьере.

Нет никаких сомнений в том, что Кортни любит внимание. Но большую часть ее величия можно расценить как попытку самоутвердиться, избежать затмения яркой звездой Курта. Представьте себе ситуацию, когда супругу, которая хочет быть знаменитой, обгоняет супруг, который никогда к этому не стремился. В конце концов Кортни добьется определенной славы (или позора), и ее имя станет в семье синонимом неблагополучной матери.

Кортни жила всего в квартале от Оквуда и несколько раз заглядывала туда. Крист не обращал на нее особого внимания.

– Она была шумной девчонкой, – говорит он. – Я никогда раньше о ней не слышал.

Но Курта она зацепила.

– Мы сблизились благодаря медикаментам, – говорит Кортни. – У меня был экстрасильный викодин в таблетках, а у него – сироп от кашля «Гикомин». Я сказала: «Ты идиот, тебе нельзя пить этот сироп, потому что он вреден для твоего желудка».

Курт позвонил ей в пять утра, чтобы спросить, нет ли у нее наркотиков. Кортни отказала ему и назначила Курту свидание на следующий день. Он не согласился, а потом снял трубку, чтобы она не могла позвонить снова.

– Я не мог решить, хочу ли я на самом деле закончить наши отношения, – объясняет он, улыбаясь.

– Кортни казалась мне токсичной, потому что я только что закончил предыдущие отношения, в которых даже не хотел участвовать, – говорит Курт. – Я твердо решил воздержаться от

отношений хотя бы на несколько месяцев. Я должен был. Но Кортни мне сразу настолько сильно понравилась, что было очень трудно держаться от нее подальше в течение стольких месяцев. Это было нереально сложно. В итоге за все то время, что я пытался быть настоящим холостяком – разбрасывать свое семя и вести холостяцкий рок-н-ролльный образ жизни, – я так ни с кем и не переспал, да и в целом провел время так себе.

Он решил сосредоточиться на создании альбома.

Они записывались в мае и июне 1991 года на студии Sound City в пригороде Ван-Найс, Калифорния. Студия прошла через лучшие времена в семидесятых, когда Fleetwood Mac записывали там Rumours.

Среди прочих клиентов студии были Ронни Джеймс Дио, Том Петти, Foreigner, The Jackson 5, Рик Спрингфилд, Crazy Horse, Ratt и даже герой детства Курта, Ивел Книвел. Там была большая барабанная комната, большой старый микшерный пульт Neve, и цены были вполне приемлемыми. Стартовый бюджет составлял около шестидесяти пяти тысяч долларов, включая стоимость услуг Бутча Вига – сущие гроши по меркам крупных лейблов. За такую сумму они могли позволить себе бросить запись, если она не получилась, и начать все сначала.

Курт считает, что качество альбома частично обязано тому, что они вернулись в солнечный Лос-Анджелес.

– Было очень приятно внезапно оказаться в теплом тропическом климате, – говорит он. – Не думаю, что все закончилось бы так же хорошо, если бы мы сделали это в Вашингтоне.

Виг устраивал их поудобнее и просто сидел с ними в студии, а не заталкивал в кабинку звукозаписи, как только они пересекали порог студии. И он старался не пускать их за пульт управления.

Они работали по восемь-десять часов в день, иногда выпускали пар, играя каверы на старые любимые песни исполнителей семидесятых, таких как Alice Cooper, Black Sabbath и Aerosmith – музыкальный эквивалент удовольствия от вкусной еды.

> Дэйв бил по барабанам так сильно, что мембраны приходилось менять каждую вторую песню. Барабанные партии Дэйва в песнях, появившихся на записях Smart, очень близки к тому, что играл Чэд, хотя они исполняются с гораздо большей силой и точностью.

– Чэд был не самым уверенным барабанщиком и не самым

последовательным, но он придумал действительно классный материал, – говорит Дэйв. – Мне нравится, как он играет, на Bleach это звучит очаровательно.

Очевидно, панк-этика Курта была даже сильнее, чем у Вига, потому что Курт часто отказывался делать второй дубль. Виг должен был придумать, как заставить его сделать второй дубль, и часто запускал пленку, даже когда Курт разогревался, просто на тот случай, если удастся запечатлеть что-то полезное.

Курт настолько хорошо отработал свой вокал, что в разных дублях он почти не менялся по выражению и интенсивности, поэтому Виг часто пользовался этим и смешивал два дубля вместе, особенно на припевах для дополнительного эффекта бэк-вокала. (Высокие партии в In Bloom поет Дэйв. У него были проблемы с попаданием в некоторые ноты, но если он запарывал дубль, то затягивался сигаретой и пробовал снова. Много дублей спустя Виг получал то, что хотел).

Если что-то не получалось с инструментальными дублями, то после двух-трех попыток они просто переключались на что-то другое.

– Я хотел, чтобы Курт удвоил гитары в некоторых песнях, особенно на припевах, – говорит Виг, – но он был против. Моя логика была такой: «Когда вы, ребята, играете вживую, это просто невероятно громко и интенсивно – это больше, чем жизнь, и я пытаюсь использовать кое-какие свои студийные возможности, чтобы заставить вас почувствовать себя так же и на записи». Много раз Курт говорил: «Я не хочу сейчас это делать», но в итоге все-таки соглашался. Не было никаких серьезных споров или чего-то подобного, но я могу сказать, что иногда слишком сильно давил на него, и из-за этого он не хотел чего-то делать. Пару раз он просто откладывал гитару или отходил от микрофона и говорил: «Не хочу больше этим заниматься». И я знал, что больше ничего от него не добьюсь.

На Territorial Pissings Курт проигнорировал протесты Вига и подключил свою гитару напрямую к микшерному пульту, без усилителя, в стиле бесчисленных малобюджетных панк-записей конца семидесятых и начала восьмидесятых. Песня была записана в один дубль. Во вступлении Крист спел часть припева к альтруистичному хипповскому хиту Youngbloods конца шестидесятых: Get Together.

– Они сказали: «Спой что-нибудь», – говорит Крист, – и я сделал это в один дубль. Просто так получилось. Я хотел вложить в песню какой-то банальный хипповский идеализм. Но на самом деле это была не та мысль. Мне нравится песня Youngblood.

– Возможно, речь шла об утраченных идеалах, – говорит

Крист. – Вот, например, что случилось с этими идеалами? Все собираются вместе, стараются любить друг друга. А потом начинается Territorial Pissings. Быть может, какой-нибудь бебибумер услышит это и задастся вопросом: «Эй, что случилось с этими идеалами?»

Виг говорит, что Something in The Way, написанная всего за неделю до записи, была, вероятно, самой трудной песней в альбоме. Они пробовали сыграть несколько раз, в то время как остальные музыканты подыгрывали им, но ничего не вышло. Наконец Виг позвал Курта в комнату управления и спросил, как, по его мнению, должна звучать песня. Курт сел на диван с акустической гитарой с нейлоновыми струнами и запел едва слышным шепотом. «Сиди здесь», – сказал Виг, бросился в офис и велел отключить все телефоны, вентиляторы и другие машины. Виг записал песню, подняв громкость так высоко, как только мог, чтобы уловить голос Курта – он такой тихий, что практически слышно, как язык Курта скользит по зубам, когда он поет. Позже они добавили бас, вокал и барабаны.

– Нам приходилось постоянно одергивать Дэйва, чтобы он играл тише, – говорит Виг. – Дэйв начинал играть легонько, а на середине первого куплета начинал бить довольно жестко. Атаковать барабанную установку – его природная страсть. В итоге у него получилось это сделать, но мне кажется, необходимость стучать тихо его просто убивала.

Некоторые тексты были полностью закончены, но большая часть все еще не была готова, и Курт частенько спрашивал остальных членов группы, какая строка им больше нравится – иногда эти строки придавали песне совершенно другой смысл, например, когда Pay to Play становилось Stay Away. Он также пробовал разные варианты мелодий.

Всего за несколько недель до начала записи Курт показал группе рифф, и они зависли на нем практически на час, играя с динамикой и различными аранжировками, до тех пор, пока он не стал песней, которую Курт назвал Smells Like Teen Spirit. Поначалу Кристу эта песня не особо понравилась.

> – Это была всего лишь одна из песен, которые мы записали для альбома, – говорит Крист. – Я помню, когда мы впервые ее сыграли, в ней не было ничего особенного. Но после того, как ее записали, я подумал: «Да, это круто. Это действительно потрясающе».

И Крист, и Курт сразу услышали в этой песне один из источников своего вдохновения.

– Pixies, – говорит Крист. – Мы сразу это заметили. Мы оба

сказали: «Это правда похоже на Pixies. Нас пришибут за это».

Хотя они уже были готовы отказаться от этой песни, никто никогда не пытался упрекнуть их в том, что звучание песни очень похоже на Pixies. Позже появилось много комментариев о том, что песня была довольно сильно похожа на «хит группы Boston» 1976 года More Than a Feeling.

Как только Крист и Дэйв записали свои основные партии – что было делом нескольких дней, – они закончили. Курт был занят вокалом, играл на гитаре в дублях и писал тексты песен, иногда откладывая запись на несколько драгоценных часов, пока не находил правильные слова. Курт написал большую часть текста On a Plain за несколько минут до того, как спел их. Фраза «Don't quote me on that» («Не цитируйте меня») родилась из глупой шутки, которая была у них актуальна на прошлой неделе.

– Кто-нибудь скажет что-то вроде: «Где майонез?», – вспоминает Дэйв. – И кто-нибудь другой отвечает: «В холодильнике, но не цитируй меня».

Для Вига более важным было то, что Курт пел с уверенностью, а не просто с хорошей дикцией. Однако это не было проблемой – как только Курт брал законченные тексты, то пел так усердно, что часто мог сделать всего одну или две вокальные партии до того момента, как его голос сдавался и он решал, что на сегодня хватит. На Territorial Pissings его голос явно срывается.

Курт не знал ни одного наркодилера в Лос-Анджелесе, поэтому вместо героина во время записи постоянно пил кодеиновый сироп от кашля, не говоря уже о половине бутылки Jack Daniel's каждый день. Сироп от кашля заменял ему опиаты, но в то же время помогал сохранить голос. К сожалению, когда пришло время записывать вокал, сироп закончился. Было несколько дней, когда Курт мог сделать только один или два дубля, прежде чем горло полностью отказывало, что его очень расстроило. (Он до сих пор на гастролях принимает сироп от кашля из-за хронического бронхита. «Это единственное, что меня спасает», – заявляет Курт.)

Через десять минут и три секунды после того, как затихает последний аккорд Something in The Way, появляется секретный трек. Этот трек, у которого никогда не было официального названия, кроме, возможно, The Noise Jam, и который стал известен как Endless, Nameless. Вариации на тему Endlerss, Nameless игрались в течение нескольких месяцев перед записью *Nevermind*. В конце репетиции Курт очень низко настраивал свою гитару, и они просто шумели, издавали различные вопли и иногда попадали в основной рифф песни.

Когда запись Lithium сорвалась, Курт попросил Вига продолжать крутить ленту, пока группа пытается провести эксперимент. Он вышел в студию и начал размахивать гитарой и кричать в микрофон, а группа повторяла за ним. Даже сам Курт до конца не уверен в том, что именно он там кричит, но считает, что там было примерно следующее: «I think I can, I know I can» («Я думаю, что могу, я знаю, что могу»). На треке (примерно в тайминге 19:32 на компакт-диске) слышно, как разбивается гитара Курта. Позже они поняли, что это была единственная леворукая гитара, подходящая к треку, так что на тот день запись была окончена. Они быстро свели трек и решили, что найдут для него применение. Из-за технической ошибки Endless, Nameless не попал в первый тираж Nevermind.

Десять минут тишины после «Something in The Way» были попыткой группы создать новый формат компакт-диска, точно так же, как Битлз размещали зашифрованные сообщения на выводную канавку Sgt. Pepper или поместили Her Majesty в конце Abbey Road. Курт и раньше проделывал нечто подобное. Когда он и его приятель Джесси Рид делили квартиру в Абердине, Курт взял девяностаминутную чистую кассету, прокрутил ее вперед почти до конца и записал свой страшный голос, говорящий: «Джесси… Джесси… Я иду за тобоооооой…» Когда они уже собирались ложиться спать, Курт вставил кассету в стереосистему, нажал play и убавил громкость.

Через сорок минут раздался голос: «Джесси…», и Рид испуганно вскочил.

– Эй, ты это слышал?

– Что слышал? – спросил Курт, ухмыляясь про себя в темноте.

Однажды ночью во время записи Крист был задержан в Лос-Анджелесе за вождение в нетрезвом виде. Он допил последний глоток спиртного как раз в тот момент, когда полицейский направился к его машине. Курт и Дэйв, у которых с собой не было денег, пешком шли несколько миль до дома, а полиция отвезла Криста сначала в городскую, а затем в окружную тюрьму. Когда его отправили в камеру, он старался выглядеть как можно круче, чтобы никто его не доставал.

– В этой клетке было пятьдесят человек, – говорит Крист. – Открываешь дверь камеры и бум – тебе в лицо бьет жар от всей этой толпы.

К Кристу тут же подскочил маленький щеголеватый чернокожий парнишка с иссохшей рукой и незажженной сигаретой и проскрежетал:

– Эйувасестьспички?

– Что?

– Увасестьспички?

– Нет, – ответил Крист.

– Там полсотни человек с сигаретами, и ни у кого ни хрена нет спичек! – хихикает Крист. – Было совершенно тихо, за исключением тех случаев, когда кто-то входил и этот маленький парень говорил: «Увасестьспички?» В конце концов пришел парень со спичками, и они все закурили как сумасшедшие, комнату заполнил дым.

После шестнадцати часов, проведенных в камере, Джон Сильва вызволил Криста. В итоге он отделался штрафом и был вынужден посетить серию семинаров, на которых жертвы пьяных водителей рассказывали свои ужасные истории.

> Виг начал чувствовать, что с пластинкой вот-вот что-то должно произойти. Самые разные люди каким-то образом пронюхали информацию о проекте и просили у него записи.

У Курта было три или четыре песни без названия и несколько фрагментов песен – очень мелодичные и не такие тяжелые, как большинство других материалов. Агент Гэри Герш вспоминает разговор, который был у него с Куртом.

– Мы решили не включать их в пластинку, потому что не хотим, чтобы она выглядела незаконченной, но переход от инди-лейбла к чему-то большему был похож на какую-то большую коммерческую сделку или что-то в этом роде, – говорит Герш. – Давайте сделаем художественный прыжок настолько плавным, насколько вам удобно. Если включить эти поп-песни в запись, это будеть выглядеть так, словно вы продались.

И вот опять, как и в случае с *Bleach*, Курту пришлось подстраивать свои записи под вкусы рынка.

Хотя Герш и говорит, что он «всегда» заходил в студию и был «немного психотерапевтом, немного судьей», но и Крист, и Курт говорят, что он почти не появлялся там. На самом деле Дэйв сильно волновался из-за того, что Герша не было рядом, и ему казалось, будто Герш потерял всякий интерес к проекту. Он даже дошел до того, что обеспокоенно позвонил Джону Сильве, который заверил его, что большинство групп мечтают заполучить его.

По мнению всех остальных, Герш часто заходил в студию после того, как группа уходила домой, и Виг включал ему черновые миксы. Герш мудро решил не вмешиваться, тем самым завоевав доверие группы. И если вдруг ему придется вмешаться и взять на себя ответственность в определенный очень деликатный

момент записи, парни будут уважать его мнение.

> Виг уже собирался микшировать пластинку. Между записью и сведением должно было пройти четыре или пять дней, чтобы Виг и группа могли отдохнуть, но они не укладывались в график и в итоге были лишены этой возможности.

Виг закончил запись и сразу же приступил к микшированию, но миксы получились не очень удачными – они были плоскими и в них не было достаточной мощности, особенно в ударных.

Герш заметил, что Виг устал, и воспользовался возможностью вызвать ветерана сведения Энди Уоллеса, который проделал потрясающую работу над пластинкой Slayer Seasons in the Abyss. Хотя группа была настроена скептически, они «просто согласились с правилами игры», по мнению Криста.

Для Вига это тоже было дебютом на крупном лейбле, и, возможно, он немного перегнул палку.

– Эта пластинка изрядно покромсана, – говорит Крист. – Некоторые песни были сделаны довольно банально, но к паре из них явно приложили ловкие электронные руки. Этот альбом по-настоящему «спродюсированный».

Иногда Вигу приходилось склеивать несколько разных дублей, чтобы получить полное представление, но львиная доля ловкости исходила от Энди Уоллеса. Миксы Вига звучат более голыми по сравнению с конечным результатом. Уоллес подсластил звук, пропуская сырые треки через множество спецэффектов, делая примерно один микс в день.

Дополнительное жилье, дополнительное студийное время, гонорар Уоллеса – его вызов вдвое увеличил бюджет записи, который все еще был сравнительно скромным.

Группа была не в восторге от присутствия Уоллеса.

– Мы приходили, он ставил нам свой микс и не слишком хорошо реагировал на наши предложения, – вспоминает Дэйв. – Он поменял звучание барабанов, сделав их более электронными. Во всем была какая-то производственная странность. Мы хотели всего лишь записать эти песни и выпустить альбом, так же, как когда-то было с Bleach, мы играли эти песни, и они были великолепны. Мы были в восторге и хотели записать их, прежде чем окончательно от них устанем, а мы уже начали уставать. Так что все было примерно так: «Давайте уже покончим с этим».

Одна из причин, по которой альбом звучит так гладко, заключается в том, что помещение для записи ударных навредило звучанию, и поэтому Уоллес использовал цифровую реверберацию для исправления звука и, более того, усилил

барабаны выравниванием и некоторыми сэмплами, добавленными в запись бас-бочки и малого барабана.

– Уоллес сделал немного реального широкого стереоразделения при помощи удвоения, гитарных задержек и так далее, – говорит Виг. – Он немного отшлифовал голос, но, как мне кажется, не перегнул палку. Во всяком случае, мы хотели убедиться, что миксы все еще звучат достаточно органично.

Несмотря на все студийные трюки, Уоллес использовал их не так уж часто, как в большинстве поп-альбомов.

Сейчас, слушая альбом, кажется, что музыка – это неровный камень, помещенный в стеклянную оболочку.

– Это все Энди Уоллес, – говорит Курт, добавляя, что Geffen это понравилось, поскольку они привыкли к подобным записям. По словам Курта, все было к лучшему, «потому что было продано восемь миллионов пластинок, и теперь мы можем делать все, что захотим. Это было частью плана, согласно которому мы должны были попытаться попасть на радио, шагнуть через порог и получить возможность делать все, что мы хотим, пока будем существовать как группа».

– Мы пытались провести тонкую грань между коммерческим и альтернативным звучанием, – говорит Крист.

> – Вспоминая подготовку Nevermind, я понимаю, что сейчас она меня смущает. – говорит Курт. – Она была больше похожа на пластинку Mötley Crue, чем на панк-роковую запись.

Во время записи Курт и Дэйв посмотрели документальный фильм о родах под водой, и Курт предложил Роберту Фишеру, художественному руководителю Geffen, поместить нечто подобное на обложку Nevermind. Фишер нашел несколько фотографий младенцев, рожденных под водой, но они были слишком графичными, поэтому было принято решение остановиться на стоковой фотографии плывущего ребенка. Курт пошутил, что нужно добавить рыболовный крючок с долларовой купюрой на нем, и идея прижилась. Потом выяснилось, что стоковое агентство, которое распоряжалось фотографией, потребовало платить им 7500 долларов в год все время, пока альбом будет издаваться, и поэтому Фишер попросил подводного фотографа Кирка Уэддла пойти в бассейн для детей и сделать несколько снимков.

Группа выбрала одну из пяти разных фотографий. Победил снимок пятимесячного Спенсера Элдена. Единственной проблемой было то, что на фотографии хорошо просматривался пенис ребенка.

– Если член – это проблема, – сказал Фишер, – мы можем его отрезать.

Некоторые люди в отделе продаж Geffen/DGC действительно беспокоились, что традиционно консервативные сетевые магазины могут возражать против пениса на фото, и Фишер даже начал готовить обложку с ретушированным пенисом. Курт тоже ожидал некоторого возмущения и уже сделал вариант обложки, на котором этот проблемный член закрывала наклейка. Текст на ней гласил: «Если тебя это оскорбляет, то ты, скорее всего, латентный педофил».

Пенис Спенсера Элдена остался на месте.

Голому младенцу было нанесено лишь легкое оскорбление. В апреле 1992 года сотрудник службы исполнения городского кодекса якобы посоветовал музыкальному магазину Wild Planet в Вентуре, штат Калифорния, закрыть пенис ребенка на плакате, выставленном в витрине. Они закрыли его розовым стикером Post-It[80].

– Просто странно, что кому-то может не нравиться ребенок, – говорит Крист.

Интерпретаций обложки было много. Некоторые думали, что ребенок олицетворяет группу, а стремление к долларовой купюре символизирует то, что они продались. Но Курту этот образ понравился, вероятно, из-за того, что он перекликался с его идеями о возвращении невинного детского счастья; как и многие из его картин, обложка символизировала тот самый момент, когда это блаженство начнет исчезать.

Изображение также сигнализировало об уходе от корыстных, приземленных восьмидесятых, отказе от материализма, который обернулся скандалами с мусорными облигациями, коррумпированными сберегательными (и кредитными) учреждениями и целой кучей изъятых BMW. Когда будет написана книга о девяностых, обложка *Nevermind* должна быть на первой ее странице.

Потом была фотосессия с Майклом Лавином, который прилетел из Нью-Йорка. Во время съемок музыканты передавали друг другу бутылку виски, пока все не наклюкались окончательно.

– Быстрее снимай, пока я не вырубился, – просил Курт Лавина.

Позже группа сделала подводную фотосессию в бассейне с Кирком Уэддлом, чтобы обыграть концепцию обложки. Съемка обернулась фиаско в стиле Spinal Tap.

– В прошлые выходные был настоящий шторм, и бассейн был очень мутным, – говорит Фишер, – а за два дня до съемок

сломался насос, и поэтому вода была холодной. Курт был очень болен, и им очень не нравилось находиться в воде. Это был какой-то кошмар. Курту приходилось нелегко – похоже, у него были серьезные проблемы с плавучестью. Он брыкался и болтался, но все равно оставался на поверхности воды. Он просто не мог уйти под воду.

В конце концов Фишеру пришлось сделать коллаж из трех разных снимков, чтобы получить что-то пригодное к использованию. Это фото появилось в рекламной кампании.

Фотография на обратной стороне альбома сделана в период, когда Курт был на «стадии богемной фотографии», и на ней изображена вездесущая обезьянка Чим-Чим. За Чим-Чимом – коллаж из изображений мяса и влагалищ с различными болячками, который Курт приклеил к холодильнику в Олимпии. При внимательном изучении фотографии можно разглядеть изображение Kiss немного выше головы Чим-Чима.

В биографии группы промелькнула наглая ложь. «Кобейн, художник-лесоруб, специализирующийся на дикой природе и ландшафтах, познакомился с Новоселичем в Грейс-Харборском Институте ремесел Северо-Запада, – гласила биография. – У Новоселича была страсть клеить ракушки и плавники на мешковину, и, как он вспоминает, «мне нравилось то, что делал Курт. Я спросил его, что он думает о макаронном мобиле, над которым я работаю. Он предложил мне приклеить на него блестки. И это сработало!» Этот инцидент лег в основу магии Nirvana.

Позже в биографии Дэйв расскажет о своей первой встрече с Куртом и Кристом. «Они носили береты, солнечные очки, сандалии и козлиные бородки. Крист ходил со сборниками стихов Рода МакКуэна, и пока он читал – Курт танцевал».

– У наших песен стандартный поп-формат: куплет, припев, куплет, припев, соло, плохое соло, – сказал Курт. – В целом мы звучим так, словно до Knack и Bay City Rollers домогаются Black Flag и Black Sabbath.

Глава VIII с половиной
Казалось, нас нельзя остановить

В середине июня, сразу после завершения записи, они оказались на разогреве у Dinosaur Jr. в коротком восьмидневном туре по западному побережью. Шелли работала у стойки с футболками. На концертах в Денвере, Лос-Анджелесе и Санта-Крусе казалось, что люди были больше заинтересованы Nirvana, чем хедлайнером.

В августе Nirvana играла на разогреве у своих героев, Sonic Youth, в рамках европейского фестивального тура.

– Это был дикий тур, – говорит Крист. – У нас было много неприятностей. Портили все подряд. Напивались, и нас выгоняли из клубов.

Крист знает, о чем говорит. Он скучал по Шелли, тосковал по дому, напивался и устраивал беспорядки на гастролях. В конце концов Джон Сильва позвонил Шелли и попросил ее поговорить с Кристом. Это немного помогло, но в итоге Шелли просто прилетела в Европу и составила Кристу компанию, снова начав подрабатывать в киоске с футболками.

Sonic Youth позаботились о том, чтобы их новая любимая группа составила им компанию в этом туре. Они сводили Nirvana с организаторами и хотели убедиться, что о них хорошо заботятся. Они были рядом со сценой на каждом представлении, наблюдая за Nirvana. Если Курт спрыгивал со сцены, обратно его зачастую вытаскивал Терстон Мур из Sonic Youth.

По сути, это было идеальное время. Члены Nirvana, Sonic Youth и Dinosaur Jr. тусовались вместе, смеялись, пили, сплетничали и говорили о музыке, и никто еще не был мировой суперзвездой. Nirvana впервые играла на фестивалях. Они были полны любопытства и энтузиазма относительно того, что их ожидало.

> – Самое волнующее время для группы – это как раз перед тем, как она станет по-настоящему популярной, – говорит Курт. – Я бы с удовольствием играл в группах, которые делают это раз в два года. Каждый раз, когда я думаю о лучших временах группы, я вспоминаю время прямо перед выходом Nevermind. Это было потрясающе. В это время группа находится в лучшей форме – они действительно стараются изо всех сил, и в воздухе так много волнения, что его даже можно было попробовать

на вкус.

Участники группы много пили. Один из пунктов их контракта предусматривал одну лишь бутылку водки и одну бутылку Glenfiddich на каждом концерте. Поначалу Дэйв почти не пил, Крист глушил Glenfiddich, а Курт и его приятель Йен Диксон, которого он взял с собой в тур, делили пополам водку. В конце концов, даже Дэйв не выдержал и выпил бутылку красного вина во время Polly, в которой ударные не были задействованы.

– Вы каждый вечер ставите весь этот бесплатный алкоголь перед людьми, и становится скучно ждать, вы думаете: «О, а не выпить ли мне», – говорит менеджер тура Алекс Маклеод. – И дальше все идет под откос.

В начале тура на огромном английском фестивале в Рединге Кортни, Кэт Белланд и Ким Гордон сидели в одном из трейлеров за сценой, пили виски и говорили о Курте. Режиссер Дэйв Марки, снимавший кадры для того, что вскоре станет документальным фильмом «1991: Год, когда панк прорвался», сунул камеру в дверь. Кортни уставилась прямо в объектив и сказала: «Курт Кобейн заставляет мое сердце замирать. Но он дерьмо», – и ушла.

Позже Кортни, Курт, Марк Арм и Дэн Питерс из Mudhoney, а также журналист Melody Maker Эверетт Тру предались невинному закулисному вандализму. Питерс швырнул большую бутыль с маслом, и оно вытекло, залив лицо и волосы Кортни. Расстроенная, она убежала в слезах – это напомнило ей об унижении, с которым она сталкивалась в школе. В тот вечер они все вместе смотрели выступление Игги Попа, расположившись сбоку от сцены, и Курт прошептал Кортни на ухо: «Я бы никогда не стал приставать к тебе в старших классах».

– Словно он был экстрасенсом, – говорит Кортни.

Курт признает, что набил себе много синяков, но утверждает, что никогда не получал настоящих травм, прыгая в барабанную установку, до тех пор, пока не получил легкий вывих плеча на Рединге в том самом году.

– Вокруг меня защитный барьер, который бережет меня от травм, – полушутит он.

> Во время фестиваля в Рединге в 1992 году они превратили разрушение в науку, сначала с особой тщательностью собирая оборудование, а затем уничтожая его с ликующей злобой в течение добрых пятнадцати минут после каждого шоу.

– Вскоре люди увидели видео Lithium, и это были три минуты бескомпромиссного опыта Nirvana: мы качаем, толпа сходит с

ума, наше барахло ломается – вот так и выглядит игра Nirvana, – говорит Дэйв. – С тех пор, где бы мы ни выступали, если мы уходили со сцены, ничего не разбив, то нам говорили: «В чем дело? Где же Nirvana?» А потом дошло до того, что это превратилось в своего рода шоу, которое все ждут, чтобы можно было над этим посмеяться. Так что мы все настраиваем, расставляем и делаем все последовательно.

Позже, во время летнего фестивального тура 1991 года, Курт, Крист, Дэйв, Кортни, ее прежний бойфренд Билли Корган из Smashing Pumpkins и еще несколько человек отправились в клуб в Лондоне. Курт хвастался перед Кортни:

– Я скоро стану рок-звездой.

– Не станешь.

– Да, стану. Я стану большой рок-звездой. Я буду покупать антиквариат – очень дорогой антиквариат для моей *жены*.

В тот вечер Курт отправился домой с двумя девушками-англичанками, что было совсем не в его стиле.

– Надеюсь, тебя *трахнут*! – крикнула ему Кортни, когда он уходил. Так уж вышло, что этого не случилось.

Nirvana играла на Бельгийском фестивале Pukkelpop, что означает «прыщавый поп». Выступление Nirvana началось в одиннадцать утра, но это не помешало группе напиться с утра пораньше. И, как говорит Алекс Маклеод, с этого момента все пошло под откос.

Группа поменяла местами все таблички с именами на столах за кулисами так, что Ramones и их свита из двенадцати человек сидели за столиком на двоих, который предназначался для лидера Pixies Блэк Фрэнсиса и его подруги. Даже Джон Сильва включился в игру и затеял драку за еду.

Курт весь день ходил с прикрепленной к груди именной биркой Блэк Фрэнсиса, и к семи часам вечера ему понадобилось выпустить пар. Пока Блэк Фрэнсис играл соло, Курт заметил на краю сцены огнетушитель и начал поливать его из шланга. Толпа охранников ринулась к Курту, и он бросил шланг и побежал, спасая свою жизнь.

Была одна страна, где Nirvana справилась не так хорошо, как могла бы, и это была Германия. Во время европейского летнего фестивального тура с Sonic Youth они сыграли шоу в Бремене. Женщина из немецкого филиала MCA, учредителя компании Geffen, приехала к ним и подарила группе мусорный бак, на котором было говорящее баскетбольное кольцо, издающее шум толпы после каждого броска в корзину. Бак был заполнен конфетами и американскими журналами, и на нем была веселая маленькая открытка, гласящая: «Добро пожаловать в Германию и

MCA!»

К этому моменту группа полностью посвятила себя ежевечернему уничтожению своей гримерной. Немецкая представительница MCA пришла после сета Nirvana и увидела, что группа мертвецки пьяна, они разгромили гримерку и разбросали вокруг все ее подарки. К тому же во время выступления Ким Гордон из Sonic Youth нашла записку с подаренного бака и написала на ней «Идите на хрен!» Представительница MCA увидела это и решила, что группа написала это ей; затем Крист выстрелил из огнетушителя. Как говорит Алекс Маклеод, с этого момента все пошло под откос.

В тот же вечер, сидя в автобусе и давая интервью, Курт играл с зажигалкой и умудрился поджечь занавески. Они быстро залили их водой, но через несколько секунд та же представительница MCA постучала в дверь, и ее встретил Курт, окутанный облаком удушливого дыма от занавесок; она ушла в ярости (английская музыкальная пресса почему-то сообщила, что группа сожгла свой автобус).

В тот же вечер им позвонил раздраженный Джон Сильва.

– Парни, все должно было пройти гладко! Что вы натворили?

– Мы думали, что нас бросили, – говорит Дэйв. – Все было хорошо, мы получили аванс, и нас тут же бросили! *Уууууу*…

Великая Рок-н-ролльная Фантазия Курта О Мошенничестве почти осуществилась, а ведь никто даже не пытался этого сделать.

Перед выступлением на заключительном концерте тура в Роттердаме группа напилась. В конце сета Крист забрался на колонки, спустив штаны до лодыжек и держа в руке бутылку. Охрана выбежала на сцену и стащила его вниз, пока Курт громил все, что попадалось на глаза. Один из охранников замахнулся на Криста, и прямо на сцене началась драка. В конце концов Криста вышвырнули из зала, он вернулся и затеял драку с промоутером.

* * *

Группа ненадолго уехала домой, а затем отправилась в Лос-Анджелес, чтобы снять клип Teen Spirit. Курт разработал план для съемок, которые изначально напоминали фильм Ramones «Высшая школа рок-н-ролла», или, возможно, больше было похоже на фильм «Через край», отличный фильм 1979 года о группе сумасшедших несовершеннолетних преступников, которые курят травку, пьют и громят пригород Южной Калифорнии. В конце их родители проводят собрание в средней школе, но вскоре

местные дети запирают их внутри, разбивают их машины и поджигают здание.

> – Этот фильм в значительной степени определил всю мою личность, – говорит Курт. – Это было действительно круто. Полная анархия.

Видео было снято всего за тридцать три тысячи долларов в Калвер-Сити, штат Калифорния, на сцене, оборудованной так, чтобы быть максимально похожей на школьный спортзал, или на то, что Дэйв нежно называет «адским мероприятием». Уборщика играл Руди Лароса – настоящий уборщик из дома режиссера Сэма Байера. Курт представлял себе другой тип спортзала. «Этот выглядел слишком современно», – говорит он. И задний фон его тоже раздражал. Он напоминал ему о безвкусных декорациях из рекламы аспирина или из социальных роликов Time-Life.

У Курта были другие идеи для клипа – он хотел, чтобы все дети выбежали на улицу и начали ломать все вокруг и крушить машины. Курт хотел, чтобы все присутствующие спустились в зал и вытряхнули свои бумажники в большой костер. Он хотел развести огонь в гимнастическом зале и сжечь несколько чучел. Последний кадр видео, в котором уборщик проходит мимо связанного и с кляпом во рту директора школы, изначально был частью более крупного сценария, но его зарубили в самом начале редактирования.

Чирлидерши были идеей Курта.

– Но я хотел по-настоящему уродливых толстых болельщиц, – говорит он, – и пару парней тоже, просто потому, что меня тошнит от стереотипов «королев бала».

Байер завернул эти идеи. Музыканты прозвали его «Джетро Наполеон».

– У него присутствует небольшой комплекс Наполеона, – говорит Курт о миниатюрном Байере. – Он был таким активным рокером. Я просто не мог в это поверить. Я не мог поверить, что мы действительно подчинились такому человеку, как он.

В какой-то момент во время съемок Байер крикнул: «Ладно, я прогоню всю аудиторию прямо сейчас, если они не заткнутся!» И все в зале закричали «Ооооо!», открыто потешаясь над Байером и осыпая его насмешками.

– Все было как в школе, – говорит Курт, улыбаясь. – А он был злым учителем. Но к концу дня, – продолжает Курт с озорной искоркой в глазах, – мы уже веселились.

Курт хотел, чтобы все спустились с трибун и устроили слэм. Байеру эта идея не понравилась, но Курт в конце концов уговорил его. И в итоге на съемочной площадке воцарилась анархия.

– Никто ничего не переворачивает без моей команды, потому что я хочу сделать хорошие кадры крупным планом, – сказал Байер публике, которая собралась после того, как группа накануне объявила на KXLU, местной университетской радиостанции, что им нужна массовка для съемок видео. После долгих часов простого сидения, пассивного наблюдения за утомительными событиями, аудитория была готова взорваться. Когда они наконец спустились с трибун, все начали сходить с ума, опрокидывать вещи и беситься. Люди толпились вокруг Курта, украли гитару Криста и тарелки Дэйва.

– Как только ребята вышли танцевать, они просто послали всех, потому что так устали от этого дерьма за весь день, – говорит Курт.

Ощущение радостного бунта в видео было настоящим.

Крист все это время веселился. Он принес на съемочную площадку литр Jim Beam и выпил его, а также выкурил с друзьями немного травки во время долгого ожидания между дублями. На середине съемки он потерял сознание, а потом вовремя очнулся, чтобы сделать следующий дубль.

Курту не понравился монтаж, сделанный Байером, поэтому он лично следил за новой версией видео. Несмотря на протесты Байера, он добавил предпоследний кадр, крупный план лица Курта. Это был блестящий ход – на протяжении всего видео Курт выглядел ярким, но застенчивым персонажем, прячущимся за волосами. Это было похоже на своего рода поддразнивание, и крупный план был довольно выигрышным, ведь он выглядел не так уж и плохо (но вот голову все-таки стоило вымыть).

> Несмотря на все свои «альтернативные» подтексты, Teen Spirit обладает всеми классическими элементами видео: в нем есть красивые девушки в откровенной одежде, дети, танцующие модный танец и одетые по последней моде, необходимый сухой туман, парни с длинными волосами, играющие на гитарах, дети, получающие удовольствие от детской музыки.

Дело в том, что впервые у нового поколения появились новые атрибуты – фланелевые рубашки, слэм, татуировки и символы анархии. Взаимосвязь с музыкой Nirvana – не новаторской стилистически, но мощной и классической – ясна.

Затем последовала печально известная вечеринка по поводу выпуска Nevermind, 13 сентября 1991 года, в модном клубе Re-bar в Сиэтле. Группе сказали, что это будет скромное мероприятие и что они могут пригласить своих друзей. Они пришли и

обнаружили, что стены клуба обвешены плакатами Nirvana. Им пришлось общаться со всякими скучными музыкальными бизнесменами и терпеть прослушивание альбома два раза подряд. Такое внимание смущало Курта больше всего, особенно в присутствии своих друзей из Олимпии.

Крепких напитков в баре не было из-за жестких законов штата Вашингтон об алкоголе, поэтому кто-то тайком пронес полгаллоновую бутылку виски и спрятал ее в фотостудии, куда те, кто знал о ней, удалялись, чтобы быстро глотнуть Jim Beam. Вскоре все накидались в хлам. Диджея Брюса Пэвитта заставили выключить Nevermind и играть самую дрянную музыку новой волны и диско, которую только удалось найти. После того, как группа закончила срывать со стен плакаты, Крист бросил тамале в Курта и Дилана Карлсона. Курт помнит, как в ответ швырнул в него гуакамоле. («На самом деле это был травяной соус «Зеленая Богиня», – поправляет президент фан-клуба Nirvana Нильс Бернштейн, который поставлял продукты на вечеринку.) Вскоре еда летала повсюду, не обращая внимания на элиту индустрии, костюмы которых заляпало едой. И именно тогда Nirvana выгнали с вечеринки в честь выпуска их собственного альбома.

Все они уселись в «Кадиллак», который для этого случая арендовала промоутер Geffen/DGC Northwest Сьюзи Теннант, и вечеринка продолжалась у нее дома до самого утра. Когда все уже расходились, Брюс Пэвитт сидел на тротуаре и блевал в сточную канаву в ожидании такси. Курт не упустил шанса высунуться из окна и забросать его яйцами.

> Все знали, что альбом хороший, но план был таков: если руководство будет работать достаточно усердно, лейбл будет работать очень, очень усердно, а группа будет работать очень, очень, очень усердно, то, возможно, к сентябрю 1992 года у них будет золотой альбом.

Представление о том, что вскоре должно произойти, группа получила в магазине Beehive Records в Университетском районе Сиэтла. Они играли перед кучей людей, а потом их атаковали охотники за автографами.

– Там были все эти странные, заискивающие люди, – вспоминает Дилан Карлсон, которому довелось там работать. – Чего стоят только эти трое парней с радиостанции колледжа Грин-Ривер. Курт разговаривал с ними и рассказывал о Bikini Kill и о том, что они должны их послушать. Эти трое не хотели этого слушать. Они просто хотели поговорить с Куртом, прикоснуться к нему и взять автограф.

Потом появилась парочка придурков, которых Курт помнил еще по Монтесано.

– Я понял, что если люди, с которыми я ходил в школу, особенно в Монтесано, знали, что я стал рок-звездой в Сиэтле, то это действительно что-то значит, – говорит Курт.

После этого Крист, Курт, Дэйв и небольшая группа друзей удалились в бар и быстро и основательно набрались.

Дальше их путь лежал в Торонто, где 20 сентября, за четыре дня до выхода Nevermind, стартовал их тур как хедлайнеров. Вместе с ними на разных этапах тура выступали The Melvins на Восточном побережье и в Канаде, Das Damen и Urge Overkill на юге и Среднем Западе и Sister Double Happiness на Западном побережье. По этому случаю Курт прикрепил к своей гитаре наклейку с надписью «ВАНДАЛИЗМ: ПРЕКРАСЕН, СЛОВНО КАМЕНЬ В ЛИЦО ПОЛИЦЕЙСКОГО!» (Язву копам, язву копам!)

Тур-менеджер Монти Ли Уилкс вспоминает, что когда увидел, как Курт выходит из самолета, то подумал: «С этим парнем что-то не так».

И весьма вероятно, что Курт думал так же. С самого начала напоминающая пуделя «рокерская» стрижка Уилкса дала понять, что с ним что-то не так.

– Я не вписываюсь во всю эту сцену, – говорит Уилкс. – Я организованный, чистый, постоянно ношу чистую одежду, моюсь каждый день. Я им не нравлюсь.

Нет никаких сомнений в том, что ребята из группы находили удовольствие в причинении Уилксу неудобств.

– Ты все чинишь, – говорит Уилкс, – а парень типа Курта идет и намеренно это портит, потому что он милашка, понимаешь?

В команде ходила шутка, что если Уилкс надел ту же рубашку, что вчера, то это означало, что он не спал всю ночь, разбираясь со всеми проблемами, которые создала группа. Кроме того, несчастный Уилкс был не только тур-менеджером чрезвычайно хаотичного тура, он также был бухгалтером и менеджером по производству, а помимо этого – еще и звукорежиссером в первой половине тура и установщиком света во второй.

– Ближе к концу этого тура, – говорит он, – меня тошнило кровью от стресса.

Уилкс таскал с собой дорожный чемоданчик, который раскладывался в портативный офис, укомплектованный настольными и портативными компьютерами Macintosh, факсом, модемом, принтером («Всегда загруженным бумагой», – хвастался он), канцелярскими принадлежностями, книгами, бланками и телефоном. Уилкс отрицает претензии к цветным скрепкам для

бумаги.

– Забавная шутка, – усмехается он. – Но это совершенно неверно.

Однако он имеет склонность к цветным ручкам.

– Я очень организованный человек, – объясняет он.

Одна из причин, по которой Курт и Крист были недовольны Sub Pop, заключалась в том, что за все время работы на лейбле они дали всего несколько интервью. Они упомянули об этом в отделе рекламы Geffen/DGC, который начал организовывать до полудюжины интервью в день для каждого члена группы во время тура. После двух месяцев интерес журналистов к таким вещам, как «почему вы подписали контракт с крупным лейблом?» или «зачем вы поместили ребенка на обложку пластинки?», превратился в рутину.

> – Мы давали так много интервью вслепую, просто приходя на радиостанции и в редакции журналов о метале, – говорит Курт. – Это был хороший способ дать нам понять, что, прежде чем слепо давать интервью, мы должны выяснить, с кем именно имеем дело.

Два месяца спустя все эти журналы вышли одновременно, произведя гигантскую медиа-атаку на Nirvana.

– Мы думали, что большинство этих интервью просто сгинут в неизвестности, – говорит Курт. – Мы думали, что, возможно, нам необходимо было дать все эти интервью, чтобы продать сто тысяч копий альбома.

Парни выясняли, кто из интервьюеров был на высоте, и отслеживали тех, кто попался на лживых историях о встрече Курта и Криста в классе искусств и ремесел. Находя того, кто им поверил, они сразу же отправлялись в город.

Курт и Дэйв жили вместе во время тура, и однажды ночью Дэйв лежал в постели и смотрел телевизор, когда услышал, как Курт хихикает в ванной. Наконец Дэйв спросил: «Что ты делаешь?» Курт сбрил всю свою козлиную бородку, оставив только усы. Когда он вышел из ванной, чтобы показаться Дэйву, то все еще смеялся, остановившись только для того, чтобы поделиться тем, что его рассмешило.

– Я похож на своего отца!

В начале тура съемочная группа Новостей MTV собиралась снять группу перед саундчеком в баре, примыкающем к клубу Axis в Бостоне. Чтобы оказать содействие, кто-то добыл игру «Твистер» и банку растительного кулинарного жира «Кристко». Крист проникся больше всех, раздевшись до шорт (темно-синих) и

намазавшись «Кристко» перед началом игры. Они только начали, когда Крист внезапно вытащил поле для «Твистера» и отбросил его, а затем вытер с тела жир американским флагом, по случайности висевшим на ближайшей стене, часть жира оказалась между ягодиц, и он вытер и там. Бывший морской пехотинец и его мускулистые приятели, случайно увидевшие Криста, возмутились его выбором флага в качестве туалетной бумаги и начали кричать на него, и Криста пришлось вывести из клуба.

В этот день, 24 сентября 1991 года, был выпущен Nevermind, и 46 251 экземпляр разлетелся по магазинам всей страны.

После питтсбургского концерта возник спор с промоутером касательно продажи футболок. Группа разгромила гримерку (ничего нового) и ушла. Позже, на рассвете, два агента городского отдела поджогов постучали в дверь Монти Ли Уилкса и начали его допрашивать. Кто-то поджег диван за кулисами в клубе, и они, похоже, думали, что это сделал кто-то из участников Nirvana. После долгой беседы Уилкс убедил агентов, что к тому времени, как начался пожар, группа уже покинула клуб.

– Я посмотрел на все это совершенно по-новому и задался вопросом, во что я, черт возьми, ввязался, – говорит Уилкс.

> После выступления в клубе 40 Watt в Афинах, штат Джорджия, группа устроила небольшой бунт. Они должны были поехать в Атланту, чтобы провести день прессы, но вместо этого проигнорировали просьбы Уилкса и всю ночь тусовались в доме гитариста R.E.M. Питера Бака. Конечно, именно Уилкс принял на себя основной удар гнева Джона Сильвы.

К этому времени в туре появилась группа Urge Overkill, всеми любимая инди-группа из Чикаго. Парни из Urge Overkill были поражены силой музыки Nirvana, а еще – их невысказанными, но ясными посланиями.

– К черту правительство, к черту статус-кво и глупых людей, – говорит Эдди «Кинг» Розер[81]. – И всю философию можно отнести к антирасизму, антисексизму, антифашизму, антицензуре и т. д. Каким-то образом люди на концертах смогли услышать это послание.

Кортни слышала от менеджера клуба 40 Watt, что Курт не переставал говорить о ней. Поверить в это было сложно. Поэтому она стала звонить Дэйву во время гастролей. Когда они заканчивали разговор, она просила разрешения поговорить с Куртом. Через пару дней они по-настоящему поладили, и в конце концов Кортни перестала утруждать себя разговорами с Дэйвом.

Звукооператор и барабанный техник Майлз Кеннеди был поражен силой игры Дэйва.

– Он бил настолько сильно, что ломал крепления барабанов, – говорит он. – Вокруг барабанной установки скапливались кучки из опилок от его палочек. Дэйв был настоящим зверем.

Барабанная установка Дэйва прожила примерно до середины тура, до концерта 12 октября в Cabaret Metro в Чикаго, когда группа уничтожила ее после особенно хорошего выступления.

– От барабана не осталось ничего крупнее шестидюймового деревянного круга, – говорит Уилкс.

– Получив настолько много энергии и эмоций во время выступления, завершить концерт они могли только так, – говорит Майлз Кеннеди.

В этот же день Nevermind дебютировал в чартах альбомов Billboard на почетном месте № 144.

В тот вечер Кортни пришла на вечеринку после концерта. Легенда гласит, что они с Куртом занимались сексом у стойки бара.

– Боже, – смеется Курт, – это так отвратительно. Верно – все стояли вокруг и смотрели, как мы трахаемся. Ты должен написать в книге, что мы не трахались.

Они впервые поцеловались, и Кортни побежала к телефону-автомату, чтобы рассказать об этом другу из Лос-Анджелеса. Остаток ночи они боролись на полу и бросали друг в друга стаканами. У Кортни почему-то была с собой сумка с нижним бельем, и Курт в конце концов устроил показ ее содержимого. Их дважды выгоняли из бара.

Дэйв уже спал, когда Курт и Кортни пьяные в хлам ввалились в номер Курта и Дэйва и начали громко и страстно заниматься любовью на кровати по соседству с кроватью Дэйва.

– Я пытался их игнорировать, но не мог, – говорит Дэйв. – Я. Должен был. Уйти из комнаты.

В конце концов он постучал в дверь звукооператора Крейга Монтгомери и проспал у него всю ночь.

> Nevermind стремительно начал исчезать с полок магазинов, но в дороге никто из группы не был в курсе этого. Прошло несколько недель, прежде чем кто-то сказал Курту, что альбом успешно продается и по MTV постоянно показывают Teen Spirit. Курт вспоминает тот день, когда впервые увидел себя по телевизору. Он подумал: «Господи, неужели мое место там?»

– Я просто показался себе таким знакомым, – говорит он.

По мере того как тур проходил через такие места, как Провиденс, Мемфис и Сент-Луис, промоутеры, появлявшиеся за кулисами на концертах, постепенно менялись от альтернативных маркетологов до людей AOR (альбомно-ориентированного рока) и даже CHR (Современное Хитовое Радио, или Top 40). На радио росла шумиха, и MTV ставили Teen Spirit в течение дня – не только в альтернативном гетто канала «120 минут». Канал даже начал выводить на экран текст Teen Spirit во время воспроизведения видео.

Между тем христиански-ориентированная группа из Лос-Анджелеса, которая носила название Nirvana с 1983 года, направила на радио и телевидение распоряжение о прекращении трансляций музыки и видео Nirvana. Название могли использовать обе группы.

Когда Nirvana подала на местную группу иск на два миллиона за это постановление, дело дошло до федерального суда в Лос-Анджелесе в середине октября. Лос-анджелесская Nirvana согласилась продать свой товарный знак за пятьдесят тысяч долларов и отозвать постановление о прекращении трансляций.

С каждым проданным экземпляром Nevermind группа все меньше понимала, кто является их аудиторией. Со студентами и инди-публикой все было понятно – это люди, которые были довольно умными, политически прогрессивными, не сексистами, не мачо и очень музыкально проницательными. Теперь на их концертах толпились качки-тупицы, парни из братств и металлисты. Стремительный рост продаж означал для Курта, Криста и Дэйва только одно – они теряли свое сообщество.

Группа была не в восторге от своей новоиспеченной аудитории и не стеснялась говорить об этом открыто. Как сказал Крист в интервью Rolling Stone: «Когда мы записывали этот альбом, у меня было такое чувство, что мы настроены против них. Все эти люди размахивают флагом, и им промывают мозги. Я действительно ненавидел их. И тут вдруг они все начинают покупать нашу пластинку, а я думаю: “Вы ее совсем не понимаете”».

– Во время тура Nevermind я чувствовал себя невыносимо, потому что заметил, что на наши концерты приходит все больше обычных людей, а я не хотел, чтобы они там были, – говорит Курт. – Они начали действовать мне на нервы.

Соответственно, разбивание инструментов достигло небывалого максимума, и не только потому, что они наконец-то могли себе это позволить.

– Мы чувствовали себя так странно, потому что с нами

обращались как с королями, – говорит Курт, – поэтому мы считали своим долгом громить все вокруг. Я вел себя отвратительно, показывал свою сосиску, вел себя как педик, странно танцевал, носил платья, и просто напивался, – продолжает Курт. – Я мог сказать что-то вроде: «Ладно! Братство рока! Посмотрите на всех этих зануд из братства!» Обычно я не очень много говорю на сцене, но во время этого тура я вел себя как идиот. Мы вышли из-под контроля.

Особенно ярко Курт проявил себя на концерте 19 октября в клубе Trees в Далласе. В последнюю неделю у него обострился бронхит, и он очень плохо себя чувствовал. В тот же день в отель зашел врач и сделал Курту несколько уколов сильного антибиотика, но забыл предупредить, чтобы он не пил этой ночью.

– Я начал пить и почувствовал себя сумасшедшим, – говорит он, – словно принял целую кучу мета или чего-то в этом роде. Я потерял всякий контроль.

Курт все время жаловался, что не слышит себя в мониторах, но никто, похоже, ничего не предпринимал. Он терял голос, и от этого страдало исполнение.

– В тот вечер я решил что-то предпринять, – говорит Курт. – Я решил устроить звездный припадок.

Клуб был пугающе переполнен, люди едва могли дышать, не говоря уже о том, чтобы двигаться. В середине песни Курт внезапно снял гитару и начал бить ею по монитору рядом со сценой. Он сломал свою любимую гитару Mustang и монитор. После долгой паузы, пока толпа скандировала «Дерьмо! Дерьмо!», они привели в чувства один из динамиков монитора, и группа продолжила концерт.

К несчастью, аппаратная система принадлежала лучшему другу одного из вышибал на этом шоу, изрядно забитому татуировками джентльмену с ирокезом на голове и слишком низко сидящему на заднице. Во время Love Buzz Курт прыгнул в зал, и вышибала, делая вид, будто пытается вытащить Курта из толпы, на самом деле схватил его за волосы и ударил.

– Я решил сделать один хороший удар, прежде чем он изобьет меня после шоу, – говорит Курт. – Так что я ударил его гитарой по лицу. У него была большая рана на лбу.

Вышибала ударил Курта кулаком в затылок, когда тот повернулся к нему спиной, так, что Курт рухнул на пол, а потом он пнул его ногой. В мгновение ока Дэйв перепрыгнул через переднюю часть своей ударной установки; двое помощников держали вышибалу, по лицу которого стекали струйки крови, а Крист встал между ним и Куртом и велел ему остыть.

В конце концов группа вернулась на сцену и играла еще полчаса. Кто-то положил на монитор деревянный погрузочный поддон на случай, если у Курта появятся еще какие-нибудь дикие идеи.

После концерта вышибала вместе с парой своих друзей ждал группу снаружи.

– Они все были одеты в футболки с надписями «Carcass»[82] и «C.O.D», – говорит Курт, – как спид-металлисты.

– Он был абсолютно жестоким и брутальным, – продолжает Курт. – Вышибала был весь красный, как свекла, от крови, и кричал: «Я убью тебя!»

Группа села в такси, но оно встало в пробке прямо перед клубом, словно в кошмарной версии «Вечера трудного дня». Вышибала и его друзья начали колотить по кабине, и в конце концов один из них ударил ногой в окно и попытался схватить Курта, и тут такси наконец отъехало.

Чуть позже таксист притормозил, достал из-под солнцезащитного козырька косяк, и все они по нескольку раз затянулись, чтобы успокоиться.

Тем временем Nevermind поднялся на тридцать пять позиций и оказался на 109 месте.

По дороге время от времени объявлялась Кортни. Похоже, она положительно влияла на настроение Курта. Даже команда это замечала.

> – Я думаю, это очень помогало ему справиться со всем этим, – говорит Майлз Кеннеди. – У него появился кто-то, с кем можно было поговорить и с кем можно было поладить, – кто-то не из группы и не из команды.

По ходу тура фургон все больше и больше наполнялся всевозможным сломанным оборудованием и скопившимся мусором. Через какое-то время там почти не осталось места для людей. Уилкс вспоминает, как во время одного из переездов ему пришлось часами сидеть на краешке сиденья.

– Я оглядываюсь назад и вижу Кортни и Курта, – говорит Уилкс, – свернувшихся калачиком среди пустых пакетов из-под чипсов, пролитого пива и всего остального. Жалкое зрелище.

* * *

Утром 25 октября Курт и Крист записали интервью для хэви-метал-шоу MTV «Бал металлистов», на котором Teen Spirit попал

на пятое место в списке «костоломов недели».

Курт чувствовал себя не слишком бодро – прошлой ночью он почти не спал и к тому же страдал от похмелья.

– Я поспал всего несколько секунд перед самым эфиром, – объясняет он. – Мы с Кортни всю ночь пили и трахались, так что я спал около двух часов. Это был наш романтический период.

Крист был одет в свою обычную одежду, включая кретинские кроссовки, но Курт надел яркое-желтое платье из органзы и темные солнцезащитные очки. Хотя большую часть времени говорил Крист, от Курта было трудно оторвать взгляд.

– Это «бал башкотрясов»[83], поэтому я решил надеть платье, – объяснил Курт. – Крист не стал надевать смокинг. И корсаж он мне тоже не подарил.

– По крайней мере, я пригласил тебя, – ответил Крист слегка женственно, что вызвало нервный смешок у ведущего, металлиста Рики Рахтмана.

– Все зашло довольно далеко, – сказал Рахтман, приходя в себя. – Что бы вы ни делали, в самых разных жанрах музыкальной сцены, Nirvana, кажется, действительно нравится людям.

– Все хотят быть модными, – тихо сказал Курт.

– Возможно, им нравится наша пластинка, – предположил Крист.

29 октября, когда они добрались до концерта, Сьюзи Теннант отвела группу в сторону и сказала им: «Поздравляю! Сегодня ваша запись стала золотой!» Никого в группе это не волновало.

– На самом деле мне было насрать, – говорит Крист. – Да, это доставляло мне радость. Было довольно здорово, наверное, даже очень здорово. Но мне плевать на подобные достижения. Круто, наверное.

Монти Ли Уилкс говорит, что отказался от выгодного тура с другой группой после того, как Nirvana пригласила его поехать с ними в предстоящий европейский тур.

– «Мы правда хотим, чтобы ты поехал с нами, приятель», – говорит Уилкс. – «Ты лучший дорожный менеджер, который у нас когда-либо был, и мы хотим оставить тебя навсегда».

А потом, в ночь концерта в Портленде, за три дня до их отъезда в Европу, Уилксу сказали, что он не поедет.

Обошлось без разбитых сердец.

– Крист по большей части пьяный хиппи, – говорит Уилкс. – Курт был не слишком разговорчив, и он никогда особо не говорил, если только ему не было что-то нужно.

Уилкс гораздо теплее относится к Дэйву.

– Дэйв – лучший, – говорит он. – Я просто очень люблю Дэйва. Отличный, на хрен, парень.

Легендарное шоу на Paramount в Сиэтле в честь возвращения домой на Хэллоуин было снято DGC. Его фрагменты можно увидеть в видео Lithium, и когда-нибудь из него может быть смонтирован полнометражный фильм. Открывали концерт Mudhoney и группа Тоби Вэйл Bikini Kill, которые вышли на сцену в нижнем белье, с надписями «шлюха» и «проститутка» по всему телу.

Группа получила один день отдыха перед тем, как отправиться в европейское турне 2 ноября, в день, когда Nevermind впервые вошел в топ-40 под номером 35. Пластинка теперь продавалась с поразительной скоростью, безусловно, намного превосходя все ожидания Geffen/DGC или Gold Mountain.

Nirvana отыграла свой первый день на европейском этапе тура Nevermind в Bierkeller в Бристоле, Англия. Каждый раз, регистрируясь в отеле, они включали телевизор, чтобы посмотреть видео Teen Spirit. Судя по всему, на радио не крутили ничего, кроме Teen Spirit. Пресса вышла из-под контроля – они давали от десяти до пятнадцати интервью в день, и на все концерты билеты были полностью распроданы. В Италии тысячи парней, которые не смогли достать билет, просто вынесли двери и ворвались внутрь.

Билеты продавались с неимоверной скоростью, сцена была забита телевизионщиками, направлявшими камеры в лицо пытающемуся петь Курту.

> – Нас это возмутило, и мы превратились в придурков, – говорит Курт. – Мы много пили и разбивали больше оборудования, чем было нужно. Мы просто решили быть настоящими жестокими придурками и причинить интервьюерам побольше неприятностей. Мы не воспринимали это всерьез. Мы чувствовали, что должны избегать всего этого, прежде чем ситуация выйдет из-под контроля. Мы хотели сделать их жизнь невыносимой. И в конце концов, нам это удалось. Начнем с того, что туристический автобус был не спальным, а экскурсионным. В нем не было коек, только сиденья, а огромные окна пропускали свет и шум.

Их водитель еще больше усугубил ситуацию. В Европе водители автобусов должны делать перерывы через определенное время или через определенное расстояние, измеряемое прибором под названием тахограф. Водитель очень строго относился к этому, за что получил прозвище Тахо Билл. К тому же Тахо Билл часто сбивался с пути, и звукорежиссер Крейг Монтгомери часто бывал в роли навигатора. Вместо того чтобы просто спокойно

ехать, Билл прибавлял скорость так резко, что автобус тошнотворно дергался на протяжении всего месячного тура.

В автобусе они ради развлечения включали легендарную запись телефонного хулиганства, в которой человек с пронзительным нью-йоркским акцентом словесно оскорбляет всех, от флористов до автомехаников. Через некоторое время это стало дежурной шуткой тура, и гостей могло шокировать, когда члены команды тура называли друг друга «засранцами» и «уродами» без видимой на то причины.

Гастроли в Европе всегда более утомительны из-за дезориентирующих стремительных изменений в часовых поясах, еде и языке, не говоря уже о том, что в каждой стране группе приходилось иметь дело с новыми компаниями звукозаписи. И средств массовой информации становилось все больше – в каждой новой стране появляется огромное множество телевизионных каналов, газет и журналов. Часто группа не могла отказаться от участия в пресс-конференции, потому что это означало бы, например, что все население Дании не увидит по телевизору интервью с Nirvana.

А порой это был просто вопрос темперамента.

– Это была панк-рок-группа, а не мальчишеский хор, – отмечает Дэнни Голдберг из Gold Mountain. На этот раз пресса освещала их мрачность, но ничего нового в этом не было.

А дома, в Штатах, вовсю бушевала Nirvana-мания. Альбом стремительно поднимался в чарте Billboard, прыгая с 35-го места на 17-е и 9-е (топ-10!), вплоть до № 4 и держась в районе Топ-10 на протяжении большей части ноября и декабря. Люди рвались в магазины, чтобы купить его, критики обсуждали неоднозначность и глубину текстов Курта, андеграундная сцена начала говорить об инди-революции, нельзя было включить MTV, не увидев Teen Spirit, нельзя было пойти куда-нибудь в Сиэтле и не услышать разговор об успехе группы, и все, кто хоть немного интересовался рок-н-роллом, размышляли о том, что же все это значит.

Курт не мог признаться самому себе, из-за чего вся эта шумиха.

– Очевидно, я не хотел бы позволять своему эго признать то, что мы такая замечательная группа и действительно заслуживаем такого внимания, но я знал, что мы были лучше многих, – говорит он. – Я знал, что мы были в сто раз лучше, чем гребаные Guns n' Roses, или Whitesnake, или любое другое дерьмо. Я просто чувствовал себя глупо из-за этого, потому что в андеграунде есть много других групп, которые так же хороши или даже лучше, чем мы, а мы – единственные, кто получает хоть какое-то внимание.

Из-за этого мне было жаль всех, кто сходил по нам с ума, потому что было печально, что мы – одна из немногих групп, подобных нам, которая попала в мейнстрим.

Затем им пришла в голову идея использовать свою славу для продвижения групп, которые, по их мнению, были тоже достойны такого внимания.

– Сначала мы были очень взволнованы – мы действительно думали, что сможем что-то с этим сделать, – говорит Курт. – Но единственное, что произошло с тех пор, как мы стали популярными, – это Lemonheads, гребаная альтернативная кавер-группа, теперь одна из любимых групп Дэвида Леттермана.

На самом деле многие из тех, кто появился на коллекции футболок Nirvana, как минимум получили контракты с крупными лейблами: Flipper, Дэниел Джонстон, Eugenius, Melvins, Wool и Shonen Knife среди прочих.

– Это все было сделано не для того, чтобы у групп появилась возможность заключить крупные контракты, – говорит Курт. – А лишь затем, чтобы какой-нибудь идиот из пригорода попытался найти их альбом.

В Меццаго, недалеко от Милана, Шелли и Эд «Кинг» Розер из Urge Overkill нашли способ проникнуть в винный погреб отеля, воспользовавшись служебным лифтом.

– Они притащили ящик разных сортов вина, и мы опустошили почти все бутылки, – вспоминает Нэш Като из Urge. – На следующее утро отель был похож на место для блевоты. Характерные звуки были слышны по всем коридорам. Я зашел в комнату Криста и Шелли, а они сплелись друг с другом, как муж и жена.

Через пару дней Nevermind стал платиновым в США. Крист говорит:

> – Альбом стал платиновым, мы все оказались на MTV, и это как-то странно, типа, что теперь? Что будет дальше? Мы станем новыми Led Zeppelin и величайшей группой девяностых или просто развалимся на части? Или что?

Так как Курт и Кортни были на гастролях в Европе в одно и то же время, они возобновили свой телефонный роман.

– Именно тогда мы начали по-настоящему влюбляться – по телефону, – говорит Курт. – Мы звонили друг другу почти каждый вечер и посылали факсы через день. Мне пришел счет за телефон на три тысячи долларов.

Кортни сбежала с концерта Hole только для того, чтобы потусоваться с Куртом в Амстердаме.

Несмотря на возбуждение, кипящее вокруг Nirvana, Курт все еще считал, что его существование довольно скучное и что Кортни – это спасение.

– Сначала я просто хотел добавить немного эмоций в свою жизнь, – говорит Курт. – Я никогда не встречал никого столь же откровенного и харизматичного. Похоже, Кортни – магнит для захватывающих событий. Если бы я просто случайно шел с ней по улице, кто-то мог бы напасть на нас с ножом без всякой причины, просто потому, что она кажется человеком, который привлекает подобные события. А я по большей части просто хотел позлить людей.

Курт часто скучал на гастролях.

– Мои воспоминания о туре обычно заканчиваются тем, как невыносимый Крист, пьяный в хлам, стоит на столе и снимает с себя одежду, – говорит Курт. – Или мы стреляем из огнетушителя или чего-нибудь в этом роде. Я просто хотел сделать что-то действительно захватывающее. Я хотел попробовать начать жить интересной жизнью. Я решил, что Кортни – это лучший выбор. Я знал, что в лагере Nirvana не найдется ни одного человека, который бы это одобрил. Потому что они все чертовски скучные. Их жизнь такая банальная. Мне неприятно это говорить, но именно так я себя и чувствую. Все, кого я знаю, с кем мы работаем, – в них не так уж много панк-рока. Никто не хочет совершать безумных поступков, вроде «давай просто рванем куда-нибудь». Всегда был своего рода строгий режим – давай сходим на концерт, поиграем, поужинаем и ляжем спать. Я просто устал от этого.

Кортни соответствовала представлению Курта о себе как о «белой вороне» группы.

– Я уходил с Кортни, и мы покупали наркотики, трахались у стены снаружи, и устраивали сцены просто так, – говорит он. – Это было весело – быть с кем-то, кто вдруг встает, разбивает стакан о стол и начинает на меня кричать. Это было безумно весело.

Такая сильная личность, как Кортни, оказывала столь же сильное влияние на окружение.

> – Я думаю, что сначала все были немного озадачены, – говорит менеджер тура Алекс Маклеод, усмехаясь. – Она появлялась, и это было похоже на приближение торнадо. Все устали и расслабились, а она приходит и заговаривает тебе зубы – у нее было столько энергии, Бог знает, как она это делала. Но она была очень веселой. Она была забавной.

Дэйв, который был совсем не «ранней пташкой», начал жить в одной комнате с Маклеодом. Маклеод все чаще и чаще стал срывался на Дэйва.

Наконец Дэйв не выдержал и обратился к нему.

– В чем дело? Что случилось? – спросил Дэйв.

– ДА ПОШЕЛ ТЫ! – огрызнулся Маклеод.

Всякий раз, когда Маклеод пытался разбудить Дэйва утром, тот кричал во сне: «Пошел ты! Оставь меня в покое на хрен! Вот же дерьмо!» и снова мирно падал спать на подушку. Позже он спускался к завтраку и удивлялся, почему Маклеод так сердито смотрит на него.

Стресс, возникший на почве тура, начал брать свое, и к Дню благодарения группа начала посылать сигналы S.O.S. Джону Сильве в Gold Mountain.

– Мы все устали, – говорит Крист. – Я постоянно напивался. Мне было хорошо, когда я выпивал около трех бутылок вина за ночь. Потом мне было плохо, я кашлял. Я был бледен, у меня были синие губы. А еще я курил гашиш, сигареты и пил гребаное бордо. «Где мое бордо?» Я выпивал по три бутылки за ночь. Первая бутылка всегда была для разогрева. Несколько концертов я вообще с трудом могу вспомнить.

У Криста есть простое объяснение его пьянству.

– Стресс, – говорит он. – У меня был стресс. Это был единственный способ, с помощью которого я мог с ним справиться.

– Казалось, что мы уже не можем остановиться. Мы не знали, куда нас везут, и просто ехали, – говорит Дэйв.

Во время американского тура желудок Курта начал барахлить. Хронический грипп, который продолжался на протяжении всего европейского турне, вызвал бронхит, а Курт не мог бросить курить свои самокрутки.

– Я помню только то, что мне было реально хреново, я был голоден и все время болел, – говорит Курт. – Я постоянно принимал сироп от кашля и пил. Бронхит так плохо на меня влиял, что несколько раз перед выступлениями я кашлял до рвоты. Помню, в Эдинбурге мы вызвали доктора. Меня рвало в мусорный бак, я кашлял, а он ни хрена не мог мне помочь.

Даже непоколебимый Дэйв начал ломаться.

– Я стал бояться летать, очень сильно, – говорит он. – Меня начали пугать странные вещи, словно внезапно у меня появилась клаустрофобия, хотя раньше ее никогда не было.

– Я был безумен, – говорит Дэйв. – Я был не в своем уме, мать твою. Я устал от игры, мне надоело. Я так волновался во время

концертов – и даже до сих пор волнуюсь. Пока мы играем, я просто схожу с ума от того, что сейчас свихнусь, меня начнет тошнить и я потеряю сознание, а потом сотни тысяч людей отправятся домой, и я буду нести за это личную ответственность. Со мной это происходит каждый раз, когда мы играем. Я не могу это объяснить, это такая странная вещь, которая была со мной всю мою жизнь, – сильная, страшная тревожность. Однажды кто-то сказал мне, что можно загипнотизировать себя, если смотреть в зеркало часами напролет, и мне удалось, и это очень сильно напугало меня на всю оставшуюся жизнь. Мне было лет тринадцать-четырнадцать.

> – Я не знаю, как это объяснить, это не так безумно, как кажется, – продолжает он. – Все это – постоянный страх сойти с ума. Это не тот страх, который приходит на пять минут, а потом уходит. Ты постоянно думаешь – как понять, что ты сошел с ума? Где тот момент, когда ты просто срываешься и полностью теряешь рассудок? Так что в этом туре все было настолько безумно, все двигалось со скоростью сто миль в час, и это ухудшало мое состояние в десятки раз.

5 декабря, накануне того дня, когда Nirvana выступала на фестивале TransMusicale в Ренне, Франция, Курт и Кортни лежали в постели и решили пожениться.

На следующий день в Ренне, пока Курт сидел в своем гостиничном номере, Крист во время пресс-конференции выпил целую бутылку вина. Дэйв не мог вставить ни слова.

Решение отменить оставшуюся часть тура, прежде чем выйти на сцену на TransMusicale, было принято с огромным облегчением.

> – Мы собирались лететь в Скандинавию, там было ниже нуля, и все рейсы туда были в шесть утра, – говорит Крист. – Это была бы катастрофа, это была бы гребаная катастрофа. Мы бы развалились на части, мы бы свихнулись. Наверняка бы кто-то из нас сорвался. Лучшим решением было поехать домой и отдохнуть.

Перед толпой в девять тысяч человек они открыли выступление глупой, дурацкой версией песни The Who Baba O'Riley с Дэйвом на вокале.

– Я вылетел оттуда, как сумасшедший, – говорит Крист. – А потом я вернулся домой и всю ночь мучился лихорадочными галлюцинациями. Лежал в постели и думал, что в комнате

привидение или что-то подобное. Я потел всю ночь напролет.

После тура Курт, Крист и Дэйв разошлись в разные стороны. Крист и Шелли занялись поисками и купили себе дом. Сначала они собирались внести скромный первоначальный взнос. Потом начали приходить чеки на выплату гонораров, и они решили, что могут выложить половину суммы. Затем роялти пришли в полном объеме, и они просто купили себе дом за 265 000 долларов.

– Через три дня после того, как все закончилось и ты перестал играть, тебе снова хочется играть, – говорит Дэйв.

Глава IX
Настало время внести неясность

На Nevermind не было вкладки с текстами.

– Наверное, я был недостаточно уверен в себе, – говорит Курт.

Сначала он хотел напечатать какие-то свои стихи, потом какой-то «революционный мусор», потом решил не печатать там ни картинок, ничего. В последнюю минуту он выбрал несколько строк из песен (и пару строк, которых нет ни в одной из песен) и объединил их в стихотворение.

Курт говорит, что «революционный мусор» означал «всевозможные анархические, революционные эссе и диаграммы о том, как сделать свою собственную бомбу».

– И я просто подумал, что нам лучше повременить, – говорит он. – Если мы когда-нибудь действительно захотим это сделать, то эффективнее будет, если сначала мы добьемся популярности. Тогда люди могли бы лишний раз подумать об этом, а мы бы не оттолкнули всех сразу. Но, как только мы стали по-настоящему популярны, нам стало очень трудно сдерживаться. Мы играли в эту игру так долго, как только могли.

Часть игры состоит в том, чтобы пойти на ужин с влиятельными редакторами музыкальных журналов и изображать перед ними дружелюбие, чтобы они написали о группе хорошую статью или положительный отзыв. В один из таких вечеров группа отправилась на обед в шикарную забегаловку в Беверли-Хиллз с редактором журнала Rip Лонном Френдом.

Перед обедом Курт, Крист и Дэйв посетили офис Френда.

– Я посмотрел на стену офиса и заметил, что у Лонна есть фетиш, – говорит Курт. – Фетиш на рок-н-ролльные задницы. У него была куча его фотографий с набирающими популярность группами, на которых либо он голый, либо группы со спущенными штанами. Лонн щиплет их за задницы. У него были фотографии с голыми рок-звездами из этого журнала. Он лежит в ванне голый, а они стоят вокруг него, и это начало меня пугать.

– Это было отвратительно, потому что мы фактически продавали себя этому человеку. Мы должны были понять, нравимся ли мы ему и решит ли он нас продвинуть, – продолжает Курт. – Это было самое мерзкое чувство, которое я когда-либо испытывал. Я просто решил не говорить ни слова и сидеть там, злиться и вести себя по-настоящему безумно. Единственное, что он сказал мне после того, как встал, и собирался уйти, было:

«Курт, ты не должен так много говорить». Он был очень обижен, просто в ярости.

> Конечно же, Rip не поддерживал Nirvana до тех пор, пока избегать этого стало практически невозможно, на пике Nirvana-мании. Когда группа отказалась сотрудничать с Rip из-за того, что журнал напечатал специальный выпуск о группе без их разрешения, на странице с письмами стало появляться все больше и больше публикаций против Nirvana.

– Будь мы умнее, – говорит Курт, – мы бы еще немного поиграли в эту игру, чтобы вызвать одобрение читателей Rip, чтобы мы нравились им настолько сильно, что было бы неважно, что мы говорим, это вовсе не имело бы значения. Но мы слишком быстро сдулись. В то же время мне жаль этих детей, ведь я был одним из них. Нельзя винить четырнадцатилетнего ребенка за то, что он назвал кого-то педиком, если он вырос в семье, где его отчим годами твердил это и это было в порядке вещей.

В то время как старики называли тексты Курта бессвязными, его Уитменовские примеры образов, идей и эмоций соответствовали коротким промежуткам внимания детей, переключающих каналы ТВ.

– Я очень редко пишу на одну и ту же тему, – сказал однажды Курт в интервью газете Seattle Times. – В конце концов эта тема мне надоедает, и в середине песни я уже пишу что-то другое, а заканчиваю песню вообще другой идеей.

Как и Блэк Фрэнсис из Pixies, Курт не всегда писал свои тексты с последовательным смыслом. В наиболее успешных песнях слова и музыка сталкиваются, чтобы произвести мощные и отчетливые ощущения – «A denial, a denial» («отрицание, отрицание») в Teen Spirit; «And I don't have a gun» («и у меня нет оружия») в Come as You Are; «she said» («она сказала») в Breed или даже старое доброе «yeah», повторенное в Lithium тринадцать раз для большей выразительности. Большая часть текстов взята из стихотворений, которые Курт писал в блокнотах на спирали каждый вечер перед сном, так что импрессионистское качество происходит в основном из сопоставления, казалось бы, не связанных строк, а не из потока сознания, следующего от слова к слову.

Эффект похож на музыкальный тест Роршаха, но, что более важно, строки складываются в очень связные идеи и эмоции, концепцию которых можно понять. Конечно, иногда даже Курт немного путался. «What the hell am I trying to say?» («Что, черт возьми, я пытаюсь сказать?») – пел он в On a Plain.

> В своих песнях Курт имеет дело с крайностями и противоположностями, которые оживляют песни. Одним из самых известных странных куплетов в Smells Like Teen Spirit был «A mulatto, an albino/ A mosquito, my libido» («мулат, альбинос/ комар, мое либидо»). На самом деле это не более чем две пары совершенно не связанных между собой слов, забавный способ сказать, что рассказчик очень возбужден.

Тексты песен часто выхватывают идею, а затем сбивают ее одним небольшим взрывом цинизма. Даже музыка вторит динамическим контрастам образов. Многие песни – прежде всего Smells Like Teen Spirit и Lithium – чередуют приглушенные, пульсирующие секции с тотальными кричащими блицкригами, в то время как сам альбом включает в себя такие песни, как акустическая Polly и величественная Something in The Way, а также примитивные крики, такие как Territorial Pissings и Stay Away.

Курт достаточно умен, чтобы понять, что двойственность – это отражение его самого и, возможно, его аудитории.

– В одном случае я нигилистичный придурок, а в другом – весь такой ранимый и искренний, – говорит он. – Примерно так и получается каждая из песен. Это как смесь того и другого. Я похож на большинство людей моего возраста. В один момент они саркастичны, а в другой – заботливы. Это очень трудная линия поведения.

Мало какие песни из Nevermind сочетают в себе эту смесь лучше, чем Teen Spirit.

– По сути, это была афера, – говорит Курт о песне. – Это была моя идея. Я чувствовал себя обязанным описать то, что я чувствовал по отношению к своему окружению, моему поколению и людям моего возраста.

Однажды вечером Курт и Кэтлин Ханна из Bikini Kill пошли выпить, а затем отправились рисовать граффити, раскрашивая Олимпию «революционными» и феминистскими лозунгами (включая вечно популярное «Бог – гей»). Вернувшись в квартиру Курта, они продолжили говорить о подростковой революции и писать граффити на стенах квартиры. Ханна написала слова: «От Курта веет подростковым духом»[84].

– Я воспринял это как комплимент, – говорит Курт. – Я думал, это была реакция на наш разговор, но на самом деле это означало, что от меня пахло дезодорантом. Я еще несколько

месяцев после выхода сингла не знал, что этот дезодорант-спрей существует. Я никогда не пользовался одеколоном или дезодорантом для подмышек.

Практически с момента своего приезда Курт был завален кальвинистскими дискуссиями о «подростковой революции» в кофейнях Олимпии; в конце концов, это то, что делают богемные люди в начале двадцатых годов – это прописано в инструкции.

– Я знал, что там была какая-то революция, – говорит он. – Являлся ли этот момент положительным или нет, мне было все равно.

Кальвинистам такое сравнение могло бы не понравиться, но во многих отношениях подростковая революция напоминала цели Нации Вудстока. То есть молодые люди создавали и контролировали свою собственную культуру, а также свою политическую ситуацию, спасающую их от циничного и коррумпированного старшего поколения. Идея состояла в том, чтобы сделать молодежную культуру честной, доступной и справедливой во всех отношениях – с художественной, деловой и даже зрительской точки зрения, – сделав ее диаметрально противоположной тому, во что превратили ее американские корпорации. После этого политические перемены будут неизбежны.

Курт не сомневался, что кальвинисты были искренни, и ему нравились их идеи, но он сомневался в их перспективах. Он находил их альтруизм наивным – они, казалось, не понимали, что все это было несбыточной мечтой.

– Кажется, что все на андеграундной сцене стремятся к утопии, но существует настолько много различных фракций, и они настолько разделены, что это просто невозможно, – говорит Курт. – Если ты не можешь заставить гребаное андеграундное движение объединиться и прекратить пререкаться из-за ненужных мелочей, то как, черт возьми, ты собираешься добиться этого на более масштабном уровне?

Курт даже ощутил, что на Nirvana давят, требуя помочь революционному движению.

– Я чувствовал, что моя группа оказалась в ситуации, когда она должна была в революционном смысле бороться против крупных корпораций, – говорит Курт. – Множество людей ждали этого. Они говорили мне: «Вы поистине можете стать инструментом, стать тем, что действительно изменит мир». А я думал: «Как вы смеете так давить на меня? Это глупо. И я чувствую себя глупым и заразным».

Таким образом, «подростковый дух» – это в каком-то смысле саркастическая реакция на идею реальной революции, но он также поддерживает эту идею. И дело не только в конфликте двух противоположных идей, но и в смятении и гневе, которые этот конфликт вызывает у рассказчика, – он злится на то, что запутался. Идея «Это забавно – проигрывать и притворяться» признает трепет альтруизма, даже подразумевая, что это явно бесполезно.

> – Вся песня состоит из противоречивых идей, – говорит Курт. – Это просто насмешка над мыслью о революции. Но мысль-то хорошая.

Частью принятия революции является уничтожение апатичных типов, которые не поддерживают ее. Сам Курт признает, что его поколение больше других страдает от апатии.

– О, конечно, – говорит он. – Особенно люди из рок-групп, которые не имеют образования. Это нападение и на нас. Мы должны были пролить немного света на наши идеалы, на то, откуда мы пришли, но на самом деле мы не способны даже на это. Мы проделали довольно хорошую работу, но это никогда не было нашей первоочередной целью. Мы просто хотели быть в гребаной группе.

Teen Spirit звучит жестоко – стук барабанов явно полон злости, гитары – сплошная роящаяся масса едва сдерживаемой жестокости, вокал больше похож на крик, чем на пение.

– Я не думаю о песне в таком ключе, – говорит Курт. – На самом деле это вовсе не такая уж грубая песня. Крик по-настоящему звучит только в конце. Она такая чистая, и это просто идеальная смесь чистоты и сладких задниц, и в ней были как мягкие места, так и крючки, которые просто впиваются вам в голову на протяжении всей песни. Человеку, не привыкшему к чему-то подобному, это может показаться чрезвычайно жестким, но как по мне, это звучит довольно слабо.

Скорее всего, музыка Nirvana была так сильно наполнена гневом из-за его семейных проблем.

– Я уверен, что это так, – говорит Курт, – но я очень зол на общество, и в любом случае стремился бы к такой музыке.

У Дэйва Грола несколько иной взгляд на смысл песни.

– Честно говоря, я не думаю, что все именно так, – говорит он. – По большей части дело в названии песни, а это всего лишь строчка, которую друг написал на стене. Это было забавно и остроумно. Это, в сочетании с видео с этим адским фестивалем, во многом определило смысл песни. Просто видя, как Курт пишет текст песни за пять минут до того, как впервые споет ее, довольно

трудно поверить, что песня несет в себе какое-то послание. Есть пространство, которое просто нужно заполнить слогами или рифмами.

Если оставить в стороне импровизированные каракули, одним из примечательных аспектов Teen Spirit было то, что, в отличие от многих предыдущих песен такого типа, Курт ни в чем не винил старшее поколение – он возлагал вину на свою собственную аудиторию. Это подразумевает чувство ответственности, которое не совсем соответствует стереотипу бездельника. Хотя Teen Spirit был смелым и провокационным вызовом, Курт чувствует, что перешел черту осуждения.

– Я попал в ловушку, указывая пальцем на это поколение, – говорит Курт. – Результат не очень-то позитивный. Он вызывает отчуждение и ощущение, словно злой отчим говорит тебе что-то вроде: «ты должен сделать все правильно» или «ты должен быть более полезным, или ты перестанешь мне нравиться». Я не собираюсь этого делать, потому что знаю, что в восьмидесятые годы мое поколение было чертовски беспомощным. Правое крыло было столь сильным, что мы почти ничего не могли поделать.

Я знаю, что, вероятно, создалось ощущение, будто «Курт Кобейн ненавидит своих слушателей, потому что они апатичны», а это не совсем верно. За последние два года я заметил, что у молодого поколения более позитивное, более разумное сознание, и доказательство тому – глупые вещи, такие как журнал Sassy[85] и MTV в целом.

Хотите вы это признать или нет, но позитивное понимание есть, и люди становятся более человечными. Я всегда был оптимистом, но внутри меня живет этот маленький Джонни Роттен, который просто обязан быть саркастическим мудаком.

Создав эту песню, в том положении, в котором мы находились, я не могу утверждать, что высмеивал или же саркастически или осуждающе относился к молодежному рок-движению, потому что отношение ко мне сразу стало бы отрицательным. Сначала я хотел обмануть людей. Я хотел, чтобы люди думали, что мы ничем не отличаемся от Guns n’ Roses. Потому что тогда они бы сначала слушали музыку, принимали нас, а потом, возможно, начинали слышать именно то, что мы хотели сказать после того, как мы получили признание. Так было проще.

In Bloom изначально была нацелена на дилетантов андеграундной сцены, спортсменов и мелких мейнстрим-типов, которые начали ходить на концерты Nirvana после выхода Bleach.

Но что примечательно, она еще больше соответствовала той массовой популярности, которую обрела группа. В песне смешиваются образы рождаемости и разложения, особенно в припеве, о парне с пистолетом, который любит подпевать музыке Nirvana, «но он не знает, что это значит». Блестящая ирония заключается в том, что мелодия настолько хорошо запоминается, что миллионы людей действительно подпевают ей. К тому же она хорошо описывает бывших участников группы, таких, как Джейсон Эверман, Дэйв Фостер и Аарон Буркхард, которые были искренне увлечены музыкой группы, но не совсем соответствовали панк-рок-идеалам Курта и Криста.

Come As You Are звучит не так, как все остальные песни на этой пластинке, – с этим таинственным мутным, расплывчатым ощущением она показывает превращение Курта из мизантропа в человека более широких взглядов.

> – Я устал от людей, осуждающих друг друга и ожидающих, что люди оправдают их ожидания, – говорит Курт. – Я делаю это всю свою жизнь. Я – Рыбы по гороскопу, а для Рыб свойственно расстраиваться из-за людей и ожидать, что они будут вести себя определенным образом, а они не делают этого, и поэтому ты постоянно зол на них. Я устал от этого.

Герой песни признается, что не уверен, как будет выглядеть другой человек, но готов принять его, со всеми противоречиями и тому подобным. Более того, он добавляет, что, когда встреча состоится, не будет никакого осуждения, – «и я клянусь, что у меня нет оружия». Это удивительно прекрасное ощущение.

Еще больше двойственности возникает, когда Курт призывает кого-то: «не спеши, не опоздай» и «приходи, измазанный грязью, пропитанный отбеливателем». Сам Курт тоже полон противоположностей: мужское/женское, насильственное/ненасильственное, поп/панк. Он решил принять все это, быть таким, какой он есть. Возможно, вместо того чтобы разрешить противоречия, он позволит им жить вместе под одной крышей, иногда воюя, иногда объединяясь, чтобы создать мощную третью сущность.

Как только Breed набирает стремительные обороты, Курт полдюжины раз кричит «I don’t care» («мне все равно»), затем «I don’t mind» («я не возражаю») и, наконец, «I’m afraid» («я боюсь»), говоря о прямой связи между апатией, невежеством и страхом примерно столько, сколько нужно сказать. «I don’t mind if I don’t have a mind» («Мне плевать, все равно сойду с ума») – это просто вишенка на торте.

Название Lithium – это обновленное определение религии как «опиума для народа», согласно Марксу. Курт говорит, что на эту песню его вполне могла вдохновить семья Джесси Рида, единственные ревностные христиане, с которыми он когда-либо контактировал напрямую. Курт говорит, что он не слишком антирелигиозен.

– Я всегда считал, что у некоторых людей в жизни должно быть место для религии, – говорит он. – Это прекрасно. Если религия кого-то спасает, то все хорошо.

И персонаж песни нуждался в религии. Песня не совсем автобиографична, но легко заметить сходство между отчаянием и одиночеством Курта в Олимпии и тем плачевным состоянием, в котором находится персонаж. В ту зиму 1990 года Курт не нашел своей религии, но он обрел другой вид нирваны.

Песня Polly основана на реальном событии, произошедшем в Такоме в июне 1987 года. Четырнадцатилетнюю девочку, возвращавшуюся с панк-концерта в Community World Theater, похитил человек по имени Джеральд Френд (не имеющий никакого отношения к Лонну), который подвесил ее вниз головой на веревке, прикрепленной к потолку его передвижного дома, насиловал и пытал кожаным хлыстом, бритвой, горячим воском и паяльной лампой. Позже она сбежала из его машины, когда он остановился на заправке. Френд был арестован, осужден и, скорее всего, проведет остаток своей жизни в тюрьме. Единственным приукрашением истории Курта был намек на то, что девушка сбежала, обманув насильника и заставив его думать, что ей нравится то, что он с ней делает.

Изнасилование – это одна из постоянных тем как в интервью Курта, так и в его песнях. Словно он извиняется за весь мужской пол.

> – Мне совсем не стыдно быть мужчиной, – говорит Курт. – Есть множество мужчин, которые находятся на стороне женщин, поддерживают их и помогают влиять на других мужчин. На самом деле мужчина, который служит примером для других, вероятно, может оказать большее влияние, чем женщина.

Хотя название Territorial Pissings кричит о мачо-позерстве, песня часто служит поводом для оргий по уничтожению инструментов в конце выступления группы. Текст песни – это по большей части разрозненные идеи, которые нравились Курту. Про первые слова песни («When I was an Alien…» – «Когда я был инопланетянином…») он говорит, что всегда хотел верить, что он действительно из космоса. Фантазия, которую Курт только

недавно перестал прокручивать в голове, состояла в том, что он на самом деле инопланетный подкидыш.

– Я очень хотел быть с другой планеты, – говорит Курт. – Каждый вечер я разговаривал с моими настоящими родителями и моей настоящей семьей в небесах. Я знал, что там были тысячи других инопланетных младенцев, и они были повсюду, и я встречал довольно многих из них.

Фантазия поддерживала идею Курта о том, что «должна быть какая-то причина того, почему я здесь».

(Так уж совпало, что существа на картинах Курта удивительно похожи на художественные изображения инопланетян, появлявшиеся повсюду, начиная от еженедельника Weekly World News, заканчивая обложкой Communion[86], якобы научно-популярной книги Уитли Стрибера о близких контактах с существами из космоса.)

Песня также демонстрирует, что Курту были не чужды лирические «кирпичики»: «Just because you're paranoid doesn't mean they're not after you» («То, что ты параноик, не значит, что за тобой не следят») – это довольно старая поговорка, написанная на кофейной кружке.

«Never met a wise man, if so it's a woman» («Я никогда не встречал мудрого человека, разве что им оказывалась женщина»).

– Самое большое доказательство, которое у меня есть, – это то, что вряд ли существуют женщины, ответственные за начало войны, – говорит Курт. – На самом деле они менее жестоки.

К этому времени начинаешь задаваться вопросом, как Курт вообще объясняет то, что он мужчина. Его первая реакция весьма показательна.

– Не знаю, – говорит он. – Кастрация.

Позже в On a Plain он «кастрирован и стерилизован» («neutered and spayed»); в Come as You Are у него нет «оружия».

Много раз отмечалось, что в первых трех песнях из альбома упоминается оружие.

– Отец Дэйва Грола пытался провести аналогию с этим, – говорит Курт. – Будто бы я ассоциирую пистолеты с моим пенисом. Я не знаю почему. Я не осознавал, что трижды упомянул оружие. Я сам пытался найти этому объяснение и не могу, правда не могу.

Перефразируя доктора Фрейда, иногда пистолет – это просто пистолет. Но не в этот раз.

Drain You – это любовная песня, точнее, песня о любви. Во вселенной Курта двое детей из песни представляют двух людей, которых любовь довела до состояния совершенной невинности.

– Я всегда думал о двух сопляках, которые лежат на одной

больничной койке, – говорит он.

Тексты песен смешивают полную зависимость младенцев с их нарциссизмом – «I don't care what you think/Unless it is about me» («Мне все равно, о чем ты думаешь, если только не обо мне»), – говорит один из них. Несмотря на очевидную сексуальную коннотацию, образ высасывания инфекции в основном относится к освобождению другого от плохих чувств, как высасывание яда из места укуса змеи. Медицинская тема (песня изобилует жидкостями, инфекциями и витаминами) будет доминировать в следующем альбоме.

Название Lounge Act появилось из-за того, что «нам казалось, что эта песня звучит как лаунж-песня, – говорит Курт, – как будто играет какая-то барная группа».

Но в тексте нет ничего подобного.

> – Эта песня в основном о наличии определенного видения, о том, кто задушен отношениями и не в состоянии закончить то, что хотел сделать творчески, потому что на пути встал другой человек, – говорит Курт.

Строчка, гласящая: «I've got this friend you see who makes me feel…» («У меня есть друг, который заставляет меня чувствовать…»), относится к некоторым из друзей Курта в Олимпии и движению Riot Grrl, которые вдохновили Курта отказаться от своей мизантропии и вырваться из того, что он называет «нигилистическим монашеским миром», созданным им в крохотной коробке своей квартиры.

Stay Away, несомненно, начиналась как обвинение кальвинистской сцены в Олимпии, но в более широком смысле песня могла относиться к любой конформистской группировке – «Monkey see monkey do/ I don't know why I'd rather be dead than cool» («Обезьяна видит, обезьяна делает/Я не знаю почему, но я бы предпочел быть мертвым, чем крутым»).

Название On a Plain можно прочесть как каламбур, как «aeroplan». Несмотря на то, что в целом Курт был несчастен, но он осуществил свои мечты к тому времени, когда написал эту песню. Он летал в Лос-Анджелес и Нью-Йорк, потому что крупные звукозаписывающие компании отчаянно хотели подписать контракт с его группой.

– Я полагаю, что это просто способ сказать, что я все еще жалуюсь и я недоволен, но у меня действительно все лучше, чем я когда-либо ожидал, – признается Курт.

Само построение песни On a Plain является частью лирического мотива. «I'll start this off without any words» («Я начну

без лишних слов»), – начинает Курт. Он объясняет строчку «Somewhere I have heard this before/ In a dream my memory has stored» («Я где-то слышал это раньше/Во сне, который сберегла моя память») тем, что «слышал этот бридж в какой-то другой песне, не знаю, в какой».

– Когда-нибудь я это выясню, – добавляет он с явным сарказмом в голосе, чтобы намекнуть на то, что оригинальный автор предъявит ему иск об авторских правах.

Написав строки «One more special message to go, then I'm done and I can go home» («Еще одно особое послание, и все, я смогу пойти домой»), он имел в виду, что On a Plain была последней песней, для которой он должен был написать текст.

«It is now time to make it unclear/To write off lines that don't make any sense» («Пришло время внести неясность/Написать строки, у которых нет смысла»).

> – Это был мой способ сказать, что первые две строки кажутся утверждениями, но никакого смысла они не несут, – говорит Курт. – Я просто хочу донести, что это все бессмысленно, так что не воспринимайте их слишком серьезно.

Но, возможно, он слишком сильно протестует. «My mother died every night» («Моя мать умирала каждую ночь») и «The black sheep got blackmailed again» («паршивую овцу снова шантажировали») сопоставляются с личным опытом Курта. Первая строчка звучит как отсылка к травматическому опыту Венди с ее жестоким бойфрендом; Курт часто называет себя паршивой овцой. Скажите ему об этом, и он пожмет плечами, тихо засмеется и пробормочет: «Я не знаю…» После таких разоблачений строка «пришло время внести неясность» кажется попыткой Курта скрыть свои следы, словно он уже и так чрезмерно раскрылся.

Несмотря на свое отрицание большинства других песен на пластинке, Курт признает, что Something in the Way связана с его личным опытом жизни под мостом в Абердине. Хотя для пущего эффекта это слегка преувеличено.

– Словно я жил под мостом и умирал от СПИДа, будто бы я был болен и не мог двигаться и был настоящим уличным человеком, – говорит он. – Это была своего рода фантазия.

* * *

Хотя Курт решительно отвергает ярлык «голоса поколения»,

он признает, что в альбоме действительно есть что-то о его сверстниках.

– О, конечно, – говорит он. – Мы – идеальный пример среднего необразованного двадцатилетнего американца девяностых годов.

И двадцатилетние – это поколение, которое было убеждено, что упустило все лучшие времена.

– В значительной степени определение того, кто мы есть, – это панк-рокеры, которые не были в панк-роке, когда он процветал, – говорит Курт. – Так было всю мою жизнь, потому что, когда я увлекся The Beatles, они уже много лет как распались, и я этого не знал. Я очень хотел увидеть The Beatles, но узнал, что их уже не существует. То же самое и с Led Zeppelin. Они распались много лет назад.

Но дело не только в этом.

– Я думаю, что есть универсальное проявление психологической травмы, которую получили все мои ровесники, – говорит Курт. – Я вижу, что многие люди, очень похожие на меня, невротичны в определенных социальных ситуациях. Я просто замечаю, что все, кому чуть за двадцать, одинаково пострадали от своих родителей.

Курт описывает сценарий, согласно которому родители его поколения выросли в мягких, конформистских пятидесятых и начале шестидесятых, а затем, как раз в конце шестидесятых, завели детей. Натиск новых идей привел их вместе с их старыми ценностями в ступор, и они отреагировали на это пьянством, наркотиками, разводами.

– Все родители совершили одну и ту же ошибку, – говорит Курт. – Я не знаю точно, чем это можно объяснить, но моя история точно такая же, как у 90 процентов всех моих ровесников. Все родители разводились, всю среднюю школу их дети курили травку, они выросли в эпоху, когда существовала массовая коммунистическая угроза, и все думали, что мы умрем от ядерной войны, и в общество стало проникать все больше и больше насилия, и реакция у всех была одинакова. И личности у всех практически одинаковые. Есть только несколько людей моего возраста, возможно, пять различающихся личностей, и все они как бы взаимосвязаны друг с другом.

– Я не думаю, что наша музыкальная версия всего этого отличается от версии любой другой группы, появившейся одновременно с нами, – говорит Курт. – Я не думаю, что из-за этого ущерба, который нам причинили наши родители или наше общество, мы стали какими-то особенными. Мы такие же. Мы привлекли больше внимания, потому что наши песни цепляют и

застревают у людей в головах. У большинства групп, с которыми вы проводите интервью, родители в разводе. Все эти дети моего возраста задавали себе один и тот же вопрос в одно и то же время – какого хрена мои родители разводятся? Что происходит? Что-то здесь не так. Что-то в воспитании наших родителей пошло не так, как должно было. Они где-то облажались. Они живут в мире фантазий. Должно быть, они сделали что-то не так.

Это очень трудные мысли, особенно если тебе восемь лет, как тогда было Курту.

Анализ собственных песен в конце концов напомнил Курту кое о чем.

– Я только начинаю понимать, почему мне было так трудно на интервью, когда вышла эта запись, – сказал он. – Люди слушали песни и пытались заставить меня объяснить их, а у меня просто нет о них никакого мнения. Все они в основном говорят одно и то же: у меня есть конфликт между добром и злом, между мужчиной и женщиной, и все.

Глава X
Межформатный феномен

Массовый успех *Nevermind* был полной неожиданностью, но, оглядываясь назад, можно разглядеть много предупреждающих знаков. Копии треков из студийной сессии Smart циркулировали по всей индустрии и на бутлегах уже больше года, прежде чем вышел Nevermind, так что создатели индустрии вкуса и поклонники музыки уже распространяли слухи о группе; очередь на вечеринку в честь выпуска *Nevermind* растянулась на весь квартал. Футболки Nirvana «CRACK SMOKIN/KITTY PETTIN» были очень популярны, обеспечивая огромное количество бесплатной рекламы. Группа провела три тура по США и дважды посетила Европу; они получили восторженное благословение влиятельных музыкальных еженедельников Великобритании, не говоря уже о всепоглощающей печати одобрения Sonic Youth.

Sub Pop преуспел, потому что Пэвитт и Поунман изучили успехи и неудачи других лейблов и умело пользовались уже построенной инфраструктурой. И инфраструктура для того, чтобы Nirvana добились успеха, уже тоже была создана. Промоутеры и агенты по бронированию теперь знали, как обращаться с этой новой породой групп, а некоторые даже специализировались исключительно на них. Nirvana сохранили за собой лучшего юриста Алана Минца, который накопил опыт и контакты, выиграв отличные сделки для Jane's Addiction, Toad The Wet Sprocket и множества других новых групп; Nirvana увидела, что Sonic Youth довольны Gold Mountain, Geffen и даже режиссером видео Кевином Керслейком, и в конечном итоге последовала за ними ко всем трем. R.E.M. открыли группе двери на радио; сейчас Курт даже пользуется услугами бухгалтера R.E.M.

> К 24 сентября 1991 года Sub Pop и гранж-рок начали пузырями пробиваться в массовое сознание, но большинство потребителей не знали, как найти их пластинки, и основная музыкальная пресса не писала о музыке, и ее не транслировали на больших радиостанциях или MTV, поэтому никто не знал, какой гранж купить, даже если бы они его нашли.

Чудо распространения мэйджор-лейбла[87] дало *Nevermind* большую опору, сделав ее одной из первых гранж-пластинок (а

маленький логотип Sub Pop официально это подтвердил) для распространения в крупных сетях магазинов звукозаписи, где любой мог купить копию (и покупал). Кроме того, альбом вышел в начале учебного года, когда радио колледжей энергично ищут материал для пополнения своих списков воспроизведения.

Сама музыка была обновленным и усиленным вариантом того, что сделали такие группы, как Hüsker Dü и The Replacements, хотя ее корни исходили из чего-то коллективного бессознательного, как, например, Black Sabbath, так и The Beatles. И потом было это эффективное производство.

Nevermind был одной из первых «альтернативных» записей, которые хорошо звучали на радио. Сильно сжатые – это означает, что крайности высокой и низкой громкости были электронно ограничены – миксы Энди Уоллеса были специально адаптированы для мейнстримного радио, на котором, в конце концов, выигрываются или проигрываются кампании по продажам. По сравнению с обычными сырыми альтернативными записями, *Nevermind* звучал как пластинка Bon Jovi – словно горькую панк-пилюлю группы покрыла сахарная глазурь продакшена.

Стив Фиск, который работал над записью Blew, считает, что пластинка с ее мощными фланговыми басами и гитарами и большими реверберирующими барабанами очень похожа на британскую пластинку новой волны начала восьмидесятых годов, и называет ее «Теорией Джанет».

– Когда Джанет было пятнадцать, она по-настоящему увлеклась The Smiths, – начинает Фиск. – Они заставляли ее чувствовать себя особенной, она проводила долгие часы в своей комнате с включенным плеером Walkman, и родители не доставали ее, эти болезненные тексты действительно усиливали все эти чувства. Когда родители Джанет расстались, ей было очень тяжело. Затем Моррисси начал сольную карьеру, все ее друзья увлеклись этим, и это казалось таким банальным.

– Возможно, в шестнадцать или семнадцать лет она по-настоящему вошла в фазу британского мрака смерти, – продолжает Фиск. – Тогда она покрасила волосы в черный цвет и стала похожа на Сьюзи, не понимая, что к тому моменту это уже было пройденным этапом. Это был примерно 1986 год. Ее родители злились, и никто из друзей не делал ничего радикального со своей внешностью, так что Джанет действительно было хорошо. Конечно, вскоре этот образ пришел в торговые центры. И это перестало быть интересным.

– Где-то по пути Джанет попала в Клуб синглов Sub Pop. Она нашла музыку, которая действительно выводила людей из себя, и

стала девушкой гранжа. В целом эта демографическая группа была готова получить пластинку новой волны панка, такой, как *Nevermind*.

– Грустные тексты в веселых песнях – это The Cure, это Joy Division, – говорит Фиск. – Бедняжка Джанет, ей это очень понравилось.

Курту Кобейну эта теория очень нравится.

– Наверное, это правда, – смеется он.

СМИ придавали большое значение тому факту, что Билл Клинтон был первым американским президентом из поколения беби-бумеров, но по большей части игнорировали тот факт, что на тот момент бумеры уже доминировали в американской культуре в течение многих лет – особенно в музыкальном бизнесе. Беби-бумеры контролируют практически все аспекты мейнстримной музыкальной индустрии, руководят подписанием договоров, радиоэфирами, освещением в прессе. Таким образом, идолы беби-бумеров, такие как The Rolling Stones, The Beatles и Боб Дилан, остаются эталонами; все остальное – лишь бледная тень. Бумеры атакуют эфиры классическим роком. И когда людям надоедает слышать Brown Sugar в 3298-й раз, они выбирают «нового» артиста, такого как Black Crowes или Spin Doctors, который с удовольствием следует тем же стандартам бумеров, даже если утверждает, что является «бунтарем».

> Но к моменту выхода Nevermind появилась новая большая демографическая группа. Двадцатилетняя молодежь не воспитывалась на Let It Bleed[88], The White Album[89]и Blonde on Blonde[90]– это были старички. Некоторые называли их беби-бустерами, но на самом деле их было больше, чем бумеров. И они хотели, чтобы у них была музыка, которую они могли бы назвать своей.

Nevermind появился в нужное время. Это была музыка для совершенно новой группы молодых людей, которых не замечали, игнорировали или к которым относились снисходительно. Как двадцати-с-чем-то-летняя группа Sloan пела в Left of Centre: «I really can't remember the last time I was the center of the target of pop culture… I'm slightly left of centre/ of the bullseye you've created/ It's sad to know that if you hit me/ it's because you were not careful» («Я не могу вспомнить, когда в последний раз я был центром мишени поп-культуры… Я немного левее центра/левее от яблочка, которое вы создали/грустно осознавать, что если вы попали в меня/то это только потому, что вы были неосторожны»).

В конечном счете, дело было не столько в том, что Nirvana

рассказывали что-то новое о взрослении в Америке, а в том, как они это говорили. Они представляли собой, как сказал критик Los Angeles Times Роберт Хилберн, «пробуждающийся голос нового поколения». У него были самые разные последствия, от потребительского маркетинга до политической демографии. Это также ознаменовало окончательный конец беби-бумеров, гордящихся своей молодостью, как единственных арбитров молодежной культуры. Ответная реакция явно была предсказуема.

Nevermind полностью оправдывал ожидания и раз и навсегда доказал, что инди-рок полностью ушел в себя и стал далек от объединяющей силы, которой становился рок. Точно так же, как Курт сделал смелый шаг, исследуя свой поп-дар, *Nevermind* заставил жителей инди-мира задуматься, могут ли они любить музыку, которая нравится всем, и рассмотреть возможность того, что один из них может создать популярную музыку, которая выдержит негласный тест на лояльность инди. Некоторые чувствовали, что простая популярность Nirvana лишает их права голоса.

К тому же это была «альтернативная» музыка, которая могла нравиться и обычным людям. Внезапно альтернативный рок стал не просто вотчиной пресыщенных студентов колледжей – он начал отражать социальные реалии борющейся, меняющейся нации. *Nevermind* и последовавший за ним феномен фанк-н-ролла (Red Hot Chili Peppers, Fishbone, Faith No More и т. д.), наслаждаясь своим первым цветением, возобновил всеохватывающую силу рока. Поскольку Курт происходил из рабочего класса, успех *Nevermind* был окончательным выражением популистских идеалов Sub Pop – он заявлял, что группа прибыла из такого неожианного места, как Абердин, а не Сиэтл.

Музыка была не только увлекающей и запоминающейся, но и захватывала дух эпохи. В одной из бесчисленных статей о формирующемся феномене «двадцати с чем-то», вышедшей в декабре 1992 года в журнале Atlantic, был комментарий о том, что «это поколение, точнее, репутация этого поколения – стала для бумеров метафорой потери Америкой цели, разочарования в институтах, отчаяния в отношении культуры и страха за будущее». В условиях сложившейся обстановки неудивительно, что песня, в которой молодой человек кричит от ярости и боли, может стать номером один.

Курт кричит на языке, понятном миллионам людей. Он общается тем же самым рассеянным, интуитивным

способом, который его поколение было обучено усваивать еще до того, как они научились читать, благодаря десятку тысяч часов телевизионной рекламы, паршивым школам, избытку информации, видеоиграм и т. д.

В текстах Курта есть необычный смысл хаоса. Когда он снова и снова кричит «отрицание, отрицание» в конце Teen Spirit, это становится понятным на подсознательном уровне. И либо ты это поймешь, либо нет. Текст четко проводит границы, даже когда имеет дело с универсалиями. И это один из самых трансцендентных моментов в рок-музыке.

Сингл Teen Spirit вышел на радио 27 августа, а через две недели, 10 сентября, он поступил в продажу. Сингл хорошо продавался, но поначалу не стал сенсацией. В это время клип появился на MTV, и шумиха вокруг него росла – песня звучала на всех студенческих и альтернативных радиостанциях.

Teen Spirit не должен был стать хитом. Второй сингл, Come as You Are, должен был пересечь радиоформаты, а Teen Spirit был альтернативным вариантом для создания базы.

– Никто из нас не нашел ее выдающейся, – говорит Дэнни Голдберг из Gold Mountain, – но реакция публики была мгновенной. Teen Spirit сразу же зазвучал в появившемся тогда формате альтернативного радио. Трек услышали по альтернативному радио, – говорит Голдберг, – а потом бросились его покупать, как сумасшедшие.

Трудно поверить, что песня может стать хитом просто потому, что она очень хороша, но похоже, что это так.

– Время от времени появляются такие сильные песни, – говорит Голдберг. – И в их случае была не просто мощная песня, а песня, сочетавшаяся с образом, который был очень привлекательным для определенной субкультуры.

MTV не сразу начал продвигать видео Teen Spirit. Видео действительно стало престижной мировой премьерой в «120 минутах», (сделав Nirvana первым со времен Барта Симпсона дебютантом, удостоенным такой чести), но только после того, как Эми Финнерти, в тот момент младшая сотрудница программного отдела и давняя сторонница новой музыки на канале, вошла в кабинет своего босса и закатила «небольшую истерику». После этого клип томился в ночной ротации до тех пор, пока 14 октября, спустя три недели после выхода альбома, не попал в Buzz Bin, где видеоканал рекламирует новых исполнителей. Он оставался в Buzz Bin девять недель, в то время как зрители

обрывали телефоны. Исследование рынка MTV показало, что Teen Spirit привлекал зрителей всех возрастных групп.

Голдберг говорит, что альбом уже был практически золотым к тому моменту, как MTV начал транслировать видео Teen Spirit. Он утверждает, что MTV был просто «множителем».

– Было очевидно, что дело в музыке – все сделали сама песня и желание аудитории видеть группу, – говорит Голдберг. – Возможно, это желание породили R.E.M или Jane's Addiction, но, что бы это ни было, Nirvana определенно оказалась в нужном месте в нужное время.

Nevermind принес Geffen 50 миллионов долларов, что довольно неплохо при стартовых инвестициях в размере всего 550 000 долларов. Тем не менее никто не спешит брать на себя ответственность. Как сказал президент Geffen Эд Розенблатт в интервью New York Times: «Мы ничего не делали. Это была одна из тех пластинок, типа «отойди с дороги и пригнись». Фраза «отойди с дороги и пригнись» звучит из уст сотрудников Geffen, словно мантра. Они имеют в виду, что по мере того, как записи попадают на определенные площадки продаж, начинают действовать различные маркетинговые подходы; *Nevermind* продавался слишком быстро, чтобы маркетологи могли реализовать какой-либо подход.

– Было даже немного обидно то, насколько быстро это происходило, – говорит Голдберг. – Мы просто пытались получить этот опыт, потому что знали, что это очень редкое явление.

Успех *Nevermind* напоминал масштабную кампанию сарафанного радио, развернутую Брюсом Спрингстином полтора десятилетия назад. То, что случилось с *Nirvana*, конечно, случалось и раньше в менее гламурных случаях – никто не ожидал, что в 1975 году Питер Фрэмптон продаст более десяти миллионов экземпляров Frampton Comes Alive! в то время как дебютный десятикратно платиновый мэйджор-лейбл Vanilla Ice также появился из ниоткуда, поначалу практически не проигрывался на радио или MTV и прославился в основном благодаря сарафанному радио.

Как бы то ни было,*Nevermind* в конечном итоге стал курицей, несущей золотые яйца. DGC добавила пластинку в совместные рекламные программы с сетями магазинов звукозаписи, активизировала распространение промо-товаров, таких как плакаты и мобильные телефоны, предоставила некоторым розничным точкам скидку на оптовую цену альбома, а

еще давала им больше времени, чтобы заплатить за те, которые они уже взяли. Продажи продолжали расти.

Soundscan, новая система для составления рейтингов записей, была еще одним фактором. Основываясь строго на продажах, а не на системе отчетности, которой легко манипулировать, Soundscan показывал, что люди покупают на самом деле, а не то, что лейблы хотят, чтобы покупали. Газета New York Times сообщила, что Geffen/DGC использовала Soundscan в качестве маркетингового инструмента для *Nevermind*. Soundscan показал, что на некоторых рынках Nirvana превосходила Metallica в соотношении четыре к одному, и информация использовалась для передачи Nirvana на радиостанции, которые играли Metallica.

– В промежутке между 24 сентября и Рождеством *Nevermind* жил своей собственной жизнью, – говорит Гэри Герш. К январю газетные киоски были забиты историями о Nirvana, и появление 11 января Saturday Night Live еще больше повысило продажи. К этому моменту продажи *Nevermind* составляли более 300 000 копий в неделю, включая 373 250 в последнюю неделю декабря, когда дети шли и тратили свои рождественские деньги и подарочные сертификаты на альбом, о котором говорили все их друзья. В это время в чарте Billboard Top 200 Albums Nirvana вытеснила с первого места Майкла Джексона. Группа продавалась лучше, чем Гарт Брукс, Metallica, U2, Guns n' Roses и MC Hammer. Журнал Billboard назвал *Nevermind* «межформатным феноменом», появляющимся на станциях хард-рока, современного рока, на радио колледжей, AOR-станциях и, в конце концов, на CHR.

Однако тот факт, что альбом занял первое место, был чем-то странным. Как назло, U2 решила выпустить свою версию арт-роковой пластинки, Майкл Джексон продолжил свой творческий путь, а Guns n' Roses сочли нужным выпустить сразу два альбома.

– Они столкнулись с плохой конкуренцией, поэтому им было нетрудно добиться успеха, – говорит Стив Фиск. – Всякий раз, когда музыка становится достаточно плохой, это превращается в окно для новых возможностей, и случается всякое дерьмо.

Когда Nirvana отправилась в тур по США по местам, которые были слишком далеки от точек стремительно растущих продаж, это создало эффект, похожий на тот, который случился после выпуска их первого сингла ограниченным тиражом в тысячу экземпляров. Приз стал намного более ценным, усиливая интерес к группе и повышая продажи.

Феномен *Nevermind* символизировал огромные перемены в рок-музыке. Так называемые «волосатые» – Poison, Warrant,

Winger и так далее, те, кого продвигало голливудское музыкальное сообщество, – воспринимались как простые актеры, корпоративные служащие, позеры, фальшивки. И их некачественная музыка вместе с идущим с ней рука об руку сексизмом и мачизмом становилась все более банальной. Хотя иногда они и выпускали какую-то запоминающуюся песню, но никакого резонанса все равно не имели.

Частью удовольствия было восхищение – прошло много времени с тех пор, когда рок-группа действительно *что-то значила*, когда альбом, казалось, определял такое большое и неизбежное культурное событие. Что-то витало в воздухе, и Nirvana превратила это в музыку.

Покупка альбома Nirvana была чем-то вроде потребительского бунта. Люди отвергали старую гвардию и следовали своим чувствам, вместо того чтобы покупать то, что предлагала им большая и хорошо налаженная машина рекламы. Люди выбирали суть, а не образ. Связь была довольно слабой, но в глубине души чувствовалось, что на выборах в ноябре произойдет нечто удивительное.

Успех альбома совпал с общей тягой к «настоящему», охватывающей такие вещи, как шоу MTV Unplugged, возобновление интереса к продуктам без добавок, появление сегментов сетевых новостей, которые вскрыли махинации политической рекламы.

– Мы не позировали и не пытались быть кем-то, кем не были на самом деле, – говорит Дэйв Грол. – Это была своего рода сделка – у тебя есть хорошая музыка, у тебя есть нормальные люди. Примерно так Брюс Спрингстин может продать огромный стадион в Нью-Джерси, потому что он гребаный «мужик с района». Я думаю, это как-то связано с тем, что люди видят нормальных людей и ценят их.

– Nirvana воплощала стремление к моральной вселенной, которая была более реальной и более искренней, чем то, что в то время происходило в обычном рок-мире, – говорит Голдберг, – и я думаю, что это пересекается со стремлением к пост-рейгановскому набору ценностей. Между их стремлением к аутентичности и искренности и этикой есть связь – это реальная приверженность очень привлекательному подходу. Они передают набор равноправных и ориентированных на этику ценностей, менее мужественных и менее ориентированных на силу. Все это, в сочетании с музыкальной гениальностью, и составляет их сущность.

Дэйв хоть и отрицает свою способность к анализу, но все же

прекрасно понимает, какие именно обстоятельства привели к успеху *Nevermind*.

– В роке было странное затишье, пустота, – говорит он. – Если вы посмотрите на топ-10 за год до появления *Nevermind*, то увидите, что там почти не было рок-музыки, за исключением плохого хэви-метала, с которым мало кто мог себя ассоциировать. Я думаю, что, когда вышла наша музыка, ее увидели укурки, скейтеры, беспризорные дети – увидели группу беспризорных детей, играющих музыку, звучащую так, словно мы на что-то злимся. И мне кажется, что многие люди увидели в ней себя. И песни были хорошие. У Курта отличный голос. Песни были запоминающимися и простыми, совсем как песенка про азбуку в детстве.

Скрытая цель рок-музыки – злить родителей. Но родители двадцатилетних сами выросли на рок-н-ролле, так что злить предков стало намного тяжелее, чем в шестидесятые. *Nevermind*, с его опустошающим криком, всепроникающим искажением и оглушительной атакой, превосходно достиг этой цели. Но, несмотря на все это, нельзя было отрицать и то, что музыка была просто необыкновенной. Она захватила всю энергию и возбуждение панка и применила его к песням, которые люди еще долго могли напевать после того, как дослушали альбом.

> В отличие от многих альбомов, состоящих из одного или двух синглов и кучи «наполнителей»,*Nevermind*– действительно хороший альбом от начала до конца. Вы можете поставить компакт-диск и слушать все подряд, не пропуская ни одной песни.

– Ключ к Nirvana – это песни, великие, поистине великие песни, – говорит пятидесятилетний Эд Розенблатт. – Я ставлю их на одну ступень с R.E.M., с Полом Саймоном.

Несмотря на то что ни пресса, ни публика не считают его таковым, Курт Кобейн действительно является автором песен. Одним махом Курт отвоевал поп-музыку у искаженного, порожденного кровосмешением урода, которым она стала. Песни написаны не ради них самих, как практиковали Элвис Костелло, Маршалл Креншоу и Майкл Пенн, которым в последнее время, казалось, доставляло особое удовольствие скрывать те самые эмоции, которые они так искусно пытались передать. Музыка Курта проникала прямо в душу. Его тексты не были мучительной игрой слов, направленной на то, чтобы пощекотать воображение какого-нибудь пресыщенного рок-критика, а аккордовые прогрессии не были предназначены для того, чтобы произвести впечатление на студента Джульярда[91]; вместо этого слова

усиливали общее ощущение музыки. Как классный гитарный звук или рифф, они сделали музыку рок-н-роллом. Музыка была гениальной, мелодии были незабываемы.

Бутч Виг отдает должное голосу Курта.

– Если бы вы взяли все его песни и попросили кого-то другого их спеть, они не имели бы такого эффекта, – говорит он. – В облике Курта есть что-то такое, что выводит их на новый уровень. В его голосе есть тайна, страсть, напряженность и что-то практически сверхъестественное. Вы слышите его голос, и он рождает в вашем сознании какой-то образ.

Это феномен, который критик Rolling Stone Ральф Дж. Глисон однажды определил как «yarrrrragh», гэльское слово, обозначающее редкое качество, которое есть у некоторых голосов, – остроту, способность сказать что-то о состоянии человека, выходящие далеко за рамки простого пения правильных текстов и попадания в правильные ноты. Семиолог Ролан Барт назвал это «зерном голоса». Оно есть у Роберта Джонсона, у Хэнка Уильямса; в наши дни это такие люди, как Марк Ланеган из Screaming Trees и Курт Кобейн.

Каждый участник вносил какой-то вклад в группу. Вклад Курта, возможно, более очевиден, но в то же время Крист долгое время был единственным связующим звеном между группой и прессой, его деловое чутье незаменимо, и на ранней стадии его откровенная политическая чувствительность имела для группы важное значение. Химия Криста с Куртом на сцене неопределима, но ясна. И не следует забывать о его неизменной, на протяжении многих лет, поддержке Курта в реализации его музыкального видения.

Вклад Дэйва в группу по большей части остался незамеченным. Его мощная барабанная дробь подняла группу на совершенно новый уровень, как визуально, так и музыкально. Попробуйте представить себе Come As You Are без вдохновенного барабанного боя в конце, который просто отправляет трек на заоблачные вершины, а мощное звучание малого барабана пулеметом подгоняет группу в припеве In Bloom. Дэйв безжалостный молотильщик, но в то же время его партии отчетливо музыкальны – даже без остальной музыки нетрудно понять, какую песню он играет. Его личный вклад также очень важен.

– Практически при любых обстоятельствах Дэйв – это тот, кто все время тверд, как скала, – говорит Алекс Маклеод. – Он хорошо влияет на них обоих.

– В целом у них есть все – отличный барабанщик, отличный певец, отличный имидж, отличные песни, отличная медийная

составляющая, отличная живая группа, – говорит Дэнни Голдберг. – Все это вроде как сработало. Они преуспели в полудюжине различных сфер.

> Влияние альбома было таково, что в наши дни эксперты индустрии говорят о «музыкальном бизнесе после Nirvana». Одно из последствий, как выразился Мэтт Лукин, заключается в том, что после Nirvana «андеграунд уже не такой андеграундный, как раньше».

Успех Nirvana также продемонстрировал музыкальному бизнесу ошеломляющую мощь инди-сети. Nirvana не могла бы прорваться так высоко без многолетней напряженной работы таких лейблов, как SST, Twin/Tone и Touch & Go, а также таких групп, как Sonic Youth, Black Flag, The Minutemen, The Replacements и R.E.M., – все они построили систему, с помощью которой дети могли поймать инди-кайф – вне сферы влияния основных лейблов.

Следовательно, лейблы стали уделять больше внимания группам с последователями – то есть группам, которые действительно нравились людям, – а не просто осуществлять выгодные вложения. Они передали часть контроля над тем, что подписывается и продвигается в больших масштабах. По мере того как региональные музыкальные сцены набирали силу, они начали децентрализовать музыкальный бизнес. Значительная часть власти перешла от корпоративных рок-фракций на крупных лейблах к людям, которые следили за инди-рок-сценой.

– Нет никаких сомнений в том, что есть пятнадцать или двадцать человек, которые сейчас могут подписывать договоры и которые не могли этого сделать два года назад, – говорит Голдберг.

Эти люди начали садиться на ближайший самолет до Сиэтла, и довольно скоро любой музыкант из этого района с длинными волосами и во фланелевой рубашке мог получить контракт на 350 000 долларов. В какой-то момент в начале 1992 года северо-западные группы стали подписывать контракты с невероятной скоростью – по одному в неделю. Индустрия еще много лет будет работать со всеми группами, контракты с которыми подписывает новая волна агентов.

После Nirvana некоторые горячо преследуемые альтернативные группы требовали более высокого аванса. А так как лейблы не совсем понимали их музыку или аудиторию, группы получали полный контроль над творчеством.

> С возрастом бумеры стали покупать все меньше

пластинок.*Nevermind* ознаменовал эту смену музыкальной потребительской гвардии. Крупнейшие лейблы поняли, что должны обратиться к этому развивающемуся рынку. И этот рынок внезапно разграничил тех, кто покупал пластинки Def Leppard, и тех, кто их не покупал.

Мейнстрим-радио получило урок, потому что пластинка стала популярной и без него. И все знали, что это не случайность, потому что *Nevermind* был, бесспорно, величайшим альбомом. А за Nirvana следовала целая армия групп-единомышленников. Сделав отличный альбом в рамках суперструктуры крупного лейбла, сохраняя его целостность и признавая основные музыкальные вкусы, Nirvana добилась своего. Возможно, главное послание успеха *Nevermind* заключалось в том, что даже одна маленькая группа (или человек) может внести большие изменения в большие и, казалось бы, неподвижные институты.

Глава XI
Слэм с мистером Браунстоуном

Курт и Кортни вместе принимали героин в Амстердаме в течение двух дней перед Днем благодарения в 1991 году.

– Это была моя идея, – говорит Курт. – Это я предложил. Но я не знал, где его достать, так что Кортни была единственной, кто мог бы каким-то образом его раздобыть. Именно она отвезла меня туда, где у нас был шанс найти его. Мы делали это всего дважды за весь тур.

Они нашли на улице парня, который отвез их в печально известный район красных фонарей, где они и приняли наркотик. Позже в Лондоне они приняли его еще раз.

Боль в животе сводила Курта с ума во время европейского тура, делая его хронически раздражительным и асоциальным.

– Огромная ненависть всплывала на поверхность, потому что я был в таком хреновом психическом состоянии, – говорит он. – Я был так зол на свое тело, что не мог ни с кем общаться. Я был ужасным невротиком, потому что мне все время было больно. Люди понятия не имели, что мне больно, а я не мог жаловаться на боль двадцать четыре часа в сутки.

Курт говорит, что боль превратила его в самоубийцу, поэтому он просто выбрал свой яд.

> – Я решил, что хочу жить своей жизнью, – говорит он. – Если я собираюсь покончить с собой, то только по какой-то весомой причине, а не из-за какой-то дурацкой проблемы с желудком. Поэтому я решил взять все и сразу.

В начале декабря, когда Курт вернулся в Сиэтл после тура, а Кортни все еще была в Европе с Hole, он начал общаться с одной выздоравливающей наркоманкой. Вскоре он уговорил ее купить ему героин. Сначала она работала на него только тогда, когда ей этого хотелось, но вскоре стала доставать для него героин каждый день.

Вскоре Курт и его поставщица испугались.

– У меня не было передозировки, – говорит он. – Она подумала, что у меня передозировка, и начала делать мне искусственное дыхание, но я слишком быстро встал и упал из-за этого. Она делала мне искусственное дыхание рот в рот и говорила, что я посинел, но я был в отключке совсем недолго –

может быть, полминуты. Просто ей было немного страшно. Она отреагировала слишком резко.

В конце концов Курт нашел дилера и начал колоться сам.

– Я твердо решил приобрести новую привычку, – говорит он. – Я так и хотел. Это был мой выбор. Это единственное, что спасает меня сейчас от того, чтобы снести себе голову. Я был у десяти докторов, и они ничего не могут с этим поделать. Мне нужно что-то сделать, чтобы эта боль прекратилась.

Курт также признает, что в приеме наркотиков было простое удовольствие, но дело было не только в нем.

За исключением длительного и глубокого рецидива во время детоксикации, таинственная боль в животе почти исчезла.

Это продолжалось примерно две недели, но Курт понятия не имеет, как долго он был в Сиэтле или где жил, прежде чем отправиться в Лос-Анджелес.

– Я пробыл там недолго. Господи, где же я спал?

Когда Кортни вернулась домой в Лос-Анджелес из своего тура с Hole в конце декабря, Курт позвонил и сказал: «Давай жить вместе». Они некоторое время жили в квартире, которую Кортни делила с гитаристом Hole Эриком Эрландсоном и еще одним другом, пока не стало ясно, что им не рады из-за того, что они принимают наркотики. Курт и Кортни скакали из отеля в отель, принимая то, что Кортни называет «дрянным лос-анджелесским героином из Мексики». Львиную долю наркотика принимал Курт. Кортни так и не научилась принимать инъекционные наркотики, поэтому Курт часто делал ей уколы, «всякий раз, когда она умоляла меня достаточно сильно». У нее уже был темный маленький шрам на сгибе локтя от неудачных инъекций, которые делали другие.

На что были похожи эти недели?

– На самом деле я не помню, – отвечает Курт, хотя прошло чуть больше года. – Я просто помню, что мы оба были полными неряхами.

Героин – очень коварный наркотик. Для возникновения зависимости нужно некоторое время, но, как только это происходит, внезапно становится очень трудно прекратить это делать.

Сразу после Рождества группа отправилась в короткий тур с Pearl Jam и Red Hot Chili Peppers, которые были хедлайнерами. Никто не был в восторге от того, что Nirvana играет вторую скрипку для The Peppers, но они уже взяли на себя обязательство сделать это во время хаоса американского турне.

Во всяком случае, шоу украла Nirvana. Во-первых, их альбом

пулей взлетел на шестое место в рейтинге. И у них был выдающийся материал – песни типа Lithium, Teen Spirit и In Bloom. Лучшее, что смогли собрать Chili Peppers, – это обложка альбома Стиви Уандера Higher Ground. А Pearl Jam служили всего лишь связующим звеном.

Именно во время тура Chili Peppers Крист наконец признался себе, что Курт сильно увлекся героином.

– Он выглядел дерьмово, – говорит Крист. – Он был похож на упыря.

Крист знал, что ничего не сможет с этим поделать.

> – Я просто подумал, что это его гребаная дорога, это его жизнь, он может делать все, что захочет, – говорит он. – Нельзя никого изменить, проповедовать какую-то мораль или что-то в этом роде. Что же мне теперь делать? Ничего. Так что я просто занимался своими делами.

Все считали, что принимать героин Курта заставила Кортни.

– Все обвиняли ее, – говорит Шелли. – Она была главным козлом отпущения. Если бы Курт не связался с ней, то связался бы с кем-нибудь другим и все равно принял бы героин. В этом-то все и дело. Поначалу винить ее было легко – и, оглядываясь назад, все так и делали. И до сих пор продолжают. Просто потому, что она взбалмошная и откровенная и имеет свою собственную точку зрения…

Обвинение Кортни укладывалось в удобный стереотип властной стервы и подкаблучника-слабака. Во-первых, почти невозможно представить, что кто-то может просто уговорить кого-то другого принять героин – люди, которые принимают героин, обычно сами хотят это делать. Дело в том, что к тому времени Курт уже много лет употреблял героин, а Кортни не принимала его уже как три года.

– Это чертовски типичная сексистская глупость, такая классическая, – говорит Курт. – Чувак, когда я вернулся из европейского тура, я изо всех сил старался достать наркотики, каждый гребаный день. Самостоятельно.

Крист тоже боролся со своими демонами. После новогоднего концерта в Cow Palace в Сан-Франциско он в пьяном виде ударился головой о низкий нагревательный элемент в проходе за кулисами. Он решил идти по этому пути как можно дольше.

Первой публикацией, подтвердившей слухи о героине, была январская заметка в журнале BAM, в которой утверждалось, что Курт «клевал носом на полуслове», добавляя, что «суженные

зрачки, впалые щеки и покрытая рубцами желтоватая кожа говорят о чем-то более серьезном, чем просто усталость». Вскоре статья в отраслевом справочнике Hits намекнула, что Курт «танцует слэм с мистером Браунстоуном» – так Guns n'Roses называли употребление героина. Лакомый кусочек содержался в колонке, написанной Лонном Френдом, редактором журнала Rip, которого Курт с недавних пор начал презирать.

– В конце концов, это стало действительно отстойным, потому что я начал становиться настоящим параноиком из-за всех этих публикаций о том, что я героиновый наркоман, – говорит Курт. – У меня просто началась паранойя, что копы ворвутся в наш дом, или меня остановят на улице, и они узнают меня, найдут следы от уколов и посадят меня в тюрьму. Самым большим страхом была принудительная детоксикация. Я знал, что, скорее всего, умру, если это случится, потому что копам было бы наплевать – они не положили бы меня в больницу, они просто оставили бы меня там, и я умер бы в тюрьме. Так что это было немного страшно. По утрам я очень осторожно подъезжал к дому наркодилера.

Многие вокруг пытались понять, почему Курт и Кортни делают это с собой.

– Вот так, – говорит Кортни. – Эй, знаешь что? Я только что продал миллион долбаных пластинок, и у меня есть миллион баксов, и я собираюсь поделиться им с тобой, и давай кайфовать!

Героин все еще привлекал внимание как одна из основ рок-культуры.

– Это наркотик, который делает тебя сонным и счастливым, – говорит Кортни. – Ты принимаешь его, если живешь в гребаном четырехзвездочном отеле и можешь заказать в номер все, что захочешь, а потом просто лежать в постели и пускать слюни, потому что у тебя миллион баксов на счету в банке. Это наркотик, который хочется принимать, если хочешь навсегда остаться ребенком.

Соблазнительное сочетание влюбленности по уши и купания в теплом, эмбриональном комфорте – вдали от напряжения и ответственности быть всемирно признанной рок-звездой, – должно быть, подавляло все другие желания.

– Это была любовь, – говорит Кортни. – Такая любовно-наркотическая связь. Я встретила человека, который идеально подходит мне, я влюблена. Даже если это не мой миллион баксов. Ну и что? Он говорит, что я могу взять его, так что, как бы то ни было, я просто возьму этот миллион баксов и давай просто примем наркотики. Вот в чем дело.

> Если одной из причин, по которой Курт употреблял героин, была ошибочная попытка справиться со своей славой, то Кортни, возможно, принимала героин и для того, чтобы справиться со славой Курта.

Конечно, был и элемент простого желания получить кайф.

– Возможно, это *ее* точка зрения, – говорит Курт, который все еще утверждает, что принимал героин в основном из-за его обезболивающих свойств.

Они поехали в Сиэтл на некоторое время, а затем провели неделю в Сан-Франциско, не обращая внимания на то, что группа Курта была самой горячей, самой обсуждаемой группой на планете. Среди всего этого произошло немыслимое. *Nevermind* попал на первое место в еженедельном чарте альбомов Billboard 11 января 1992 года, обойдя U2, Guns n' Roses и Garth Brooks и даже вытеснив Майкла Джексона с первой строчки. Помимо того, что *Nevermind* занял первое место в США, он также возглавил чарты в Бельгии, Франции, Ирландии, Израиле, Испании, Швеции и Канаде и вошел в топ-3 практически на всех других крупных рынках мира, за исключением Италии, Японии и, как ни странно, Великобритании (хотя он держался в британском топ-25 в течение нескольких месяцев).

Тем временем Guns n' Roses и Metallica уговаривали группу выступить летом в их совместном турне по США. Несмотря на оказываемое давление, Курт и группа отказались. Их никогда не увидят играющими вместе с Guns n' Roses.

Затем группа отправилась в Нью-Йорк, чтобы записать концертный сет для MTV и сыграть в Saturday Night Live 11 января. Когда автомобиль, который появился у их отеля в Сиэтле, оказался лимузином, Курт и Кортни отправили его обратно и попросили более скромную машину. Машин попроще в наличии не было, поэтому им прислали еще один лимузин. Разбираясь со всем этим, Курт и Кортни опоздали на самолет.

К тому времени Курт и Кортни уже достаточно долго употребляли героин, для того чтобы у них развилась зависимость.

– Я помню, как вошел в их гостиничный номер и впервые по-настоящему понял, что эти двое обдолбались, – говорит Дэйв. – Они просто клевали носом в постели, и были никакие. Это было отвратительно и мерзко. Я не сержусь на них, меня злит, что они настолько жалкие, чтобы делать что-то подобное. Я думаю, что, когда кто-то становится таким беспомощным, слюнявым гребаным ребенком, это просто жалкое зрелище. Это что-то вроде: «Эй, давай примем наркотик, который вырубит нас и заставит выглядеть глупо». Глупо, грубо и жалко – доводить себя до такого

состояния.

(«Я поднялась в его комнату, и Курт подошел к двери в нижнем белье, а Кортни – все, что я увидела, это маленький клок волос, торчащий из-под одеяла, – рассказывает Венди. – Там было что-то вроде пяти лотков из-под еды и тележки со старой едой. И я спросила:

– Курт, почему бы тебе не позвать сюда горничную?

А Кортни говорит:

– Он не может, они у него воруют русы».)

Хотя Курт употреблял героин уже больше месяца, но даже его ближайшие соратники не замечали этого до сих пор.

– До Saturday Night Live я не понимал, что Курт облажался, потому, что я глупый и просто не мог предположить чего-то подобного, – признается Дэйв. – Я наивен, да и просто не хотел в это верить.

Была, по крайней мере, одна вещь, которая радовала.

– Слава богу, эти двое не употребляли кокаин, – говорит Дэйв, – потому что тогда они были бы самыми большими засранцами в мире.

Они не были ни жестокими, ни иррациональными, ни более неряшливыми, чем обычно.

> – Курт в основном просто спал, – говорит звукорежиссер Крейг Монтгомери. – Казалось, будто они в тумане. Было похоже, что их мало что заботит, в том числе и друзья. Временами это ощущалось. Они были в своем маленьком мирке. И я уверен, что они чувствовали, что весь мир был против них.

В день своего появления в Saturday Night Live группа сделала ныне печально известную съемку с фотографом Майклом Лавином. Измученный и буквально только что уколовшийся, Курт пару раз отключился прямо перед камерой.

– Я просто заблокировал его, – говорит Крист. – Мне было наплевать.

О съемках Курт вспоминает:

– Мертвая тишина. Хмурые взгляды и мертвая тишина. Крист и Дэйв были не из тех, кто спорит о чем-то. Они были настолько пассивно-агрессивными, что скорее испускали плохие флюиды, чем говорили о чем-либо. Что они должны были делать? Ни Крист, ни Дэйв не могут приказать мне остановиться. Так что мне было все равно. Очевидно, для них это было все равно что заниматься колдовством или чем-то в этом роде. Парни ничего не знали об этом, поэтому думали, что в любую секунду я могу

умереть.

Лавин тоже ужасно волновался.

– Я спросил его: «Зачем ты это делаешь?» Он сказал: «Это единственное, что помогает от боли в животе», – вспоминает Лавин. – У меня не хватило духу сказать: «Курт, это просто гребаное дерьмо».

В тот вечер группа играла Teen Spirit, а позже Territorial Pissings, и в конце музыканты громили свои инструменты. Курт воспользовался этой возможностью, чтобы представить народу своего старого фаворита, и надел ту же футболку Flipper, что и на фотосессии Лавина.

Во время заключительных титров Крист поцеловал Курта и Дэйва в губы, просто чтобы позлить гомофобных говнюков в родном городе и всех других гомофобов из их обширной новой аудитории. Среди двадцати пяти миллионов людей, видевших это, было много буржуазии, которую шокировало увиденное.

На следующий день Курт и Кортни сделали еще одну съемку с Майклом Лавином для обложки журнала Sassy, ежемесячной Библии хип-подростков (и некоторых вампирических взрослых).

– Они были по уши влюблены друг в друга, – говорит Лавин. – Их нельзя было разделить. Они влюблены – и это по-настоящему. У них есть настоящая химия по отношению друг к другу.

Апрельский номер Sassy разместил на обложке целующихся Курта и Кортни. «Разве любовь не прекрасна?» – гласил первый заголовок. Писательница Кристина Келли, не совсем понимая смысл своих слов, заметила: «Они очень похожи на Сида и Нэнси».

Во время их поездки в Нью-Йорк Курт привез с собой приятеля, который должен был доставать наркотики и приносить их в гостиницу. Вскоре Курт понял, что его друг тоже наркоман и подворовывает у них. Поэтому однажды он сам отправился в печально известный манхэттенский Алфавит-Сити и купил героин на улице, пока Кортни ждала в индийском ресторане по соседству.

– Они просто стоят в очереди, – говорит Курт. – Адвокаты, бизнесмены в костюмах-тройках, торчки, нищие – самые разные люди.

Тем временем, обретя надежду, Дон Кобейн снова и снова пытался связаться с Куртом после того, как тот позвонил ему перед записью *Nevermind*.

– Не знаю, сколько миллионов раз я пытался до него дозвониться, – говорит Дон. – Я звонил в Geffen Records и Gold Mountain Management в Лос-Анджелесе, я звонил в Sub Pop

Records, я посылал телеграммы в Saturday Night Live, я посылал письма ему и во все места, где он был, пытался связаться через его маму…

Но он так и не получил ответа.

Тропа рок-н-ролла усеяна героиновыми смертями: Сид Вишес, Тим Бакли, Дженис Джоплин, Эндрю Вуд из Mother Love Bone, Хиллел Словак из Red Hot Chili Peppers и совсем недавно Стефани Сарджент из Сиэтлской группы Seven Year Bitch, которая умерла от передозировки в 1992 году.

– Эти люди приняли весь список вредных веществ сразу, – усмехается Курт. – Они напиваются, потом накуриваются, а затем умирают. Я никогда не пил – этому меня научили наркоманы. Просто не смешивай алкоголь с героином, иначе умрешь. От этого дыхательные пути сокращаются в два раза больше. Если пьешь до упаду, а потом еще принимаешь наркотики, то выжить в этом случае не получится никак. Все мои знакомые, у которых случались передозировки, напивались. И к тому же дело было поздней ночью.

Вернувшись из Нью-Йорка, Курт и Кортни переехали в скромную квартиру на Сполдинг-авеню в районе Фэрфакс в Лос-Анджелесе. Их повседневное существование было довольно рутинным.

– Я просто вставал, принимал наркотики, слушал музыку, рисовал и играл на гитаре, – говорит Курт. – Примерно так. Смотрел телевизор. Это было восстановление сил. Я провел в туре семь месяцев. Мне просто необходимо было это сделать.

– Мы испортили кучу одеял, потому что все время роняли сигареты, – говорит Кортни. – Я выбросила все эти одеяла.

Каждое утро Курт ехал домой к одному из двух наркодилеров. Для них Курт был просто очередным клиентом.

– Им было все равно, рок-звезда я или нет, – говорит Курт. – Они и раньше имели дело с рок-звездами.

Курт не знает точно, сколько принимал в граммах, но знает, что у него была привычка платить по сто долларов в день. У Кортни была довольно легкая форма зависимости.

– Я мог дать ей как столько наркотиков, – говорит Курт, показывая большой объем, – так и столько, – показывая совсем немного.

– Я был настоящим эгоистом, – признается он. – Возможно, у нее была зависимость примерно на двадцать долларов, если на то пошло. Скорее психологическая, чем физическая.

Курт говорит, что у него никогда не было передозировки, хотя однажды он заболел «хлопковой лихорадкой», которая

случается, когда случайно попавшее в иглу волокно ваты вводится в вену, вызывая чрезвычайно высокую температуру и мучительную головную боль. Курт отправился в больницу, где ему дали бенадрил, безрецептурный антигистаминный препарат, который помог Курту вылечиться. Ходили слухи, что у него передозировка.

Они превратились в параноиков. Посреди ночи Кортни казалось, что она слышит незваного гостя, и Курт доставал пистолет, который дал ему Дилан Карлсон. Но никого не было.

> – Я вовсе не против оружия, – говорит Курт. – У меня есть пистолет. Я верю в него как в средство защиты. Я не до такой степени хиппи, каким некоторые люди хотели бы меня считать. Я мог бы легко убить кого-нибудь, без проблем, если бы мне нужно было защитить себя или свою семью. Он мне вроде как даже нравится. Я подумываю о покупке еще одного.

Тем не менее большинство людей никогда не подумали бы, что Курт «я клянусь, что у меня нет оружия» Кобейн – гордый владелец огнестрельного оружия.

– Я бы тоже не стал так думать, – говорит Курт. – Это абсолютное зло. Я стрелял из пистолета около года назад. Мы с Диланом поехали в Абердин, пошли в лес и выстрелили из этого пистолета, и это было напоминанием о том, насколько жестоко оружие и как много вреда оно может причинить человеку. Но это необходимая вещь – это средство защиты.

На носу был тур из Калифорнии в Орегон, Австралию, Новую Зеландию, Японию и Гавайи, который должен был начаться 24 января.

Кортни узнала, что беременна, где-то в период Saturday Night Live – до или после, точно не известно. Курт и Кортни не пользовались средствами контрацепции, несмотря на то что Кортни принимала героин. Она называет это «вопросом морали» и настаивает, что была уверена: если узнает, что беременна, то тут же бросит.

– Я была идиоткой, что тут скажешь? – говорит она сейчас. – Но я не безнравственна.

Они хотели завести ребенка, но где-то в 1993 году, и, конечно же, после того, как покончат с героином. А пока они думали, что, возможно, купят маленькую обезьянку-капуцина.

Когда выяснилось, что Кортни беременна, Курт готов уже был начать настаивать на аборте, потому что он, как и все остальные, предполагал, что ребенок родится умственно отсталым или с

отклонениями. Кортни даже не задумывалась об этом.

– Мы должны размножаться, – считала она. – Это лучше, чем покупать обезьянку.

Они проконсультировались со специалистом по тератогенезу (врожденным дефектам), который сообщил им, что употребление героина, особенно если оно ограничено первым триместром, практически безвредно для плода, если абстиненция матери не была слишком травматичной (однако есть небольшая вероятность того, что ребенок может испытать легкие трудности в обучении позже в жизни). Удивительно, но это правда.

– Расскажи это среднестатистической американской домохозяйке, – говорит Курт. – Не стоит ожидать, что кто-то в это поверит. Мы знали, что это действительно не лучшее время для рождения ребенка, – говорит Курт, – но мы были полны решимости. Мы решили, что готовы к этому прямо сейчас. Конечно, со стороны Кортни было бы лучше, если бы она немного подождала и выпустила свою пластинку, но не знаю, сейчас я об этом совсем не жалею. Фрэнсис не была бы Фрэнсис, если бы она появилась на свет позже.

– Я думал, что рождение ребенка, вероятно, будет хорошим событием, – говорит Дэнни Голдберг, – но я также беспокоился об американских горках, на которых вы тогда окажетесь, и когда вы объединяете их с американскими горками огромного успеха, вы будете иметь дело с одной из самых сложных стрессовых ситуаций, которые может пережить человек.

Курт начал видеть путь выхода из своей зависимости.

> – Я уверен, что осознание рождения ребенка было решающим фактором, – говорит Голдберг. – Ребенок – это большое дело, это одна из самых важных вещей, которые случаются с тобой. Это банально, но все, и панк-рокеры в том числе, реагируют именно так.

– Я завела ребенка не для того, чтобы перестать употреблять наркотики, – говорит Кортни, – но я знала, что, если продолжу, то моя карьера полетит к черту, а мне будет насрать, и я стану одной из тех наркоманок, которых я видела на собраниях в Нью-Йорке со следами на руках и шее.

– Если я когда-нибудь и видела Сатану, то только потому, что он такой коварный, – говорит Кортни. – Это разрушает тебя морально. Это очень коварно. У тебя есть ангел, который действительно прекрасен, это не тот парень с рогами, это прекрасный ангел, который обещает тебе еще один рай.

Они вошли в странный мир медикаментозного лечения зависимости. За их случай брались различные врачи, словно они

были еще одним звездным трофеем, который можно было бы повесить на стену. Это было похоже на торговую войну.

Курт знал, что перед туром ему нужно пройти детоксикацию, поэтому они с Кортни решили пройти ее вместе. Врач поселил их в гостинице Holiday Inn и прописал им различные лекарства, которые должны были помочь перенести трехдневный период отмены. Время от времени надежный Алекс Маклеод заглядывал к ним и проверял, все ли в порядке.

Курт говорит, что детоксикация прошла легко.

– Зависимость вовсе не была тяжелой, – говорит Курт. – Я занимался этим всего месяц и только начал привыкать, наверное, на той же неделе, когда и бросил. Синдром отмены – это ничто. Я просто проспал три дня и проснулся. Я думал, что если это и есть детоксикация, то я мог бы заниматься этим всю оставшуюся жизнь. Но позже, когда у меня появилась четырехсотдолларовая привычка и я избавился от нее, это была совсем другая история. Совершенно другая история.

Но у Кортни другое мнение.

– Это было мерзко, потому что у тебя жуткая диарея и куча снотворного, и еще эта рвота, – говорит она. – Это было отвратительно. Настолько отвратительно, насколько только может быть.

Как признает Курт, «в туалете пахло не очень хорошо».

На момент съемок клипа Come As You Are Крист и Дэйв не видели Курта с Saturday Night Live. Они слышали от третьих лиц, что Курт проходит курс детоксикации. По словам Дэйва, «это было не то, о чем стоило говорить». Это было всего за два дня до их отъезда в Австралию.

По словам Дэйва, Курт выглядел «плохо. Он был серым. Он просто выглядел грустным». А Курт к тому времени уже даже не употреблял.

– Вот почему он выглядел таким грустным, – говорит Дэйв. – Потому что не принимал наркотики. Я не мог понять, – продолжает Дэйв. – Когда что-то подобное кого-то разрушает… Наверное, я просто не понимаю, что такое зависимость. Вместе с зависимостью приходят отрицание, ложь, обман или паранойя – вещи, которые я просто не понимал. Сейчас я понимаю их немного лучше, но в то время я не понимал зависимости и просто подумал: «О чем ты, черт возьми, думаешь? Зачем ты это делаешь?»

После неприятного опыта с видеорежиссером Teen Spirit Сэмом Байером Курт начал искать нового режиссера и наткнулся на Кевина Керслейка, который делал клипы для Игги Попа, Mazzy Star, Soul Asylum и Sonic Youth. Импрессионистический, неземной

стиль Керслейка не всегда подходил крупным лейблам, но теперь у Курта было достаточно влияния, чтобы выбрать любого режиссера – в разумных пределах. А значит, это был Керслейк.

Не имея возможности придумать несколько визуальных идей, кроме воспроизведения обложки альбома и включения «много пурпурного и красного», Курт позволил Керслейку концептуализировать клип.

– В тот момент мне было все равно, – говорит Курт.

> Следующее за Teen Spirit видео имело решающее значение – будут ли они придерживаться аналогичного подхода или попытаются переопределить себя? Помимо цветовой гаммы, единственное, чего хотел Курт, это чтобы лица музыкантов были скрыты. Это нарушает негласное основное правило видео, но у Курта снова оказалось достаточно влияния, чтобы подобное сошло ему с рук.

Скрыв лица Курта, Криста и Дэйва бегущей водой, видеоэффектами или тенями, видео Come as You Are осуществило хитрый трюк продвижения песни, не показывая группу больше, чем это было нужно; Nirvana была как бы видна и в то же время не видна. И клип закрепил их славу, используя тот факт, что в любом случае все знали, кто они.

Это было началом долгого сотрудничества с Керслейком.

– Все получилось прекрасно, все получилось замечательно, – говорит Курт. – Мы наконец нашли кого-то, кто разделяет то же видение, что и мы.

Керслейку пришла в голову идея использовать проекции участников группы на фоне многих снимков. Они отсняли большую часть этих кадров в парке на Голливудских холмах за несколько дней до главной съемки. Керслейк поощрял парней «злоупотреблять камерой», и Курт, в частности, был более чем готов подчиниться. Съемки прошли гладко, но Курту явно было не по себе.

– Это было странно, потому что мы с Кристом бегали по этому полю, отлично проводя время, это был прекрасный солнечный день, – говорит Дэйв, – а Курт просто не очень хорошо себя чувствовал.

– Я был на детоксикационных таблетках, – объясняет Курт, – поэтому был не очень активным.

И все же Курт смог целый час качаться на люстре, отдыхая на лестнице между дублями.

Когда Керслейк вернулся к группе с черновым вариантом монтажа, у Курта, Криста и Дэйва были на удивление хорошие

предложения.

– Все комментарии были обоснованны – в художественном плане у них действительно хороший вкус, что довольно редко встречается у музыкантов, – говорит Керслейк. – Многие музыканты прячутся в своей комнате с гитарой, и у них нет никаких чувств ко всем другим эстетическим аспектам того, что от них требуется в наши дни. Все, на кого они ссылались, были признанными художниками, кинематографистами и тому подобным, так что это было основано на некоторой художественной смекалке.

Одно из их предложений состояло в том, чтобы вырезать из проекций самые глупые кадры в пользу более сюрреалистичного материала.

– Это была отдача от Teen Spirit, – говорит Керслейк. Видео вышло в эфир в марте и имело огромный успех, немногим уступая Teen Spirit.

Люди из тесного окружения группы начали задаваться вопросом, правильно ли было в этот момент отправиться в тур.

– Все знали, что это не так, – говорит Дэйв. – Курт знал, что это не так, я знал, что это не так, Крист знал, что это не так. Возможно, мы не поняли этого в течение первых двух дней тура, но через полторы недели, конечно, все знали, что это не так. Концерты прошли нормально, мы играли весь сет каждый вечер. Если Курт чего-то хочет, он сделает все, чтобы это получить.

– Ему потребовалось много мужества, чтобы совершить этот тур, – добавляет Дэйв. – Он чувствовал себя дерьмово, выглядел дерьмово, но справился. Курт все продумал.

Во время австралийского тура проблемы с желудком у Курта обострились сильнее, чем за все последние годы. Первые несколько дней Курт чувствовал себя прекрасно. И вдруг он почувствовал сильную боль. Его постоянно рвало, и он не мог есть. Он звонил Кортни, плача от боли. В какой-то момент Курт чуть было не сел на ближайший самолет домой.

Курт говорит, что однажды он сидел на ступеньках отеля, морщась от боли, и Шелли подошла к нему и сказала: «Курт, мне просто больно видеть, что ты делаешь это с собой. Я не могу смотреть, как ты причиняешь боль своему телу».

– Я хотел ударить ее по лицу, потому что, как и все остальные, она просто предположила, что я употребляю наркотики, – говорит он. – Я думал: «Вы, на хрен, даже не представляете, как мне все время больно. Из-за естественной причины, которая находится в моем теле». Я не мог в это поверить. И никогда не забуду этих слов, потому что они просто определяли отношение каждого человека ко мне. Каждый раз,

даже если я не принимал наркотики, они подозревали, что я их принимал. Они и сейчас так думают.

Менеджер тура Алекс Маклеод тоже беспокоился о Курте.

– Мне не нравилось то, что я видел в человеке, которого я так уважал и любил, – говорит Маклеод. – Я действительно боялся, больше всего на свете, постоянно. Боялся того, что он собирается сделать, с кем он собирается переспать. Это было довольно странно.

> Когда у Курта случился особенно сильный приступ боли в животе, Маклеод отвез его в больницу скорой помощи, но перед этим по ошибке сообщил врачам, что Курт все еще проходит курс детоксикации от героина. Курт говорит, что, когда он лежал на смотровом столе, то услышал, как один врач хихикнул и сказал другому: «О, он просто наркоман, он все еще приходит в себя от наркотиков». С отвращением Курт выскочил из больницы и просто перетерпел боль.

В конце концов он пошел к «рок-доктору», у которого на стене висела его фотография с Rolling Stones. Курт рассказал ему историю своего желудка, и тот ответил: «Я знаю, в чем ваша проблема». Маклеод заранее сообщил ему.

– Я думал, что получу какое-нибудь лекарство от желудка, но доктор просто предположил, что я только недавно избавился от героина, и прохожу детоксикацию, и я на гастролях, – говорит Курт, – поэтому мне лучше сделать то, что сделал бы Кит Ричардс, принять метадон. В Австралии это называется физептон, так что я думал, что это просто желудочные таблетки.

Физептон чудесным образом полностью снял боль в животе. Курт не мог дождаться, чтобы рассказать своему врачу об этих замечательных новых таблетках.

1 февраля, после попадания на пару недель на четвертое место, *Nevermind* снова стал № 1.

Они закончили тур, затем сыграли шоу в Окленде, Новая Зеландия, а затем отправились в Сингапур встретиться с прессой. Когда они прибыли в сингапурский аэропорт, их уже ждала толпа из примерно двухсот пятидесяти подростков-фанатов, которые размахивали плакатами «Добро пожаловать в Сингапур», гонялись за группой и хватали их за волосы. Оказалось, что для Сингапура это обычная практика. Лейбл даже напечатал объявление в газете об их прибытии, включая номер рейса и время, и раздал баннеры.

Затем они отправились в Японию, где к туру присоединилась Кортни, а затем на Гавайи. К тому времени Курт снова подсел на

опиаты – по его словам, даже не осознавая этого, пока не позвонил своему врачу и не узнал, что на самом деле он принимает.

Курт и Кортни поженились в Вайкики, Гавайи, 24 февраля 1992 года. По настоянию Кортни супруги уже заключили брачный договор.

– Я не хотела, чтобы Курт сбежал со всеми моими деньгами, – шутит Кортни (предположительно).

Дэйв, его друг и барабанщик Барретт Джонс привезли на Гавайи своих подружек, но Курт и Кортни не хотели, чтобы они там появлялись.

– Они все приехали из Сиэтла и собирались вернуться и рассказывать всем: «Мы были на свадьбе Курта и Кортни!» – и лгать о всяких вещах, – говорит Кортни. Кроме того, Курт думал, что может расплакаться на церемонии, и хотел, чтобы она была как можно более уединенной и скромной.

– Шелли и Крист дерьмово к нам относились и думали, что я принимаю все эти наркотики, а ведь я была в Японии – как я могла принимать какие-то наркотики? – говорит Кортни (опять же, у Курта был физептон). Курт попросил одного из членов команды позвать Криста в его гостиничный номер, где Курт сообщил ему, что не хочет видеть на свадьбе никого, кому не хотелось бы, чтобы они поженились, имея в виду Шелли. Крист сказал, что если его жена не поедет, то и его тоже не будет.

– Я не жалею об этом и не беру свои слова обратно, – говорит Кортни. – Я не могу себе представить, чтобы в тот момент там была Шелли.

– Это был *наш* выбор, – настаивает Шелли. – Это было странно, потому что я знала о том, что происходит, и знала, что Кортни беременна, и у меня были реальные возражения против того, чтобы она принимала наркотики во время беременности, – сказала Шелли, затем спохватилась и добавила: – Возможно, в тот момент Кортни употребляла, а может и нет. Я не знаю, мы лишь *предполагали*. Я не хотела идти туда, потому что знала, что если она беременна и все-таки принимает наркотики, то я против этого, и я также не одобряла того, что Курт все время был никакой, и я просто решила, что не пойду.

Шелли говорит, что кто-то пытался уговорил ее пойти ради гармонии группы.

– В итоге мы не пошли, потому что они не хотели, чтобы я пришла, и это меня задело, – говорит Шелли. – Хотя дела и пошли совсем плохо, я все еще думала, что мы с Куртом по-прежнему друзья и что все можно наладить.

К тому времени, как они добрались до Гавайев, у Курта закончился физептон, и он убедил друга принести ему героин, чтобы ломка не началась, пока он был там. Курт даже на собственной свадьбе был под кайфом от героина.

– Но я не был под сильным кайфом, – объясняет он. – Я принял совсем немного, просто чтобы мне не стало плохо.

На церемонии, на скале с видом на пляж, присутствовали Дэйв, Алекс Маклеод, звукорежиссер Ян Беверидж, Дилан Карлсон и его подруга, а также специалист по ремонту гитар Nirvana Ник Клоуз. На невесте было старинное кружевное платье, когда-то принадлежавшее Фрэнсис Фармер, а на женихе – зеленая фланелевая пижама. На всех были цветочные гирлянды. Короткую церемонию провела внеконфессиональная женщина-священник, которую Кортни нашла в гавайском свадебном бюро. Курт плакал, а Кортни нет.

– Это было превосходно, – говорит Кортни. – Словно принять дозу кислоты. Было здорово и совсем по-другому, нежели просто быть парнем и девушкой. Это круто, и я рада, что мы это сделали.

Потом они очень расстроились из-за истории с Кристом и Шелли. А Шелли и Крист впали в депрессию из-за истории с Куртом и Кортни.

– Курт оттолкнул нас, но и мы тоже оттолкнули его, – говорит Шелли, – просто потому, что не были до конца откровенны друг с другом. Все шептались за их спинами. Это было неприятно и несправедливо. Легко распускать слухи, когда каждый день находишься рядом с людьми, а ведь Кортни уже была беременна, но в тот момент она больше не казалась милой, как и Курт. Была проведена черта, и это было действительно глупо, ведь не было никакой причины, чтобы все было так, как есть. Все говорили: «Вы просто кучка наркоманов». Занимаясь этим, ты отталкиваешь от себя людей.

Позже, когда группа играла в Аргентине в октябре 1992 года, Кортни и Шелли наконец поговорили об этом.

– Я сказала ей: «Послушай, я никогда не относилась к тебе плохо», – говорит Шелли. – Кортни думала, что я ее ненавижу, поэтому обращалась со мной так: «Ты меня ненавидишь, поэтому я тебя тоже не люблю». Потом она перестала мне нравиться. Это было большим недоразумением.

На следующий день после возвращения в квартиру в Сполдинге Курт снова принял метадон перед интервью с журналистом для Rolling Stone. Он выглядел ужасно и говорил еще тише, чем обычно. Большую часть интервью Курт провел под одеялом в пижаме, хотя вечер в Лос-Анджелесе выдался особенно душным. У него был плохой цвет лица, он едва мог сидеть в

постели и сказал, что его рвало весь день. Зрачки Курта не были сужены, но было совершенно очевидно, что у него проблемы.

Мы говорили о слухах про героин, и он категорически отрицал правдивость этого.

– На мне лежала ответственность, – говорит Курт сейчас. – Ответственность перед детьми, чтобы они никогда не узнали, что я принимаю наркотики.

> Но несмотря на то что он был прикован к постели, Курт был в восторге от своей жизни. Он был сильно влюблен.

– Это как вода Evian и аккумуляторная кислота, – сказал Курт о своих отношениях с Кортни в истории для Rolling Stone. И, если их смешать, то, по словам Курта, «вы получаете любовь».

Rolling Stone попросил интервью для статьи на обложку, и Курт согласился, хотя и не был поклонником этого журнала.

– Каждый раз, когда я брал в руки Rolling Stone, – говорит он, – я испытывал дикое отвращение и ярость и в конце концов рвал его. Это воплощение конформизма. Это идеальный пример всего, что я ненавижу. Это отвратительно.

Позже он разозлился, что журнал украл название Smells Like Teen Spirit для обложки отвратительного телесериала «Beverly Hills 90210».

Курт утверждает, что позже он забыл, что согласился на эту историю (правдоподобно, учитывая его химическое состояние в то время). Однажды утром во время австралийского турне его разбудили и сказали, что пришло время съемок для Rolling Stone. Поначалу Курт отказывался, но потом вся команда стала уговаривать его пойти на съемку. Затем он попытался придумать что-нибудь умное, например надеть футболку, которая не позволит использовать эти фотографии. Он поспешно придумал фразу «корпоративные журналы все еще отстой», перефразируя слоган SST Records «корпоративный рок все еще отстой».

– Это было глупое маленькое заявление для Rolling Stone, – говорит Курт, – заявление о том, что нельзя стать модным журналом только потому, что у вас на обложке предположительно модная группа. Не факт, что заявление было адресовано этому, как его там, издателю Rolling Stone Дженн Веннеру, скорее это было что-то вроде: «Хорошо, давайте посмотрим, сможете ли вы поместить это на свою обложку». Я не пытался сделать какое-то смелое заявление – это была просто шутка. Я даже не думал об этом. Эта идея пришла в голову буквально за десять минут до начала фотосессии. Не то чтобы я сидел всю ночь и думал: «Что я должен написать?» Самая смешная реакция – это то, что люди

воспринимают это так буквально – как будто я ненавижу все корпоративное, но в то же время нахожусь на корпоративном лейбле. Ни хрена себе. Очевидно, что мне хотелось, чтобы люди дали мне возможность усомниться в том, что я достаточно умен, чтобы понять это.

Вообще-то легендарный рок-журнал мог бы гораздо больше обидеться на другую футболку, которую Курт приготовил специально для этого случая. На ней была изображена панк-рок-утка с надписью «Kill Grateful Dead».

Несмотря на все свое иконоборство, Курт был уже на пути к тому, чтобы стать стереотипом опустошенного рокера. Успех *Nevermind* загнал Курта в несколько трудных ситуаций. Во-первых, человек, который ненавидел мейнстрим-рок, теперь фактически творил его сам. А застенчивый и замкнутый человек за три года прошел путь от полной безвестности до нежеланной мировой славы.

– Слава – это последнее, в чем я нуждался, – говорит Курт.

Основное внимание средств массовой информации было направлено на Курта, номинального лидера группы – его личная жизнь и даже его психика в СМИ были безжалостно препарированы. На обложке Rolling Stone было написано: «Внутри сердца и разума Курта Кобейна».

> Курт открыто возмущался своей славой, и большинство слушателей восприняли это как пощечину. В свою очередь Курт начал еще больше возмущаться любопытству прессы и своей аудитории.

– Классическая реакция на человека, который жалуется, что он в центре внимания – это утверждение «ты сам создал себе нишу, и теперь ты должен быть в ней». Ты теперь общественное достояние, и все имеют право знать о тебе все, – говорит он. – Никто не имеет права знать что-либо о моей личной жизни. Если они хотят знать о музыке и о том, как я пытаюсь ее писать, тогда все в порядке. Конечно, это связано с моей личной жизнью, но не так сильно, как все думают. Я просто всегда чувствовал себя оскорбленным, и я не согласен с людьми, которые говорят, что имеют право все знать. Я имею право попытаться изменить это восприятие. Я имею право попытаться изменить отношение людей к знаменитостям. Его надо менять. Все должно быть по-другому. К ним следует относиться как к личностям и уважать их личную жизнь.

Между тем *Nevermind* был в топ-3 и оставался там до середины апреля.

В квартире в северном Сполдинге Курт изо всех сил старался не искушать Кортни, делая себе уколы в запертом шкафу в соседней комнате, где он хранил героин, шприцы, ложки и спирт для растирания.

– Я все время знал, что искушаю ее, – говорит Курт. – Я все время был под кайфом. Я должен был продолжать это делать. Я не мог выбросить это из головы. Я знал, что если брошу тогда, то все равно обязательно вернусь к этому буквально в ближайшие пару лет. Я решил, что просто сожгу себя, потому что еще не почувствовал себя полным наркоманом. Я все еще был здоров.

– Я всегда занимался чем-то творческим, а не просто сидел дома, клевал носом и спал, – говорит Курт. – Я написал много картин и много песен. Все было гораздо менее красочно, чем все думают. Было довольно скучно.

В творческом плане для Курта это было благополучное время – он много рисовал и написал много песен, которые появились на *In Utero*.

– В этом году все свои лучшие песни я написал на героине, – говорит он.

Но он постепенно терял связь с группой и с Gold Mountain, и они с Кортни быстро впадали в сладостное забытье.

– Эти ребята ушли в свой собственный мир, их считали вампирами, потому что они уходили и весь день спали, – говорит Крист.

Пять месяцев они почти не разговаривали, даже на репетициях.

Но Крист был очень расстроен тем, что происходило с его старым другом. Он говорил Дэйву или Шелли: «Курт – долбаный наркоман, и я ненавижу его!» Крист был очень зол на Курта.

> – Вероятно, потому, что мне казалось, будто он бросил меня, – говорит Крист. – Я действительно беспокоился и переживал за него, и ничего не мог с этим поделать. Я просто вымещал на нем свой гнев. Это было трудно понять. Я не смог преодолеть силу героина.

Отчасти проблема заключалась в том, что Крист, как обычно, не обсуждал эту проблему с Куртом напрямую.

– Мы никогда по-настоящему хорошо не общались, если между нами возникали какие-то разногласия, – говорит Курт. – Мы никогда не говорили об этом, просто пропуская мимо ушей. Мы никогда не спорили о вещах, которые нас раздражали друг в друге. За то время, что я принимал наркотики, я заметил, что мне звонили не так уж и часто, но я также дал всем понять, что хочу сделать перерыв. Я помню, как однажды Дэйв позвонил мне,

очень враждебно настроенный, и спросил, хочу ли я вообще дальше быть в группе, потому что на нас давили, чтобы мы поехали в тур, а я решил, что не хочу никуда ехать в этом году, потому что мне нужен перерыв.

– Я не знаю, сколько героина принимал Курт, потому что я никогда его не видел, – говорит Крист. – Я никогда не видел Курта обколовшимся. Я никогда не был у него дома. Я видел его под кайфом несколько раз, но он никогда не был в полном дерьме. Я никогда этого не видел. Это были только слухи и предположения. Он был в Лос-Анджелесе. Я никогда не ездил в Лос-Анджелес, никогда не ездил к нему домой. Я не хотел туда ехать. Потому что боялся того, что мог там увидеть. Многие мои предположения были основаны на чьих-то доводах.

Дэйва эта история тронула не так сильно, как Криста.

– Мы действительно зависим друг от друга в некотором плане, но по большей части мы далеки друг от друга – очень далеки, – говорит Дэйв. – Как бы мы порой ни были близки, это вовсе не похоже на закадычных друзей. Это не только бизнес, мы говорим друг с другом не только потому, что мы в одной группе, мы друзья, но не лучшие друзья и даже не близкие друзья. Так что я не знаю, подвело это меня или нет, потому что я не чувствовал, что много вложил в эти отношения и меня ограбили.

– Пока мы просто собирались вместе и играли музыку, это не влияло на группу, – говорит Дэйв. – Когда это начало сказываться на репутации группы, я расстроился еще больше.

Поскольку Дэйв не чувствовал себя достаточно близким другом Курта, он не ощущал, что должен вмешаться.

– Когда видишь, что кто-то творит с собой нечто подобное, первое, что ты хочешь сделать, это сказать ему: «Слушай, чувак, остановись». Но как подойти к тому, с кем ты дружишь, но в то же время не чувствуешь себя таким близким? Ты не чувствуешь необходимость это сделать.

Дэйв даже больше, чем Крист, сумел остаться в стороне от происходящего.

– Странно, но ведь многие из тех людей, которые работают с группой, на самом деле не имеют ничего общего со мной, – говорит Дэйв. – По сути, все, что я делаю, – это выхожу на сцену и играю на барабанах. А потом я возвращаюсь домой. Там столько всего происходит, о чем я даже не знаю. Возможно, во многих отношениях это было блаженством, но, с другой стороны, это заставляет тебя задуматься о твоей важ-ности.

Курт не хотел снова отправляться в тур, не хотел, чтобы его желудок снова заболел, и, кроме того, он хотел быть рядом с Кортни во время ее беременности. В отношении карьеры время

для этого было выбрано не самое лучшее. Если бы Nirvana проехала с гастролями по Соединенным Штатам той весной – а обширное турне по американским большим площадкам было запланировано на апрель и май, – *Nevermind* оставался бы на вершине чартов намного дольше.

Кристу, например, было все равно.

– Мы гастролировали три года, – говорит он. – Во всяком случае, тур показался мне гораздо более напряженным. Раньше мы были просто бродягами в фургоне, занимающимися своими делами. Теперь у нас есть тур-менеджер и команда, есть расписание и тому подобное. Раньше было так: «Время выхода на сцену – шесть часов». А мы могли сказать: «К черту, мы пойдем покупать пластинки». Это было настоящее приключение. А теперь это цирк.

Постепенно лед между Куртом и Кристом растаял.

> – У нас с Куртом были такие классные беседы, – говорит Крист. – Время от времени мы созванивались и говорили о самых разных вещах, и я действительно чувствовал себя лучше, просто разговаривая с ним. Какое-то время вы молчите, просто сидите, и все эти идеи начинают приходить в голову, и вы начинаете в них верить.

Вскоре УЗИ показало нормально развивающегося ребенка (фотография Фрэнсис в утробе украшает вставку сингла Lithium).

– О боже, это было невероятно, – говорит Курт, внезапно засияв. – Это была одна из самых удивительных вещей. Это была не просто картинка – это было видео, на котором было видно, как она двигается. Это был первый раз, когда мы поняли, что она – живое существо. Было даже видно, как бьется ее сердце.

Курт клянется, что, когда смотрел запись, видел, как Фрэнсис показала знакомый хэви-металлический сатанинский салют указательным пальцем и мизинцем.

В марте претенциозная поп-певица Тори Амос выпустила фортепианную версию Teen Spirit в составе своего альбома.

– Каждое утро, просыпаясь, мы включали его так громко, как только могли, и танцевали, словно танцоры из Solid Gold[92], – говорит Курт, делая свое коронное бесстрастное выражение лица. – Это было действительно странно, потому что соседи все это слушали. Возможно, они думали, что я эгоист, но на самом деле я просто подражал песне и танцевал. Это отличная альтернатива завтраку.

Затем разгорелся ожесточенный спор о гонорарах за

публикацию, из-за которого группа была близка к распаду, как никогда прежде. Как и все остальные, Курт не ожидал, что пластинки группы будут продаваться миллионами. Чтобы избежать потенциально спорной ситуации, в которой он получил бы огромный кусок пирога, оставив остальных двух участников группы практически ни с чем, он согласился разделить гонорары за написание музыки поровну с Кристом и Дэйвом, хотя, по его оценке, он пишет около 90 процентов всей музыки.

– Я пишу песни, придумываю основную идею, а затем уже мы работаем над ней всей группой, – говорит Курт. – По большей части я спрашиваю мнение Криста и Дейва только для того, чтобы они почувствовали себя частью группы. Окончательное решение всегда за мной.

Но как только альбом набрал популярность, Курт передумал. Он потребовал более значительную часть гонораров – не из-за денег, их количество было довольно незначительным (Курт говорит, что разница составляет около 150 000 долларов).

– Я понял, что прикладываю больше усилий и что заслуживаю немного большего, потому что я вокалист, во всех текстах присутствует мое видение жизни, и я беру на себя всю ответственность, – говорит Курт. – И мне приходится справляться с напряжением, связанным с написанием песен. Мне плевать, если слава достанется кому-то другому, но, по крайней мере, я должен получить финансовую компенсацию.

У Дэйва и Криста не было возражений на этот счет, и это кажется разумным – ведь Крист и Дэйв все равно заработают много денег. Но когда Курт попросил, чтобы новое соглашение распространялось и на *Nevermind*, они взорвались. Они утверждали, что Курт фактически забирал деньги из их карманов. Шумиха продолжалась всего одну неделю марта, но успела практически расколоть группу.

– Если это говорило о том, что Курт превратится в мудака, то мы не хотим быть в группе с кем-то вроде него, – говорит Дэйв.

Тем временем все, кто был заинтересован в группе, убеждали Криста и Дэйва отступить.

– Все говорили: «Уступите ему, иначе группа распадется. Вы, ребята, в следующем году можете заработать пятнадцать миллионов долларов. Просто отдайте ему это», – говорит Дэйв.

Однажды по телефону Курт сказал Дэйву: «Ребята, не могу поверить, что вы такие жадные».

– Плевать, – с отвращением ответил Дэйв, и Курт повесил трубку.

– Тогда я готов был бросить на хрен группу из-за этой ситуации, – говорит Курт. – Я не мог поверить, что они до такой

степени злятся из-за этого.

В итоге Курт получил свои отчисления – 75 процентов гонораров за написание музыки. Недовольство все еще кипит.

Курт попробовал программу Exodus («Исход»), которой активно пользовались рок-звезды.

– Это было отвратительно, – говорит Курт. – Врывались эти сорокалетние хиппи, старые наркоманы и пытались говорить со мной на рок-н-ролльном уровне, типа: «Я знаю, где ты, чувак. Наркотики и вправду широко распространены в рок-н-ролле, и я уже видел все это в семидесятых. Ты не будешь возражать, если Дэвид Кросби зайдет и поздоровается? Или Стивен Тайлер?» И продолжают перечислять имена рок-звезд. И я такой: «К черту это. Я вообще не испытываю никакого уважения к этим людям».

> Курт четыре дня провел в невзрачной, похожей на больничную палату комнате, читая в неудобной кровати. Затем он внезапно ушел, не дожидаясь окончания лечения.

– Я чувствовал себя хорошо, – говорит он. – Я думал, что все кончено, а потом я решил попробовать провести детоксикацию дома, потому что все оказалось не совсем так, как я ожидал.

Он потел еще несколько дней. Потом они с Кортни поехали в Сиэтл, и Курт снова принял наркотик. К тому времени, как они вернулись в Лос-Анджелес, у него снова появилась зависимость.

Кортни все больше времени стала проводить со своим гитаристом Эриком Эрландсоном, чтобы держаться подальше от Курта. Время от времени она ходила в детское отделение Сидарс-Синай и смотрела на детей, чтобы укрепить свою решимость оставаться «чистой».

В июле был выпущен сингл Lithium, оборотная сторона которого содержала концертную версию Been a Son и ранее неизданный трек под названием Curmudgeon. И еще наконец-то там были все тексты к *Nevermind*. Вскоре после этого в эфир вышло видео Lithium. Довольно рутинный коллаж из кадров с большого концерта по случаю возвращения домой в Paramount в предыдущий Хэллоуин и кадры из фильма «1991: Год, когда панк прорвался вперед» (съемка Курта, прыгающего в барабанную установку, с фестиваля в Рединге 1991 года; тогда он вывихнул руку). Несмотря на ловкий трюк Керслейка – использование более жестких кадров во время тихих моментов в песнях и наоборот, было что-то вроде разочарования в группе и в песне. Возможно, проблема заключалась в том, что из-за своей наркотической

зависимости Курт просто был не в состоянии помочь разработать концепцию видео, но они с Керслейком по сути проводили мозговой штурм для создания гораздо более амбициозного проекта.

Керслейк говорит, что это должен был быть мультипликационный фильм о девушке по имени Прего, которая живет в доме в лесу. Однажды она находит в своем шкафу большую кучу яиц и кладет их в поезд, состоящий из трех вагонов, который она катит через весь лес, пока в итоге не приходит к королевскому замку. К этому времени все яйца, кроме одного, треснули. Она берет это яйцо, несет к трону короля и кладет на большую раскрытую книгу, которая лежит у него на коленях. Он спит, но когда просыпается, то раздвигает ноги, и книга проскальзывает между ними и захлопывается на этом яйце. Когда Курт и Керслейк поняли, что создание анимации займет четыре месяца, они выбрали легко создаваемый живой коллаж.

Тем временем группа отправилась в двухнедельный тур по Ирландии, Северной Ирландии и Скандинавии, а также посетила Францию и Испанию.

– Это было безумно, – говорит Дэйв о туре, – там было много сумасшедшего дерьма, и это было плохо, совсем не весело.

Отчасти проблема заключалась в том, что группе перестали нравиться фестивали на открытом воздухе, на которых они часто играли днем, открытый воздух поглощал звук аппаратуры, а ветер сдувал звук из динамиков.

– Мне кажется, вся группа поняла, что мы больше не получаем удовольствия от этого, – говорит Курт.

Дэйв сказал автору из *NME* Киту Камерону, что впервые он даже не знает имен людей из команды. Дерьмо большого лейбла обрушилось на фаната панк-рока.

Но это было еще не все. Курт все еще принимал наркотики, и, что еще хуже, его желудок снова разрывался от боли. Чтобы пережить тур, Курт прошел мили бюрократической волокиты, получил несколько таблеток метадона от «шарлатана», а затем получил еще несколько от пациента со СПИДом, с которым его свел другой врач.

Утром после шоу в Белфасте 22 июня за завтраком Курту стало плохо.

> – Я забыл принять таблетки метадона в тот вечер перед сном, – говорит Курт. – Я проснулся с ломкой. Мой желудок был настолько плох, что я решил, что если я приму метадон, то меня просто вырвет, поэтому я попросил их отвезти меня в больницу, чтобы я мог

получить морфий.

Полагают, что водитель скорой помощи обзвонил всю желтую прессу и распустил слух, что у него передоз, несмотря на то, что, как отмечает Курт, в Белфасте достать героин было довольно сложно.

Официальное сообщение из лагеря Nirvana гласило, что у Курта было желудочное кровотечение, вызванное «нездоровой пищей». После этого на него стали косо смотреть почти все участники тура.

– Я ведь ничего не сделал, кроме того, что забыл принять свои таблетки метадона накануне вечером, и мне пришлось срочно ехать в больницу – большое дело, – говорит Курт. – Дэйв мог пораниться во время гребаного несчастного случая. Крист мог упасть со сцены пьяным в тот вечер.

Тень этого инцидента висела над остальной частью тура. Группа уже несколько месяцев стояла на своем в отношении героина; теперь было очевидно, что рано или поздно слух об этом просочится наружу.

Вокруг команды витали плохие флюиды. Во-первых, Кортни была на шестом месяце беременности и в полном гормональном разгаре. Во-вторых…

– Все устали от того, что я принимал наркотики, – говорит Курт, – хотя я их вовсе не принимал, я был на метадоне. Я не мог ничего сделать, кроме как игнорировать это. Все, что я мог сделать, – послать всех. Это моя проблема, и они не должны беспокоиться об этом. Я мог бы показать пальцем на окружающих и сказать им, что они пьяницы, которые купились на истерическую пропаганду против наркотиков, которая шла в Соединенных Штатах со времен Рейгана. Никто не понимает этого, они никогда не делали ничего подобного, поэтому боятся, и это порождало плохие предчувствия.

Не то чтобы Курт и Кортни относились к этому без доли юмора – они регистрировались в отелях как «Мистер и миссис Саймон Ричи», настоящее имя Сида Вишеса.

> Gold Mountain наняли пару профессиональных «наблюдателей», чтобы присматривать за Куртом и Кортни. На следующий день после инцидента в Белфасте группа была в Париже на концерте в Le Zenith. Курт вышел из своего гостиничного номера, чтобы раздобыть еды, и заметил одного из охранников, сидящего в комнате прямо напротив их номера, лицом к его открытой двери, просто ожидая, когда Курт попытается уйти.

– За мной следили два громилы, – говорит Курт, – а я пошел перекусить рыбой. Я вообще не искал наркотики. У меня был метадон, я был в порядке. У меня не было абсолютно никакого желания принимать наркотики, но со мной обращались как с гребаным ребенком. Они превращали эту группу во все, чем она не должна была быть на самом деле.

Возмущенные, Курт и Кортни собрали свои вещи, выскользнули из отеля и поселились в другом, до следующего дня никому не говоря, где они находятся.

– Они ели свое дерьмо, и так боялись того, что должно было произойти, – говорит Курт. Еда тоже была проблемой, хотя Курт давно научился возить с собой хлопья и консервы. – В Европе никогда не бывает хорошей еды, – заявляет он, поднимая брови на протяжении всего пути от Парижа до Рима.

– В то время как все думали, что мы плотно сидим на наркотиках, а Кортни впрыскивает лошадиные дозы героина прямо в желудок, – говорит Курт, – на самом деле никто ничего не знал, и все они были такими бесхребетными, боялись прямо спросить нас о чем-либо.

Видя то, что Дэйв, по крайней мере, слушает и не очень осуждает его, Курт рассказал ему, что на самом деле происходит.

– Дэйв – практически единственный человек, с которым я когда-либо действительно говорил обо всем этом дерьме, – говорит Курт. – Крист был очень осуждающим – он только и делал, что посылал мне плохие флюиды и грязные взгляды.

Фанатам нравится думать, что их любимые группы похожи на The Monkees – живут вместе, разделяют хорошие и плохие времена, и вообще знают все друг о друге. Но дело в том, что Nirvana больше не была такой дружной, сплоченной группой.

Возможно, это было для его же блага, но, как только Шелли начала ездить с ними в туры, Крист перестал так часто общаться с группой, а потом и Кортни присоединилась к Курту.

– Мы больше ничего не делали вместе, – говорит Курт. – Раньше мы ходили куда-нибудь каждый вечер, потому что были лучшими друзьями и больше никого не знали. Мало-помалу все начали обзаводиться подругами, и мы перестали жить в одних и тех же гостиничных номерах и тому подобное. Раньше мы всегда останавливались в одном номере отеля.

Поскольку никто напрямую не спрашивал Курта о том, что происходит, то даже внутренний круг общения был полон слухов, что приводило Курта в бешенство и еще больше отталкивало всех остальных.

– Я терпеть не могу людей, которые не могут никому противостоять, – говорит Курт, судя по всему, не обращая

внимания на то, что он сам является главным преступником в этом отношении. – Если у тебя с кем-то возникли проблемы, ты должен прямо спросить их об этом. Они никогда этого не делали. В автобусе витали плохие флюиды – казалось, можно было увидеть, как они их излучают. Мне не давали покоя мысли *о том, насколько эти люди бесхребетны, о том, что они вообще не знают, что на самом деле происходит, но все они догадываются, и они в моей собственной гребаной группе.*

Крист считает, что это был порочный круг, подпитываемый обеими сторонами.

– Когда Курт изолировался, люди реагировали на это, но он изолировался, чтобы таким образом реагировать на реакции людей, – говорит Крист. – Это просто превращается в какую-то чушь собачью.

– Я был гораздо более несчастен во время тех туров, когда меня рвало каждую ночь, я не ел и был абсолютно нормальным, – говорит Курт. – Я был скорее ублюдком и плохим человеком. Большую часть времени рядом со мной было трудно находиться. Я просто смотрел перед собой и старался не блевать, из-за чего другим было трудно общаться со мной. Но когда я начал принимать наркотики, я чувствовал себя прекрасно – и впервые за долгое время я был счастлив. Я надеялся, что теперь все будет хорошо, но в итоге то, что я начал принимать наркотики, создало еще больше проблем, хотя я наконец-то почувствовал облегчение.

В Испании у Кортни начались легкие схватки, и она испугалась, что может преждевременно родить.

– Конечно же, – говорит Курт, – они начались у нее прямо перед тем, как нам нужно было идти выступать, поэтому я вынужден был играть, постоянно думая о том, умрет Кортни или родит ребенка.

После концерта Курт сразу же помчался в больницу.

> – Это была самая мерзкая, самая отвратительная больница, которую я когда-либо видел. На стенах грязь, медсестры на испанском кричали на Кортни, приказывая ей лежать, – говорит Курт.

Ее перевезли в клинику, откуда они позвонили своему акушеру, который считал, что серьезных проблем нет, но посоветовал им на всякий случай улететь домой ближайшим рейсом.

– Нам пришлось купить два места в первом классе, чтобы Кортни могла прилечь, – говорит Курт. – Но осветили это так, словно мы выкупили целых два ряда.

В начале июля Курт и Кортни вернулись из тура и

обнаружили дома крупную катастрофу. Курт, полагая, что грабителю и в голову не придет заглянуть в ванную, положил туда свою любимую гитару и, что еще важнее, несколько кассет и записных книжек, полных стихов и песен. Но, пока их не было, из-за проблемы с водопроводом ванна наполнилась грязью, и все было испорчено – гитара, кассеты и записные книжки.

Вскоре они нашли новую квартиру, комфортабельную, с двумя спальнями, в относительно дешевом («Прямо под холмом была улочка крэка», – говорит Курт) районе Голливуд-Хиллз, рядом с Голливуд-боул, с потрясающим видом на холмы. Курт начал писать все заново.

Тем временем еще одна группа с названием Nirvana – британская группа, выпустившая в шестидесятые один малозаметный хит, – подала иск о единоличных правах на название в Великобритании, но когда всплыл тот факт, что Nirvana была популярна в Великобритании более двух лет, и они ничего не предприняли за это время, дело было прекращено.

В июле Hole подписали контракт с DGC на миллион долларов, это была более доходная и выгодная сделка, чем та, которую заключила Nirvana. В статье Newsweek, посвященной нападкам на так называемые «альтернативные» группы, которые подписали контракты вслед за Nirvana, цитируется один из знатоков индустрии, сказавший, что «спать с Куртом Кобейном стоит миллион долларов». DGC отрицает, что это имеет какое-либо отношение к подписанию контракта. Вдалеке слышится недоверчивый смех.

Если не считать метадона, который Курт принимал во время летних гастролей, он употреблял героин месяцами, на протяжении почти всей беременности Кортни. В это время ему приходилось принимать большие дозы, чтобы получить тот же самый кайф, и в конце концов он выработал привычку тратить по четыреста долларов в день. Сделать дозу еще выше он не мог, потому что его банкомат не выдавал больше четырехсот долларов в день.

> – Дошло до того, что я укололся на сто долларов и даже не почувствовал этого, – говорит он. – Я просто наполнял шприц, насколько возможно было его наполнить, не сломав. В тот момент я даже не понимал, зачем все это делаю.

Следующим шагом мог бы стать спидбол, смесь кокаина и героина, которая убила Джона Белуши. Из-за неизбежного

появления ребенка 4 августа Курт обратился в Седарс-Синай за детоксикацией, проведя там в общей сложности двадцать пять дней.

– С одной стороны, он хотел покончить с собой, а с другой – жить, – говорит Дэнни Голдберг. – Он решил остаться в живых.

Гитарист Hole Эрик Эрландсон посещал Кортни и Курта на протяжении всего этого тяжелого испытания.

– Все это время он спасал наши жизни, – говорит Курт. – Эрик был единственным кусочком реальности, единственным спокойным человеком, который был примером того, какой может быть жизнь после того, как закончится это безумное дерьмо.

В знак благодарности они включили Эрландсона в свое завещание.

Кроме Эрландсона, на ранних стадиях реабилитации Курта никто не навещал.

– Я был в очень уязвимом эмоциональном состоянии, такое бывает в первые десять дней, когда вам действительно плохо и вы все время плачете, – говорит Курт. – Это так путает твой мозг – словно бесконечный кислотный трип. Именно на это и похожа детоксикация. Это то же самое, что сидеть на сильнейшей дозе кислоты, которая не отпускает дней десять, и не спать. Время просто останавливается, и все, что ты читаешь или видишь по телевизору, заставляет тебя плакать. Так что на самом деле это было не самое лучшее время для встреч, потому что я бы все равно разрыдался прямо перед ними. Я не получил никакой поддержки в первые две попытки детоксикации, – продолжает он. – Никто не приходил ко мне в гости, не звонил, ничего такого. На этот раз я потребовал, чтобы кто-то пришел и навестил меня, чтобы я почувствовал, что у меня есть друзья. Так что в конце концов Крист и Дэйв пришли.

– Я был рад видеть Курта, но меня немного расстроило его ужасное состояние, – говорит Крист. – Он под каким-то лекарством, лежал в постели, и я думал: «Вот дерьмо, так вот к чему это все привело».

Однажды Дэйв и Крист заехали, чтобы обсудить, будут ли они играть благотворительный концерт против печально известного орегонского гомофобного Предложения 9, играть концерт в честь возвращения домой в Сиэтле, помогая коалиции музыкальной индустрии Вашингтона бороться против цензуры, или появятся на MTV Video Music Awards. Они решили сыграть все три концерта.

Пока Курт проходил детоксикацию, а Кортни ждала рождения ребенка, в журнале Vanity Fair появилась статья о ней.

Глава XII
Мы только плакали

Кортни изначально согласилась на интервью Vanity Fair, полагая, что по большей части это будет лестный отзыв о ней и ее музыке. Кортни упустила из виду тот факт, что за год до этого ее группа выпустила всего один чрезвычайно скромный альбом на независимом лейбле, и он мало что значил для высококлассной аудитории Vanity Fair. Нотка гордыни помешала ей увидеть тот факт, что автором статьи была Линн Хиршберг, хорошо известная своими нелестными отзывами о знаменитостях. Кортни думала, что эта статья поможет ей прославиться.

Так и вышло.

Кортни привыкла к обожанию британской музыкальной прессы, которая понимала ее ироничное, саркастическое чувство юмора, не задавала трудных вопросов, не проводила больших расследований и хранила секреты в обмен на благосклонность музыканта. У Линн Хиршберг такой преданности не было.

Кортни говорит, что интервью проходило, когда она еще употребляла наркотики.

– Если бы я не принимала наркотики, то имела бы довольно ясное сознание, чтобы понять, что Vanity Fair собирается выставить меня посмешищем. Что еще они могли со мной сделать?

Она добавляет, что думала, будто враждебная статья в «консервативном» Vanity Fair, вероятно, превратится в блестящее разоблачение, довольно крутое для рок-сообщества.

Статья появилась в сентябрьском номере 1992 года. Одним из многих спорных аспектов этой статьи была фотография явно беременной Кортни, обнаженной до пояса и в прозрачном нижнем белье. Ничего особенного, но оказалось, что на фотографии она курила сигарету, а редактор Тина Браун приказала эту сигарету заретушировать. Кортни говорит, что для статьи они сделали масштабную фотосессию, потратив десятки кассет пленки и использовав несколько костюмов и декораций. В какой-то момент, во время смены костюмов, по ее словам, она просто затянулась сигаретой, а фотограф Мишель Конт просто оказался рядом и запечатлел это. Однако она курит как минимум еще на одной фотографии с этой фотосессии. После того, как статья вышла, журналы по всему миру требовали фото без ретуши. Кортни утверждает, что они с Куртом выкупили это фото за пятьдесят тысяч долларов – за цену, которую она называет

«шантажом».

> Но это было еще не все. В статье Кортни описывалась как «личность без тормозов», которую «не особо интересуют последствия ее действий». Это был явный намек на то, что она познакомила Курта с героином, хотя это было вовсе не так. Хиршберг цитировала различных неназванных «отраслевых инсайдеров», которые «опасаются за здоровье ребенка», не упоминая, проводили ли эти отраслевые инсайдеры какие-либо исследования в области тератогенной медицины.

Но гораздо более пагубной была одна цитата из этой статьи. Описав то, как они с Куртом отправились в Алфавит-Сити, чтобы достать наркотики во время приезда для съемок Saturday Night Live, Кортни добавила: «После этого я употребляла героин в течение нескольких месяцев», что означало, что она принимала героин еще долго после того, как узнала, что беременна. Кортни утверждала, что ее неправильно процитировали; Хиршберг парировала, заявляя, что у нее есть подтверждающие аудиозаписи.

Хотя статья, очевидно, выставляет Кортни интриганкой, но различные исковерканные факты на протяжении всей статьи, по-видимому, ставят под угрозу точность Хиршберг. Например, она написала, что Дэнни Голдберг был вице-президентом Polygram Records, хотя на самом деле он был вице-президентом Atlantic; в статье также утверждалось, что Голдберг был менеджером Nirvana, но на самом деле у него было мало менеджерских обязанностей в Gold Mountain, где он теперь просто консультант – менеджером Nirvana является Джон Сильва. Хиршберг утверждала, что Курт и Кортни впервые встретились «около восьми лет назад», что означало, что Курт тогда был еще в средней школе. Статья увековечила теорию об охотнице за деньгами, заявив, что, когда Кортни встретила Курта в следующий раз после их первой встречи в Портленде, «Курт уже был звездой», что было неправдой. Хиршберг также неверно передала легко проверяемую историю о торговой войне за Hole.

К несчастью, эта статья полностью отняла у Кортни ироничное чувство юмора. Это женщина, которая в ходе деликатного разговора о споре «была она или не была» может выдать намеренно саркастическую реплику вроде: «Если человеку когда-нибудь и стоит принимать наркотики, то явно во время беременности, потому что это отстой», не задумываясь о том, как это будет выглядеть в печати. Проведите с Кортни хотя бы

немного времени, и станет ясно, что обмен мнениями с Куртом об увольнении Дэйва был чистой шуткой.

Если *Nevermind* был успешным, потому что группа оказалась в нужном месте в нужное время, то Vanity Fair нашли Кобейнов в неправильном месте в неправильное время. Помимо продолжающейся наркотической истерии в стране и фальшивого республиканского крестового похода за «семейные ценности», эта история также затронула внезапное чувство вины Америки за то, что она сделала со своими детьми за последнее десятилетие. И вдруг американские СМИ стали зацикливаться на историях жестокого обращения с детьми, начиная с детей, которые остались «одни дома», пока их родители отдыхали в Мексике, и заканчивая бедной маленькой девочкой с Лонг-Айленда, которая несколько дней провела в подземном бункере, закованная в кандалы. Мать, которая якобы употребляла героин (не говоря уже о сигаретах) во время беременности, нажала на несколько важных кнопок.

– Я и подумать не могла, что меня это так заденет, – раздавит, отымеет и невероятно уязвит история в этом журнале, – говорит Кортни. – Но ее угнетающая сила была довольно велика. Это было невероятно. Я прочитала факс, и меня затрясло. Я знала, что мой мир рухнул. Я была мертва. Вот и все. На всю оставшуюся жизнь. Мало того, что я буду ходить с огромной черной меткой, так еще и за любое счастье, о котором я мечтаю, мне придется бороться всю оставшуюся жизнь. Так не должно было быть, но я подвергла себя опасности. Если бы я не принимала тогда наркотики, мой разум был бы достаточно ясен, чтобы понять, что она имела в виду на самом деле, я не была бы столь откровенна, я бы поняла, каким именно образом вписываюсь в схему мира Vanity Fair.

> Кортни предпочитает думать, что эта история была своего рода подставой – возможно, организованной Мадонной, любимицей Vanity Fair, чей новый лейбл, Maverick, она недавно громко отвергла.

Но более простое объяснение заключается в том, что статья о Кортни способствовала активному распространению тиражей – она была откровенной женщиной с ярким прошлым, которая случайно вышла замуж за рок-звезду того времени. Кобейны хоть и утверждают, что статья лжива, но в то же время признают, что произведение Хиршберг было по крайней мере интересным чтивом – и худшим, что когда-либо случалось с ними.

Кортни записалась в больницу, по ее словам, «потому что я

сходила с ума. Я собиралась принять наркотики. Я не из тех, кто принимает наркотики в моменты кризиса, обычно я принимаю их, когда счастлива. Я действительно была готова убивать себе подобных. Я была на девятом месяце беременности. Я не могла покончить с собой, поэтому за две недели до рождения ребенка легла в больницу».

Тем временем Курт проходил детоксикацию и снова испытывал невыносимую боль. Не в состоянии есть, он был помещен под капельницу и в определенное время становился все слабее и слабее, а затем наступало улучшение. Его реабилитация затянулась из-за того, что ему время от времени давали морфий, чтобы снять боли в животе.

Курт повидал целый батальон специалистов в области желудочно-кишечного тракта, которые делали ему рентген, проверяли верхние и нижние отделы желудочно-кишечного тракта, проводили томографию и т. д. Он был слаб. И был готов сорваться.

– Курт плакал уже несколько недель подряд, – говорит Кортни. – Ничего, кроме плача. Мы только и делали, что плакали. Это было ужасно.

Поначалу Курт не понял всей сути истории с Vanity Fair.

– Это было явно неприятно, – говорит он, – но я был в таком уязвимом состоянии, и мой разум был настолько затуманен после приема наркотиков, что я предпочел бы просто отложить этот вопрос на некоторое время, но Кортни была очень расстроена этой ситуацией. У нее вот-вот должен был родиться ребенок – и она явно не была в состоянии затуманенного сознания.

Постепенно до Курта дошло, как эта история влияет на их с Кортни репутацию.

– Однажды я пришел в себя и понял, как это ужасно, – говорит он. – Статья определенно оказала негативное влияние на наше финансовое благополучие, наш имидж и все остальное.

И поскольку статья в Vanity Fair была основана по большей части на неназванных «внутренних источниках», им пришлось столкнуться с глубоким разочарованием и паранойей, возникшими из-за того, что некоторые из их самых доверенных друзей и партнеров предали их.

> – К тому времени мы уже превратились в карикатурных персонажей, и это оправдывало всю ложь и слухи, – говорит Курт. – Мне показалось удивительным, что кому-то может сойти с рук что-то подобное, и Хиршберг не посадят за это в тюрьму, не арестуют и не засудят. Я думал, что мы сможем подать

на нее в суд, но на то, чтобы бороться в суде с издателем Vanity Fair и Conde Nast, который поддержал бы ее, потребовались бы миллионы долларов.

Я просто решил: «К черту все это, я больше не хочу быть в группе. Это не стоит того. Я хочу убить Хиршберг», – говорит Курт. – Как только я выберусь из этой гребаной больницы, я убью эту женщину голыми руками. Я зарежу ее. Сначала я возьму ее собаку и выпотрошу ей кишки прямо у нее на глазах, а потом обосру ее и зарежу.

Курт был слишком слаб, чтобы сделать это, поэтому, по его словам, он подумывал нанять киллера, затем немного успокоился и подумал о том, чтобы попросить Дэвида Геффена потянуть за какие-то ниточки, чтобы уволить Хиршберг, иначе он ушел бы из группы. Ничего из этого так и не вышло.

Курт все еще ужасно сердится, когда речь заходила о статье Линн Хиршберг.

– Ей стоит надеяться, что я никогда не лишусь жены и ребенка, – говорит он. – Иначе, блядь, я отомщу ей. Прежде чем я покину эту землю, она обязательно встретится со мной.

Утром 18 августа 1992 года у Кортни начались схватки. Она ошарашила врачей, схватив капельницу и выскочив из палаты. Она зашагала к палате Курта, прямо через всю больницу, и крикнула ему: «Вылезай из этой гребаной кровати и спускайся сейчас же! Ты же не оставишь меня одну разбираться с этим, ИДИ НА ХРЕН!»

Она вернулась и обнаружила, что служба безопасности больницы сходила с ума.

Курт все еще был слаб после дозы снотворного и испытывал сильную боль, но немного позже ему удалось спуститься в родильное отделение.

В семь сорок восемь утра родилась Фрэнсис Бин Кобейн. Она весила семь фунтов одну унцию и, по словам Кобейнов, была совершенно здорова.

Курт не был свидетелем рождения собственной дочери. Он потерял сознание.

– Я рожаю ребенка, он вылезает из меня, а Курта рвет, он теряет сознание, а я держу его за руку и потираю живот, пока ребенок выходит, – говорит Кортни. – Это было довольно странно, – продолжает она, мрачно посмеиваясь.

– Я был чертовски напуган – вероятно, это был классический случай того, что переживает типичный отец, – говорит Курт, все еще подключенный к

капельнице и в самом разгаре реабилитации. – Я был так слаб и болен и боялся, что с Кортни или с ребенком что-то случится.

Пресс-релиз Gold Mountain, вышедший через несколько дней, был направлен на опровержение всех домыслов о Фрэнсис. «Младенец в хорошем состоянии, хорошо питается и растет с нормальной скоростью, характерной для новорожденного», – говорится в заявлении. Также в нем говорится: «Порочные слухи о том, что Фрэнсис страдала от какой-либо ломки во время рождения, полностью лживы, и на самом деле она не испытывала никакого дискомфорта».

Если бы ребенок был мальчиком, его назвали бы Юджин, в честь Юджина Келли из Vaselines. Когда Курт и Кортни узнали, что у них будет девочка, они подумали о партнерше Келли в Vaselines, Фрэнсис Макки. В то время они не думали о Фрэнсис Фармер, голливудской актрисе, которая попала в черный список и была доведена до безумия в пятидесятых годах, но теперь Курт хотел бы, чтобы это было основной причиной такого выбора. Он добавляет, что слово Бин, «фасолинка» мелькало в их с Кортни жизнях много раз, но на самом деле они придумали это имя, заметив, что Фрэнсис на ранних ультразвуковых исследованиях была похожа на фасолинку.

Подмоченная репутация оказалась лишь началом войны с Vanity Fair. Даже адвокат Курта и Кортни, Розмари Кэрролл, считает, что статья Vanity Fair побудила окружной Департамент Лос-Анджелеса по делам детей начать принимать меры против них. Агентство, должно быть, видело статью в журнале (и Кэрролл, и Кобейны утверждают, что она была прикреплена к верхней части отчета об их семье). Эта история получила такую широкую огласку, что агентство просто не могло игнорировать ее, хотя Кортни якобы прошла детоксикацию почти сразу после того, как узнала, что беременна. Независимо от того, ожидалось ли давление со стороны вышестоящих инстанций или даже протесты общественности, не исключено, что агентство было фактически обязано досаждать этой рок-звездной паре.

Под конец беременности Кортни детские службы пригрозили отобрать у Курта и Кортни право опеки над Фрэнсис. На слушаниях в суде по семейным делам, где правила доказывания смягчены, детские службы использовали статью Vanity Fair и то, что позже оказалось поддельным анализом мочи, чтобы доказать, что Курт и Кортни многократно принимали наркотики и поэтому не заслуживали опеки над своим ребенком. Судья согласился и

приказал Курту отправиться в очередной детоксикационный центр еще на тридцать дней, хотя после пребывания в Сидарс он был совершенно чист.

Но это было еще не все. Через две недели после рождения дочери Курт и Кортни были вынуждены передать опеку над Фрэнсис Джейми, сестре Кортни. В течение месяца после этого Курту и Кортни не разрешалось оставаться наедине с собственной дочерью.

Курт искренне верит, что это был заговор.

– Это была настоящая афера, – говорит он. – Это была попытка использовать нас в качестве примера, потому что мы выступаем за все, что идет вразрез с конформистской американской сферой развлечений. Это была охота на ведьм. Это было слишком похоже на дело Фрэнсис Фармер, и с нами обошлись невероятно жестоко. Социальные службы взяли статью Vanity Fair и сняли с нее копию, а затем взяли анализ мочи, который Кортни сделала в первом триместре беременности, и использовали его как предлог, чтобы забрать нашего ребенка.

Никто не знал о происходящем, кроме очень близкого внутреннего круга Nirvana. Учитывая то, что пара боролась за опеку над своим собственным ребенком, и тот факт, что в качестве доказательства, по сути, использовалась журнальная статья, их острая реакция на последующие плохие публикации начинает становиться более понятной.

Кортни все еще расстраивается, когда рассказывает эту историю. Ближе к концу своего рассказа о фиаско с Vanity Fair эта жесткая, на первый взгляд неукротимая женщина начинает открыто плакать.

– Одно дело – потерять свой авторитет или быть публично униженным, но совсем другое – забрать нашего ребенка, а ведь с ней все было в порядке, – говорит Кортни, всхлипывая. – Я не принимала наркотики во время беременности, я бросила сразу после того как узнала, что беременна. Я пошла и получила всю необходимую помощь, которую только могла получить. Я обошла всех врачей в городе. У меня есть медицинские записи, доказывающие это, а они просто мучали нас.

> Казалось, надежды уже не было. Врачи, правительственные учреждения, пресса – все были против них. В какой-то мрачный момент они достали пистолет Курта и подумали о том, чтобы покончить с собой.

– Это было так унизительно, и казалось, что так много влиятельных людей решили добраться до нас, что эта ситуация

казалась безнадежной, – говорит Курт. – Мне казалось, что мы никогда не победим. Это было невозможно. Мы действительно хотели покончить с собой. Все случилось в очень неподходящее время для женщины, пытающейся избавиться от гормональных проблем из-за того, что у нее только что родился ребенок, а я только что избавился от наркотиков, и тут на меня наваливается все это. Было слишком много дерьма.

Но в конце концов они решили отложить оружие в сторону.

На следующий день Nirvana вылетела в Англию, чтобы выступить на закрытии фестиваля в Рединге 1992 года. Английская пресса распространяла слухи о том, что группа на грани распада из-за состояния здоровья Курта. Сам он говорит, что слухи были совершенно необоснованными.

– Нет, это была классическая, типичная английская журналистика, – устало говорит он. – Погоня за сенсациями. Я совершенно не уважаю английский народ. Меня от них тошнит. Я думал, что никогда в жизни не скажу ничего расистского, но эти люди – самые высокомерные, самоуверенные, дотошные люди, и они абсолютно не обращают внимания на эмоции других. Они вообще не считают других за людей. Это самые холодные люди, которых я когда-либо встречал.

Курт лично составил список выступающих в этот день, намеренно опустив «жалкие британские группы». Организаторы фестиваля поначалу возражали против включения The Melvins и Screaming Trees, но Курт пригрозил, что откажется от участия в фестивале, если их не включат. Кроме того, в расписании этого дня были старые друзья, такие как L7, Mudhoney и Eugenius, а также Pavement, Ник Кейв и The Bad Seeds и шумная трибьют-группа Abba Björn Again.

Весь день шел дождь, и посетители фестиваля купались в традиционной грязевой ванне. Наконец настала очередь Nirvana. Курт выкатился на сцену в инвалидном кресле и больничном халате, как бы насмехаясь над всеми слухами о своем плохом самочувствии. Однако еще меньше недели назад его рвало, и он упал на койку, когда родилась его дочь; накануне он собирался покончить с собой. Во всяком случае, Nirvana отыграла великолепное шоу – восьмерка по десятибалльной шкале, по мнению Курта. Десятки тысяч английских голосов подпевали практически каждой песне полуторачасового сета. Группа играла с ошеломляющей силой. Слухи о кончине Nirvana были сильно преувеличены.

И все же споры вокруг группы никуда не исчезли. Два главных британских музыкальных еженедельника договорились о

написании статей о группе для обложки во время европейского тура в начале лета. Melody Maker согласился опубликовать материал, написанный давним другом и сторонником группы Эвереттом Тру, сразу после интервью, в то время как NME хотел издать статью на шесть недель позже, чтобы выход статьи совпал с фестивалем в Рединге. Nirvana также требовала, чтобы статью написал Кит Кэмерон, у которого сложились хорошие отношения с группой благодаря тому, что он писал о них с тех пор, как летом 1990 года вышла обложка Sounds. В то время как Тру легко уходил от споров, Кэмерон столкнулся с многочисленными слухами разочарованных фанатов, одним из которых был он сам сам.

После интервью с группой на концерте в Валенсии, Испания, Кэмерон написал, что группа, или, по крайней мере, Курт, начали вести себя как те самые самодовольные динозавры, которых они презирали и вытесняли. Они пропускали саундчек по необъяснимым причинам, всячески препятствовали интервью и фотосъемке и, с большой долей вероятности, употребляли тяжелые наркотики. Статья описывала череду связанных с наркотиками слухов, многие из которых, как оказалось, были не так уж далеки от истины.

– Они начали принимать героин, это самый дерьмовый прием из всех, – писал Кэмерон. – От ноунеймов до суперзвезд и снова до лохов всего за полгода! Должно быть, это рекорд.

> Камерон писал, что, когда он задал вопрос на счет слухов о героине, Курт предложил проверить его руки на предмет наличия следов от уколов. Конечно, их не было, потому что к тому времени он уже сидел на метадоне.

Но настоящей мишенью статьи с заголовком «Любовь разлучит нас» была Кортни. В статье цитируется один из членов команды, который называл Кортни Злой Ведьмой Запада, в то время как кто-то другой во время тура вспоминал Курта как хорошего парня, «ДК – до Кортни». Кэмерон даже положил глаз на Джанет Биллиг, которая недавно присоединилась к Gold Mountain, чтобы работать с Nirvana и Hole.

– Ее роль в этом турне – нечто среднее между нянькой и губкой, – писал Кэмерон, – потакание прихотям и впитывание всего избыточного дерьма Кортни. Кортни, – заключил Кэмерон, – это настоящая заноза в заднице. Группа была на грани распада, и это была ее вина (сейчас Кэмерон признает, что на него оказала влияние статья Vanity Fair).

Кэмерон столкнулся с Куртом и Эриком Эрландсоном на традиционной постконцертной встрече в отеле Ramada в Рединге.

Курт отругал его за статью, а Эрландсон вылил ему на голову стакан водки с лаймовым соком. Они ушли, оставив Кэмерона буквально рыдать на плече фотографа NME Стива Дабла.

– Я написал то, что, как мне казалось, было очень деликатным, – говорит он.

Кэмерон до сих пор остается персоной нон грата в лагере Nirvana.

– Если и есть какое-то ощущение предательства Nirvana, которое на самом деле, вероятно, не было правдой, то это именно та реальность, которую я обнаружил в тот день в Испании, – говорит Кэмерон. – Эта группа была моим вдохновением. Они были самым значимым музыкальным событием в моей жизни. И они стали тем эталоном, которым обычно не становятся твои любимые группы, по крайней мере точно не мои. Я был потрясен этой реальностью.

Несколько дней спустя Nirvana играла на шоу MTV Video Music Awards 1992 года. Участникам группы сказали, что они могут играть любую песню, какую захотят, во время выступления, которое положит начало церемонии. На саундчеке за день до концерта группа сыграла еще не записанную тогда песню под названием Rape Me и еще одну новую песню, условно названную New Poopy. На следующий день, возможно, из-за названия Rape Me, или потому что она не была хитом, а может, потому, что организаторы шоу думали, что заключили сделку с Gold Mountaim, MTV настояли на том, чтобы Nirvana играла Teen Spirit.

За несколько часов до начала шоу участники Nirvana решили, что не будут играть.

Затем группа начала обдумывать последствия этого шага – MTV может уволить их хорошую подругу и соратницу на канале, директора программы Эми Финнерти, если ей не удастся убедить их появиться на сцене. Также они могут отказаться от других выступлений Gold Mountain, в том числе Sonic Youth и Beastie Boys, и, возможно, даже от других действий на Geffen/DGC.

Внезапно Nirvana оказалась вовлеченной в мир высококлассного корпоративного рока – и им пришлось разобраться с ситуацией в считаные часы.

Тогда MTV сказали, что это должна быть Teen Spirit. Или Lithium. Или что-то еще.

– Мы не хотели все испортить, поэтому решили играть Lithium, – говорит Курт. – Вместо того чтобы откланяться и сохранить достоинство, мы решили подставить задницу. Нам было бы еще больнее, чем им, если бы мы действительно пошли на это.

Как только они вышли на сцену для прямого эфира, Курт спел и сыграл первые несколько тактов Rape Me, просто чтобы немного встряхнуть их. Ему это удалось. Как только Курт начал играть оскорбительную песню, вице-президент MTV Джуди Макграт испуганно вскрикнула и бросилась к диспетчерской. Как раз в тот момент, когда они уже собирались запустить рекламу, группа приступила к исполнению Lithium.

Когда песня закончилась, Крист подбросил свой бас высоко в воздух и не поймал его. Гитара ударила его прямо в лоб. Какое-то время он корчился на полу, а потом убежал со сцены. В течение нескольких напряженных минут никто не мог найти Криста. Возможно, он в бреду шатается по парковке Universal? Неужели он лежит где-то без сознания? В конце концов Алекс Маклеод нашел его. Он сидел за кулисами с пакетом льда на голове и бутылкой шампанского в руке, болтая с бывшим гитаристом Queen Брайаном Мэем.

Группа не хотела выходить на сцену, чтобы получить награду «За лучшее альтернативное музыкальное видео», поэтому идея Курта состояла в том, чтобы нанять двойника Майкла Джексона. Помимо просьбы Курта представиться «Королем гранжа», актер сымпровизировал речь, которую аудитория встретила смущенным молчанием. Никто не понял концепции.

– Я хотел, чтобы это было напоминанием о том, что я имею дело с тем же самым, – говорит Курт. – Всем рок-звездам приходится иметь с этим дело. Это вина фанатов и СМИ.

Готовых двойников других знаменитостей у группы не оказалось, и, когда они выиграли свою вторую премию, «Лучший новый артист», Курт сначала отказался подниматься на подиум, но друзья и коллеги убедили его, что, если он не поднимется, пойдут дурные разговоры.

– Я просто немного нервничал там, наверху, – говорит Курт. – Когда мы играли, я не смотрел в зал и не понимал, сколько на самом деле там людей. И как только я поднялся туда, я понял, что на меня смотрят миллионы, это действительно огромный зал, эти огни действительно яркие, и я не хочу быть здесь, это все очень глупо. Я хотел немедленно уйти.

Курт сумел поблагодарить свою семью, свой лейбл и «истинных поклонников» группы. Затем он сделал паузу, устремил в камеру проникновенный взгляд, улыбнулся и сказал: «Знаете, действительно трудно поверить всему, что ты читаешь». Крист испортил момент, проревев в микрофон: «Вспомните Йозефа Геббельса!», но Курт высказал свою точку зрения, хотя

большинство людей в зале даже понятия не имели, как много это для него значит.

Но этой маленькой улыбкой Курт нанес серьезный удар по своему потускневшему имиджу. С точки зрения пиара, появление на MTV было эквивалентно восьми месяцам гастролей. Перед многомиллионной аудиторией группа напомнила людям, почему они на самом деле любят Nirvana.

Но день был еще далек от своего завершения. В списке выступающих были Pearl Jam, которых Курт уже несколько месяцев высмеивал в прессе, хотя он шутливо отрицает, что между ними была настоящая вражда.

– Нет, я просто хотел выразить свое отношение к их музыке, вот и все, – говорит он с легкой ухмылкой.

Но дело было не только в их музыке – Курт чувствовал, что группа была сборищем лицемерных продажных людей. Два участника Pearl Jam – Стоун Госсард и Джефф Амент – были в Green River, первой группе, выпустившей пластинку на Sub Pop. Друг Курта Марк Арм покинул группу и основал Mudhoney, потому что чувствовал, что Green River идет в откровенно коммерческом направлении, в основном из-за Амента, который одним из первых среди ранних музыкантов Sub Pop открыто заявил, что хочет стать профессиональным музыкантом.

– Я точно знаю, что, по крайней мере, если не Стоуни, то Джефф определенно карьерист – человек, который будет целовать задницы, чтобы его группа стала популярной и чтобы он мог стать богатым, – утверждает Курт.

А Джефф Амент был еще и спортсменом, баскетболистом в родной Монтане.

– Спортсмены полностью завладели музыкой, – ворчит Курт. – Все, что есть в наши дни, – это мускулистые бицепсы клонов Марки Марка. Это довольно страшно. И чтобы отомстить им, я собираюсь начать играть в баскетбол.

Pearl Jam заимствовали облик и некоторые звуки «гранж-рока» – достаточно, чтобы оседлать коммерческую волну. Это была тщательно рассчитанная и весьма успешная попытка нарядить все тот же старый добрый корпоративный рок в рваные фланелевые рубашки и ботинки «док Мартенс».

Кроме того, лейбл потратил огромные суммы на продвижение группы, не имеющей последователей в инди-стиле, – это был еще один случай, когда крупные лейблы похоронили революцию инди-рока из-за денег. Все это чертовски раздражало Курта. Он начал придираться к Pearl Jam в прессе.

В выпуске журнала Musician за январь 1992 года Курт заявил, что члены Pearl Jam будут «ответственны за эту смесь

корпоративного, альтернативного и кок-рока». «Я хотел бы, чтобы меня стерли из ассоциаций с этой группой, – сказал Курт о группе в статье Rolling Stone от 16 апреля. – Я считаю своим долгом предостеречь детей от фальшивой музыки, притворяющейся андеграундом или альтернативой. Они просто запрыгнули на альтернативную ступеньку».

Однако к тому времени он решил простить Эдди Веддера, обреченного, но чрезвычайно милого вокалиста Pearl Jam.

– Позже я узнал, что Эдди по большей части не по своей воле оказался в этом положении, – говорит Курт. – Прежде всего он никогда не утверждал, что поддерживает какие-либо панк-идеалы.

Веддер стоял за кулисами на церемонии вручения премий MTV, когда внезапно к нему подошла Кортни и стала танцевать с ним медленный танец, пока Эрик Клэптон играл элегическую Tears in Heaven. Курт подошел и встрял в разговор.

> – Я посмотрел Веддеру в глаза и сказал, что считаю его порядочным человеком, – вспоминает Курт. – Я прямо сказал, что по-прежнему считаю его группу отстоем. Я сказал: «Наблюдая за вашим выступлением, я понял, что вы человек, у которого есть определенная страсть». Это не такая уж и выдуманная вещь. В мире есть много более плохих людей, чем он, и он не заслуживает быть козлом отпущения.

И тут на сцену выходит Эксл Роуз.

Кортни заметила Роуза за кулисами и позвала его туда, где они сидели с Фрэнсис.

– Эксл, Эксл! – сказала она. – Ты будешь крестным отцом нашего ребенка?

Позади Роуза маячило несколько телохранителей. Он наклонился, его лицо под толстым слоем грима покраснело, и Роуз ткнул пальцем в лицо Курта. «Заткни свою сучку, или я тебя по асфальту размажу!» – завизжал он. Вся свита Nirvana взорвалась хохотом, за исключением Курта, который сделал вид, что собирается передать Фрэнсис Кортни, чтобы противостоять Роузу. Но вместо этого он свирепо посмотрел на Кортни и сказал: «Заткнись, сука!» – и все они расхохотались еще сильнее.

Девушка Роуза Стефани Сеймур нарушила неловкое молчание, невинно спросив Кортни: «Ты модель?»

– Нет, – ответила Кортни. – А ты нейрохирург?

Когда группа вернулась к своему трейлеру, их ждала грозная свита Guns n’ Roses, настоящие горы мяса. Курт бросился в трейлер, чтобы убедиться, что с Фрэнсис все в порядке, а Крист

оказался в окружении. Они начали его толкать. Басист Guns Дафф Маккаган хотел лично избить Криста, но собралась толпа, и противостояние прекратилось (Guns n' Roses отказываются комментировать этот инцидент).

Возможно, Роуз был зол на Nirvana за то, что они отвергли его предложение открыть тур Guns n' Roses/Metallica тем летом. Они даже отклонили его просьбу сыграть на вечеринке в честь тридцатилетия Роуза. Возможно, это невысказанная зависть к их творчеству. У этих двоих схожее прошлое и схожая аудитория, но Курт – это все, чем не является Роуз, – одаренный певец и несравненный автор песен, выразительный и чувствительный. Эти две группы часто сталкивались друг с другом.

В самом начале английский музыкальный еженедельник NME провозгласил Nirvana «тем, что нравится Guns n' Roses».

Роуз был ярым фанатом и даже использовал бейсболку Nirvana для съемок в видео Guns n' Roses Don't Cry, но он просто не понимал ее. Перед концертом Guns n' Roses в Мэдисон-Сквер-Гарден в декабре 1991 года операторы группы увеличивали изображение женщин в зале до тех пор, пока те не начинали задирать футболки, и передавать сигнал на гигантские видеоэкраны вокруг арены. Преимущественно мужская аудитория топала и одобрительно гудела, в то время как другие женщины в зале выглядели смущенными, недовольными или нервно хихикали. И что же звучало во время этого грубого видеоизнасилования? Smells Like Teen Spirit.

Возможно, вражда была из-за того, что эти две группы конкурируют примерно за одну и ту же обширную аудиторию разочарованных, сломанных детей.

– Я вовсе не ощущаю, что участвую в каких-то соревнованиях, – говорит Курт. – Я уже множество раз публично говорил, что мне наплевать на его аудиторию.

Но Курт и Роуз ненавидят друг друга почти по-братски, как будто они две стороны одной медали.

– Нас объединяет одна и та же история, – говорит Курт. – Мы приехали из маленьких городков, и большую часть жизни нас окружал сексизм и расизм. Но наша внутренняя борьба явно отличается. Я чувствую, что позволил себе открыть свой разум гораздо большему количеству вещей, чем он.

– Его роль игралась в течение многих лет, – говорит Курт. – С самого начала рок-н-ролла существовал Эксл Роуз. И мне кажется, что это довольно скучно. Очевидно, в его глазах это так свежо и ново из-за того, что все это происходит с ним лично, и он настолько эгоистичный человек, что думает, будто весь мир ему что-то должен.

И все же Курт допускает, что Nirvana могла бы кое-чему научиться у Guns n' Roses.

– Они все портят, а потом сидят и смотрят на то, что из этого вышло, и пытаются понять, как они могут это исправить, – говорит Курт, – в то время как мы все испортили, но продолжаем делать все хуже и хуже.

> Дон Кобейн без приглашения явился на шоу в сиэтлском Колизее 11 сентября, благотворительное мероприятие местной антицензурной организации, носившей имя Вашингтонской коалиции музыкальной индустрии. Вместе со своим сыном Чэдом, сводным братом Курта, Дон прошел мимо билетных контролеров, показав свои водительские права, в которых была указана его фамилия.

Он попросил разрешения пройти за кулисы, но за ним так никто и не вышел, поэтому Дон стоял и ждал. Наконец, он нашел комнату, где все собирались после шоу. «Кто-то открыл дверь, и я увидел его там и просто вошел». Курт познакомил своего отца с Кортни, Фрэнсис и Кристом. Дон уже узнал, что стал дедушкой, из статьи в газете.

Дон окинул взглядом типичное закулисное зрелище – унылые стены из шлакоблоков, подлизывающиеся нахлебники, подавленное и понурое настроение после концерта.

– Мне было жаль его, – говорит Дон. – Что за жизнь. Мне казалось, что все это не выглядело слишком роскошно.

– Ну что, давно не виделись, – сказал Дон. Прошло уже семь лет.

– Боже, ты выглядишь старым, – ответил Курт.

– Она была действительно трудной, – говорит Дон о встрече. – Очень, очень тяжелой. Я спросил его, счастлив ли он и все такое, – говорит Дон, – и он сказал, что счастлив, и сказал, что у него не так уж и много денег, а я спросил: «Ну что, тебе весело?» Он сказал, что да, и я ответил: «Ну ладно». Я не знал, что сказать, потому что это было очень тяжело. Мы обнялись пару раз, и я попросил его поддерживать связь.

С тех пор Дон ничего не слышал о Курте.

– Наверное, он был занят.

Некоторые говорят, что Дон вышел из леса только потому, что его сын внезапно разбогател.

– Так воспринимали меня его мама и другие люди, – говорит он, – но мне плевать. У меня нет денег, мне плевать на деньги. Я хотел бы сделать для него что-нибудь, потому что, честно говоря,

не думаю, что когда-нибудь раньше это делал. Я просто хочу пожелать ему всего хорошего. Если он может чего-то добиться, то вперед. Я просто буду ждать, когда он придет в себя.

> Курт официально положил конец всем слухам о том, что он принимает наркотики, признавшись в статье ветерана Los Angeles Times поп-критика Роберта Хилберна 21 сентября, что да, он употреблял героин в течение «трех недель» в начале этого года.

После эпизода с физептоном он снова пошел на детоксикацию, взял месяц, чтобы привести себя в порядок, «и на этом все». Конечно, это было не совсем так, но все же это было важное признание, которое странным образом прошло мимо мейнстримной музыкальной прессы, возможно потому, что все уже и так были уверены, что это правда.

Курт сказал Хилберну:

– Сильнее всего на меня повлияли все эти безумные слухи, слухи о героине… все эти спекуляции до сих пор продолжаются. Я чувствовал себя оскорбленным. Я никогда не думал, что моя личная жизнь будет такой проблемой.

Статья в Vanity Fair была только началом атаки враждебно настроенной прессы – она продолжалась в том же ключе, что и ужасная статья в газете Globe, бульварной газете из супермаркета, которая опубликовала статью с заголовком «Ребенок рок-звезды родился наркоманом», сопроводив ее ужасной фотографией ребенка крэковой наркоманки. «У них есть деньги и слава, но нет чертова сердца» – добавил подзаголовок. После еще нескольких подобных статей Крист, Шелли и Дэйв отбросили свои обиды и страхи и поддержали Курта, Кортни и их новорожденного ребенка.

– Мы все сплотились, и это было круто, – говорит Крист. – В тот момент все перевернулось. Все встало на свои места. Я думаю, они оценили то, что люди приняли их сторону, – добавляет Крист, его голос дрожит от эмоций.

Курт старается не подавать виду, что одобряет героин.

– Последние два месяца, когда я тратил на дозу по четыреста долларов в день, я определенно начал замечать некоторые проблемы с памятью и знал, что в конечном итоге мое здоровье начнет ухудшаться, – говорит он. – Я не слишком жалею об этом, но только потому, что я использовал его как определенное средство. Я принимал его как лекарство, чтобы избавиться от боли. И это основная причина, по которой я его употреблял. В этом смысле я не жалею об этом, но любой другой, кто

собирается пристраститься к наркотикам, в конечном итоге испортит свою жизнь. Если не через год, то обязательно позже. Я видел, как это происходит со всеми, кто подсел. Наркотики – это яд, и они тебя погубят.

Я знал, что в конце концов перестану их принимать. Быть женатым и иметь детей – это действительно хороший стимул, но у большинства людей даже этого нет, а кроме того, я еще и рок-звезда-миллионер, и мне нужно справляться со многими вещами. У меня есть много причин не принимать наркотики. Но попробуйте сказать это человеку, который чувствует, что у него ничего нет. Находясь за чертой бедности и будучи зависимым от наркотиков, вы начнете грабить людей и в итоге окажетесь в тюрьме – все это негативные последствия употребления наркотиков.

Если у тебя есть возможность тратить на наркотики более четырехсот долларов в день и ты несколько избалован жизнью, у тебя есть место, где тебе не нужно беспокоиться об арендной плате, у тебя есть исправный автомобиль и все такое прочее, действительно легко быть успешным наркоманом, – говорит Курт. – Но большинство из тех, кто возьмет с меня пример, будут обычными людьми, у которых есть работа, и они едва сводят концы с концами.

Курт понимает, как абсурдно все это звучит, будто принимать наркотики – это нормально для него, но ни для кого больше.

> – Но я говорю, что в конечном счете, если бы я продолжал принимать наркотики, я бы потерял все, как и любой другой, – говорит он. – Я смог быть успешным наркоманом в течение года, но если я продолжу и дальше, то в конце концов я полностью убью свой организм и разрушу все отношения, которые у меня были, и просто потеряю все. Я потеряю друзей, семью, все свои деньги, все, если буду продолжать в том же духе. И я всегда это знал.

Кортни тоже раскаивается.

– Я жила своей маленькой рок-н-ролльной фантазией, – говорит она. – Я не хотела, чтобы у меня было столько неприятностей из-за этого.

Глава XIII
Трое милых, достойных, порядочных молодых людей

Остаток 1992 года Курт и Кортни провели, по-прежнему сражаясь со своими недоброжелателями, в то время как группа пыталась вернуться к обычным делам. В октябре старый ливерпульский друг Кортни Джулиан Коуп опубликовал объявление в музыкальной прессе, якобы для продвижения своего нового сингла. В какой-то момент он заявил: «Освободите нас (поклонников рок-н-ролла) от зацикленных на Нэнси Спанджен героиновых засранцев, которые цепляются к нашим величайшим рок-группам и высасывают их мозги». Коуп, как и все остальные, полагал, что точно знает, о чем идет речь; это была также довольно сексистская атака со стороны самопровозглашенного феминиста Коупа, который позже сказал о Кортни британскому журналу Select: «Ее нужно застрелить, и я это сделаю».

Кобейны также оказались под ударом готовящегося выхода биографии Nirvana авторства двух британских писательниц, Виктории Кларк и Бритт Коллинз. Курт и Кортни говорят, что Кларк и Коллинз убеждали интервьюируемых, что работают с позволения группы, утверждали, что спали с Дэйвом или Куртом, и даже взяли интервью у Джеймса Морленда, первого мужа Кортни (брак длился несколько дней); по их мнению, книга была лишь предлогом для безвкусной топорной работы с Кортни. Gold Mountain попытались помешать выходу книги, отправив письмо потенциальным интервьюируемым с просьбой не разговаривать с Кларк или Коллинз. По словам Gold Mountain, пара, по-видимому, так и не смогла официально взять интервью у кого-либо, даже отдаленно связанного с группой.

Кларк получила несколько сообщений с угрозами, которые, по ее словам, Курт и Кортни оставили ей на автоответчике в конце октября. Кларк сказала, что первые звонки поступили поздно вечером от Кортни, но они были довольно вежливыми по сравнению со звонками от Курта. Следующим вечером он начал записывать сообщение, но превысил двухминутный лимит записи и перезвонил – девять раз. «Если в этой книге появится что-нибудь такое, что причинит боль моей жене, я, на хрен, причиню боль вам, – сказал Курт усталым, растерянным и очень расстроенным голосом. – Я люблю, когда меня трахают, я люблю,

когда меня шантажируют, я дам вам все, что вы хотите, я умоляю вас. Я стою на коленях, и мой рот широко открыт. Вы совершенно не представляете, что делаете…»

Курт продолжил, называя двух писательниц «паразитическими маленькими сучками» и добавляя: «Сейчас мне плевать, что есть эта запись, на которой я вам угрожаю. Полагаю, я мог бы выкинуть несколько сотен тысяч долларов на то, чтобы вас прикончили, но, может быть, сначала попробую сделать это законным путем». The New York Times цитирует Дэнни Голдберга из Gold Mountain: «Курт категорически отрицает, что он или любой другой член группы совершал подобные телефонные звонки».

– Мне кажется, что это либо розыгрыш, который кто-то устроил этим женщинам, – добавил Голдберг, – либо же они сами специально это подстроили, чтобы издать запретную биографию.

> Однако Курт не отрицает, что на записях его голос, и он ужасен, по его словам, «потому что я хочу убить их». По действительно ужасающему выражению его лица – мышцы челюсти заметно напряглись, глаза потемнели – можно понять, что он действительно так думает.

– Очевидно, что сейчас мне есть что терять, поэтому я не смогу это сделать, – говорит Курт. – Но у меня впереди еще большая часть жизни. Если я когда-нибудь окажусь в нищете и потеряю свою семью, то без колебаний отомщу людям, которые докапывались до меня. Я всегда был способен на это. Я и раньше пытался убивать людей в приступе ярости, когда ввязывался в драку. Это, безусловно, недостаток моего характера, мягко говоря, но я действительно сильно переживаю из-за того, что люди без всякой причины вызывают у других негативные эмоции.

– Мне не нравится, когда тревожат мою семью и порождают ложь и клевету, – продолжает Курт. – Я этого не заслуживаю. Никто этого не заслуживает. Насколько мне известно, мы были козлами отпущения больше, чем любая другая гребаная группа, которую я могу вспомнить за всю историю рока. Люди лезут к нам, и они хотят грязи, они хотят лгать о нас, и я просто не понимаю этого. Я никогда в жизни не пытался сделать ничего скандального. Когда люди без причины докапываются до меня, я просто не могу не захотеть избить их до смерти.

Безусловная чудовищность записей автоответчика показывает, что, несмотря на огромное счастье, которое Курт обрел с появлением жены и ребенка, он все еще таит в себе темный и, казалось бы, бездонный колодец гнева и отчуждения. Не то чтобы Курт был законченным пацифистом. Он говорит, что

когда жил с Шиллингерами, то подрался с парнем, который приставал к нему на вечеринке.

> – Я взял палку, и начал бить его, и просто не мог остановиться, – говорит Курт. – Это было ужасно. Действительно страшное напоминание о том, насколько жестоким я могу быть, если действительно хочу причинить кому-то боль. Это было реально приятно, я даже смеялся над этим.

Его жертва получила сотрясение мозга и впала в кратковременную кому.

– Я был еще очень долго расстроен после этого случая, – говорит Курт. – Особенно после того, как я увидел его, когда он вышел из больницы.

Лицемерие телефонных звонков – сексизм и даже женоненавистничество – глубоко разочаровывает. Выступления Курта против сексизма и насилия начинают казаться отчаянной попыткой задушить что-то уродливое в себе, а не просто отстаивать то, что правильно. Это выглядит очень, очень плохо.

– Мне все равно, – говорит Курт. – Я твердо верю в месть.

Все это выяснилось в то же время, когда Курт и Кортни все еще боролись за опеку над Фрэнсис, и из-за того, что любая нелестная публикация о них может поставить под угрозу разбирательство, телефонные звонки действительно начинают обретать немного больше смысла. Но лишь немного. В целом записи автоответчика и то, что Курт их оправдывает, представляют собой очень тревожащую сторону Курта.

– Отлично, – говорит он. – Мне все равно. Наверное, я неуравновешен в этом аспекте своей психики. Я бы не колебался, и если я когда-нибудь увижу Коллинз или Кларк на публике, я выбью из них все гребаное дерьмо. Если им сойдет с рук нанесение такого ущерба мне и моей семье, то я даже готов отсидеть в тюрьме несколько месяцев за побои. Сейчас мне все равно.

Через несколько недель Курт остыл.

– Я никогда так не говорю, – настаивал он. – Это первый раз, когда я вел себя так дико, так странно и так сексистски. Я просто хотел казаться как можно более агрессивным и безумным, чтобы напугать их. Мне все равно, они сами такие же. Мне не стыдно говорить все эти вещи, потому что эти двое те еще суки. Мужчины тоже могут быть суками.

Курт считает, что тактика запугивания сработала, и им удалось напугать Коллинз и Кларк, заставив их смягчить тон

книги. Однако по иронии судьбы в издательской индустрии поговаривают, что тактичное юридическое давление со стороны Gold Mountain могло бы заставить издателя Hyperion Books тихо отложить проект, но после того, как Коллинз и Кларк обнародовали записи автоответчика, Hyperion не могли себе позволить отступить даже под давлением. Забавно, но на момент написания этой книги книга Коллинз и Кларк еще не попала в магазины США.

30 октября, через четыре года после того, как Курт впервые разбил гитару на скромной вечеринке в общежитии Колледжа вечнозеленого штата, группа сыграла шоу на стадионе «Велес Сарсфилд» на пятьдесят тысяч мест в Буэнос-Айресе, Аргентина, все билеты на которое были распроданы. Они практически не репетировали, их пыл почти угас, и они играли довольно плохо. Nirvana сделала это ради денег, было действительно заметно. Они поклялись никогда больше не совершать подобных ошибок.

В соглашение входила возможность самим выбирать себе открывающих музыкантов. Они выбрали Calamity Jane, практически неизвестную женскую группу из Портленда, штат Орегон. Подавляющее большинство мужчин возненавидело их. Сидя на самом высоком ярусе в дальнем конце стадиона, Курт с отвращением наблюдал, как буквально через минуту вся толпа скандировала «Puta madre!» и бросала на сцену зажигалки, пивные банки, комья грязи, монеты и все, что попалось под руку.

– Это было самое большое проявление сексизма, которое я когда-либо видел, – говорит Курт.

Крист знал, что собирается сделать Курт, и попытался успокоить его. Но Курт был полон решимости саботировать концерт. Первым, что они сыграли, был импровизированный джем, который превратился в пятнадцатиминутный фестиваль обратной связи от Курта, с короткими перерывами, когда он останавливался, чтобы свирепо посмотреть на толпу. В перерывах между песнями Курт дразнил толпу, начиная играть Teen Spirit, а затем останавливаясь. После поверхностного сета они сыграли окончательную версию Endless, Nameless.

> – Она была такой мощной, – говорит Курт. – В ней было так много эмоций, и отклик моей гитары был просто идеальным. Я управлял ею лучше, чем когда-либо. Это был действительно колоссальный опыт. Это было реально весело.
>
> Teen Spirit они так и не сыграли.

Видео In Bloom попало на MTV в конце ноября, примерно

через месяц после завершения съемок. Сначала у Курта была идея для другого клипа, на этот раз сюрреалистической басни о маленькой девочке, которая родилась в семье Ку-Клукс-Клана и однажды осознает, насколько злы ее родители. Как и изначальная концепция Lithium, идея была слишком амбициозной, поэтому Курт придумал пародировать появление в начале шестидесятых телевизионной эстрадной программы а-ля «Шоу Эда Салливана», которая по сути была рассветом рок-видео. Курт попросил Кевина Керслейка найти подлинные камеры тех времен, и он откопал для съемок несколько старых камер Kinescope.

Ключевым моментом была спонтанность, и у видео не было никакого сценария. Курт старался, чтобы все было максимально просто.

– Вот как все должно быть, – говорит Курт. – Просто выкладывайся на полную вместо идеи длинного, затянутого сценария с игрой и отработкой движений.

Эта философия будет применена и при создании следующего альбома группы. В отличие от большинства видеосъемок, даже самых малобюджетных, они прокрутили песню всего пять раз. Несмотря на ощущение того, что они выступают перед огромной аудиторией телестудии, на скромной площадке было всего несколько человек.

В роли ведущего был Дуг Ллевелин, интервьюер People's Court (так совпало, что первая работа Ллевелина была на «Шоу Эда Салливана»).

Парни нарядились в нелепые костюмы в стиле Beach Boys, хотя Курт предусмотрительно захватил с собой несколько платьев для себя и группы, на всякий случай. Крист подстригся по такому случаю, и ему так понравилось, что он даже оставил эту прическу. От очков, которые носил Курт, у него кружилась голова. К тому же они делали его очень похожим на его отца в том же возрасте.

Кадры возбужденных детей в аудитории делают их похожими на конформистских уродов – они настолько «нормальные», что это даже странно. Мейнстримные народные массы кажутся группе странными, а не наоборот. Это довольно заметное отступление от видео Teen Spirit, где зрители были ровесниками группы и даже зашли настолько далеко, что танцевали и смешивались с группой. В In Bloom аудитория отделена от группы не только пространством, но и временем. Конечно, дети начала шестидесятых из аудитории станут нынешними беби-бумерами.

– Идея «публика, как олицетворение уродов», – говорит Курт, – была своего рода атакой на то, во что превратились эти дети. Я уверен, что большинство из них превратились в яппи[93]. Это было своего рода оскорблением для их поколения, всего

поколения Rolling Stone. В то время с этими детьми все было в порядке – они были совершенно невинны и увлекались рок-н-роллом. Теперь они контролируют СМИ и корпорации и выпускают то самое дерьмо, которое раньше презирали. Есть еще Fabians и Monkees, но, по крайней мере, у Monkees были хорошие песни, а не как у New Kids on the Block.

Видео высмеивало идею сфабрикованных поп-идолов, таких как Fabian и Monkees; это был также ироничный комментарий к тому факту, что Nirvana достигла аналогичного статуса. «Эти трое славных молодых людей из Сиэтла, – объявляет диктор, – совершенно обычные и порядочные ребята». Зачесанные назад волосы, скучные костюмы и напряженные, сдержанные движения группы подчеркивали абсурдность понятия о безупречно чистых поп-идолах и бескомпромиссных моральных стандартах, которым они должны были соответствовать. Надевая платья и разрушая декорации, они буквально разносят в щепки эту идею. «Давайте послушаем этих трех милых, достойных, порядочных молодых людей! – говорит Левеллин зрителям в конце клипа. – Я могу сказать о них очень много хорошего!»

Юмористичность клипа была также достаточно стратегической. Из-за всех слухов о группе за предыдущий год немного юмора было попросту хорошим пиаром.

> – Я просто так устал за последний год от того, что люди воспринимают нас настолько серьезно и так озабочены тем, что мы делаем и что говорим, что я решил показать им, что у нас есть и юмористическая сторона, – говорит Курт. – Она всегда была, но многие люди неправильно ее восприняли, не поняли.

Первоначальный план состоял в том, чтобы сначала отправить на MTV монтаж видео с мотивом поп-идолов шестидесятых годов. Кульминация наступила, когда камера взяла крупный план гитарного соло Курта – вместо гитары в кадре видна только верхняя часть головы Курта, а как только камера спускается к гитаре, соло заканчивается. Эта версия должна была некоторое время крутиться в эфире, а затем они планировали выпустить версию, в которой группа на середине клипа переодевается в платья, что стало бы приятным сюрпризом.

К сожалению, «альтернативное» шоу MTV «120 минут» настаивало на дебюте видео, и Курт сомневался, что они поймут весь юмор версии поп-идола, поэтому они отправили третью версию, в которой они были все одеты в платья и крушили все вокруг (запланированная первая версия так и не попала в эфир).

15 декабря вышел сборник *Incesticide*. С самого начала записи

Nevermind группа планировала выпустить альбом «редких и странных записей» с живыми треками, оборотными сторонами и выборками из демоверсии Кровера, в основном для того, чтобы победить бутлегеров и дать фанатам более хорошее качество звука за меньшие деньги. Затем Sub Pop объявили, что они также планируют выпустить альбом редких записей Nirvana. С типичной для Sub Pop откровенностью пластинка была условно названа Cash Cow, «Дойная корова». Два альбома эксклюзива Nirvana были бы явным перебором, а объединение материала создало бы окончательную коллекцию, поэтому Гэри Герш заключил сделку с Sub Pop. Таким образом, у группы будет больше контроля над конечным продуктом, от музыки до обложки, и объемы распространия будут намного больше, чем при Sub Pop.

Альбом демонстрирует крайности, через которые прошла группа: от скрежещущей, почти беззвучной цепи риффов под названием Aero Zeppelin до полностью реализованного попа Sliver, от похожего на The Gang of Four звучания Hairspray Queen до кавер-версии Devo Turnaround, сборник содержит все элементы звука Nirvana. В нем есть все – Nirvana синтезировала хард-рок семидесятых, панк-поп, новую волну вроде Devo и The Knack, и то, что Курт называет «новой волной» (Butthole Surfers, Saccharine Trust, Big Black) и т. д., в уникальный голос.

– Это показывает то, какими мы были, когда только начинали, очевидно, мы были копией Gang of Four и Scratch Acid, – говорит Курт.

Последний трек, мощный Aneurysm, демонстрирует, как неумолимые ритмы Дэйва помогли превратить Nirvana из интересной инди-группы в рок-н-ролльную группу мирового класса. Трек также указывает направление к более экспериментальным элементам следующего альбома.

Turnaround и кавер-версии Son of a Gun и Molly's Lips от The Vaselines транслировались на радиошоу Джона Пила BBC-1 в октябре 1990 года. Все три были включены в Hormoaning, очень популярный альбом для Японии и Австралии, выпущенный в начале 1992 года. Stain родом из альбома Blew и Been a Son, (New Wave) Polly, а также Aneurysm из сессии 1991 года для шоу Марка Гудье на BBC (лучшая версия Aneurysm, записанная звукорежиссером Nirvana Крейгом Монтгомери, появилась на Hormoaníng и в качестве бонус-трека на CD-сингле Teen Spirit).

Обложка, картина Курта, невероятно показательна. На ней искаженное дитя цепляется за скелетообразную родительскую фигуру, которая, кажется, игнорирует

ребенка. Дитя с тоской смотрит на цветы. Это маки. Курт отрицает, что картины имеют какое-либо значение. «Это просто образ, который я придумал, – говорит он. Маки, говорит он, были взяты с открытки, которая случайно оказалась у него на полу».

Картина хорошо вписывается в научную оценку другом Курта Диланом Карлсоном главной темы картин Курта: «Невинность и подлинное видение окружены жестокой и безразличной Вселенной. Художники постоянно пытаются извлечь красоту из мира и не могут этого сделать из-за того, что им отказывают в блаженных отношениях с миром». Немного по-научному, но точно в цель.

Изначальные примечания Курта включали в себя жестко сформулированный текст, адресованный Линн Хиршберг, но руководство Geffen/DGC сочло его «довольно резким» и попросило немного смягчить текст.

– Я только что участвовал в афере с Vanity Fair и СМИ, – объясняет Курт. – Сообщение было действительно негативным, хотя и очень правдивым. Оно шло напрямую от сердца, и я на самом деле это чувствовал и до сих пор чувствую. Любой, кто оглянется назад, увидит недовольство. Ни у кого нет достаточного сочувствия ко мне или Кортни, чтобы понять, что это вполне обоснованная жалоба.

Примечания типичны для двойственной природы Курта. Они начинаются в торжественной форме, перечисляя любимые группы, такие как Raincoats, Shonen Knife, The Vaselines, Sonic Youth, Mudhoney, The Breeders, Jad Fair, Fits of Depression и т. д., и их истории. Тон меняется, когда Курт коротко защищает Кортни: «Высший пример достоинства, этики и честности». Вскоре он посылает «большой хрен тем из вас, кто имеет наглость утверждать, что я настолько наивен и глуп, что позволю себя использовать и манипулировать» и говорит гомофобам, расистам и сексистам из своей аудитории: «Оставьте нас в покое!»

Дополнив обвинения против своего поколения в Smells Like Teen Spirit и замечания, звучащие практически в каждом данном им интервью, послание, казалось, укрепило репутацию Курта как человека, который обладал почти бездонным презрением к своей собственной аудитории.

– Ему нужен пиар-имидж, – говорит Кортни о Курте. – Как будто он выскочка и слишком хорош для всех окружающих. Будь я ребенком, я бы потратила свои двадцать долларов на Alice in

Chains и Chili Peppers, потому что я им нравлюсь. Для Курта я недостаточно хороша.

Конечно, Incesticide – это не полный сборник внеальбомного творчества Nirvana. В пластинку не попала замечательная Token Eastern Song, не вошедшая в сингл Blew, ошеломительный кавер на песню Wipers D-7, замыкающий Hormoaning, Even in His Youth, Here She Comes Now – кавер-версия Velvet Underground, записанная для лейбла Community, оставшиеся два трека с демо Кровера – Pen Cap Chew и If You Must, Curmudgeon с оборота сингла Lithium, не говоря уже об огромном количестве живых треков, записанных на концерте в Paramount на Хэллоуин 1991 года.

Видео In Bloom все еще крутилось в эфире MTV, и, опасаясь выгорания Nirvana, что было вполне возможно, ведь с момента выхода *Nevermind* прошло уже пятнадцать месяцев, Geffen/DGC решили не продвигать *Incesticide*, позволив фанатам самим обратить на него внимание. Размытые планы на сингл и видеоклип Sliver были набросаны и подготовлены. В феврале следующего года альбом стал золотым.

Между тем «хайп-машина» Gold Mountain сумела добиться статьи в журнале Spin, милое интервью с Куртом и Кортни, автором которой был Джонатан Поунман из Sub Pop, в которой не было сказано, что Поунману досталась часть доходов от последнего релиза предмета его интервью (Sub Pop получили долю от Incesticide как последнюю часть сделки по выкупу).

> Конечно же, главную роль играл снимок для обложки. Хотя заголовок гласил: «Nirvana: Исполнитель года», на обложке красовался сильно отретушированный семейный портрет Кобейнов с мамой и папой, гордо убаюкивающими совершенно нормального на вид ребенка. Снимок был сделан непосредственно для органов опеки.

Популярность беззаботного клипа In Bloom как нельзя лучше подходила для того, чтобы снять всю остроту противоречий, закрутившихся вокруг Курта и Кортни. Газеты по всей стране сообщали, что 29 декабря Кортни подала в суд на Los Angeles Weekly из-за утечки ее медицинских записей. Многие газеты сообщали, что она просто подала в суд на больницу Седарс-Синай за публикацию записей, но согласно отчету, опубликованному в Los Angeles Times, в иске также названо имя врача Кортни и говорится о медицинском мошенничестве и халатности, вторжении в частную жизнь, неправомерное раскрытие медицинской информации, а также непредумышленное и

преднамеренное причинение морального вреда. Иск был урегулирован во внесудебном порядке в апреле 1993 года.

Общественность не знала об этом, но борьба за свободную и законную опеку над Фрэнсис все еще продолжалась. Теперь Фрэнсис жила с Куртом и Кортни, но супруги должны были регулярно сдавать анализы мочи и социальный работник должен был их периодически проверять, убеждаясь, что они воспитывают своего ребенка достойным образом.

Курт говорит, что в 1992 году они с Кортни потратили миллион долларов – 80 000 долларов пошли на личные расходы, 380 000 долларов ушли на налоги; пара также купила довольно скромный дом за 300 000 долларов.

– Все остальное произошло из-за Линн Хиршберг, – говорит он, имея в виду счета за услуги юристов, которые у них накопились в попытках сохранить Фрэнсис и защитить свое имя. – Эта сука мне кое-что должна.

Глава без номера
Гнев, смерть и абсолютная безмятежность

После всего, что произошло, неудивительно, что Курт обнаружил, что быть профессиональным рок-музыкантом – это не совсем то, что он представлял себе, когда в одиночестве бренчал похабные панк-рок-песни в своей спальне в Абердине.

– Это стало моей работой, нравится мне это или нет, – говорит он. – Это то, что я люблю делать и чем я хотел бы заниматься всегда, но, честно говоря, я больше не получаю от этого такого же удовольствия, как раньше, когда я репетировал каждую ночь, предвкушая, как это будет выглядеть на сцене. Все совсем не так, как было в первые пару лет, когда я играл перед несколькими людьми, загружал фургон и отправлялся на рок-концерт, чтобы действительно играть. Это невозможно повторить, когда занимаешься этим на протяжении десяти лет. Уже нет того чувства.

– Я удивлен, что все это до сих пор меня волнует, – продолжает Курт. – Иногда я просто поражаюсь, что могу до такой степени наслаждаться этими ощущениями, когда у нас действительно хорошее шоу. Я чувствую себя очень хорошо и свободно, и на самом деле не имеет значения, нравится это публике или нет. Я абсолютно не думаю об этом, потому что обычно толпа одна и та же, где бы мы ни были. Обычно это связано с моим настроением – если я чувствую себя расслабленным и действительно хочу играть, и если это случается в то время дня, когда мне хочется играть, даже если это не концерт, то обычно все идет хорошо, и я очень ценю это.

Что происходит в голове Курта, когда он выступает на сцене?

– Это смесь всевозможных эмоций, которые я когда-либо испытывал, – говорит он. – Это гнев, это смерть и абсолютная безмятежность, такая же счастливая, как была, когда я был беззаботным ребенком, бегал и бросал камни в полицейских. Все и сразу. Каждая песня ощущается по-разному.

Так что все эти вопли, удары руками и интенсивный, искаженный звук – не совсем то, чем кажется.

– Люди видят такую энергию и кричат, люди видят ее как отрицательный выброс, будто мы должны это выплеснуть, иначе кого-нибудь убьем, – говорит Дэйв. – Но я счастлив, когда играю эту музыку. Она делает меня по-настоящему счастливым.

Возможно, когда мне было тринадцать или четырнадцать, я злился на Спрингфилд, штат Вирджиния, и все это просто раздражало меня. Шуметь – это весело, и чем больше шума, тем веселее. Так что чем больше шума вы производите, тем лучше себя чувствуете.

Курт по-настоящему злился на сцене, если аппаратура работала плохо, и это часто приводило к поломке инструментов или резкому уходу со сцены.

> – Если я не слышу себя, у меня не может быть хорошего шоу, – говорит он. – Я не могу притворяться. Я чувствую себя полным идиотом. Аудитория не заслуживает того, чтобы видеть, что я себя не слышу и не могу обеспечить стопроцентной отдачи. Я не могу стоять и притворяться, что мне хорошо, если это не так. Поэтому, если это происходит, я чувствую, будто обманываю людей.

В настоящее время группа может потребовать и получить все, что хочет, касаемо звукового оборудования.

Несмотря на сказанное ранее, Курт очень хорошо понимает атмосферу, исходящую от аудитории.

– Я плыву по течению, смотрю на аудиторию и понимаю, что они действительно наслаждаются собой, и это доставляет мне радость, – говорит он. – Видеть, как множество людей беснуется, довольно круто. Определенно, одна из немногих традиций, которые наша группа внедрила в рок-н-ролл, – это огромное количество людей, собирающихся в одном месте для пого[94].

Есть причина, по которой группа выдержала все испытания и невзгоды, и в основе этого лежит крепкая связь между Куртом и Кристом. Отношения Курта и Кортни так заманчиво вписались в стереотипные рамки, и то же самое можно сказать и о Курте и Кристе. Конечно, есть элементы Матта и Джеффа[95]. – эмоциональный коротышка и большой, непоколебимый приятель. Крист обычно более уравновешен в принятии деловых решений. Именно Крист успокаивает Курта, когда тот нервничает из-за чего-либо, от воинственного вышибалы до паршивого звука из мониторов. Но они прекрасно дополняют друг друга.

– Иногда Курт бывает тихим, а Крист – громким, а иногда, наоборот, Курт будет громким, а Крист попытается держать ситуацию под контролем, – говорит Трейси Марандер. – В каком-то смысле это практически как инь и ян.

– У нас всегда было достаточно уважения друг к другу, чтобы заранее понять, что нас раздражает друг в друге, какие маленькие

дефекты нашей личности беспокоят другого, и попытаться унять их, прежде чем это превратится в драку, – говорит Курт. – Мы никогда не говорили друг другу гадостей. Это действительно странно. Это не потому, что мы так сильно любим друг друга – каждый из нас считает другого лицемером, и есть вещи, в которых мы друг друга презираем, но это не имеет значения. Мы оба понимаем: нет смысла воевать друг с другом, хотя бы ради группы.

Единственная претензия Курта к Кристу заключается в том, что чувство юмора Криста заглушает его собственное.

– Он действительно забавный человек, – соглашается Курт. – Крист очень умен, но в каком-то специфическом смысле, то, что он говорит, иногда настолько глупо, что даже смешно. Я смеюсь над этим. Но я чувствую, что Крист не дает мне присоединиться к этому чувству юмора и по-настоящему способствовать ему. Мне позволено смеяться над тем, что он говорит, но по какой-то причине я не могу быть забавным на одном уровне с ним.

С другой стороны, с учетом того, что Курт, получает так много внимания вполне заслуженно, довольно справедливо, что Крист благодаря его легкому чувству юмора перетянул часть внимания на себя.

– Да, – говорит Курт, – но это отстой – быть рядом с кем-то, с кем ты не можешь быть собой на все 100 процентов. Когда мы с Дэйвом вместе, а Криста нет рядом, это просто забавно. Мы играем друг с другом, и это действительно весело, и мне это нравится. Но когда мы все трое собираемся вместе, Крист оказывается посередине, а мы с Дэйвом – по бокам. Я отвечаю на все серьезные вопросы, а Крист выдает вкрадчивые комментарии и смешные вещи. И Дэйв – между нами обоими. Вы никогда не знаете, на чьей стороне он на самом деле.

Но Курт слишком застенчив для того, чтобы шутить в больших компаниях.

– Все знают, что если Курт улыбается, то это прямо-таки освещает гребаную комнату, потому что он делает это довольно редко, – говорит Дэйв. – Я не знаю, действительно ли Курт несчастен, или, может быть, он всегда был несчастен, или же просто не знает, как быть счастливым. Когда мы стреляли из пневматического ружья на заднем дворе, или бросали камни в машины с крыши дома, или же стреляли в окна здания лотереи из пневматического ружья, когда мы пытались бросить курить, и нам было нечем заняться, можно было увидеть, как смеющийся, забавный, хохочущий Курт вступал в игру, которую многие люди не замечают.

Большинство людей никогда не видели эту сторону Курта, за

исключением видео In Bloom или, возможно, нескольких избранных сцен в «1991: Год, когда панк прорвался».

– Многие думают, что он всегда был тихим-озлобленным-смущенным маленьким эльфом, но это не так, – говорит Дэйв. – Даже я не знаю его настолько хорошо, а знаю я о нем очень много.

Курт не единственный, кто чувствует себя подавленным.

> – В первый год моего нахождения в группе у меня просто не было причин присутствовать на интервью, – говорит Дэйв. – Крист действительно политически мотивирован и очень умен. Ему есть что сказать, хотя иногда у него бывают спазмы мозга, и он не может выразить то, что хочет сказать. Он действительно был королем интервью, а Курт всегда отличался невероятным остроумием. А я был чем-то вроде пресс-папье.

Хотя Дэйв гораздо более социально интегрирован в группе, чем любой другой барабанщик, Nirvana еще не совсем «Три мушкетера» – один за всех и все за одного.

– Крист и Курт не похожи ни на кого из тех, кого я встречал раньше, – говорит Дэйв. – Их трудно понять, и трудно понять, что вы с ними по-настоящему поладили, что вы действительно можете сесть и поговорить с ними. С некоторыми людьми вы можете сразу же поладить и можете говорить с ними, о чем угодно. С Кристом и Куртом я всегда чувствовал себя не таким, как они. Эти двое давно знали друг друга, и у них было примерно одинаковое чувство юмора. Только недавно – и только немного – я почувствовал, что действительно знаю их лучше и действительно чувствую, что я часть группы. Я больше не чувствую себя новичком, но я до сих пор не уверен, ощущаю ли я себя *жизненно важным* для группы, – продолжает Дэйв. – Ты приходишь в группу, в которой до тебя было пять барабанщиков, с таким же успехом ты можешь работать на почасовой ставке.

Это было немного странно, и до сих пор так и есть, – говорит он. – Я всегда чувствовал себя ненужным. Если бы им надоело мое присутствие в группе, они могли бы найти другого барабанщика, и у меня в глубине души всегда было это чувство. Это и понятно, я не думаю, что барабаны в группе настолько важны, чтобы стиль игры определенного человека действительно имел значение. Легко можно понять, когда в Nirvana играет Дейл Кровер, потому что он лучший барабанщик в мире. Я всегда думал, что, если что-то пойдет не так, они всегда смогут добраться до Дейла. Это, конечно, не апокалипсис, но у меня никогда не было чувства настоящей безопасности.

Играть с Кристом и Куртом действительно здорово, и у нас действительно есть то, чего нет ни у кого другого, и я это понимаю, – говорит Дэйв. – Когда я говорю, что они могут заполучить любого другого барабанщика, это правда, но между нами тремя есть химия. Я ненавижу льстить себе, говоря, что без меня группа не была бы такой, какая есть, но в глубине души я знаю, что это правда, – все было бы по-другому. Конечно, кто-то другой мог бы играть то, что играю я, и кто-то мог бы играть так же сильно, как это делаю я. Любой мог бы сделать то же, что и я, – это не имеет большого значения, но есть химия, которая иногда срабатывает.

С Кристом и Куртом никогда по-настоящему не бывает чувства уверенности, – говорит Дэйв. – Никогда не получается чего-то вроде «вау, это было круто!». Ты просто это делаешь.

С другой стороны, Дэйв чувствует, что часть магии их совместной работы заключается именно в том, что они не очень хорошо ладят друг с другом.

– На самом деле мы ничего не обсуждаем, – говорит Дэйв, – поэтому при написании песни аранжировка просто складывается сама собой, не так уж сознательно. Мы не принимаем решений, вроде: «а вот тут нужен бридж», это получается само собой.

Успех в определенной степени разделил их.

– Мы хорошо ладим, и временами это было даже что-то очень близкое, но не слишком сильно, – говорит Дэйв. – Мы с Куртом привыкли постоянно быть рядом друг с другом. Мы стали по-настоящему близки, когда жили в Олимпии. Настолько, насколько это вообще было возможно. А потом мы как бы снова отдалились друг от друга. Все вокруг становится безумным, и ты вроде как хочешь уйти от всего этого.

Каково это – быть знаменитым?

– Единственное, что приходит мне в голову, – это паранойя, когда кажется, что за тобой кто-то наблюдает, – говорит Курт. – На самом деле это не настолько трудно, как я думал, или так же трудно, как мне показалось вначале. Раньше я обижался на людей за то, что они меня узнавали. Я мог осуждать их. «Не смотри на меня, мать твою. На что, черт возьми, ты пялишься?» Нельзя судить людей просто за то, что они смотрят. Но это раздражает.

И все же, несмотря на все свое откровенное отвращение к славе, Курт теперь хочет получить еще один шанс на успех.

> – Дело не в том, что мне это нравится, просто я начинаю привыкать, – говорит он. – Я знаю, как реагировать, когда на меня смотрят. Я уже не чувствую себя таким параноиком, как раньше. Возможно, у меня

получится научиться жить со своей известностью. Это не значит, что я сдался и мне это действительно нравится, просто я отношусь к этому проще, чем раньше.

Хотя Крист и Дэйв тоже постоянно выходят на публику, но для Курта это немного другое дело. Из-за того, что он вокалист и затворник, из-за наркотиков и из-за огромной загадки вокруг его музыки появление Курта даже в Сиэтле становится главной темой для разговоров. Он учится справляться с тем, что на него пялятся.

– Большую часть времени я буду улыбаться и покажу им, что с пониманием отношусь к тому, что они узнают меня, ведь я бы сделал то же самое, если бы узнал какую-то звезду, – говорит Курт. – Если они продолжают пялиться и ведут себя несносно, если хихикают или что-то в этом роде, я бросаю на них неприязненный взгляд или спрашиваю, в чем проблема, или встречаюсь с ними лицом к лицу. Много раз люди просто смеялись мне в лицо, когда узнавали. Я не мог в это поверить. Я могу понять это сейчас. Такая саркастическая вещь: «Посмотри на этого гребаного идиота! Это он, ха-ха!» Это те люди, с которыми мне действительно нравится иметь дело, потому что я подхожу прямо к ним и начинаю сверлить их вопросами, например, в чем заключается их проблема. Они просто поражены, потому что думают обо мне как о ком-то, кто не будет противостоять им, и когда я это делаю, они замолкают, краснеют и иногда убегают.

Люди думают, что знаменитости обладают постоянным запасом хорошего настроения, а у Курта, похоже, это бывает редко. Это может привести к некоторым неловким ситуациям.

– Большинство людей думают, что если я смотрю на них и не улыбаюсь, то это означает, что я злюсь, поэтому я изо всех сил стараюсь, чтобы это выглядело так, будто я доволен, – говорит Курт. – Обычно я получаю удовольствие. Я почти никогда больше не впадаю в депрессию, так что теперь это гораздо проще сделать.

Курту также приходится бороться с другим убеждением. У рок-звезд просто не должно быть хронических проблем со здоровьем. Многие считали, что проблема с желудком Курта была просто «проблемой с желудком» – эвфемизмом для героиновой зависимости (и иногда действительно так и было). Но у него и правда сильные хронические боли в животе.

– Я видел это, я был там, – говорит Крист. – Я был рядом, когда у него случались сильные приступы, и это ужасно, потому что ты ничего не можешь сделать.

Курт ходил к огромному количеству специалистов в этой области, только в первой половине 1993 года их было девять, и никто из них не мог дать однозначного ответа относительно того,

в чем может быть его проблема. Язвы были исключены. Последняя теория гласит, что искривление позвоночника Курта из-за сколиоза ущемляет нерв, который ведет к желудку. Помимо опиатных анальгетиков, единственное эффективное лекарство, которое нашел Курт, – это выступление на сцене, когда мощный выброс эндорфина убивает боль.

По иронии судьбы, состояние Курта может быть как-то связано с его мучительным воплем. Или наоборот. Когда его просят точно определить источник боли, он указывает на точку чуть ниже грудины – точно там же, где, по его словам, рождается крик.

– Много раз было так, что я сидел, ел и испытывал сильную боль, и никто даже не подозревал этого, – говорит Курт. – Я так устал жаловаться на это. На гастролях так часто бывает больно, что у меня нет другого выбора, кроме как продолжать заниматься своими делами. После концертов мне приходится заставлять себя есть. Я сижу в своем гостиничном номере, заставляю себя есть, откусываю кусочек, пью воду, сгибаюсь пополам и блюю. Посреди европейского тура я, помнится, сказал, что никогда больше не поеду в тур, пока не решу эту проблему, потому что мне хотелось покончить с собой. Я так устал от этого, что чуть не снес себе башку. Я ни за что не буду так жить. Это превратило меня в невротического урода. Я был психологически разбит. У меня было много психических проблем из-за того, что у меня постоянно были хронические боли.

Героин был одним из способов унять боль, хотя впоследствии Курт нашел законное и относительно безопасное средство от своего состояния – бупренекс, мягкий синтетический опиат, который он вводил непосредственно в желудок во время приступа. Часто бывало, что проходила целая неделя между приемами лекарства, но когда происходило что-то связанное со стрессом, например, он играл концерт или снимал клип, то он делал это по несколько раз в день. Недавно врач определил, что боль в животе вызвана защемлением нерва в позвоночнике, вызванном сколиозом. Физиотерапия, которую он проходит для лечения спины, кажется, работает, и Курт говорит, что он рад, что его состояние больше не зависит от этого химического вещества. Теперь он лучше питается и даже отжимается и приседает перед сном. Курт действительно с нетерпением ждет новых гастролей.

Еще одним камнем преткновения для Курта является то, что публика убеждена, будто он слабый, пассивный человек, который плохо понимает, что делает.

– В дополнение ко всему прочему, он буквально гениален в умении быть рок-исполнителем, – говорит Дэнни Голдберг из

Gold Mountain. – Об этом Курт тоже задумывается.

Голдберг рассказывает историю о Курте на съемке для MTV в январе 1992 года, когда они с Кортни сидели на героине.

– Курт выжат и выглядит ужасно, но говорит: «Хочу посмотреть еще раз», – вспоминает Голдберг. – Итак, они проигрывают около пятнадцати различных дублей четырех или пяти разных песен. Курт просто сидел и говорил: «Это нехорошо. Этот никуда не годится. Это можно вставить в «Год в роке», но я не хочу, чтобы его включали регулярно. Это тот, который можно поставить в «120 минут». «Я хочу, чтобы это повторили через неделю». Он едва мог ходить по комнате, но все решения были абсолютно правильными, и, похоже, чужие мнения ему были безразличны. Когда дело касается всего, что связано с профессионализмом Nirvana, он принимает все эти решения, и он принимает их с полным самосознанием.

Курт также хорошо разбирается в рекламе. Каждый, кто для него хоть что-то значил, был за кулисами на благотворительном вечере Rock for Choice в Лос-Анджелесе в 1991 году; там был Перри Фаррелл, и даже Эксл Роуз был там. В битком набитом холле Курт сказал Дэнни Голдбергу, что журналисты задавали группе много политических вопросов и закрывали глаза на чувство юмора группы. Курт догадался, что это было вызвано конкретным абзацем из биографии группы, и спросил Голдберга, можно ли его удалить. Голдберг был очень впечатлен.

– Я никогда не видел, чтобы артист, менеджер или публицист в течение месяца улавливал влияние биографии на характер задаваемых вопросов, а затем выяснял, как отредактировать ее так, чтобы немного исказить, – говорит он, удивляясь.

> Голдберг сравнивает смекалку Курта с Джоном Ленноном, вспоминая знаменитое интервью Rolling Stone 1970 года с Ленноном, в котором он раскрыл такие вещи, как тот факт, что The Beatles всегда старались не выпускать пластинку одновременно с The Stones. В то время поклонники были шокированы такой сознательной манипуляцией, но, как говорит Голдберг: «Битлами» становятся не случайно. И «Нирваной» становятся тоже не случайно».

Сравнения с Джоном Ленноном беспокоят Кобейнов, хотя бы из-за того, что делает Кортни. Однажды она поприветствовала гостя в номере отеля Кобейнов, сказав: «Хорошо, вы хотите видеть Йоко Оно? Вот». После чего она взяла телефон, позвонила в Gold Mountain по какому-то делу Nirvana и решительно отчитала несчастного человека на другом конце провода.

– Иногда Курту просто не хочется что-то говорить, поэтому она делает это за него, – говорит Голдберг. – Если Кортни так поступает, то только потому, что он сам попросил ее об этом. Думать, что все это ее собственное решение – ужасная ошибка. Иногда Курт просто не хочет ни с кем говорить, поэтому зовет ее. Но мысль о том, что Кортни может заставить его делать то, чего он не хочет, просто абсурдна. Этого парня нельзя заставить выпить стакан воды или пройти через комнату, чтобы перевернуть кассету, – сделать что-то, чего он не хочет делать. Курт один из самых своенравных людей, которых я когда-либо встречал в своей жизни. Иногда мне кажется, что он просто просит ее быть «плохим парнем».

Многие недоумевают, зачем Кортни вообще вмешивается в дела мужа.

– Потому что я слишком ленив, чтобы заниматься этим, – отвечает Курт. – Я просто нагнусь и помогу им засунуть это мне в задницу. Я все время обо всем забываю, и многие этим пользуются. Если бы Кортни не старалась изо всех сил, заботясь о самых разных вещах, иногда даже не спрашивая меня, очевидно, что я бы все равно позволил ей это делать. В основном это ради нашего ребенка, чтобы мы могли быть уверены, что в следующие десять лет у нас будут деньги. Я просто слишком ленив. Пару лет назад я решил, что не собираюсь заниматься делами. Теперь я должен. У меня это получается все лучше и лучше. Я учусь у нее.

Голдберг ссылается на свой опыт работы в качестве журналиста в Led Zeppelin. Джимми Пейдж был тихим человеком, но управлял Led Zeppelin железной рукой, но это была не его рука. Когда ему что-то не нравилось, он просто говорил об этом менеджеру Питеру Гранту, и тот делал все, что требовалось.

– Я не говорю, что у Кортни с Куртом такие же отношения, как у Питера с Джимми, – говорит Голдберг. – Я просто говорю, что тихие люди не обязательно пассивны.

Зачастую Кортни просто присматривает за мужчиной, который является ее мужем.

– Если во время гастролей у Курта возникали проблемы с желудком, и Кортни не находила в гримерной еды, которая бы не вызывала у Курта приступа боли, она устраивала жуткий скандал, – говорит Голдберг. – Но Кортни не имеет никакого отношения к продюсированию пластинок, к песням, к гастролям.

– Честно говоря, она не очень вовлечена, – продолжает Голдберг. – Кортни просто очень заметна – невозможно не обратить на нее внимания. Она громкая, сильная и яркая.

Даже Курт признает, что его жена иногда может быть социальной обузой.

– Она будет противостоять людям, даже когда в этом нет смысла, – говорит Курт. – Например, есть какой-то очевидно сексистский придурок, и вы должны быть рядом с этим человеком, потому что вы работаете с ним в это время, и на самом деле до него не достучаться, и вы знаете, что он безнадежен, но Кортни будет изо всех сил противостоять ему и устроит некрасивую сцену перед всеми этими людьми, просто чтобы дать ему понять: «Не докапывайся до меня». Она вообще не произвела на этого человека никакого впечатления. Но все же она считает своим долгом делать подобные вещи. Даже если от этого ничего не изменится в лучшую сторону, это все равно нужно сделать. Я бы просто оставил этого человека в покое. Вот в чем разница между ней и мной – она определенно боец.

Естественно, Кортни – грозный деловой противник.

– Я двадцать раз попрошу своих менеджеров сделать что-нибудь для меня, – говорит Курт, – и в конце концов Кортни звонит и кричит на них, и только тогда это начинает доходить до людей. Они бросают трубку и говорят: «Ну и сука!» Но дело сделано. Конечно, вопрос в том, какой ценой?

Кортни чрезвычайно умна и не переносит дураков. Малейшая оплошность, даже в самом непринужденном разговоре, часто вознаграждается уничтожающим комментарием или еще чем-то похуже. Но Курт тоже не дурак. Он охотно признает, что резкий личный стиль его жены ранит гораздо чаще, чем помогает.

– Кортни довольно груба с окружающими и даже не замечает этого, она привыкла говорить подобным образом, – говорит Курт. – И часто Кортни без всякой необходимости делает поспешные выводы. И это провал. Вот почему ее не воспринимают всерьез.

Даже Курт признает, что они ссорятся почти каждый день.

Говорят, что, если бы Кортни была мужчиной, ее крайняя дерзость и язвительные манеры не принесли бы ей никакого вреда. Но даже Курт соглашается, что ей может «прилететь» независимо от того, какого она пола.

– Я напоминаю ей об этом почти каждый день, – говорит он с хитрым смешком, их последняя ссора, вероятно, все еще свежа в его памяти. – Кортни признает это и очень старается, но в ее мозгу есть химическое вещество, которое просто не позволяет ей подумать, прежде чем она начнет кидаться на людей. Хотя зачастую они этого заслуживают.

Это интересная ситуация для такого чувствительного человека, как Курт.

– Ну, я не такой уж и чувствительный, как думают многие, – говорит он, защищаясь. – В ней так много положительных

качеств, что это даже не имеет никакого значения. У нее это уже получается гораздо лучше. Просто людям требуется много времени, чтобы изменить свои привычки. Единственный недостаток ее характера заключается в том, что она слишком быстро заводится.

> Хотя напряжение между Кортни и другими участниками группы все еще ощутимо, ситуация определенно начала улучшаться. Многие говорят, что Кортни изменилась в лучшую сторону, особенно после рождения Фрэнсис.

– Она определенно стала личностью, которая научилась признавать, что она неправа, – говорит Курт. – Обычно требуется два или три аргумента, прежде чем Кортни это признает, но она признает. Она не настолько упряма.

Значимость Кортни все еще преследует группу. По-прежнему существует мнение, что Кортни контролирует Курта, что она подрывает его талант, что в итоге она разрушит группу. Назовем это комплексом Далилы. Но она не такое чудовище, каким ее описывала большая часть недавних публикаций. Недаром Курт сказал: «Не верь всему, что читаешь». Но благодаря впечатлениям от статьи в Vanity Fair становится все труднее писать о Кортни что-то положительное, и не выглядеть при этом марионеткой или лжецом. И хотя Кортни не безупречна, но очевидно, что за нападками на ее характер стоит значительная сексистская сила.

Курт не слишком оптимистично смотрит в будущее.

– Несмотря на то, что мы делаем и насколько мы чисты, у нас не получится выжить, потому что есть слишком много врагов и мы представляем угрозу для слишком большого количества людей, – говорит он. – Все хотят видеть, как мы умрем. Мы могли бы просто продолжать жить, чтобы досадить этим ублюдкам. Они уже прошли оскорбительный этап нападок на мою семью, и это может продолжаться годами, но наступит время, когда я не смогу больше с этим бороться, когда моя дочь будет достаточно взрослой, чтобы понять, что происходит. Ей уже скоро исполнится двенадцать лет, и она начнет читать всю эту старую прессу и спрашивать: «Эй, ты действительно принимал наркотики, когда я была маленькой?» Будет очень трудно убедить ее в том, что это не так.

– Случилось несколько удивительных вещей, которые стали моим благословением, но в то же время есть и несколько плохих вещей, – говорит Курт. – Я должен быть полностью реабилитироваться в том, что касается моих плохих привычек, и к этому моменту, если бы все прошло хорошо, я был бы настолько

счастливым человеком, что мой юмор начал бы проявляться чаще.

> Раньше я был довольно веселым человеком, всегда старался смотреть на жизнь с более положительной точки зрения, но теперь я снова вернулся к плохому отношению. Я уверен, что это всего лишь вопрос времени, потому что положительные вещи – ребенок и жена – настолько значимы, они так отпечатались на моей жизни, и я благодарен им за это.

Так что, если люди просто будут держать свои гребаные рты закрытыми и прекратят обвинения, то через пару лет я, вероятно, буду в порядке. Но я даже не догадываюсь, чем это закончится. Буквально вчера вышла еще одна гребаная статья…

Дэйв более чем счастлив быть самым наименее заметным членом Nirvana. Он даже больше не хочет давать интервью.

– Во-первых, – говорит он, – потому что я слишком ленив, а во-вторых, почему все хотят услышать то, что я могу сказать? В чем смысл? Что-то типа «раз два-три-четыре, я играю на барабанах», и все. Мое лицо будет на обложке пластинки, а вечером я пойду домой и займусь уборкой. Я просто хочу жить обычной жизнью. Я не хочу быть барабанщиком Nirvana всю оставшуюся жизнь, поэтому я залег на дно.

– Это такое счастье – играть в группе, видеть и делать все, что мы сделали, и не платить цену, которую приходится платить многим другим, – говорит Дэйв. – Я горжусь тем, что веду самую простую жизнь в группе, потому что я мало что делаю, кроме того, что я просто счастлив. С Куртом и Кортни происходит так много всего, что я не могу даже уследить.

Глава XIV
То, что меня бесит

В 1993 году Nirvana начала возвращаться к своим обыденным делам.

В январе группа отыграла два больших концерта со своими старыми друзьями L7 в Бразилии в начале года, первый – шестнадцатого числа на стадионе Morumbi в Сан-Паулу и еще один – неделю спустя на семитысячном стадионе Apoetose в Рио-де-Жанейро.

Группа была в отличной форме. Шоу в Сан-Паулу, по словам Алекса Маклеода, было «раем панк-рока, детка». Специально для этого события они сыграли Rio Duran Duran, с Дэйвом на басу и вокале, Кристом на гитаре и Куртом за барабанами. Позже они сыграли, казалось бы, бесконечную версию безвкусного хита Терри Джекса 1974 года Seasons in the Sun. Фли из Red Hot Chili Peppers сыграл соло Teen Spirit на трубе.

Вернувшись домой, Курт стал сам себе журналистом и лично организовал интервью с The Advocate, национальным журналом для геев, и Monk, журналом путешественников, созданным двумя парнями в Виннебаго, которые путешествуют по Америке и делают акцент на разных городах в каждом номере. Статья для The Advocate была гениальным ходом. Курт побудил поклонников Nirvana купить журнал, ориентированный на геев. И он представил группу аудитории, которая не склонна увлекаться рок-группами, такими как Nirvana.

В интервью Курт упомянул, что какое-то время в средней школе он считал себя геем, и добавил: «В душе я определенно гей, и я, вероятно, мог бы быть бисексуалом». Каким-то образом несколько крупных газет, а также вся газетная сеть Gannett превратили это заявление в то, что он якобы был «практикующим бисексуалом» и что «его жена была совершенно не против».

В феврале Курт разработал собственную гитару для Fender – нечто среднее между Jaguar и Mustang. Планировался ограниченный тираж только для него, но весной 1993 года рассматривался вариант массового выпуска.

В начале третьей недели февраля группа отправилась в Миннесоту, чтобы записать свой новый альбом с продюсером Стивом Альбини. К тому времени, когда они с Кортни покинули квартиру в Сполдинге летом 1992 года, у Курта уже были основные идеи для большинства песен.

Им просто нужна была структура, которая вырабатывалась на репетициях с Кристом и Дэйвом. Ранние версии песен Rape Me, Dumb и Pennyroyal Tea разлетелись в виде бутлегов сразу после выпуска *Nevermind*. Курт хотел начать запись альбома этим летом, но все три участника жили в разных городах и были далеко друг от друга; кроме того, Курт и Кортни собирались завести ребенка.

Курт давно хотел записываться с Альбини, с того момента, как впервые услышал Big Black, зажигательное, чрезвычайно влиятельное чикагское трио с лейбла Touch & Go Records, сочетавшее неприятные гитарные текстуры, желчный носовой вокал и непрерывный стук драм-машины, вызывая видения городской ярости и паранойи. Альбини продолжил процветающую, даже легендарную карьеру, записывая (никогда не продюсируя, как и Джек Эндино) различные группы, например Helmet, Superchunk, PJ Harvey и даже EMF, а также бесчисленных андеграундных героев, таких как Jesus Lizard и Tar.

Но Курту особенно запал в душу звук барабанов, который он слышал на двух проектах Альбини – эпохальном альбоме Pixies 1988 года Surfer Rosa и отличном альбоме Breeders 1990 года Pod. Это естественный, мощный звук, созданный аккуратным размещением микрофонов, а не фальшивыми звуковыми эффектами. Это напомнило Курту звук барабана из альбома Aerosmith Rocks 1976 года.

После Big Black Альбини возглавил трэш-группу с несчастливым названием Rapeman. В инди-кругах Альбини, похоже, пользуется репутацией женоненавистника, что делает выбор Курта странным.

– Мне описывали его именно так, но я считал, что, пока я не встречусь с ним лично, мне на самом деле все равно. И если он окажется мудаком, то я по крайней мере использую его способности для хорошей записи, – говорит Курт.

– Конечно, от него просочилось несколько сексистских идей, но это просто среда, в которой он находится. Есть несколько женоненавистников, которыми я восхищаюсь, например Уильям Берроуз. Брион Гизин – законченный женоненавистник, и мне нравится, как он пишет. Я ненавижу людей за то, что они женоненавистники, и я бы предпочел не связываться с ними, но иногда они делают какую-то хорошую работу. У них просто есть недостаток, над которым нужно работать.

Я давно понял, что если ты слишком строго относишься к каким-то определенным вещам и отрезаешь себя от людей, у

которых есть эти наклонности, то ты ограничиваешь себя, – говорит Курт. – Есть вещи, которым у таких людей можно поучиться. И почему бы не попытаться убедить их думать иначе, а не просто вычеркнуть, наложить на них вето и не иметь с ними ничего общего. Все это только обижает людей, и они даже не думают о том, что поступают неправильно.

Так что был ли Альбини женоненавистником или нет, но Курт жаждал заполучить его, точнее, его звучание.

– Из всего, что я когда-либо слышал, это звучание наиболее близко к тому, что я слышу в своей голове, – говорит Курт, – поэтому я просто обязан был работать с ним.

За несколько месяцев до того, как группа связалась с ним, ходили слухи, что Альбини собирается работать над следующим альбомом Nirvana. В конце концов он направил в британскую музыкальную прессу опровержение, заявив: «Появление в прессе этого недоразумения создает впечатление, что я работаю только с группами, которые были на телевидении. Но это не так!» Через несколько дней Gold Mountain связались с Альбини.

Это был тот самый человек, который однажды сказал другу, что считает Nirvana попросту R.E.M с примесью Fuzzbox.

– Я думал, что это ничем не примечательная версия сиэтлского саунда, – признается Альбини. – Я думал, что они – типичная местная группа этой эпохи.

Он и до сих пор так думает, и остается только догадываться, почему Альбини согласился на это задание. По его словам, это был акт милосердия.

– Это прозвучит глупо, – говорит он, – но в каком-то смысле мне было жаль их. Кучка отбросов музыкальной индустрии, чьи судьбы зависели от успехов Nirvana. Мне казалось очевидным, что, по сути, они такие же люди, как и все эти мелкие группы, с которыми я имею дело. Они были в основном фанатами панк-рока, людьми из группы, которая пришла с независимой сцены, и их слава стала своего рода счастливой случайностью.

Казалось, что они понимают, что делают все так, как обычно делаю и я, и они были бы рады сделать такую запись, – продолжает Альбини. – Но, если бы не я, им не позволили бы сделать такую запись ни звукозаписывающая компания, ни кто-либо другой, кто с ними работал. Любой другой продюсер, который будет работать с Nirvana, для начала обчистит их, захочет получить от них много денег. Они, вероятно, будут делать ставку на запись хита, и в этом случае продюсер будет делать запись, которая, по его мнению, соответствует образцу хитовых синглов, а не мощной, индивидуальной записи панк-рока, а они, как мне показалось, хотели сделать именно такую запись.

В дополнение к счету на 24 000 долларов за студию, гонорар Альбини составлял 100 000 долларов, но, в отличие практически от любого другого продюсера, он отказался от процентов с продажи альбома.

> – Я просто считаю, что брать отчисления с альбома – аморальная позиция. Я не могу этого сделать, я думаю, что это практически преступление, – говорит Альбини. – Любой, кто получает гонорары с пластинок группы – кроме того, кто на самом деле пишет музыку или играет, – вор.

Альбини не хотел, чтобы альбом звучал так же, как Nevermind.

– Он так звучит не потому, что так звучит группа, – говорит он, – а потому, что продюсер, создатель микса и звукозаписывающая компания хотели, чтобы он звучал именно так.

И снова Курт закончил писать большую часть текстов за несколько дней до записи вокала, отбирая большинство из них из записных книжек, наполненных стихами.

Записавшись как The Simon Ritchie Group, группа записала и свела весь альбом за две недели в студии Pachyderm, расположенной примерно в пятидесяти милях к югу от Миннеаполиса в центре Миннесотской тундры. Это любимое место Альбини, где он продюсировал Wedding Present, PJ Harvey, Killing Joke, Failure и других. Клиенты жили в большом доме, который Крист описал как «встречу Майка Брэди и Фрэнка Ллойда Райта». Студия находится в отдельном здании, примерно в ста ярдах через лес. В просторной, обшитой деревянными панелями главной комнате, где были установлены барабаны, было большое окно, выходившее на снежную миннесотскую зиму. Микшерный пульт Neve использовался для записи Back in Black AC/DC.

Группа ясно дала понять DGC и Gold Mountain, что не хотят никакого вмешательства в запись, они извлекли из Nevermind по крайней мере один урок. Они даже не включали никаких рабочих записей своему агенту Гэри Гершу – довольно дерзкий маневр, если не сказать больше. Но зато теперь у Nirvana было достаточно влияния, чтобы Geffen не посмели отказаться от альбома. Или они все же посмеют?

– Geffen знают, что мы распрощаемся, если они так поступят, – говорит Курт. – Черт возьми, в прошлом году мы заработали для них пятьдесят миллионов долларов.

Большую часть из этих двух недель, которые потребовались

для того, чтобы сделать альбом, присутствовали только Альбини, Курт, Крист, Дэйв и помощник инженера Роберт «Боб» С. Уэстон IV.

Хотя это был якобы малобюджетный проект, Альбини говорит, что группа вела себя как типичные рок-звезды. Они приехали без своего оборудования, отправив его службой доставки, а затем целых три дня ждали его прибытия. Альбини говорит, что группа хотела, чтобы кто-то отправил им бумбокс экспресс-доставкой Fed Ex, вместо того чтобы просто пойти и купить его; когда у Курта начались проблемы с настройкой гитары, они хотели, чтобы к ним прилетел гитарный техник Эрни Бейли.

– Когда у вас есть миллионы долларов, возможно, вы немного сходите с ума и начинаете делать подобные вещи, – говорит Альбини.

> Но, как только они приступили к записи, дело пошло довольно быстро, и они закончили все записи – основные барабанные, басовые и гитарные треки, гитарные соло и вокал – примерно за шесть дней. Курт говорит, что они могли бы сделать весь альбом всего за неделю, если бы действительно этого захотели.

Они записали все живьем – бас, барабаны и гитару одновременно – и сохранили практически все, что задумали. Курт добавил еще один гитарный трек примерно к половине песен, затем гитарные соло, затем вокал. На этот раз сироп от кашля кончился не раньше, чем пришло время петь.

– Безусловно, это была самая легкая запись, которую мы когда-либо делали, – говорит Курт, который предвидел некоторые разногласия с Альбини. – Я думал, что мы начнем действовать друг другу на нервы и в конце концов будем кричать друг на друга. Я был готов к тому, что мне придется жить с человеком, который предположительно был сексистским придурком, но он был удивительно услужливым и дружелюбным, и с ним было легко ладить.

Сам Альбини был приятно удивлен всеми тремя участниками группы.

– Вообще-то Курт вполне нормальный, – говорит Альбини. – Он через многое прошел, и можно сказать, что жизнь его изрядно потрепала. Курт какой-то болезненный, немного мрачный и грустный, но я думаю, что он меланхолик, потому что он находится в ситуации, которая, по его мнению, не так приятна, как должна быть, учитывая все факторы – у него много денег, он знаменит, играет в успешной, популярной рок-группе, так что у

него все должно быть довольно просто, но это не так. Это некое раздвоение, и Курт чувствует себя неуютно, и я думаю, что он начинает принимать это.

Курт умный парень, но он так себя не ведет, – продолжает Альбини. – Он иногда прикидывается дурачком, чтобы загнать людей в ловушку. Кроме того, я думаю, что Курт считает, будто быть наивным и глупым круто. Но мне кажется, что он умный парень и справляется лучше, чем большинство людей. Курт все еще питает здоровое недоверие к другим крупным шишкам в музыкальной индустрии. Многие люди на его месте полностью изменились бы и заняли позицию вроде «они такие же люди, как и мы, и я отдаю им всю честь, которую отдал бы вам». Я думаю, он понимает, что большинство игроков, исполнителей и тунеядцев на музыкальной сцене – настоящие куски дерьма.

Вероятно, легче всего было с Дэйвом Гролом, – говорит Альбини. – Во-первых, он отличный барабанщик, так что можно было не беспокоиться, сможет ли он отыграть. Его игра была твердой, как скала, и, вероятно, самым ярким моментом в моей оценке группы было наблюдение за игрой Дэйва на барабанах. Он забавный парень, рядом с которым приятно находиться.

Альбини уважал и Криста.

– Если он слушает что-то и ему это не нравится, – говорит Альбини, – он скажет, что ему это не нравится, но он достаточно взрослый, чтобы сказать: «Ну, это то, что может понравиться мне позже. Я отложу это на некоторое время, прежде чем наложу вето».

Альбини также считает, что Кристу приходится делать изрядное количество грязной работы.

– Например, если Курт не знает, как подключить свою гитару и настроить ее, а Крист знает, и для него это просто, – говорит Альбини. – Крист просто прибежит туда и позаботится об этом.

Как утверждает сам Альбини, он больше инженер, чем продюсер, он получает звуки, а не аранжировки. Поэтому, несмотря на то, что у него было свое собственное мнение, Альбини позволял группе решать, что было хорошим дублем, а что нет.

– Если бы Альбини сделал по-своему, пластинка получилась бы намного грубее, чем была, – говорит Курт. – Он хотел сводить вокал на слишком низком уровне. Хорошего звучания так не добиться.

Альбини был уверен, что Курт знает, что делает.

– Проще говоря, он знает, что он считает приемлемым, а что нет, – говорит Альбини. – Курт может предпринять определенные

меры, чтобы улучшить то, что, по его мнению, неприемлемо. В конце концов, когда Курт погружается в определенный вакуум, возвращаясь домой, то иногда становится слишком критичным и интроспективным по отношению к некоторым вещам. Но пока Курт действительно это делает, он очень эффективен.

Идея состояла в том, чтобы добиться естественного звука.

– Последний альбом Nirvana, на мой взгляд, – это своего рода стандартная подчищеная запись, которая затем была превращена в очень, очень управляемый, сжатый микс для радио, – говорит Альбини. – По-моему, это не совсем лестно для рок-группы.

Самое важное звучание, звучание барабана, было достигнуто практически без каких-либо электронных ухищрений – просто множество микрофонов, расставленных по комнате, чтобы уловить естественную реверберацию. Если у вас есть хороший барабанщик, хорошая ударная установка и хорошая комната для записи звука, то не возникнет никаких проблем.

> – Дэйв Грол – потрясающий барабанщик, – говорит Альбини. – Если вы возьмете хорошего барабанщика, посадите его за отлично акустически звучащую ударную установку и просто запишете это, то считайте, что вы сделали свою работу.

Вокал Курта тоже обошелся практически без каких-либо эффектов. Вместо того чтобы электронно корректировать вокальные композиции, чтобы казалось, что они сделаны в хорошей, резонансной комнате, Альбини просто записал звук пения в хорошей, резонансной комнате.

– В последнем альбоме было много двухтрекового вокала и прочего – хитрости продюсирования, чтобы вокал звучал «особенным», – говорит Альбини. – За последние десять лет это делалось настолько часто, что теперь это кажется мне обычным делом. Теперь это стандартный производственный трюк. Простой голос парня, поющего в комнате, – в новом альбоме это всего один дубль Курта, поющего в комнате, – звучит иначе, отличается от всего остального настолько, что это звучит как специальный эффект.

In Utero – это эквивалент акустического альбома. Но он возвращает к основам способом, не таким принудительным и очевидным, как тенденция unplugged[96]. Это собственная версия стереотипного следующего альбома Nirvana, они делают именно то, о чем всегда мечтали. Обычно это два диска, продолжительностью в два раза дольше обычного, а бюджет раздувается университетскими марширующими оркестрами, скандирующими легионами буддистских монахов и месяцами

времени, потраченного впустую в студии. Вместо этого Nirvana всего за две недели записала продолжение четырехкратного платинового альбома на винтажном двадцатичетырехдорожечном аналоговом пульте.

Конечно, некоторые считают, что Nirvana сделали малобюджетный альбом из-за своего рода «инди-рок-комплекса вины».

– Мы сделали сырую запись не для того, чтобы что-то заявить или чтобы доказать, что мы можем делать все, что мы хотим, – настаивает Курт. – Именно так мы всегда и хотели звучать.

Многие думали над этим, но никто никогда не делал того, что сделала Nirvana. Курт прикрывает себя, хотя бы потому что даже в песнях с самым ярким звучанием «новой волны» есть крючки – спиральный восходящий рифф на Scentless Apprentice, мучительные, похожие на Zeppelin, перерывы в Milk It.

И, говоря о скромных стратегиях записи, Nirvana была не единственной группой, кто делал что-то подобное. В андеграундном роке начала девяностых стал появляться – вернее, появился заново – низкотехнологичный, малобюджетный подход. В качестве реакции против холодного, цифрового CD и циничного, жадного способа навязывания его публике и в качестве способа сокращения расходов фавориты Nirvana, такие как Pavement и Sebadoh, стали сторонниками «шимпанзе-рока» или «lo-fi»[97] – под таким названием этот грубый подход стал известен. Всегда смотрящие вперед, Sonic Youth намеренно записали свой альбом 1991 года Dirty с большим количеством искажений и на более низкой, чем обычно, скорости записи для еще более низкой частотности.

Подход не ограничивается дешевым оборудованием или примитивными записывающими техниками – философия «первый дубль, лучший дубль» является его неотъемлемой частью. Кроме того, он делает музыку более спонтанной – если вы думаете, что у вас есть еще один дубль, вы стараетесь сильнее, – и это также вызов: может ли музыка существовать без нескольких слоев студийного блеска? По мере того как Курт, Крист и Дэйв начинали проникаться духом «lo-fi», Nevermind казался им еще более отвратительным, чем раньше. *In Utero*, возможно, войдет в историю рока как гигантский шаг назад в будущее.

Спустя чуть больше недели после начала записи прилетела Кортни, по большей части из-за того, что соскучилась по Курту. Альбини говорит, что она пыталась вмешаться в процесс, но не говорит точно, в

чем была проблема.

– Я не хочу смущать Курта, говоря о том, какой психопаткой является его жена, – говорит Альбини, – особенно потому, что он это и так знает.

– Стив Альбини мог бы подумать, что я идеальная девушка, – отвечает Кортни, – только если бы я была с Восточного побережья, играла на виолончели, имела большие сиськи и небольшие серьги-кольца, носила черные водолазки, имела сочетающиеся друг с другом сумки и никогда не говорила ни слова.

Позже Кортни и Дэйв сильно поссорились, но никто из них не хочет об этом говорить.

Сведение было сделано менее чем за неделю, по мнению группы, довольно быстро, но не для Альбини, который привык сводить весь альбом буквально за день или два. Если микс не получался, они все бездельничали до конца дня и занимались такими вещами, как просмотр полной серии программ Дэвида Аттенборо о природе или немного о пиромании.

– Стив очень любил поджигать свою задницу, – говорит Курт. – Он обливал свою задницу спиртом и поджигал ее. Ему это нравится.

Крист проводил большую часть свободного времени, работая над журнальной статьей о своем последнем визите в Хорватию.

В какой-то момент во время записи Курт нарисовал простую, но запоминающуюся карикатуру на группу на мембране барабана.

– Когда видишь, как Курт делает что-то подобное, то думаешь о том, как он пишет песни, – говорит Дэйв. – Они так просты, так точны и так правильны. То, что мне пришлось бы объяснять целый час, Курт может выразить в двух словах. В нем есть что-то такое, чего я никогда не видел ни в ком другом.

В свободное время они развлекались еще и хулиганскими телефонными звонками, которые записывали, чтобы потом снова прослушивать и получать от этого удовольствие. Курт получил сообщение от Gold Mountain, что Джин Симмонс из Kiss хочет поговорить с ним. Альбини «случайно» нашел номер телефона в студии и решил позвонить Симмонсу, представившись Куртом. Оказалось, что Симмонс хотел, чтобы Nirvana сыграла на запланированном трибьют-альбоме Kiss, и даже предложил написать песню вместе с Куртом. Альбини также позвонил Эдди Веддеру и представился легендарным продюсером Тони Висконти (Дэвид Боуи, T-Rex и др.).

– Ваш голос отзывается во мне, – сказал Альбини, предлагая Веддеру вступить в «настоящую группу» и сделать запись.

Веддер купился, но сказал, что лучше сделает домашнюю запись и продаст по пять баксов за штуку.

Они позвонили Эвану Дандо из The Lemonheads, гастролирующему в Австралии, сказали ему, что на линии Мадонна, и попросили подождать. Дандо проглотил крючок, леску и грузило, и чем дольше он ждал, тем сильнее начинал волноваться.

– Я собираюсь начать дрочить! – сказал он в какой-то момент на записи. Постепенно он становится все более нетерпеливым. Наконец Альбини, назвавшись помощником Мадонны, сообщает Дандо, что Мадонне придется перезвонить.

Еще одной проделкой был звонок Дэйва Джону Сильве, чтобы рассказать ему о том, как продвигается проект. «Дела идут очень плохо, – торжественно говорит Дэйв. – Прошлой ночью Криста рвало кровью…»

Чтобы отпраздновать окончание записи, они устроили вечеринку с прослушиванием, сидели в кругу и курили сигары, за исключением Курта, который придерживался своих верных Winston Lights.

Так что же думает Альбини об *In Utero*?

> – Она нравится мне гораздо больше, чем я думал, – признается он. – Эта пластинка нравится мне намного больше, чем какие-либо другие записи Nirvana. Иногда я ловлю себя на том, что слушаю ее по собственной воле.

Я думаю, что эта запись гораздо лучше того, что они могли бы сделать при любых других обстоятельствах, – продолжает Альбини. – Это один из десяти моих самых любимых альбомов всех времен? Нет. Он входит в мою сотню лучших альбомов? Может быть.

Курт признает, что его тексты трудно расшифровать.

– Я часто путаю и смешиваю слова, – говорит он, – и иногда у меня фальшивый английский акцент.

На этот раз Курт вполне может согласиться напечатать свои стихи.

– Они мне очень нравятся, в них нет ничего постыдного, поэтому в этот раз я могу напечатать их, – говорит он. – Я бы предпочел сделать это сразу, чем потом читать рецензии, в которых эти идиоты пишут неправильные тексты.

Учитывая то, что это был их третий альбом, классические причины «синдрома второго альбома» к Verse Chorus Verse были неприменимы. Зачастую, когда группы быстро становятся известными, они предаются легкой жизни, отрываясь от того, что

вдохновляло их в первую очередь. Это явно не относилось ни к Курту, ни к Кристу и Дэйву, если уж на то пошло. Материал для последующих альбомов обычно собирался на ходу во время длительного тура, который часто заканчивается за неделю до начала записи. Это тоже не подходило – Nirvana не гастролировала в 1993 году и большую часть 1992 года, так что у Курта было достаточно времени, чтобы разработать материал.

Но выражение боли Курта, которое когда-то так прекрасно вписывалось в массовое сознание, теперь может оказаться менее уместным. Как раз в тот момент, когда страна снова начинает испытывать оптимизм, появляется Курт с огромным грузом горя. И причина его боли больше не является чем-то, с чем может столкнуться каждый. Большинство людей не знакомы с ощущением публичного позорного высмеивания из-за употребления наркотиков. За несколько месяцев до выхода альбома оставалось только гадать, воплотил ли Курт свой личный опыт в универсальное чувство, как он это делал в прошлом альбоме.

В этот раз стихи были не настолько импрессионистичны, они более прямолинейны, но это вовсе не означает, что они так же буквальны, как Sliver или Polly. Медицинская тема проходит сквозь большинство текстов, расширяя словарный запас Drain You. Практически каждая песня содержит в себе некий образ болезни и недуга, и на протяжении всего альбома Курт упоминает о солнечных ожогах, угрях, о раке, плохой осанке, открытых язвах, усиливающихся болях, похмелье, анемии, бессоннице, запоре, несварении желудка. Он находит этот перечень забавным.

– Я всегда последним осознаю такие вещи, как, например, то, как я использовал тему оружия в последней записи, – говорит он. – Я не собирался превращать запись в концептуальный альбом.

И снова эта запись – продукт противоречивых чувств Курта. С одной стороны, как говорит Кортни, «в душе он жует жвачку». Но этот глубоко укоренившийся поп-инстинкт имеет равную и противоположную реакцию.

– Иногда он может быть своим злейшим врагом в том смысле, что считает что-то слишком тупым или слишком попсовым, – говорит Бутч Виг. – Я думаю, что, возможно, это одна из причин, по которой группа хотела, чтобы этот новый альбом звучал по-настоящему жестко.

Музыка отражает некоторые мощные противоположные силы в жизни Курта: ярость, разочарование и страх, вызванные различными трудностями в их с Кортни жизни, и столь же сильные чувства любви и оптимизма, вдохновленные его женой и

ребенком. Вот почему *In Utero* доводит маниакально-депрессивный музыкальный режим *Nevermind* до совершенно новой крайности. Битловская Dumb счастливо сосуществует рядом с тотальным бешеным панк-граффити Milk It, в то время как All Apologies лежит на расстоянии целого мира от апоплексического Scentless Apprentice.

Похоже, Курт оставил попытки объединить свои панк— и поп-инстинкты в одно гармоничное целое. Забудь. Это война.

Удивительно, но Курт отрицает это до самого конца.

– Я не думаю, что он был более жестким или более эмоциональным, чем два других альбома, – говорит Курт. – Я все еще зол на те вещи, которые заставляли меня злиться несколько лет назад. Например, на людей, которые причиняют зло другим людям без всякой причины. И я просто хочу выбить из них все дерьмо. Вот и вся суть. И все, что я могу сделать, это кричать в микрофон, – добавляет он, смеясь над тщетностью всего этого.

Для работы над текстами In Utero у Курта было немного больше времени, чем во время записи Bleach и Nevermind.

> – Могу поклясться, тексты, которые я написал для этих двух последних альбомов, были довольно поспешными, – говорит Курт. – Они были написаны в самую последнюю минуту, быстро исправлены и взяты из стихов. Большинство строк, которые я взял из стихотворений, пришлось перестроить так, чтобы они соответствовали песне фонетически, так что они вообще не имеют большой личной значимости.

– Там определенно есть некоторые фрагменты, которые отражают мою личную жизнь, – говорит Курт, – но на самом деле они не такие уж и личные, как все думают. Я бы хотел, чтобы они были более личными. Эмоции, сами песни – это личное. Я не могу этого сделать – я пытался писать о личном, но у меня не вышло. Это было бы слишком очевидно. Некоторые вещи, которые можно прочитать, могут вписаться в жизнь любого человека, у которого есть хоть какая-то боль. Это довольно банально.

Хотя, конечно, это не банально, просто Курт не будет снова раскрывать то, насколько личным является этот альбом, хотя бы для того, чтобы поощрять различные толкования.

Но даже Дэйв признает, что тексты песен наполнены личным смыслом.

– Мне кажется, что знать о том, что произошло за последние восемь месяцев, и слушать некоторые тексты песен, осознавая, что они имеют отношение ко всему этому, довольно странно, – говорит Дэйв, – потому что есть много злобы, много «пошли вы»

или «меня поимели». И множество строк, которые относятся к деньгам, законам или детям. Эффект от этого очень странный. Это определенное напряжение, но в то же время кажется, что Курт чувствует себя так, будто его прижали к стене и он собирается закричать, чтобы вырваться. Многое из того, что он говорит, связано с тем дерьмом, через которое он прошел. И это уже не просто подростковая тоска. Это совсем другая игра в мяч: тоска рок-звезды. В то же время, тексты песен похожи на их первое демо.

– Тексты на этой пластинке объемные, в то время как в Nevermind был просто куплет и припев, который обычно повторялся, – говорит Дэйв. – Но в этом альбоме много текстов, а с большим количеством текстов приходит много того, о чем стоит сказать. Так что получается, что вроде как Курту есть что сказать.

> – У меня действительно не было такой захватывающей жизни, – не слишком убедительно возражает Курт. – Есть много вещей, которые я хотел бы сделать, вместо того чтобы просто сидеть и жаловаться на скучную жизнь. Так что мне очень хочется все это выдумать, и я лучше расскажу историю о ком-нибудь другом.

Курт любит говорить о своей «скучной жизни», но нет никаких сомнений в том, что он просто лицемерит. Во-первых, весь год до записи *In Utero* вряд ли прошел скучно.

– Нет, это не так, – говорит Курт, – но если бы я написал несколько песен, выражающих мой гнев по отношению к средствам массовой информации, это было бы действительно банальщиной, и это то, чего все и ждут, поэтому я не собираюсь писать ни одной гребаной песни, я не собираюсь никому доставлять удовольствие. Я мог бы легко написать песню, и не было бы так очевидно, что я бы вышел и сказал: «К черту СМИ».

Кажется, что Rape Me как раз об этом.

– Я написал ее еще до того, как все это произошло, но Rape Me может легко вписаться в эти события, – признает Курт. – На самом деле речь шла об изнасиловании. Это было то, о чем она изначально должна была быть, но теперь я определенно мог использовать ее как пример из моей жизни за последние шесть месяцев или год, легко.

Курт написал Rape Me на акустической гитаре в Оквуде, когда они начали сводить Nevermind. Хотя песня обращается к проблеме, которую Курт уже давно и сильно переживал, она, безусловно, приобрела новый смысл с тех пор, как он и Кортни пережили жестокость. Кажется, она адресована всем

журналистам, которые нападали на эту пару, всем поклонникам, которые беспокоили Курта ради автографа, всем людям, которые хотели выжать из Курта и группы все, что только могли, не думая о том, какие трудности они испытывают в связи с этим.

– Да, может быть, это и так, определенно, – говорит он.

Песня, возможно, является окончательным заявлением об отдалении от кого-то, кто уже был избит так сильно, что это больше не имеет никакого значения. «Rape me, my friend» («Изнасилуй меня, мой друг») – это приглашение для публики, которая не осознает, что ее обожание причиняет боль ее объекту. «I'm not the only one» («Я не один такой»), – причитает Курт, имея в виду Кортни и Фрэнсис. Отсылка к Teen Spirit в бренчании на гитаре в начале не случайна. Как и хор In Bloom, она содержит мощную ироничную музыкальную шутку. Teen Spirit – это песня, с которой все началось.

– «My favorite inside source» («Мой любимый внутренний источник»), – поет Курт в бридже. – «Appreciate your concern/ You'll always stink and burn» («Ценю твою заботу/ Ты всегда будешь вонять и гореть»).

Эти строки – не столь туманная отсылка на менеджера группы из Сиэтла, который опекал Курта в отношении его зависимости и которого Кобейны считают ключевым анонимным респондентом для статьи Vanity Fair. В прошлом году они даже прислали менеджеру рождественскую открытку с надписью: «Нашему любимому внутреннему источнику».

Курт говорит, что Milk It – действительно хороший пример направления, в котором группа двигалась в течение шести месяцев до записи.

– Мы пытались писать песни новой волны, – говорит он, – что-то агрессивное, странное и экспериментальное, но все еще… Это все еще не выходит за пределы границ дальше, чем прежде, но это другое. Это действительно хорошее сочетание звучания как для панк-рок-группы, но при этом мелодичное – или, по крайней мере, запоминающееся.

Песня содержит еще одну метафору для созависимых отношений, на этот раз выраженную в еще более пугающих терминах.

– «I have my own pet virus» («У меня есть свой собственный вирус»), – поет Курт дрожащим от страха голосом. – «Her milk is my shit, my shit is her milk» («Ее молоко – это мое дерьмо, мое дерьмо – это ее молоко»).

Песня взрывается в припеве – «кукольный стейк, тестовое мясо» – одновременно бессмысленная и адская, произносимая в порывах истерической ярости.

– Я просто попытался использовать медицинскую тему – вирусы, организмы и прочее, – говорит Курт о текстах песен. – Просто игра слов, образы.

Но ведь это не просто «игра слов и образы» – Курт не мог просто пропеть страницу из телефонной книги с такой же страстью и убежденностью.

– Да, я могу, – настаивает он. – Практически так оно и есть. Вот что такое эти тексты. Но я думаю, что они написаны достаточно умно, мне они нравятся настолько, что я не стесняюсь их петь. В общем, речь идет о моей борьбе с вещами, которые меня бесят. И это главная тема всего альбома – этого и любого другого, который я делаю.

Scentless Apprentice родилась во время репетиций альбома и стала переломным моментом для группы. Во-первых, Дэйв показал Курту гитарный рифф, который составляет основу песни.

– Это был настолько банальный гранж-рифф, что я даже не хотел с ним импровизировать, – откровенно говорит Курт. – Но я решил использовать его в песне, просто чтобы заставить Дэйва чувствовать себя лучше, и, честно говоря, получилось действительно круто.

Курт добавил восходящий крючок, Крист придумал вторую секцию, а потом Курт все это собрал воедино. Это была самая коллективно созданная песня, которую группа когда-либо писала.

– Я думаю, что основная часть причин, по которым песня звучит хорошо, заключается в стиле пения и гитарных партиях, которые я пишу поверх основного ритма, – говорит Курт. – Но черт возьми, это было здорово! Он придумал начало песни, и мы работали над этим, и это было действительно по-другому. Мы никогда раньше этого не делали.

Гонорары за музыку они делят поровну.

Scentless Apprentice был вдохновлен романом Патрика Зюскинда 1986 года «Парфюмер», о безумном Парфюмере из предреволюционной Франции, у которого нет запаха, но его острое обоняние отчуждает его от общества. Возможно, это персонаж, с которым Курт может быть связан.

– Да, буквально несколько лет назад, – говорит он. – Я часто чувствовал себя таким парнем. Я просто хотел держаться как можно дальше от людей – их запах вызывал у меня отвращение. Запах человека.

Об аналогичном чувстве истерически кричал припев песни – «Go away, go away» («Уходи, уходи»), заставляя грубые вопли Stay Away звучать очень мягко по сравнению с этим.

Курт объясняет Heart Shaped Box следующим образом:

– Каждый раз, когда я вижу документальные фильмы или

рекламные ролики о маленьких детях с раком, я просто схожу с ума. Это оказывает на меня влияние на самом высоком эмоциональном уровне, больше, чем что-либо другое на телевидении. Когда я думаю об этом, мне становится грустнее, чем я могу себе представить. Всякий раз, когда я вижу этих маленьких лысых детей…

Он замолкает на полминуты, лицо его краснеет, а глаза наполняются слезами.

– Это просто очень грустно, – наконец произносит он.

Курт придумал Heart Shaped Box в квартире в Сполдинге, где Кортни выложила свою обширную коллекцию коробок конфет в форме сердца в гостиной. Курту тоже всегда нравились коробки в форме сердца, но он настаивает, что они не имеют особого отношения к песне.

> – Большинство строк в ней взяты из разных стихотворений, – говорит он. – Я просто подумал, что каждая из строчек создала довольно хорошую картину. Но основная идея песни – о маленьких детях, больных раком.

На какое-то время он забыл о песне, потом снова взялся за нее в квартире на Голливудских холмах. Группа несколько раз пробовала сыграть ее, но ничего не вышло.

– Я так устал от того, что они все время полагаются на меня, – говорит Курт. – Во время этих репетиций я пытался дождаться, пока Крист и Дэйв что-нибудь придумают, но это все время превращалось в какой-то балаган.

Но однажды, когда Курт решил попробовать песню в последний раз, у них возникли кое-какие идеи.

– Я просто внезапно написал всю песню целиком, когда мы ее джемовали, – говорит он. – Вокальный стиль я придумал мгновенно, и все остальное пошло очень быстро. В конце концов мы поняли, что это хорошая песня.

Несмотря на эмоциональное описание Курта, кажется, что песня совсем не о маленьких лысых детях с раком. Кажется, речь идет о Кортни. «Meat-eating orchids forgive no one just yet» («Хищные орхидеи пока еще никого не простили») и «I wish I could eat your cancer when you turn black» («Я хотел бы съесть твою опухоль, когда ты почернеешь»), по-видимому, относятся к характеру его жены, похожему на грозовую тучу, в то время как строки вроде «Throw down your umbilical noose so I can climb right back» («Брось свою пуповину, чтобы я мог подняться обратно») и «locked inside your heart-shaped box» («заперт в твоей коробке в форме сердца») описывают практически ужасную зависимость. Но

едкий сарказм в припеве показывает признаки неминуемого психологического побега из тюрьмы. «Hey, I've got a new complaint» («Эй, у меня новая жалоба»), – поет Курт, – «Forever in debt to your priceless advice» («Я навеки в долгу перед вашим бесценным советом»).

Курт действительно проецирует и культивирует атмосферу детской уязвимости и наивности, которая может заставить других нянчиться с ним. Вдохновить эту атмосферу мог дух K Records, но также он мог быть и способом ее рационализации. Члены группы, и Курт в особенности, стали очень зависимы от других, изолируя их от реалий своей карьеры, привлекая неизбежный круг нахлебников из прессы, радио и других средств массовой информации, которые каким-то образом чувствуют себя обязанными «защищать» группу, гордясь тем, что обладают тщательно хранимыми секретами, уверенные, что они помогают Курту, защищая его от холодного, жестокого мира. С другой стороны, у Курта всегда был кто-то, кто заботился о нем, от Венди до Трейси, от Криста и Дэйва до Кортни.

Serve the Servants – это типичное сочетание различных тем. Одна из них – последствия Нирванамании, начинающаяся с первых строк: «Teenage angst has paid off well/ Now I'm bored and old» («Подростковая тоска хорошо окупилась/ Теперь мне скучно, и я стар»).

– Очевидно, что именно в таком состоянии я сейчас и нахожусь, – говорит Курт. – На самом деле нет, но я могу сделать несколько саркастических замечаний по поводу феномена Nirvana.

«Self-appointed judges judge more than they have sold» («Самопровозглашенные судьи судят больше, чем понимают») – люди, которые критикуют Курта и группу, не зная, каково это – быть на их месте. Тематика «Достать Кортни» всплывает еще раз: «If she floats then she is not a witch» («Если она всплывет, значит, она не ведьма»). Эта строчка относится к испытанию, с помощью которого проверяли, не ведьма ли женщина, – городские мудрецы утяжеляли несчастную подозреваемую камнями и бросали ее в колодец. Если женщина тонула, значит, она не ведьма. Но, к сожалению, тогда уже она была мертва.

Serve the Servants также содержит очень прямое и личное послание Дону Кобейну, которое будет услышано везде, от Исландии до Австралии, от Лос-Анджелеса до Лондона.

– «I tried hard to have a father/ But instead I had a dad/ I just want you to know that I don't hate you anymore/ There is nothing I could say that I haven't thought before» («Я очень старался, чтобы у меня был отец/ Но вместо этого у меня был папа/ Я просто хочу,

чтобы ты знал, что я больше не испытываю ненависти к тебе/ Я не могу сказать ничего, о чем не думал бы раньше»).

Вторая строчка звучит довольно жестоко: Курт никогда не скажет отцу, что он на самом деле о нем думает. Эти строки появились в самую последнюю минуту.

– Они просто оказались очень подходящими, – говорит Курт. – Я хочу, чтобы он знал, что я больше ничего против него не имею. Но я просто не хочу с ним разговаривать, потому что мне нечем с ним поделиться. Я уверен, что это его очень расстроит, но так оно и есть. Это не то, о чем изначально была песня, – говорит Курт. – Я имею в виду, что ни одна из песен не имеет какого-то конкретного значения, когда я их пишу. Это в значительной степени одна из немногих вещей, лично связанных со мной.

– «The legendary divorce is such a bore» («Этот легендарный развод – такая скука»), – добавляет он в конце припева. Курт начинает уставать от широко разрекламированной идеи о том, что развод его родителей оказал негативное влияние на его жизнь.

– В этом нет ничего удивительного или нового, и это точно, – говорит он. – Я – результат испорченной Америки. Подумайте, насколько хуже могла бы быть моя семейная жизнь, если бы я рос в депрессии или что-то в этом роде. Есть много вещей и похуже развода. Я просто слишком долго размышлял и ныл о том, чего у меня не может быть, – о семье, о крепкой ячейке общества. Сейчас я уже перерос это. Я рад, что могу поделиться этим с детьми, у которых был такой же опыт, но в целом грустно, что если два человека решили пожениться и завести детей, то они как минимум не могут поладить друг с другом. Меня поражает, что люди, которые думают, что они влюблены, не могут хотя бы из уважения к детям цивилизованно разговаривать между собой, когда они видят друг друга хотя бы изредка, когда, например, забирают детей из поездки. Это печально, но это моя история не больше, чем чья-либо еще.

> Курт больше склонялся к длинным названиям для новых песен, в основном это была реакция на то, что многие так называемые «альтернативные» группы дают песням и альбомам односложные названия.

– Это отговорка, – говорит тот, кто назвал свои первые три альбома Bleach, Nevermind и Incesticide. – О-о-о, только подумай, какая ирония в этом слове, «карикатура», – насмехается он. – На этот счет есть разные точки зрения.

Поэтому Frances Farmer Will Have Her Revenge on Seattle написана в честь мученицы – покровительницы Кобейнов, многие

из преследователей которой остаются в Сиэтле и по сей день. «In her false witness/ We hope you're still with us» («В ее лжесвидетельстве/Мы надеемся, что вы все еще с нами») – это ясное сообщение для поклонников о статье Хиршберг в Vanity Fair, в то время как следующая строка, «To see if they float or drown» («Чтобы посмотреть, плавают ли они или тонут»), повторяет образ испытания для ведьм в Serve the Servants. Песня заканчивается на ноте, близкой сердцу Курта, – месть. «She'll come back as fire/To burn all the liars/And leave a blanket of ash on the ground» («Она вернется в огне, чтобы сжечь всех лжецов/ И оставить на земле пепелище»).

– Я думаю, что это мой способ дать миру понять, что бюрократия повсюду, и она может навредить кому угодно, и это – настоящее зло, – говорит Курт. – История Фрэнсис Фармер довольно трагична, и такое может случиться с каждым. В то же время практически чувствовалось, что с нами происходит именно это, так что, да, в этом есть немного личного, но по большей части это просто раскрытие для людей истории Фрэнсис Фармер.

Предположительно, Сиэтл – это идеальное, утопическое место, – говорит Курт. – Судьи и главы штата были частью этого заговора, они поместили Фрэнсис в психиатрическую лечебницу, сделали ей лоботомию, насиловали каждую ночь, пока Фрэнсис была там, она должна была есть свое собственное дерьмо, а также Фрэнсис заклеймили коммунисткой, потому что, когда ей было четырнадцать, она написала стихотворение, озаглавленное как «Бог мертв». Они не оставляли ее в покое. С тех пор как Фрэнсис исполнилось четырнадцать и до того, как она стала звездой, ее постоянно арестовывали без всяких причин, и полностью разрушили ее репутацию, опубликовав всю ложь правого крыла в журналах, газетах и тому подобном, и это свело ее с ума, превратило в барбитуратную наркоманку и алкоголичку. Фрэнсис прошла через лоботомию, а закончила тем, что работала горничной в Four Seasons, и в конце концов умерла. В Сиэтле есть много очень важных людей, вовлеченных в этот заговор, и они все еще живы и по сей день, сидя в своих красивых гребаных домах.

Хотя история Фармер еще более ужасна, чем история Курта и Кортни, они очень похожи.

> – Я ожидаю, что многие из этих названий и небольших строк в некоторых песнях будут прочитаны как совершенно личные, – говорит Курт, – но у них есть и другие стороны. Я бы предпочел сосредоточиться на истории Фрэнсис Фармер; так уж случилось, что в нашей истории есть схожие моменты.

«I miss the comfort in being sad» («Я скучаю по комфорту, когда мне грустно») – Курт не привык к счастью, это состояние он превратил в целую песню Dumb.

Курт написал основные черты битлоподобной Dumb летом 1990 года, как раз перед тем, как группа подписала контракт с Geffen и той же осенью дебютировала в радиопрограмме Кэлвина Джонсона на радио KAOS. «I think I'm dumb or maybe just happy» («Я думаю, что я тупой или, может быть, просто счастливый»), – поет Курт.

– Я попытался использовать некую тему замешательства, – говорит Курт. – Просто интересно, как счастье может сбить с толку.

Куплет, в котором написано «My heart is broken but I have some glue/ Help me inhale and mend it with you/ We'll float around and hang out on clouds/ Then we'll come down and have a hangover» («Мое сердце разбито, но у меня есть немного клея/ Помоги мне вдохнуть и залатать его вместе с тобой/ Мы будем плавать и болтаться на облаках/ Затем мы спустимся и у нас будет похмелье»), хотя и написан задолго до тех событий, но он делает хороший обзор тех нескольких месяцев, когда они с Кортни пребывали в наркотической пустыне; обезумев после разрыва с Тоби, он искал убежище в героине вместе с Кортни, а затем расплатился за это.

Человек с острым слухом заметит, что аккорды песни похожи на аккорды Polly. Курт написал похожую на гимн Pennyroyal Tea в квартире на Пир-Стрит во время холодной зимы 1990 года, после того как группа подписала контракт.

– Мы с Дэйвом крутили четыре дорожки, и я написал эту мелодию примерно за тридцать секунд, – говорит Курт. – Где-то за полчаса я написал текст, а потом мы это записали.

Пеннироял, болотная мята – это трава, известная своими лекарственными свойствами, в том числе абортивным, но только в смертельных дозах.

– Я думал, что это был классный образ, – говорит Курт. – Я знаю девушек, которые пытались пить это, потому что думали, что беременны. Это тема очищения – я пытаюсь избавиться от всех своих злых духов, и питье травяного чая очистит меня от них. Его нужно пить галлонами, и я слышал, что он не слишком хорошо работает. Я никогда не находил трав, которые могли бы мне помочь, ничего. Женьшень и все остальное дерьмо – это куча фашистской пропаганды левого крыла хиппи.

У Very Ape было рабочее название: Perky New Wave.

– Я действительно понятия не имел, о чем эта песня, – говорит Курт. – Это своего рода атака на мужчин и людей, у

которых есть личностные недостатки, и они настоящие мужики и мачо.

Строка «King of Illiterature» («Король неграмотности»), вероятно, делает отсылку к тому, как Кортни упрекает Курта в том, что он мало читает.

На первый взгляд, Tourette's не имеет никакого отношения к чему-либо.

– Это просто болтовня, – говорит Курт. – Я не произносил ни одного предложения или слова, я просто кричал.

На одном из ранних набросков текста к песне были напечатаны только слова: «Fuck shit piss». Но название напоминает кое-что из того, что говорил Курт о негативных публикациях в свой адрес.

– Всю жизнь ко мне было плохое отношение, и мне не идет на пользу становиться еще более мрачным из-за таких вещей, – сказал он. – Я просто не знаю, как мне это сделать. Ко мне снова начали хорошо относиться, признали меня как музыканта, автора песен, и все такое, и вдруг я стал этим огромным козлом отпущения. Такое отношение делает меня еще больше похожим на мудака. Есть вероятность того, что я превращусь в этого сумасшедшего уличного человека. Какой-то восьмидесятилетний мужик с синдромом Туретта, выкрикивающий проклятия и говорящий всему миру, что они в жопе.

Название Radio Friendly Unit Shifter, очевидно, ссылается на Nevermind. «A blanket acned with cigarette burns» («Одеяло, покрытое ожогами от сигарет») восходит на сцену из квартиры в Сполдинге, в то время как «Use just once and destroy/ Invasion of our piracy» («Используйте один раз и уничтожьте/ Вторжение нашего пиратства») – это еще одно упоминание о преследовании как непостоянной публики, так и враждебной, агрессивной прессы. И все-таки Курт настаивает на том, что эта песня ничего не значит.

– Могло бы быть и лучше, – говорит он. – Я знаю, что у нас могло бы быть несколько песен получше.

Конечно, исповедальная лирика All Apologies имеет для Курта определенное личное значение.

– На самом деле она ни к чему не имеет отношения, – говорит он, как обычно. – На самом деле эта песня ни о чем.

Но на сцене Рединга в 1992 году он посвятил эту песню Фрэнсис и Кортни.

– Мне нравится думать, что эта песня для них, хотя на самом деле слова действительно неподходящие. Я

написал ее для Фрэнсис и Кортни, но на самом деле текст ничего не значит. Есть чувство, но не слова. Это чувство – умиротворение, счастье, комфорт, просто настоящее счастье.

И, слыша, как Курт поет «Yeah, yeah, yeah, yeah» после второго припева, трудно не чувствовать то же самое.

– Мне всегда удается написать парочку счастливых песен, – говорит он, – но есть также много нейтральных, которые звучат сердито, но на самом деле тоже ничего не значат.

Так что сердитый звук – это всего лишь отправная точка, статус-кво. Курт смеется, когда ему говорят, что его естественное состояние – возбуждение. Это мало чем отличается от музыки Джея Маскиса из Dinosaur Jr., чья непринужденная вокальная персона существует на постоянном фоне гневных, битком набитых искажений.

– Маскис не играет персонажа – он и есть этот персонаж, – говорит Курт. – Боже, как бы я хотел, чтобы мне такое сошло с рук, потому что я всегда думал, что близок к Маскису как человек, как личность, такой же тихий и говорящий прокуренным голосом. Но петь так же я не мог. У меня есть другая сторона, действительно гиперактивная.

Как и Маскис, Курт кажется пассивным, но оба они контролируют практически каждый аспект музыки и имиджа своей группы. Курта бесит, что большинство людей не осознают этого.

– Я просто не могу поверить, что люди могут не слушать эту музыку и не думать обо мне немного лучше, чем они думают, – говорит он. – Я придумываю идеи практически для всего, что мы делаем. Все. Это поразительно, и это большая ответственность. Меня просто бесит, когда я вижу на обороте альбома Bleach надпись «художественный директор Лиза Орт», и все думают, что именно она придумала эту картину, идею и то, как все это было воплощено. Я придумал эту концепцию, а слава за нее достается кому-то другому. Мне это нужно не для того, чтобы потешить свое эго, я просто хочу, чтобы люди знали, что я могу творить не только музыку.

Изначально альбом должен был называться I Hate Myself and I Want to Die. Со времен австралийского турне эта фраза была стандартным ответом Курта, когда его спрашивали, как он поживает. Через несколько недель это название было отвергнуто.

– Это уже слишком, – говорит Крист. – Дети начнут кончать жизнь самоубийством, и на нас подадут в суд.

Курт произнес это название в шутку.

> – Я устал воспринимать эту группу всерьез, а все остальные продолжают это делать и пытаются вникнуть в суть вещей, – сказал он. – В основном это то, о чем все наши песни, – путаница, ненависть к себе, нежелание жить, поэтому я подумал, что это название было бы действительно уместно.

Затем название было изменено на Verse, Chorus, Verse, саркастический комментарий к стандартной структуре поп-песни, от которой, по словам Курта, он устал.

– Мне бы очень не хотелось продолжать переписывать эту формулу, – говорит Курт. – Это формула. Я отточил ее. Для меня все было кончено. Я знаю, что, возможно, смогу написать еще пару таких альбомов и буду доволен этим, но с каждым новым альбомом счастья у меня будет все меньше. С другой стороны, я считал так до того, как записал эту пластинку, а она получилось именно такой, как я хотел, и я горжусь ею.

Но к концу мая название альбома было изменено на *In Utero*. Курт заметил эту фразу в стихах, написанных Кортни, и решил, что она идеально подходит для обложки альбома. Конечно, это также соответствовало представлению Курта о земном блаженстве. Ему было все равно, если люди думали, что это слишком близко к эмбриональным образам обложки их предыдущего альбома.

Обложка, придуманная Куртом и выполненная дизайнером Nevermind Робертом Фишером, изобилует женскими образами. На лицевой стороне обложки изображена прозрачная женщина, женский аналог единственной обложки Sliver, но крылатая, словно какая-то греческая богиня (женские символы, разбросанные повсюду, можно расшифровать с помощью книги под названием «Словарь символов и священных предметов женщины»). Для фотографии задней обложки Курт разложил на ковре набор пластиковых моделей эмбрионов и разных частей тела, лилий и орхидей (фотография сделана Чарльзом Питерсоном).

– Я всегда думал, что орхидеи, и особенно лилии, выглядят как вагина, – говорит Курт. – А значит, это и секс, и женщина, и внутриутробное существование, и влагалище, и рождение, и смерть.

Глава XV
Взрослым это не нравится

Как только альбом был завершен, группа отправила черновые записи президенту Geffen Эду Розенблатту и Гэри Гершу, а также своему адвокату и узкому кругу Gold Mountain. Курт кратко описал их обратную связь. «Взрослым это не нравится», – сказал он со смесью разочарования и недоверия. На самом деле, «взрослые» – руководство и старшие руководители лейбла – *возненавидели* запись. Со слов Курта, они сказали ему, что написание песен было «не самым лучшим», а звук «неузнаваем». Также было непонятно, согласится ли мейнстрим-радио на звучание Стива Альбини.

– Как оказалось, – говорит Альбини, – звукозаписывающая компания предпочла бы, чтобы они сделали снисходительный рок-звездный альбом, потому что тогда им было бы что продвигать. А группа была бы разорена, и чем больше разоряется группа, тем лучше для звукозаписывающей компании, ведь тогда у них появляется больше рычагов влияния.

Оказалось, что мало кто в Gold Mountain или Geffen действительно хотел, чтобы группа записалась с Альбини, хотя группа была вполне свободна в своем выборе. Столкнувшись с неодобрением практически всех, кто участвовал в карьере Nirvana, Курт подумал, что он получил невысказанное сообщение: забудь альбом и начни все сначала – у него еще было много времени, и сеансы Альбини стоили не так уж и дорого, учитывая, что они следовали за четырежды платиновым альбомом.

– Я должен просто переписать эту запись, – усмехается Курт, – и сделать то же самое, что мы сделали в прошлом году, ведь тогда мы хорошо продавались. На этом этапе нет никаких причин для того, чтобы пытаться как-то реабилитироваться как артистам. Я ничего не могу с собой поделать – я просто выпускаю пластинку, которую хотел бы слушать дома. Я никогда не слушаю *Nevermind*. Я не слушал его со времен выпуска. Это о чем-то говорит. Я терпеть не могу подобного продюсирования и не слушаю группы, которые записаны также, независимо от того, насколько хороши их песни. Они меня просто раздражают.

Однако друзьям группы пластинка очень понравилась. В начале апреля парни были полны решимости выпустить ее такой, какая она есть, и чертов DGC все-таки сделает это.

– Они будут жрать мое дерьмо, – говорит Курт. – Конечно, они хотят еще один Nevermind, но я скорее умру, чем соглашусь

на такое. Это именно та пластинка, которую я купил бы, будучи поклонником, и которой я бы с удовольствием владел. Я буду максимально честен с самим собой, выставив все так, как оно есть. Это моя любимая работа и мои любимые песни.

Но сразу после возвращения из Миннесоты и до того, как кто-либо еще услышал треки, Курт и Крист начали беспокоиться о басовом звучании, которое они считали слишком мягким и недостаточно музыкальным, и вокале, который был слишком низким в миксе, – это было постоянным поводом для жалоб на творения Альбини. И все же эти оговорки отодвинули на задний план их решимость выпустить прямолинейно записанный альбом, без прикрас.

> Оглядываясь назад, становится очевидным, что *Nevermind* был сильным правым движением художественного маятника группы в сторону поп-музыки, в то время как In Utero более сильно опирается на художественную, агрессивную сторону, которая была продемонстрирована в *Incesticide*.

– Всегда были такие песни, как About a Girl, и всегда были такие песни, как Paper Cuts, – говорит Крист. – *Nevermind* был скорее как About a Girl, а этот получился более похожим на Paper Cuts. Это творческая вещь. Лейбл просто взбесился из-за этого. Это что-то типа: «Черт возьми, это же искусство – что ты собираешься с этим делать?»

Пластинка считалась неким блефом знатоков музыкального бизнеса, приветствовавших победу «настоящей музыки» над обработанной попсой, с которой столкнулась Nirvana. Один или два из этих экспертов работали с Nirvana; *In Utero* заставлял их подкреплять свои слова делом.

– Дело в том, что *Nevermind* просто вылетел в окно, – говорит Крист, – и теперь никто не может ничего предсказать в музыкальной индустрии. Они говорят, что была музыкальная индустрия до Nirvana и музыкальная индустрия после Nirvana, так что вскоре мы увидим, насколько эта музыкальная индустрия на самом деле «после Nirvana».

Группа была готова не соответствовать гигантским продажам *Nevermind*, хотя *In Utero* был по-настоящему хорош, но это не значит, что он должен хорошо продаваться.

– Я ожидаю, что продажи этой пластинки будут примерно раза в два ниже, – прогнозирует Курт. – За последний год мы оскорбили слишком много людей.

Дэйв тоже не думает, что альбом будет расходиться так же хорошо, хотя и не хочет этого.

– Вовсе нет, – говорит он. – Я иногда думаю об этом как об определенном тесте. Мы проверяем границы дозволенного. Появилась такая пластинка, как *Nevermind*, и все пошло прахом, многое изменилось. Мы сделали это, и, возможно, следующий большой хит будет на пластинке из восьми треков. Группа из ниоткуда может выпустить запись на восемь дорожек с великой песней, и она будет звучать по радио, как это сделали The Beatles и Rolling Stones.

В каком-то смысле группа могла позволить себе рискнуть – поскольку никто точно не знал, почему так резко взлетел последний альбом и как вообще можно было сомневаться в этом? Кроме того, Nirvana, скорее всего, получит удар, что бы они ни делали.

– Это проклятие второкурсников – все только и ждут, когда мы облажаемся, – говорит Дэйв. – Все ждут, чтобы разорвать нас в клочья и сказать: «Звезды одного хита». Я знаю, что это хорошая запись. Я знаю, что людям, которые любят Nirvana, понравится эта запись. Я думаю, что семьдесят пять тысяч человек, которые были с Nirvana до Nevermind, обязательно полюбят эту запись, возможно, даже больше, чем *Nevermind*.

Так что это никак не «карьерное самоубийство».

– Хотя об этом будут думать именно так, – говорит Курт. – Альбом, который привел их в сточную канаву.

– Это песни, которые мы придумали, – говорит Крист. – Если вы не делаете сырой альбом, то вы делаете другой, приятный, а потом люди говорят: «Они сделали альбом таким специально, чтобы продать побольше записей». Нельзя выиграть, проиграв. Пусть говорят, что хотят, – я сделал по-своему. Я сказал Курту: «Если эта пластинка рванет и ничего из этого не выйдет, то у нас все равно останутся все те годы, что мы провели в фургоне, и все хорошие времена, которые у нас были, ведь тогда мы были счастливы, и никто не может отнять это у нас, – говорит Крист. – Музыка говорит сама за себя, мы выпускаем хорошие пластинки. Ну и что с того, что нам придется играть в залах на пятнадцать сотен мест. Ну и что с того, что Pearl Jam и Stone Temple Pilots продолжают ходить на все музыкальные премии? Нам это дерьмо никогда не нравилось.

Альбини был впечатлен тем, что Курт, Крист и Дэйв хотели попытаться создать новую творческую почву, вместо того чтобы сделать запись, которая бы просто повторила успешные идеи их последнего альбома.

– Честно говоря, это все, чего хотела или ожидала

звукозаписывающая компания, и то, чего они хотят и по сей день, – заявил Альбини примерно через месяц после завершения работы над альбомом. – Чего они не понимают, так это того, что я представляю группу более точно и я более предан видению группы об их записи.

Вы могли бы посадить эту группу в студию на год, и я не думаю, что им удалось бы придумать альбом лучше, чем этот, – продолжает Альбини. – Я думаю, что на большее они не способны. Если это не устраивает их звукозаписывающую компанию, то у нее явно есть проблемы, которые выходят за рамки этой записи. У звукозаписывающей компании возникли проблемы с группой. Чем скорее все участники признают это, тем легче будет всем.

– Люди из звукозаписывающей компании определенно гении, верно? – говорит Альбини. – Они выставили Нельсона – они знают, что делают. Это звукозаписывающая компания, которая подала в суд на Нила Янга за то, что он приносил недостаточно прибыли. Это люди, которые говорят группе, что та не знает, что делает. Если вы считаете таких людей эталоном качества, то у вас гораздо больше проблем, нежели просто плохая пластинка. Это значит, что вы дурак.

Буквально все остальные люди, вовлеченные в проект Nirvana, кроме самой группы, представляют собой чистые куски дерьма, – говорит Альбини. – Их менеджмент, их звукозаписывающая компания, агенты, все нахлебники, все фальшивки, которые цепляются за эту группу как за фиктивный источник хипстерскиой репутации, все, кто связан с группой, кроме самой группы, – полные куски дерьма, и у меня нет на них времени.

После всего этого я бы с удовольствием записал еще одну пластинку Nirvana, – сказал Альбини после окончания записи. В скором времени он собирался изменить свою музыку. – Мне нравилось иметь дело с этими ребятами, но я не хотел бы больше иметь дело с их суперструктурой – их менеджментом или их звукозаписывающей компанией.

23 марта пришли хорошие новости. После нескольких месяцев судебных баталий было окончательно решено, что ни одно из обвинений, выдвинутых против Курта и Кортни в суде по семейным делам, не имеет юридической силы. Кобейны уже получили законную опеку над своей дочерью, и теперь департамент по делам детей больше не будет контролировать уход Курта и Кортни за Фрэнсис – никаких унизительных

анализов мочи, никаких визитов социальных работников, никаких дорогостоящих судебных разбирательств. Кошмар закончился.

9 апреля группа собрала более пятидесяти тысяч долларов на благотворительном вечере в Cow Palace в Сан-Франциско для женской группы «Тресневка», организации, базирующейся в хорватском городе Загреб и оказывающей помощь жертвам насилия. В рамках жестокой кампании «этнических чисток» сербские солдаты систематически насиловали мусульманских женщин, у которых позже рождались сербские дети. Жертвы часто получали увечья, и их детей убивали прямо у них на глазах.

Этот сбор был идеей Криста.

– Меня очень злило то, что я читал, и то, что никто ничего не пытался с этим сделать, – говорит он.

После первоначального одобрения со стороны Кортни он начал собирать шоу, в котором также фигурировали The Disposable Heroes of Hiphoprisy, The Breeders и L7.

Крист также помогал проводить протесты против законопроекта 2554 Палаты представителей штата Вашингтон, более известного как «закон об эротической музыке», отправлявший в тюрьму владельцев музыкальных магазинов за продажу музыки, которая считалась «эротической» и тем самым каким-то образом наносила вред несовершеннолетним. Еще в декабре 1991 года Крист возглавил марш и петицию у здания Капитолия штата в Олимпии. MTV News и Rolling Stone подхватили эту историю, и офис губернатора был завален письмами от людей, которые выступали против законопроекта. Но губернатор Бут Гарднер, который буквально недавно хвастался в своем обращении к штату в 1992 году, что он «губернатор родного штата Nirvana, самой модной новой рок-группы в стране», подписал закон.

Законопроект был отклонен, но спонсор пообещал внести в него изменения.

– Если уж на то пошло, там много рэпа и рок-музыки, Эндрю Дайс Клэй[98], это просто гребаная чушь, это просто сексистская чушь, – говорит Крист, – но ты должен это терпеть. Ты также должен терпеть ненавистные группы, потому что это цена свободы слова – вы ставите идеалы выше своих чувств. Я не могу объявить Ку-Клукс-Клан вне закона только потому, что он мне не нравится, я не могу этого сделать, потому что они имеют право верить в то, во что хотят.

Несмотря на то, что он прославился как человек, «вовлеченный в политику», Кристу не очень нравится этот ярлык.

– Я хочу деполитизировать себя, я просто не хочу быть этаким рок-н-ролльным экспертом, – говорит он. – Я не хочу, чтобы

Nirvana была политической группой – мы рок-группа, а я басист. Я просто оказался политически активным.

Несмотря на решимость группы выпустить пластинку именно такой, какой она была, со всеми несовершенствами и прочим, они начали серьезно сомневаться в этом во время благотворительного концерта в Сан-Франциско. Поговаривали даже о том, что нужно вернуться в студию и записать пару новых песен, просто чтобы посмотреть, как они будут звучать. К концу апреля энтузиазм Курта по поводу альбома резко упал.

– Я не знаю, что это такое, но он не вызывает у меня таких эмоций, как Nevermind, – сказал он о новом альбоме. – Когда я слушаю Nevermind, меня раздражает сведение, но в ней есть что-то такое, что порой заставляет меня практически плакать. Эта запись меня не задевает вообще.

> Надежда была на то, что альбом удастся сохранить в процессе производства, когда последний взмах электронной палочки часто может незаметно преобразить запись. После работы с мастером Бобом Людвигом в его студии в Портленде, штат Мэн, Крист остался доволен результатом, но Курт все еще не был уверен. Это не было *идеальным* вариантом.

Конечно, это было частью сделки – вы записываете и микшируете в течение двух недель со Стивом Альбини, и вы не получаете первозданного поп-совершенства, вы получаете сырую, честную, голую рок-запись. Казалось, что Курт был влюблен в идею бюджетной философии, но не в ее реальность. И снова его поп-душа воевала с его рок-чувствительностью.

Затем в короткой статье в Chicago Tribune цитировались слова Стива Альбини, предсказавшего, что Geffen/DGC откажется от альбома Nirvana. Статья во влиятельном Village Voice вскоре подхватила эту историю.

Она покатилась, словно снежный ком, набирая свой собственный медийный импульс. Статья на целую страницу в Newsweek понесла скандальный вопрос дальше. В статье цитировались неназванные источники, один из которых утверждал, что слушал альбом, но вместо этого услышал всего лишь какие-то демо, которые группа записала с Крейгом Монтгомери во время поездки в Бразилию. Писатель Джефф Джайлс процитировал Джонатана Поунмана, сказавшего, что Geffen были «виновны в полном отсутствии веры и уважения к Курту, Дэйву Гролу и Кристу Новоселичу как артистам, однако Поунман говорит, что Джайлс пропустил ключевой момент

непосредственно перед этим заявлением: «Если то, что я слышу, правда, то…» В письме в Newsweek группа утверждала, что Джайлс заполучил эти цитаты, сказав, что он просто пишет статью об Альбини, а не о Nirvana.

«Самым пагубным для нас является то, что Джайлс высмеивал наши отношения с лейблом, основываясь на совершенно ошибочной информации», – говорится в письме, которое группа также перепечатала в дорогостоящем полностраничном обьявлении в Billboard. В пресс-релизе Эд Розенблатт поклялся, что Geffen/DGC выпустит все, что группа им представит, и далее следовал максимально необычный ход, сам Дэвид Геффен взорвался гневным телефонным звонком в журнал.

Вскоре последовали статьи в Rolling Stone и Entertainment Weekly, поскольку разногласия разгорались все больше и больше. Правда заключалась в том, что группа с самого начала испытывала оправданную неприязнь к некоторым аспектам записей Альбини и хотела исправить их; то, что их руководство и лейбл согласились, заставило группу казаться бесхребетными, а их партнеров – жадными хулиганами (что вовсе не означает, что и Gold Mountain, и Geffen/DGC не испытали облегчения, когда в конечном итоге некоторые изменения все же были внесены). Сочетание влияния Nirvana на Geffen и творческого контроля, вписанного в их контракт, гарантировало, что они могут выпустить любую запись, которую захотят, независимо от того, что думают об этом другие.

Полемика, вспыхнувшая из-за одного-единственного заявления Альбини, была побочным эффектом неряшливой, стадной журналистики. Единственным журналистом, который хоть немного приблизился к истине, был Джим ДеРогатис[99] из «Чикаго Сан-Таймс». Заголовок его статьи гласил: «Беготня вокруг альбома Nirvana пахнет фальшивыми изданиями». В этой статье даже Стив Альбини признал, что он действительно не был в курсе того, что происходит с альбомом, и что он говорил «в основном по незнанию».

Альбини, как оказалось, тоже пытался одновременно получать две взаимоисключающие выгоды – он продюсировал пластинку крупного лейбла за 100 000 долларов, а затем отрекся от всего этого опыта, тем самым заглушая призывы к распродаже. Впрочем, он делал это уже не в первый раз. Альбини использовал подобную тактику, когда работал с крупными лейблами, или, скорее, с записями, для Pixies и Breeders. И никто не указал на то, что воплощение инди-авторитетности, Fugazi, сами отвергли некоторые записи, сделанные ими вместе с Альбини незадолго до записи In Utero. Никто не называл их корпоративными

марионетками.

Группа хотела еще поработать над несколькими песнями, возможно, с продюсером R.E.M. Скоттом Литтом, и пересвести по крайней мере пару треков с Энди Уоллесом. Альбини решительно отверг эти идеи. Он утверждал, что у него был контракт с группой и что они не могли пересводить или иным образом модифицировать альбом без его участия. Тот факт, что группа фактически не подписала соглашение, был несущественным, утверждал Альбини, поскольку они продолжали работать над проектом с такими договоренностями. Когда Gold Mountain потребовали оригиналы записей, Альбини сначала отказался их присылать, но в конце концов передумал после телефонного звонка Криста. В последнюю минуту группа решила отказаться от работы с Энди Уоллесом и вместо этого решила пересвести и дополнить Heart Shaped Box и All Apologies с Литтом. В начале мая Литт и группа работали в студии Bad Animals (принадлежащей сестрам Уилсон из группы Heart) в Сиэтле и сделали ремикс на две песни, при этом Курт добавил акустическую гитару и ленноновские бэк-гармонии в Heart Shaped Box. Остальная часть альбома была оставлена без изменений, хотя ремастеринг позволил им заострить бас и усилить вокал примерно на 3 дБ. Вот тебе и большая распродажа.

> Теперь, когда все они живут в одном городе, боевой дух группы находится на самом высоком уровне. Курт, Крист и Дэйв навещают друг друга дома, болтаются и слушают музыку, как в старые добрые времена. В конце марта, когда Кортни была в коротком турне по Англии с Hole, они все собрались в доме Курта, чтобы посмотреть архивные кадры для длинного видео и снять клип Sliver с режиссером Кевином Керслейком.

Для съемок Курт вытащил скопившихся за несколько лет лет кукол и всякие безделушки из кладовой, которая не открывалась со времен записи Nevermind, а затем разложил все это в своем гараже, чтобы он выглядел точно так же, как его старая квартира в Олимпии. Группа играла, а Фрэнсис устроилась в кресле рядом с отцом. Керслейк управлял камерой Super 8, стоя на стуле, для создания эффекта взгляда взрослого человека. Позже Курт вырезал несколько отверстий в большом куске картона, поставил Фрэнсис перед ним и просунул в него свои руки, держа ее так, чтобы казалось, что она стоит сама по себе, танцуя, как девочка гоу-гоу.

MTV приняли видео в середине мая, но из-за своих правил о продакт-плейсменте потребовали, чтобы группа вырезала

несколько кадров, на которых был виден коллаж логотипов журналов Maximumrocknroll и Better Homes and Gardens. К сожалению, эти кадры также содержали небольшое сообщение, которое написал Курт: «Инди-панки все еще отстой».

Клип Sliver показал группу на самом пике игровой формы, но даже если ее дух высок, остается вопрос, просуществует ли она долго или так и останется еще одной вспышкой. В душе у Курта все еще есть много острых моментов: желание играть с другими людьми, ограничения, которые он видит в игре Криста и Дэйва, отчуждение Дэйва от группы, фактор Кортни. Уже давно ходят слухи о распаде группы; Курт постоянно угрожает, что уйдет, и это становится похоже на историю про мальчика, который кричал о волках.

– Я знаю, что после этого мы выпустим еще одну пластинку, – говорит Крист. – Решим по ходу дела. Я не думаю, что мы будем продолжать в том же духе. Мы узнаем, если общее мнение будет чем-то вроде «да, эта штука движется в нужном русле». Но сейчас я знаю, что это еще не конец. А раньше я не был в этом уверен. Все просто придет само собой. Мы все готовимся принять удар, типа, да, вот он. Возможно, мы возьмем творческий отпуск, который никогда не закончится, я не знаю. Мы выпустили четыре альбома. А четыре альбома – это довольно неплохо для группы. Сколько групп выпустили четыре хороших альбома, не став при этом ни Scorpions, ни Rolling Stones, ни кем-либо еще?

Странно размышлять о возможности того, что группа продержится еще десять лет.

– Я не хочу, но это может случиться, – говорит Курт. – Все зависит от звучания песен. Я был удивлен, обнаружив, что в последнее время мы работаем вместе как единое целое.

Но Курт не уверен, что они втроем смогут достичь большего в музыкальном плане.

– Я хотел бы иметь возможность играть с другими людьми и создавать что-то новое, – говорит он. – Я бы предпочел сделать это, нежели оставаться в Nirvana. Я не хочу продолжать переписывать этот стиль музыки, я хочу начать делать что-то действительно иное.

Но остается вопрос, смогут ли Крист и Дэйв угнаться за ним.

– Не знаю, – говорит Курт. – Я действительно не знаю.

Курт считает, что Крист недостаточно много репетирует, а Дэйв недостаточно изобретателен. Тем не менее они всегда придумывали хорошие штрихи, которые действительно завершают песню – Курт любит басовую линию, которую Крист придумал для Heart Shaped Box, но теперь он хочет, чтобы

сотрудничество в процессе написания песен начиналось на более ранних этапах.

> – Иногда я очень расстраиваюсь, когда мы пытаемся написать песню, потому что я просто сижу и играю рифф в течение долгого времени и слушаю Криста и Дэйва, пытаюсь придумать что-то еще, что может изменить песню или перейти в другую часть, а они почти никогда этого не делали, – говорит Курт. – Эти двое никогда не берут на себя инициативу и всегда просто следуют за мной.

Конечно, долгое время Курт именно этого и добивался, и Крист с Дэйвом были более чем готовы пойти ему навстречу. Теперь Курт ждет, что другие двое возьмут инициативу на себя, но в тоже время никак не дает им понять, что он этого хочет. Человек с таким воображением должен был бы сам быть композитором. Дэйв пишет прекрасные песни, но барабанщик мало что может сделать.

– Крист мог бы стать композитором, если бы действительно захотел, – говорит Курт. – Если бы он работал над своей музыкой в течение последних нескольких лет, то он, вероятно, был бы сейчас на том уровне, чтобы суметь помочь написать половину песни на основе каждого риффа, который я придумаю, и это было бы действительно здорово.

С другой стороны, все лучшие группы основаны на диктатуре.

– Да, это правда, – говорит Курт. – Но мне хочется найти людей, которые могли бы писать песни и писать их вместе со мной. Вот почему так легко играть песни с Кортни – каждый раз, когда мы что-то джемуем, мы пишем отличную песню. Это странно. Потому что она человек, который берет на себя командование и не боится быть лидером. А когда есть два лидера, это избавляет каждого из них от большого давления. Я всегда хотел, чтобы в группе был еще один человек, который мог бы писать песни вместе со мной.

Вот почему Курт время от времени бормотал, что он мог бы создать группу с Марком из Mudhoney или Марком Ланеганом из Screaming Trees.

– Я знаю, что мы не расстанемся в течение этого года, – говорит Курт. – Думаю, каждый год нужно решать заново.

В статье Rolling Stone в апреле 1992 года Курт очень точно предсказал, как будет звучать следующий альбом: «Некоторые песни будут более сырые, а некоторые будут более попсовые. Он не будет однообразным».

Так как же будет звучать альбом после In Utero? Курт думает,

что он будет продолжением идей Milk It и Scentless Apprentice.

– Я определенно не хочу больше писать такие песни, как Pennyroyal Tea и Rape Me, – говорит он. – Такие классические рок-н-ролльные куплеты-припев-куплеты, поп-песни в среднем темпе становятся очень скучными. Я хочу делать побольше новой волны, динамичных авангардных вещей – остановок и перерывов и, возможно, даже некоторые образцы странных звуков и разных вещей – не инструментов. По большей части я хочу превратиться в Butthole Surfers.

Конечно, Butthole Surfers уже сделали Butthole Surfers, и довольно успешно.

– Да, – говорит Курт, – но это будет наша версия. Мы не сможем избежать поп-чувствительности, которой мы обладаем. Она укоренилась в нашем мозгу, мы никогда не сможем избавиться от мелодии и пения, поэтому я хочу попробовать взять поп-песню и расширить ее, сделать странные перепады настроения в середине песни, чтобы она не просто следовала этой типичной формуле рок-н-ролла. Я устал от такого.

Курт сомневается в том, что группа будет иметь какой-то авторитет, скажем, через двадцать лет.

– Ни хрена себе, – говорит он. – Грустно думать о том, каким будет рок-н-ролл через двадцать лет. Он так переписан и так плагиирован, что уже едва жив. Это отвратительно. Я не думаю, что это будет так уж важно.

Это просто математика, вот и весь рок-н-ролл, – говорит Курт. – Все основано на десяти. Нет такой вещи, как бесконечность, все повторяется после десяти, и на этом все. То же самое и с рок-н-роллом – у гитары такой длинный гриф, там шесть струн, двенадцать нот, а потом все повторяется. Все может дойти только до определенной точки, и оно дошло до этой точки десять лет назад. Через двадцать лет будет еще одна группа, создающая свою версию The Black Crowes и The Faces.

> – Все начинает утекать каждые пять лет, – замечает Курт. – Детей не интересует рок-н-ролл так, как раньше, и так, как интересовал другие поколения. Он уже превратился в пустое место, за исключением некоего заявления моды и идентичности для детей, которые могут его использовать как инструмент для того, чтобы трахаться и иметь социальную жизнь. Сейчас я действительно не вижу, что для подростков музыка хоть что-то значит.

Конечно, многие люди вполне согласны с тем, что рок-н-ролл – это не что иное, как социальный и сексуальный саундтрек, но

Курт считает, что со временем он будет вытеснен.

– Я думаю, что они возьмут определенные звуки и тона, будут использовать их в своей машине виртуальной реальности и просто слушать ее таким образом и получать те же эмоции. А затем они пойдут на вечеринку, и там будет машина виртуальной реальности с целой кучей наушников. И если вы хотите, то можете говорить с людьми и слушать машину виртуальной реальности или можете пойти в спальню, чтобы трахаться и пить. Но на самом деле я думаю, что машины виртуальной реальности доставят вам кайф. Технология позволит это сделать. А потом появятся наркоманы виртуальной реальности, и они будут умирать на диване от передозировки.

Сейчас многие музыканты могут задумываться над сольными альбомами. Крист, который также играет на какой-то странной гитаре и банджо, говорит, что хотел бы когда-нибудь записать альбом, но он бы выпустил его только на десятидюймовой пластинке. И у него уже есть кое-какой материал – песня для серфинга и немного бит-поэзии.

– Это будет тяжелый юмор, – говорит он.

Дэйв говорит, что хотел бы когда-нибудь играть на гитаре и петь в группе.

– Барабаны через некоторое время начинают казаться немного скучными, – признается Дэйв.

Он потихоньку накапливает материал в студии Laundry Room и сам играет на всех инструментах. Сначала он пишет барабанную партию без какого-либо другого аккомпанемента, затем добавляет бас, гитару и вокал. В *In Utero* не вошла трогательная, незабываемая песня, которую написал Дэйв, под названием Marigold, и там, откуда она родом, есть еще много других.

– Нет, – говорит Курт, – я думал записать материал на четырех дорожках и выпустить его, но я бы не стал выпускать его как сольную работу Курта Кобейна, я бы придумал ему имя и постарался быть как можно более анонимным. Мне очень нравится идея низкочастотных записей и выпуска чего-то такого, над чем не нужно было бы работать так лихорадочно, как над проектом Nirvana.

Курт говорит, что собирается основать свой собственный лейбл и назвать его Exploitation Records.

– Я буду записывать уличных бродяг и умственно отсталых людей, людей с уродствами и умственными недостатками, – говорит он, – у меня будет фотография этого человека на обложке альбома, и это будет низкобюджетная запись, просто для

новизны, для коллекционеров, которые покупают их по двадцать долларов за штуку. На самом деле я не эксплуатирую людей на пластинках, я эксплуатирую людей, которые их покупают, потому что на них будет двадцатидолларовая цена. Будет выпущено ограниченным тиражом пятьсот экземпляров «поющего мальчика-Флиппера».

Каждому лейблу нужен дистрибьютор. Так вот, все записи будут распространяться только через одного Курта Кобейна. Он говорит, что просто возьмет коробку пластинок с собой в турне и будет продавать их в магазинах звукозаписи на каждой остановке по пути.

> Курт также говорит, что хочет переиздать все релизы Nirvana на виниле, не пересводя их, а записав звук из динамиков бумбокса, чтобы он звучал точно так же, как низкобюджетная панк-рок-пластинка или бутлег, с соответствующей обложкой.

– Это моя собственная панк-рок фантазия о том, что, возможно, если бы Nevermind вышел таким, он звучал бы лучше, – говорит он. – Мне бы только коробку с ними иметь.

С точки зрения Курта, Exploitation Records могут оказаться крайне важным источником дохода.

– Это очень плохо, потому что я потратил почти все заработанные на Nevermind деньги на борьбу за своего ребенка из-за безумных слухов, созданных средствами массовой информации, и теперь мне не на что прожить свой остаток жизни, – говорит Курт. – Если эта пластинка не будет продаваться – нужно будет продать восемь миллионов пластинок, чтобы заработать миллион долларов, а средняя американская семья зарабатывает около миллиона долларов за всю свою жизнь – я не смогу так выжить. Через десять лет мне придется найти работу.

Последняя глава

За время написания этой книги я довольно близко познакомился с Куртом Кобейном. Нельзя провести так много времени с человеком и не подружиться, особенно когда этот человек рассказал вам историю всей своей жизни. После выхода этой книги в октябре 93-го года мы продолжали поддерживать общение. Мы общались, когда группа приезжала в Нью-Йорк выступать на телевидении, иногда я летал в Сиэтл, чтобы повидаться со всеми, и в течение двух недель я сопровождал Nirvana в последнем туре по США в конце 93-го. В промежутках мы с Куртом проводили длительные телефонные переговоры каждые две недели. Иногда мы говорили о музыке, которую слушали, иногда немного сплетничали, иногда говорили о переменах в нашей жизни, но всегда Курт очень откровенно жаловался на свою карьеру.

Между нами все было в порядке до тех пор, пока Курт не впал в кому после того, как проглотил пятьдесят таблеток рогипнола, мощного успокоительного, и немного шампанского в отеле в Риме во время последнего тура группы в марте 94-го. И только немного позже до меня дошло, что это была попытка самоубийства (я должен был сразу догадаться – см. страницы 295–296 этой книги). Тем временем я обсудил это с CNN и с одним знакомым репортером из журнала People. Это определенно расстроило Кортни и, возможно, Курта тоже, хотя его мама уверяет меня, что Курту было все равно. Я никогда не узнаю этого наверняка.

В глубине души я понимал, что моя журналистская деятельность и дружба с Куртом находятся на грани неизбежного столкновения. Я просто подумал, что могу дать какой-нибудь ответственный комментарий по поводу того, что произошло. Но, возможно, мне не следовало этого делать. Во всяком случае, после этого с Куртом я больше не говорил.

Вряд ли мне от этого легче, но позже я узнал, что практически у всех близких людей Курта была похожая история: что-то пошло ужасно неправильно в самом конце, и в результате их скорбь по нему пронизана той же калечащей смесью замешательства, сожаления и вины.

Если его музыка хоть что-то значила, то внезапная смерть Курта не должна быть чем-то удивительным. В конце концов, ни одна песня Nirvana не затухала в конце.

> И точно так же, как его музыка казалась громкой на фоне мягкой, и агрессивной на фоне мелодичной, жестокость смерти Курта контрастировала с ее тихими последствиями.

В необычно солнечный субботний день, на следующий день после того, как было объявлено о его смерти, около дюжины молодых поклонников собрались в небольшом парке рядом с домом, где кто-то поставил свечи и цветы. Все говорили вполголоса. Не было никакой музыки – не играли бумбоксы, никто не бренчал мелодии Nirvana на акустической гитаре; была только жуткая тишина, оглушительная тишина, которая висела над странной, призрачной сценой.

Но вокруг просторного, крытого серой черепицей дома Кобейнов с видом на озеро Вашингтон толпилось больше представителей прессы, чем фанатов. Тут были MTV, Entertainment Weekly, «1st person with Maria Shriver», *Details* и стайка местных СМИ. Несколько фотографов пробирались сквозь заросли, покрывавшие холм за домом, и просовывали фотоаппараты сквозь забор, чтобы разглядеть двухэтажный гараж, где все и произошло. Охранники в униформе с микрофонами и наушниками охраняли подъездную дорожку, время от времени опуская желтую полицейскую ленту для прибывающих родственников и друзей.

– Какая мерзость, – сказал один охранник другому, осматривая место происшествия. – Это всего лишь дом.

Ввиду огромного количества средств массовой информации и столь малого числа поклонников, многие из тех, кто скорбел перед домом Курта, достигли широкой, хотя и мимолетной известности. Испачканное тушью лицо юной Рене Эли попало на CNN, в Newsweek и на первую полосу «Сиэтл Таймс». И хотя многие фанаты были вполне готовы пообщаться со СМИ, инсайдеры сиэтлской сцены были совсем другой историей. Или скорее они вообще не были историей. Продемонстрировав невероятное единство, ключевые игроки сиэтлской сцены решительно сомкнули ряды и отказались разговаривать с прессой. После не одной, не двух, а трех волн интенсивного воздействия средств массовой информации все они усвоили несколько тяжелых уроков. Отключение средств массовой информации после его смерти очень эффективно защищало частную жизнь друзей и семьи Курта. Если бы только он был жив, чтобы увидеть, как хорошо это работает.

Sub Pop ненадолго задумался о том, чтобы запретить прессе участвовать в давно запланированной вечеринке по случаю

шестой годовщины в сиэтлском кафе Crocodile в субботу вечером, но потом понял, что СМИ просто напишут историю о том, как они не смогли попасть внутрь. Тем не менее внутри клуба были запрещена любая съемка, поэтому посетителей вечеринки приветствовала небольшая армия СМИ на тротуаре снаружи. Репортеры тыкали микрофонами в лица людей и спрашивали: «Почему вы здесь?» После самоубийства Курта этот вопрос приобрел феноменальную силу.

Некоторые призывали отменить вечеринку, утверждая, что это неуважительно. Но провести вечеринку было лучшим, что можно было сделать. Как сказал Брюс Пэвитт из Sub Pop на поминальной службе Курта на следующий день: «Самое важное в нашей жизни – это наши друзья, наша семья и наше сообщество». Сиэтлская сцена была основана на сильном чувстве общности – сообщество давало начало музыке, взращивало ее, поддерживало ее наиболее успешных членов и обеспечивало утешение перед лицом бедствия, как, например, когда Эндрю Вуд из Mother Love Bone умер от передозировки героина в 1990 году, когда гитаристка 7 Years Bitch Стефани Сарджент приняла смертельную дозу наркотика в 1992 году, когда вокалистка Gits Миа Сапата была убита в 1993 году. Так что собраться в Crocodile, популярном музыкальном заведении, где Nirvana иногда давала спонтанные концерты, было просто необходимо. Тем не менее очень немногие из участников вечеринки говорили о произошедшем.

Небольшая кучка журналистов подмазывалась к людям и через задушевные разговоры пыталась вывести человека на размышления об этичности мероприятия; были ли мы виноваты в использовании трагичной истории или мы документировали важное историческое событие? Тот факт, что многие из нас были сильно привязаны к Курту, делал проблему болезненной, а отказ близких от общения со средствами массовой информации еще больше усугублял ее. Расцвет бульварной журналистики испортил нам нашу собственную работу, но он также разозлил сиэтлцев, сделав журналистов, по словам одного инсайдера, «настойчивыми засранцами».

Чарли Кэмпбелл из Pond, группы Sub Pop из Портленда, штат Орегон, сказал: «Мне позвонила женщина из какого-то журнала, а я ведь даже не знал этого парня. Я просто хотел сказать, что именно такие разговоры и убили беднягу».

– Высшие силы забрали одного из «наших», – добавляет Рон Рудзитис, певец и гитарист группы Love Battery. – Это довольно обидно.

В пасмурный воскресный день, когда друзья и семья Курта присутствовали на его похоронах неподалеку, в парке в центре Сиэтла, в тени башни Спэйс-Нидл, состоялась поминальная служба. На шатровой сцене стояли скромные букеты цветов и других пожертвований. На бутлеге сингла Lithium была надпись: «Эта песня придала мне сил во время трудного расставания…»

В маленьком букетике цветов лежал миниатюрный пластмассовый дробовик. Перед примерно семью тысячами скорбящих поклонников пел священник, поэт читал стихи, трио местных диджеев предалось воспоминаниям, кризисный менеджер что-то эмоционально рассказывал, а диджей читал горько-сладкое письмо от дяди Курта Ларри Смита, брата второй жены Дона, с его воспоминаниями о Курте в подростковом возрасте. Смит начал с того, что его дед был высокого мнения о Курте и очень любил его общество.

– Однажды дедушка пригласил Курта на одну из наших поездок на рыбалку. Мы стояли в нескольких сотнях футов друг от друга вдоль берега реки Веначи. Внезапно мы услышали эту ужасную смесь криков, трелей и воплей Курта, который стоял выше по течению и скрылся из виду. Дедушка велел мне бежать туда и помочь Курту, который, должно быть, поймал большую рыбу. Когда я добрался до Курта, его леска даже не была в воде. Я спросил Курта, что происходит, а он просто посмотрел на меня своими пронзительными голубыми глазами и, широко улыбаясь, сказал: «Я просто пытаюсь напрячь голосовые связки, чтобы получше кричать».

– Курт не чувствовал общей формы общества в лесозаготовительном городке, и поэтому его избивали люди, которые не понимали его. Однажды я услышал, что Курт подрался в нескольких кварталах отсюда. Когда я прибежал на то место, драка уже закончилась, однако я услышал от друга, что на Курта напал здоровенный 250-фунтовый лесоруб. Очевидно, Курт даже не сопротивлялся. Он просто показывал хулигану соответствующий жест рукой каждый раз, когда его сбивали с ног, пока хулиган все-таки не сдавался. Это вызвало бурные аплодисменты толпы.

– На ум приходит чудесная картина. Когда я выглянул из окна во двор, там был Курт с каким-то приспособлением на голове, напоминающим шляпу из фольги, крадущийся по двору в сопровождении полудюжины смеющихся малышей. У Курта была улыбка на миллион долларов, и я могу сказать, что он

определенно был в нирване.

– Я надеюсь, что эти маленькие примеры счастья покажут, что, хотя Курт и испытывал боль в подростковом возрасте, он все же не позволил этой боли помешать ему любить жизнь в полной мере. Мы никогда не должны осуждать Курта за то, что он нас покинул. Вместо этого мы должны заглянуть внутрь себя и поблагодарить его за то, что он любит нас настолько, чтобы разделить с нами свои чувства. Давайте запомним, что никакая боль не должна мешать нам любить жизнь. Мы все должны уважать значимость нашей собственной жизни, а также жизни других людей.

> Но самые мощные сообщения были от двух человек, которых там не было. В своих записанных на пленку речах Крист и Кортни послали два совершенно разных сообщения. Крист сделал краткое, но замечательное заявление об равноправном духе панк-рока, который отстаивал Курт.

– От своего имени, а также от имени Дэйва и Пэта, я хотел бы поблагодарить вас всех за проявленную заботу. Мы помним Курта таким, каким он был, – заботливым, щедрым и милым. Давайте оставим эту музыку с нами. Она будет у нас всегда, навсегда. У Курта была определенная этика по отношению к своим поклонникам, которая укоренилась в образе мышления панк-рока. Ни одна группа не является особенной, ни один музыкант не принадлежит к королевской семье. Если у вас есть гитара и большая душа, просто играйте что-нибудь и делайте это всерьез. Вы – суперзвезда, подключенная к звукам и ритмам, которые уникальны и универсальны для человека. Черт возьми, используй свою гитару как барабан, просто поймай ритм и позволь ему исходить из твоего сердца. Именно на этом уровне Курт говорил с нами – в наших сердцах. И именно там он и его музыка будут всегда, навсегда.

Бессвязное, как обычно, послание Кортни было любовной тирадой, наполненной любовью и гневом, негодованием и жалостью, которое все чувствовали. Это довело большую часть толпы до слез, заставив практически каждого из 7000 человек дрожать от эмоций. Кортни была самой собой, и она не могла не добавить своих возражений. Хотя иногда они казались чересчур горькими и даже сомнительными, как и любой хороший музыкант-Кортни была честна; она отражала самые глубокие чувства всех присутствующих. Это был своего рода диалог, поэтому я представлю его таким образом.

Кортни: я действительно не знаю, что сказать. Я чувствую то же, что и все вы. Но если вы, ребята, не думаете, что, когда я сидела в этой комнате, пока он играл на гитаре и пел, и чувствовала себя такой польщенной, находясь рядом с ним, то вы сошли с ума. Так или иначе, он оставил записку. Это как письмо к гребаному редактору. Я не знаю, что случилось. Я имею в виду, что это должно было случиться. Но это могло случиться, когда ему было сорок. Он всегда говорил, что переживет всех и доживет до ста двадцати лет. Я не собираюсь читать вам всю записку, потому что это не ваше гребаное дело. Но кое-что из этого относится и к вам. Я не думаю, что его достоинству навредит прочтение этого отрывка, учитывая, что он адресован большинству из вас. Он такой засранец. Я хочу, чтобы вы все сказали «мудак» очень громко.

Толпа: мудак!

Кортни: эту записку довольно легко понять. Все формулировки взяты из Punk Rock 101.

Курт: на протяжении многих лет мое первое знакомство со, скажем так, этикой, связанной с независимостью и принятием вашего сообщества, оказалось очень верным. Вот уже два года я не испытываю такого волнения больше ни от чего, кроме как от прослушивания музыки, а также от того, что я действительно что-то пишу. Я чувствую себя виноватым за все это. Например, когда мы находимся за кулисами, свет гаснет и начинается маниакальный рев толпы, это не влияет на меня так, как это было с Фредди Меркьюри (Кортни смеется), который, казалось, испытывал огромное удовольствие от восхищения толпы…

Кортни: ну на хрен, Курт, – тогда не будь рок-звездой, засранец.

Курт:… это то, чем я восхищаюсь и чему завидую. Дело в том, что я не могу обмануть никого из вас. Это просто несправедливо по отношению к вам или ко мне. Самое худшее преступление, которое я могу придумать, – это обманывать людей, притворяясь, что я получаю стопроцентное удовольствие.

Кортни: нет, Курт, самое страшное преступление, которое я могу придумать, это то, что ты продолжаешь быть рок-звездой, когда тебе это чертовски не нравится. Просто, блядь, остановись.

Курт: иногда мне кажется, что я должен был разбить часы, прежде чем выйти на сцену. Я испробовал все, что в моих силах, чтобы ценить это, и я это делаю. Боже, поверь мне, это так. Но этого недостаточно. Я ценю тот факт, что творчество нашей группы затронуло чувства многих людей. Я, должно быть, один из тех нарциссов (Кортни горько усмехается), которые по-

настоящему ценят вещи только тогда, когда они наедине с собой. Я слишком чувствителен.

Кортни: ооо.

Курт: мне нужно слегка заморозить свои чувства, чтобы вернуть тот энтузиазм, которым я обладал, будучи ребенком. Во время наших последних трех туров я стал гораздо больше ценить всех людей, которых я знаю лично, и поклонников нашей музыки. Но я все еще не могу избавиться от разочарования, вины или сочувствия, которое я испытываю ко всем. В каждом из нас есть что-то хорошее, и я просто слишком люблю людей…

Кортни: так почему же ты, блядь, не остался?

Курт:… настолько сильно, что меня одолевает эта гребаная грусть, грустный маленький чувствительный, неблагодарный человек-рыба[100].

Кортни: да заткнись ты, ублюдок. Почему бы тебе просто не насладиться этим?

Курт: я не знаю.

Кортни: потом он говорит нам с Фрэнсис кое-что личное, и это вас не касается.

Курт: я ценю это – очень, – и я благодарен. Но с семи лет я стал ненавидеть всех людей только потому, что людям кажется, что со всеми ладить и сочувствовать – это так легко…

Кортни: сочувствовать?

Курт:…наверное, только потому, что я слишком люблю и сочувствую людям. Спасибо вам всем от всего моего пылающего, тошнотворного желудка за ваши письма и беспокойствов течение последних лет, я слишком эксцентричный капризный человек, и у меня больше нет страсти. Так что запомни…

Кортни:… и не вспоминай об этом, потому что это гребаная ложь.

Курт:…лучше сгореть, чем угаснуть.

Кортни: боже, ты мудак.

Курт: мир, любовь, сострадание, Курт Кобейн.

Кортни: и потом есть еще кое-что личное, и это не ваше собачье дело. И просто помните, что все это чушь собачья. И я хочу, чтобы вы знали одну вещь. Эта чушь восьмидесятых с жестокой любовью, она не работает. Это нереально. Это не работает. Я должна была позволить ему, мы все должны были позволить ему быть бесчувственным, мы должны были позволить ему иметь то, из-за чего он чувствовал себя лучше, из-за чего его желудок чувствовал себя лучше. Мы должны были дать ему это вместо того, чтобы пытаться содрать с него кожу. Вы идете домой и говорите своим родителям: «Никогда не пытайся навязать мне эту чушь про жестокую любовь, потому что она, блядь, не

работает». Вот что я думаю. Я лежу в нашей постели, и мне очень жаль. Я чувствую то же, что и вы. Мне очень жаль, ребята. Я не знаю, что бы я могла сделать. Жаль, что меня здесь не было. Лучше бы я не слушала других людей. Но я сделала это. Каждую ночь я сплю рядом с его матерью, а утром просыпаюсь и думаю, что это он, потому они похожи. А теперь мне пора идти. Просто скажите ему, что он ублюдок, ладно? Просто скажите: «Ублюдок, ты ублюдок». И что вы любите его.

Позже Кортни вместе со своей старой подругой Кэт Бьелланд из Babes in Toyland посетила место поминальной службы и раздала кое-что из одежды Курта оставшимся поклонникам.

Выступления закончились, и толпа направилась к огромному фонтану неподалеку, где звуковая система проигрывала аудиозапись недавнего выступления Nirvana на MTV Unplugged. Десятки детей прыгали в сорокафутовые струи воды под одобрительные возгласы толпы, которая все еще насчитывала около пяти тысяч человек. Когда чашеобразный фонтан выключили, он превратился в круглый амфитеатр, где люди подпевали музыке во весь голос, аплодируя после каждой песни, как будто они были на настоящем концерте. Многие знали выступление Unplugged настолько хорошо, что даже подпевали двум довольно непонятным песням Meat Puppets.

В фонтане люди танцевали, обнимали незнакомых людей, махали руками, бросали фрисби и кидались надутыми презервативами, бегали собаки. Но когда охрана попыталась разогнать толпу после выключения музыки, те взбунтовались. Коренастый парень с крашеными светлыми волосами прорвался сквозь круглую человеческую стену, с помощью которой охранники хотели вытолкнуть детей из чаши, и десятки людей последовали за ним, ликуя и танцуя, а затем демонстративно взобрались на центральный купол фонтана, как морские пехотинцы на Иводзиме.

> Когда полицейский пробрался в толпу, чтобы вытащить коренастого нарушителя, люди начали скандировать: «Пошел ты! Пошел ты!», указывая на полицейского, пока тот не сдался и не ушел. Курту бы это понравилось.

Приступив к написанию этой книги, я сказал бабушке, что пишу биографию рок-группы. Первое, о чем она она спросила меня, было: «Они употребляют наркотики?» Я должен был ответить, что да, я был почти уверен, что один из них точно это делал. «Но это не делает его плохим человеком», – сказал я ей.

Многим эту концепцию трудно понять. Но Курт был действительно хорошим человеком. Он мог быть нервным, капризным и упрямым, но эти недостатки затмевались его лучшими качествами. Некрологи и другие репортажи в прессе были посвящены «измученному мятежнику» и «беспокойному голосу поколения». В смерти, как и в жизни, мало кто просто говорил о Курте как о реальном человеке. О том самом Курте Кобейне, которого я знал.

При росте пять футов семь дюймов и весе 125 фунтов, Курт был хрупким и болезненно худым; под своим обычным кардиганом и рваными джинсами он носил еще несколько слоев одежды, чтобы казаться немного более солидным. Цвет его лица часто был плохим, что объяснялось как недостатком солнца и строгой диетой из замороженных обедов, так и приемом лекарств. Было удивительно, что такое нематериальное тело могло издавать такой душераздирающий звук, точно так же, как удивительно то, что крошечный восьмифунтовый ребенок может издавать такой пронзительный вопль.

Он уже несколько раз убеждался в том, что этот хрупкий каркас может выдержать многое, но то, что мучило Курта, было не просто чем-то физическим. Весь этот талант и харизма, упакованные в такой хрупкий маленький корпус, напомнили Роберту Фриппу описание Джими Хендрикса как тонкого провода с слишком большим током, проходящим через него. Это была ужасная, невысказанная часть общей мудрости среди близких друзей и поклонников – Курт был в этом мире ненадолго. Каждая минута, проведенная с ним, была драгоценна.

Всем было хорошо известно, что слава не очень-то ладит с Куртом Кобейном. На то было много веских причин, и не только потому, что он был застенчивым человеком. Курту нужно было следить за каждым аспектом Nirvana. Если футболки не совсем удавались, это резало его по живому; его репутация музыканта висела на каждом кадре каждого из клипов, сделанного группой, и не потому, что он был помешан на контроле, а потому, что его искусство было всей его жизнью. Это было очевидно для любого, кто слышал, действительно слышал музыку. Курт мог наблюдать за своей карьерой в течение долгого времени, вероятно, дольше, чем он думал, но ко времени In Utero Nirvana определенно зашла слишком далеко.

Одним из аспектов, за которым Курт тщетно пытался следить, была пресса. Понимая, что интервью – это еще одна грань его искусства, и попросту травмированный обвинениями Vanity Fair, Курт был сверхчувствителен к своим изображениям в средствах массовой информации. Малейший нюанс мог вызвать у него

приступ паники. Однажды он позвонил мне рано утром, умоляя убрать кое-что из этой книги.

– Если ты будешь продолжать в том же духе, – сказал он, – я могу просто снести себе голову.

Это был список из пятидесяти его любимых альбомов.

Курт постоянно жаловался на то, что СМИ лезут в его личную жизнь, но, к сожалению, часто болезненная (хотя и не всегда правдивая) откровенность его музыки распространялась и на его стиль интервью. Казалось, что он не был знаком с фразой «Без комментариев». Он отвечал на все вопросы, которые я задавал ему по поводу этой книги, и откровенно говорил мне вещи, которые я должен был просить его убрать из записей.

Но личная жизнь была не единственной жертвой знаменитости Курта. Будучи иконоборцем, Курт не мог не столкнуться с еще одним стереотипом успеха – он потерял контакт с большинством людей, с которыми имел дело. Ни у кого из его друзей не было денег; вся их творческая и общественная жизнь, даже мода на гранж (оксюморон, если таковой вообще существовал), была основана на бедности. Курт знал, что богатство отдаляет его от старых приятелей и искажает их отношения. Когда зимой 93—94-го он купил «Лексус», давление со стороны сверстников заставило его вернуть машину и придерживаться своего верного старого серого «Вольво» с одной лысой шиной.

> Действительно, дружба – одна из причин, по которой Курт остался в группе. Крист и Дэйв были самыми лучшими, самыми преданными друзьями, которые у него остались. И он не мог отрицать силу музыки, которую они создавали вместе.

Даже когда у Курта болел живот, он говорил, что боль обязательно пройдет во время выступления из-за выброса эндорфинов, который стимулировала в нем музыка. Вот почему он иногда бросался в барабаны в конце шоу – чтобы доказать, что не чувствует боли. Что он достиг нирваны.

Но в последний год своей жизни Курт явно отдалялся от того, что любил больше всего на свете. Он знал, что должен заново создать свою музыку. *In Utero*, признал Курт, был фактически ремейком *Nevermind*, только записанным в инди-стиле. Как однажды заметил Курт, The Beatles прошли путь от I Wanna Hold Your Hand до сержанта Пеппера всего за три года. Курт был способен на такой ошеломляющий творческий прогресс. Тот факт, что теперь, кажется, нет другого музыканта, который мог бы сказать то же самое, – просто еще одна сторона трагедии.

На шоу 9 апреля 1993 года в сан-францисском Cow Palace Курт обнаружил, что гримерку заполнила огромная свита. Он ссутулился на складном стуле у белой шлакоблочной стены. Рядом с ним стоял еще один стул, но никто не хотел просто плюхнуться рядом и заговорить с ним. Так что сел я. Он улыбнулся, поздоровался и усадил Фрэнсис мне на колени. Мы болтали о «Спиди-гонщике», одном из его любимых телешоу. Он спел мне песню, а несколько самозваных надзирателей обеспокоенно смотрели на нас. Обычно Курт играл на левой стороне сцены, но в этот вечер он решил сменить ее на правую.

– Это добавляет интереса, – объяснил он.

В то время это казалось немного банальным, но ретроспектива говорит об обратном. 23 июля 1993 года группа отыграла еще один концерт под высоким давлением, необъявленное шоу в Roseland Ballroom в Нью-Йорке для участников семинара по новой музыке. Все шло хорошо, несмотря на финал, болезненно разочаровывающий акустический набор. Два месяца спустя Nirvana второй раз появилась на Saturday Night Live. За кулисами Алекс Маклеод попытался очистить гримерную, которая была переполнена друзьями.

– Нет, чем больше, тем веселее, – спокойно возразил Курт. И все остались на своих местах.

В октябре Nirvana начали свое первое за два года турне по США. На второй гитаре был Пэт Смир, бывший участник легендарной лос-анджелесской панк-группы The Germs.

Пэт поддерживал мощную, но иногда беспорядочную атаку Курта с помощью коренастых, стремительных аккордов и страстной ведущей работы, а также добродушного и энергичного присутствия на сцене. Пэт также нашел себе другую, возможно, более важную роль – излучая удивительно бодрую крутизну, он нередко поднимал настроение Курту.

Но никто не мог поднять настроение Курта так, как Фрэнсис, которая путешествовала с Куртом, пока Кортни записывал новый альбом Hole. Дочь была буквально светом в жизни Курта – когда она была рядом, лицо Курта сияло, редкая улыбка расплывалась по его лицу, и вся комната наполнялась его радостью.

Группа решила сделать гастроли приятными – Nirvana выбрала для разогрева свои любимые группы, в том числе Breeders, Butthole Surfers, Chokebore, Half Japanese, Meat Puppets, Mudhoney и Shonen Knife. Они наслаждались двумя автобусами группы, хорошими отелями и массажистом. Парни запланировали много выходных и приводили с собой жен, невест и друзей. Может быть, именно поэтому они играли самые потрясающие

концерты в своей карьере, трансцендентные шоу, где вы чувствовали, что ваши ноги не касаются земли.

В середине тура выходной в уединенном отеле в двух часах езды от Бостона привел всех в бешенство. Дэйв узнал, что легендарная панк-поп-группа The Buzzcocks играет в Бостоне, и мы всей компанией поехали туда, чтобы успеть на концерт. Немногие в клубе обратили внимание на миниатюрную фигурку в охотничьей шапочке Холдена Колфилда; те, кто заметил, просто улыбнулись ему. Потом, за кулисами, The Buzzcocks постоянно говорили, какая это честь – познакомиться с Куртом, но он мягко настаивал: «Нет, это для *меня* честь познакомиться с вами». Позже Курт болтался перед клубом, болтая с ребятами панк-рокерами, которые просто относились к нему как к равному, и даже не просили автографов. Курт был очень счастлив.

Не все находили его таким доступным. Пронзительные голубые глаза Курта, его угрюмость, вопрос о том, под кайфом он или нет, его слава и особенно его почти осязаемая харизма были чрезвычайно пугающими. Но, игнорируя все это и обращаясь с ним нормально, можно было увидеть доброго, милого человека, который искренне слушал, который был способен дать вдумчивый совет и утешение.

Я открыл для себя эти вещи, когда путешествовал с Nirvana в том туре в течение двух недель, отчасти чтобы просто увидеть людей, которые стали моими друзьями, отчасти чтобы побывать на величайших рок-шоу, которые я когда-либо видел, а также чтобы избежать некоторых личных и профессиональных кризисов. К тому времени, когда в начале ноября турне достигло Нового Орлеана, у меня возникли серьезные проблемы, и я нуждался в сочувствии. Из автомата на Бурбон-стрит я в полночь позвонил Курту. Он попросил меня зайти к нему в номер, чтобы поговорить.

Приехав, я застал Курта лежащим на кровати и смотрящим по телевизору концерт Пита Таунсенда с выключенным звуком. Стареющий Таунсенд, когда-то популярный гитарист, пел и играл с неподражаемым удовольствием.

– Посмотри на этого парня, – сказал Курт. – Его музыка уже не так хороша, но он все еще так увлечен ею. Жаль, что я не чувствую себя так же.

Я не мог до конца поверить, что он действительно так думает, поэтому не стал спорить.

> Курт был утомлен, но все еще жаждал поговорить; он говорил о своей собственной истории неудачных отношений и творческих кризисов с мудростью, о

которой я даже не подозревал. Затем, примерно в 4 часа утра, я был на середине предложения, когда он просто закрыл глаза и задремал. Он не был под кайфом, он просто не мог больше бодрствовать.

– Почему ты ушел? – спросил он на следующее утро.

В конце тура в ноябре Nirvana появилась на акустическом музыкальном шоу MTV Unplugged. Курт был в прекрасном настроении, отпускал шутки между песнями и пел с катарсической мощью, достойной лучших стадионных концертов. Он выбрал беспрецедентное количество кавер-версий, и, как оказалось, они все были о славе, о смерти или о том и другом. В песне Meat Puppets Plateau речь идет о чем-то чуть большем, чем просто ведро и швабра: больше работы – вот что наверху. Другая песня Meat Puppets, Lake of Fire, рассказывает о судьбе обреченных душ, а в The Man Who Sold The World Дэвида Боуи Курт подчеркивает строку: «Я думал, что ты умер, давно, много времени тому назад». «Не думай, что я буду плакать из-за причин, по которым ты должен умереть», – напевает он в госпеле[101] Jesus Wants Me for a Sunbeam.

Тогда я видел Курта в последний раз. Он обнял меня на прощание.

Шестинедельный европейский тур стартовал в начале февраля и закончился передозировкой в Риме 6 марта. Пережив попытку самоубийства, Курт должен был справляться с грузом жизни, которую он больше не хотел. Группа вернулась в Сиэтл. 8 апреля пришла эта новость.

Несколько дней спустя сиэтлский водитель лимузина, часто возивший Курта по городу, отметил: «Милый молодой человек. Очень тихий. Но я думаю, что ему было очень больно». Курту было очень больно большую часть времени, когда он не спал. Боль в животе, хронический бронхит и сколиоз – даже собственное тело стало ему врагом.

Не то чтобы Курт не воспринимал собственные беды с юмором; на окончательной версии рукописи этой книги, которую он подписал, он обозначил свой адрес как «Ад на земле». Как большинство самоубийц, Курт делал множество намеков, и буквально все они всплыли в средствах массовой информации после его смерти; еще несколько появились в этой самой книге. Оглядываясь назад, эти улики были не криком о помощи, они были объявлениями.

Большое значение придавали тому факту, что Курт умер в том же возрасте, что Джоплин, Хендрикс и Моррисон, но Курт не соответствовал поднадоевшему трюизму рока «живи быстро, умри

молодым». Слова о том, что лучше сгореть, чем угаснуть, в его предсмертной записке были саркастическим способом показать, что он знает, как будет выглядеть его смерть.

> Курт был первым рок-музыкантом, расставшимся с жизнью столь решительно, не доверяя ее воле несчастного случая. Местный новостной канал в те выходные назвал Курта «одной из самых новых жертв рок-н-ролла», но рок-н-ролл никого не убивает. Его самоубийство было личным решением и, скорее всего, произошло бы независимо от славы, богатства и таланта.

Строить догадки, почему он все же это сделал, – бесполезная игра в слова. Хотя у Курта была клиническая депрессия и в его семье были самоубийства, никто на самом деле не знает, почему он это сделал.

В свете смерти Курта один его образ отказывается покидать мои мысли. Это было на фестивале в Рединге в 1992 году. Все еще одетый в длинный медицинский халат, в котором он провел выступление, Курт уходил со сцены, держа за руку маленького мальчика, у которого, как выяснилось, была терминальная стадия рака и которого провели за кулисы. Курт медленно спустился со сцены, освещенный лучом единственного софита. Весь в белом, с сияющими светлыми волосами, он был похож на ангела, а мальчик – на херувима. Вокруг Курта была толпа людей, но почему-то они оставались в тени. Никто не издавал ни звука. Было очень тихо, особенно после грохочущего шума концерта. Толпа пропустила его к проходу к палаткам за сценой, а затем он завернул за угол, все еще держа мальчика за руку, и скрылся из виду.

Американская дискография Nirvana

SUB POP
Love Buzz/Big Cheese сингл.
Ноябрь 1988 года. СП 23
Ограниченный тираж – 1000 экземпляров, пронумерованных от руки.

Spank through на сборнике Sub Pop 200.
Декабрь 1988 года. СП 25

Bleach
Июнь 1989 года. СП 34
Первые 1000 экземпляров на белом виниле.
Следующие 2000 содержат специальный плакат.
Ремастеринг в апреле 1992 года для CD и кассет. CD-версия содержит Downer в качестве бонус-трека.

Sliver/Dive сингл.
Сентябрь 1990 года.
SP73
Первые 3000 семидюймовых синглов на синем виниле. CD-сингл включает в себя живые версии About a Girl и Spank Thru

Сплит-сингл Molly's Lips/Candy от Fluid.
Sub Pop Singles Club #27
Ограниченным тиражом 7500 экземпляров. Первые 4000 на зеленом виниле.

TUPELO
Blew EP
Декабрь 1989 года. TUP 8
GEFFEN/DGC
Smells Like Teen Spirit/Even in His Youth и Aneurism
10 сентября 1991 года.
DGC 21673

Nevermind.
24 сентября 1991 года.
DGC 24425
Первые 50 000 копий на компакт-дисках не включали безымянный бонус-трек.

Come As You Are 3 марта 1992 года
DGC 21707
School и Drain You записаны в прямом эфире из театра Paramount, 31 октября 1991 года.

Lithium/Been a Son (live) и Curmudgeon 21 июля 1992 года.
DGCDM 21815
CD сингл включает в себя полные тексты песен для Nevermind.

Incesticide.
15 декабря 1992 года. DGC 24504

In Utero.
14 сентября 1993 года. DGC 24607

TOUCH AND GO
Сплит-сингл Oh, The Guilty/Puss от Jesus Lizard. 22 февраля 1993 года. TG83
Компакт-диск, кассета, сингл. Ограниченый тираж 200 000 экземпляров.

COMMUNION RECORDS
Сплит-сингл: кавер-версия Velvet Underground Here She Comes Now/Venus in Furs от The Melvins.
1991 год.
Communion 23.
Ограниченный тираж в 1000 семидюймовых синглов.
Также доступно на трибьют-альбоме Velvet Underground Heaven and Hell, Vol.1 1991. Communion 20. Распродан. Все три формата.
C/Z
Mexican Seafood на Teriyaki Asthma Vol. I.
Ноябрь 1989 года. CZ 009 Семидюймовый сингл, ограниченный тираж 1000 экз.
Также доступно на CD-компиляции Teriyaki Asthma Vol. IV.
В компиляцию также входят Babes in Toyland и L7, а также другие. Ноябрь 1991 года. CZ037

Do You Love Me на трибьют-альбоме Kiss *Hard to Believe*. Единственное появление на записи Джейсона Эвермана в составе Nirvana. Август 1990 года. CZ024

KILL ROCK STARS

Beeswax на сборнике Kill Rock Stars. 21 августа 1991 года. KRS 201

В сборник также входят The Melvins, Bikini Kill, Mecca Normal, Nation of Ulysses.

Ограниченный тираж 1000 экземпляров с нарисованными вручную обложками и подписью художника

TIM KERR RECORDS

Return of the Rat на Eight Songs for Greg Sage and the Wipers. 20 июня 1992 года.

T/K 917010

TRIB 2

Набор из четырех семидюймовых пластинок, также включает Hole.

Ограниченный тираж 10 000 экземпляров (6000 на цветном виниле).

CD выпущен 15 марта, с дополнительными шестью треками, в том числе трек Терстона Мура.

Отдельные члены группы на записях

K RECORDS

Курт появляется в Bikini Twilight от Go Team (Кэлвин Джонсон и Тоби Вэйл). Июль 1989 года. Сингл Go Team.

SUB POP

Курт появляется на EP Earth Bureaucratic Desire for Revenge. Октябрь 1991 года. SP 123

Курт и Крист появляются в Where Did You Sleep Last Night на сольном альбоме Марка Ланегана The Winding Sheet. Май 1990 года.

SP61

Первые 1000 копий на красном виниле. На CD и кассетах дополнительные треки.

HAS

Дэйв появляется на альбоме Scream No More Censorship. Август 1988 года. RAS 4001

DISCHORD

Дэйв появляется на ранее неизданном альбоме Scream Fumble. Июль 1993 года. Dischord 83

YOUR CHOICE LIVE SERIES

Дэйв появляется на живом альбоме Scream, носящем такое же название. YC–LS 010 (импортировался только в Германию)

KONKURREL

Дэйв появляется на альбоме Scream Live at Van Hall. 1989 год. K001/11

DSI

Дэйв появляется на сингле Scream Mardi Gras/Land Torn Down. 1990 год. DSI 16

Оба трека также включены в альбом Fumble.

BONER

Дэйв под именем Дейл Никсон играет на бас-гитаре, барабанах и гитаре на альбоме Базза Осборна *King Buzzo, a Buzz Osborne solo album.*

TIM KERR RECORDS

Курт играет на гитаре в The Priest, They Called Him, декламации Уильяма С. Берроуза. Лето 1993 года. T/K 9210044/92CD044

Доступно на десятидюймовом виниле и CD. Крист появляется на обложке в одежде священника.

Британская дискография Nirvana

SUB POP
Только импорт.

TUPELO
Spank Thru в составе компиляции Sub Pop 200. Декабрь 1988 года. Только винил. Выпущен на CD в 1990 году.

Bleach.
Июнь 1989 года. В британском издании Love Buzz заменил Big Cheese. Перевыпущен на CD на Geffen в апреле 1992 года с Big Cheese и Downer в качестве бонус-треков.

Сингл Sliver/Dive. Январь 1991 года.

Blew, EP. Декабрь 1989 года.

GEFFEN/DGC
Smells like Teen Spirit/Even in His Youth и Aneurysm. 9 сентября 1991 года. DGCS5.

Nevermind. 23 сентября 1991 года. DGC 24425.

Come as You Are/School и Drain You (live). 2 марта 1992 года. DGCS7.

Lithium/Been a Son (live) и Curmudgeon. 20 июля 1992 года. DGCS9.

In Bloom/Sliver и Polly (live). 30 ноября 1992 года. GEF34.
Диск с изображением и CD. Семидюймовая версия с Polly (live)
Incesticide. 14 декабря 1992 года. GEF 24504.

In Utero. 13 сентября 1993 года. GEF 24536.

TOUCH AND GO
Сплит-сингл Oh, The Guilty/Puss от Jesus Lizard. 22 февраля 1993 года. TG83
Компакт-диск, ограниченный тираж на голубом виниле.

COMMUNION RECORDS

Только импорт.

C/Z
Только импорт.

KILL ROCK STARS Только импорт.

TIM KERR RECORDS Только импорт.

Отдельные члены группы на записях.

Все записи, указанные в американской дискографии, только импорт.

ЛУЧШИЕ КНИГИ О БИЗНЕСЕ С ЛОГОТИПОМ ВАШЕЙ КОМПАНИИ? ЛЕГКО!

Удивить своих клиентов, бизнес-партнеров, сделать памятный подарок сотрудникам и рассказать о своей компании читателям бизнес-литературы? Приглашаем стать партнерами выпуска актуальных и популярных книг. О вашей компании узнает наиболее активная аудитория.

ПАРТНЕРСКИЕ ОПЦИИ:

- Специальный тираж уже существующих книг с логотипом вашей компании.
- Размещение логотипа на супер-обложке для малых тиражей (от 30 штук).
- Поддержка выхода новинки, которая ранее не была доступна читателям (50 книг в подарок).

ПАРТНЕРСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ:

- Рекламная полоса о вашей компании внутри книги.
- Вступительное слово в книге от первых лиц компании-партнера.
- Обращение первых лиц на суперобложке.
- Отзыв на обороте обложки вложение информационных материалов о вашей компании (закладки, листовки, мини-буклеты).

ЛОГО
ЛОГОТИП ВАШЕЙ КОМПАНИИ НА ОБЛОЖКЕ
КНИГА О БИЗНЕСЕ
ЛОГОТИП НА КОРЕШКЕ
ПОЛЕЗНЫЙ И ИНТЕРЕСНЫЙ ТЕКСТ О ВАШЕЙ КОМПАНИИ ДЛЯ КЛИЕНТОВ
ТЕКСТ ДЛЯ КЛИЕНТОВ НА ОБЛОЖКЕ

У вас есть возможность обсудить свои пожелания с менеджерами корпоративных продаж. Как?

Звоните:
+7 495 411 68 59, доб. 2261

Заходите на сайт:
eksmo.ru/b2b

notes

Примечания

1

Возможно, это название одного из уровней игры Duke Nukem, действие которого происходит на инопланетной космической станции. – *Здесь и далее прим. ред.*

2

Saturday Night Live – вечерняя музыкально-юмористическая передача на американском канале NBC, одна из самых популярных и долгоиграющих в истории телевидения США. Премьера состоялась 11 октября 1975 года.

3

Кстати, данная композиция была впервые исполнена на концерте 9 апреля 1993 года. А на альбоме она была выпущена лишь в сентябре 1993 года (на последнем, третьем альбоме «In Utero»).

4

Мошеры – люди, которые любят размахивать кулаками и ногами перед лицом друг друга. Это целая культура, которая развивается совместно с экстремальной музыкой.

5

Ивел Книвел – американский исполнитель трюков, получивший мировую известность благодаря своим рискованным трюкам на мотоцикле.

6

Марк Кейтс был директором отделения альтернативной музыки в новом филиале Geffen/DGC.

7

Geffen/DGC – американская звукозаписывающая компания, принадлежащая Universal Music Group.

8

Ким Гордон – Американская вокалистка, бас-гитаристка альтернативной рок-группы «Sonic Youth».

9

Коммодити – распространенный предмет потребления, который не отличается уникальностью.

10

Англ. fanzine, от fan magazine, иногда просто зин – любительское малотиражное периодическое или непериодическое издание (журнал, информационный бюллетень, фотоальбом, альманах и так далее). Фэнзины выпускаются различными субкультурами, любителями определенных жанров музыки, а также фантастики, военных и ролевых игр.

11

Поколение беби-бум – поколение, рожденное в период беби-бума, всплеска рождаемости после Второй мировой войны с 1946 по 1964 год.

12

Имеется ввиду, что звукозаписывающие лейблы не вкладывали денег в раскрутку и рекламу группы, ожидая, что группа сама бесплатно обретет популярность посредством сарафанного радио, фанатов и маленьких СМИ.

13

Calamity Jane – женская гранж/панк-группа, образованная в Портланде (штат Орегон) в 1989 году.

14

Music Factory – музыкальная продюсерская группа, знаменитая тем, что семь раз получала первые места в танцевальных/клубных чартах с начала и до середины 1990-х.

15

Beat Happening – американская инди-группа, образовавшаяся в 1982 году в Олимпии и известная своим «примитивистским» стилем – нарочито «непрофессиональная» и несобранная игра музыкантов, простые мелодии, наивные тексты, низкое качество записи. Beat Happening считаются пионерами американского инди-попа и *Lo-fi* музыки и одними из главных популяризаторов идеологии D.I.Y. Фронтмен Beat Happening Кэлвин Джонсон, кроме того, стал основателем влиятельного инди-лейбла K Records (Bikini Kill, Бек, Modest Mouse) и сотрудничал с основателями Sub Pop.

16

Элмер Фадд – вымышленный мультипликационный герой, один из самых известных персонажей Looney Tunes, заклятый враг Багза Банни.

17

Красный 2G (Е 128) – краситель синтетического происхождения, который запрещен в большинстве стран мира. Ранее вещество входило в список разрешенных добавок и активно использовалось в пищевой промышленности. Позже ученые выяснили, что добавка негативно влияет на нервную систему, мозговую деятельность и память.

18

Alice’s Restaurant Massacree или Alice’s Restaurant – сатирическая песня в стиле разговорного блюза длиной около 18 минут.

19

Банши (*англ*. Banshee), настоящее имя Шон Кэссиди (англ. *Sean Cassidy*) – вымышленный персонаж, супергерой комиксов компании Marvel Comics, один из членов команды Люди Икс.

20

«Старски и Хатч» (*англ. Starsky and Hutch*) – американский телесериал, который транслировался на канале ABC с 30 апреля 1975 по 15 мая 1979 года. В центре сюжета – двое полицейских из Южной Калифорнии: несмотря на непохожесть друг на друга они вместе раскрывали убийства. Продюсером сериала выступил Аарон Спеллинг, который при разработке шоу ориентировался на привлечение более молодой аудитории, нежели полицейские сериалы тех лет.

21

«Семьи Партридж» – американский телевизионный музыкальный ситком, который транслировался на ABC четыре сезона с 25 сентября 1970 по 23 марта 1974 года.

22

«Пейтон-Плейс» (*англ. Peyton Place*) – длительная американская прайм-тайм мыльная опера, которая транслировалась на телеканале ABC с 15 сентября 1964 по 2 июня 1969 года. «Пейтон-Плейс» был основан на одноименном романе Грейс Металиус 1956 года и в центре истории находились жители города.

23

«Счастливые дни» (*англ. Happy Days*) – популярный американский комедийный телесериал, выходивший на телеканале ABC с 15 января 1974 по 24 сентября 1984 года. За это время было снято 11 сезонов, включающих в себя 255 эпизодов. Сериал был создан Гарри Маршаллом, и представлял собой идеализированный взгляд на жизнь Америки с середины 1950-х до середины 1960-х годов.

24

Louie, Louie – песня Ричарда Берри, написанная им в 1955 году и выпущенная в апреле 1957 года на стороне «Б» сингла «Rock Rock Rock». Песня, написанная и исполненная в стиле ямайской баллады, в простой куплетной форме, от первого лица рассказывает историю о ямайском моряке, который возвращается на остров к своей возлюбленной. Наибольшую популярность песня получила в исполнении группы The Kingsmen, издавшая свою версию в 1963 году, которая стала стандартом в поп- и рок-музыке и объектом расследования ФБР на тему мнимых непристойностей в тексте, закончившееся без выдвинутых обвинений.

25

B-52 – американская рок-группа новой волны, основанная в 1976 в городе Атенс Фредом Шнейдером, Кейт Пирсон, Китом Стриклендом, Синди Уилсон и Рики Уилсоном. Группа сравнительно быстро получила известность благодаря необычному стилю, в котором соединились панк-рок, фанк, диско, китчевая образность и абсурдный юмор в текстах, а кроме того оригинальный ретроимидж. Дебютный альбом The B-52's, в свое время ознаменовавший возрождение американской новой волны, которая к 1979 году стала утрачивать силу, сейчас считается культовой классикой.

26

Гимн США.

27

«Миллионы мертвых копов».

28

Black Flag – хардкор-панк-группа из Калифорнии, США, существовавшая в период с 1976 по 1986 годы. Изначально имела название «Panic». Состав коллектива менялся на протяжении всего творческого пути, единственным постоянным его участником оставался гитарист Грег Гинн. Оказали огромное влияние на современную панк-культуру, являясь основателями нового музыкального направления – хардкор-панка.

29

Fecal Matter – фекальные массы.

30

Кольцо настроения (*англ.* mood ring) – кольцо, которое содержит термочувствительный элемент, например жидкий кристалл. Цвет элемента меняется в зависимости от температуры пальца того, кто носит кольцо. Знаменитая причуда американской моды 1970-х годов.

31

YMCA (от *англ. Young Men's Christian Association)* – «Юношеская христианская ассоциация») – молодежная волонтерская организация. Стала известна благодаря организации детских лагерей. Основана в Лондоне в 1844 году Джорджем Вильямсом (1821–1905), насчитывает около 45 млн участников в более чем 130 странах мира.

32

Перкодан, сейчас больше известен как оксиконтин – главная причина эпидемии лекарственной опиоидной зависимости в США последних лет.

33

«Стрижка сотен» была британской группой «Новая волна», образованной в 1980 году в Бекенхеме, Лондоне, Ником Хейвордом и Ле Немесом. В 1981 и 1982 годах у группы было четыре лучших сингла в Великобритании: Favorite Shirts (Boy Meets Girl), Love Plus One, Nobody's Fool и Fantastic Day.

34

Джед Фэйр (*англ.* Jad Fair) – американский музыкант; композитор, гитарист и вокалист альтернативной рок-группы Half Japanese.

35

Top Forty – независимое международное радиошоу, которое в настоящее время ведет Райан Сикрест. Каждую неделю 40 песен, которые больше всех игрались на американских радиостанциях, а также набравших наибольшее количество голосов на официальном веб-сайте программы, отсчитываются в обратном порядке. В настоящее время программа транслируется во множестве стран, включая США, Канаду, несколько европейских стран, и Австралию. В России American Top 40 транслировалось с июля 2002 по ноябрь 2003 года на радио «Монте-Карло».

36

Кенни Роджерс – американский певец и киноактёр, один из наиболее успешных в истории музыки кантри. Его творчество находится на грани кантри и поп-музыки, а наиболее известными записями являются медленные любовные баллады.

37

Think of Me Hill – холм «Думай-обо-мне».

38

Сэмми Хагар – американский гитарист и рок-вокалист. Наиболее известен как вокалист американской рок-группы «Van Halen».

39

Maximumrocknroll – многотиражный ежемесячный панк-зин.

40

Джей Лено – американский актер, стендап-комик, телеведущий и писатель, наиболее известный как ведущий телепередачи «The Tonight Show» на канале NBC.

41

Sunshine Of Your Love – песня британской группы Cream, изданная на альбоме Disraeli Gears.

42

Fellatio – оральный секс.

43

Angry Samoans – «Злые самоанцы».

В 2004-м вышли на бокс-сете «With the Lights Out».

Olde English – солодовый ликер, тип крепкого пива.

46

Компиляция – литературная деятельность, заключающаяся в сочинении и написании текстов (научных, учебных, художественных) на основе чужих исследований или произведений, без их самостоятельной творческой обработки, иногда и без осмысления использованных источников.

47

Чарльз Питерсон – американский фотограф, наиболее известный сотрудничеством с сиэтлским независимым лейблом Sub Pop и освещением в своих работах формирующейся гранж-сцены. Его фотографии представлены в документальном фильме о музыканте Курте Кобейне – «Курт Кобейн: О сыне».

48

Контрапункт – одновременное сочетание двух или более самостоятельных мелодических голосов.

49

Басовый кабинет – специальным образом сконструированное устройство для воспроизведения низкочастотного звука бас гитары.

50

Майкл Вулворт – мастер-принтер американского происхождения, живущий и работающий в Париже. Делает оригинальные издания с современными художниками.

51

Blue Cheer – американская рок-группа, образовавшаяся в 1966 году в Сан-Франциско и названная «в честь» разновидности ЛСД.

52

Keebler Company – производитель печенья и крекеров, их эмблемой и является эльф.

53

BBC Radio One – британская общественная развлекательная радиостанция.

54

Кок-рок – жанр рок-музыки, акцентирующий внимание на мужской сексуальности.

55

Celtic Frost – швейцарская метал-группа из города Цюрих, известная своим сильным влиянием на экстремальный метал.

ГУЛАГ (Главное управление лагерей) – Главное управление исправительно-трудовых лагерей, трудовых поселений и мест заключения.

57

«Если вам все равно, я хотел бы уйти/ Если вы не возражаете, я хотел бы дышать».

58

«Ты снова в средней школе».

59

Блэк Фрэнсис – американский певец, автор песен и гитарист, фронтмен группы Pixies.

60

H. R. Puffnstuff – детский телесериал, снятый Сидом и Марти Крофтами в США.

61

Ледбелли – американский певец, композитор-песенник, гитарист, легендарный исполнитель блюзов.

62

The Stooges – американская рок-группа, фронтменом которой является Игги Поп.

63

Babes in Toyland – американская женская панк-рок-группа, основанная в 1987 году в Миннеаполисе певицей и гитаристкой Кэт Бьелланд.

Агломерация Миннеаполиса и Сент-Пола.

65

Mind Funk – американская рок-группа, состоящая из участников Chemical Waste и нескольких других групп. Группа первоначально была известна как «Mind Fuck», но была вынуждена изменить своё название лейблом Epic Records.

Копрофилия – разновидность фетишизма и мазохизма.

67

Бутлег – аудиозапись и/или видеозапись, составленная и распространяемая без санкции правообладателей.

68

Bete noire («бельмо на глазу») – самое ненавистное, предмет особой ненависти и отвращения (*фр*.).

69

Dwarves – американская панк-рок-группа, образованная в Чикаго, штат Иллинойс, США, как пригородный кошмар, в середине 1980-х годов.

70

«Saturday Night Live» («Субботним вечером в прямом эфире») – вечерняя музыкально-юмористическая передача на американском канале NBC, одна из самых популярных и долгоиграющих в истории телевидения США. Премьера состоялась 11 октября 1975 года.

71

Circle Jerks – американская хардкор-группа, образованная вокалистом Китом Моррисом и (будущим гитаристом Bad Religion) Грегом Хетсоном в 1979 году в Эрмоза-Бич, Калифорния, и в первой половине 80-х годов считавшаяся ведущей на лос-анджелесской панк-сцене.

72

Bad Brains – музыкальная группа, образовавшаяся в Вашингтоне, округ Колумбия, в 1977 году. Они являются широко признанными первопроходцами хардкор-панка, хотя сами участники группы не поддерживают такую характеристику. Также являются адептами регги, а в их поздних записях присутствуют элементы других музыкальных жанров, таких как фанк, хэви-метал, хип-хоп и соул. Bad Brains также являются последователями растафарианского движения.

73

Хай-хет – тип тарелок со стойкой, используемый в ударной установке для большинства стилей популярной музыки.

«Crack smokin» и «fudge packin» – «Курильщики крэка» и «педики».

75

Корн-дог – сосиска в кукурузном тесте, жаренная во фритюре.

76

Пародийная рок-группа, подражающая стилю британских хэви-метал-коллективов.

77

Hungry Man Dinner – замороженный готовый обед для микроволновки.

78

Дэйв Пирнер – американский композитор, певец и продюсер, наиболее известный как вокалист и фронтмен альтернативной рок-группы Soul Asylum.

79

Нэнси Спанджен – подруга басиста британской панк-рок-группы Sex Pistols Сида Вишеса.

80

Стикер Post-It – небольшой листок бумаги с повторно приклеивающейся полоской клея на обратной стороне, предназначенный для временного прикрепления заметок к документам и другим поверхностям.

81

Эдди «Кинг» Розер (Eddie «King» Roeser) – вокалист, гитарист, бас-гитарист чикагской альтернативной группы Urge Overkill.

82

Carcass – британская метал-группа, основанная в Ливерпуле в 1985 году. В настоящее время играет в жанре «мелодичный дэт-метал».

83

Бал металлистов.

«Kurt smells like Teen Spirit».

85

Sassy – американский молодежный журнал, ориентированный на девочек-подростков.

Communion – «Контакт».

87

Мэйджор-лейбл – ведущая студия звукозаписи.

88

Let It Bleed – восьмой британский и десятый американский студийный альбом Rolling Stones 1969 года.

89

The White Album – десятый студийный альбом The Beatles и единственный двойной релиз (1968 год).

90

Blonde on Blonde – седьмой альбом Боба Дилана 1966 года.

91

Джульярдская школа – одно из крупнейших американских высших учебных заведений в области искусства и музыки.

92

Solid Gold – американский синдицированный музыкальный телесериал, дебютировавший 13 сентября 1980 года и продолжавшийся до 23 июля 1988 года.

93

Яппи – молодые состоятельные люди, ведущие построенный на увлечении профессиональной карьерой и материальном успехе, активный светский образ жизни.

Пого – вид слэма, прыжки на месте с прижатыми к телу руками.

95

Персонажи популярной серии газетных комиксов.

96

Unplugged – стандартное название музыкального альбома группы, записанного только при использовании акустических инструментов.

97

Lo-fi – музыка, для которой характерна нарочито грязная запись, осуществляемая, зачастую, при помощи простых четырехдороженых магнитофонов.

98

Эндрю Дайс Клэй – американский актер и комик.

99

Джим ДеРогатис – американский музыкальный критик и основатель популярного радиошоу «Sound Opinions». Известен публикациями в таких музыкальных изданиях, как Spin, Guitar World и Modern Drummer, в течение пятнадцати лет был музыкальным обозревателем газеты Chicago Sun-Times.

100

Курт по гороскопу Рыбы.

101

Го́спел (от *англ*. Gospel music – евангельская музыка) – жанр духовной христианской музыки.

Jesus Wants Me for a Sunbeam» (с *англ*. «Иисус хочет, чтобы я стал солнечным лучом») – песня первоначально записанная шотландской альтернативной рок-группой The Vaselines для их мини-альбома Dying for It. Представляет собой пародию на христианский детский гимн «I'll Be a Sunbeam», который содержит строчку «Jesus wants me for a sunbeam».